

ГОЛЬБАХ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Поль Анри
ГОЛЬБАХ

**ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ДВУХ ТОМАХ**

ТОМ 2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ

ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА - 1963

1 Ф
Г 63

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
Х. Н. МОМДЖЯНА

Перевод с французского
Т. С. БАТИЩЕВОЙ
и В. О. ПОЛОНСКОГО

**ОСНОВЫ
ВСЕОБЩЕЙ МОРАЛИ,
ИЛИ КАТЕХИЗИС
ПРИРОДЫ**

*Мудрость не скажет того,
что противно бывает природе.*

ЮВЕНАЛ 1

СООБЩЕНИЕ КНИГОИЗДАТЕЛЯ

Настоящий труд, написанный в 1765 г., действительно принадлежит перу всеми уважаемого философа, имя которого проставлено на титульном листе книги. Семья философа передала нам подлинную рукопись этого произведения, написанную рукой барона Гольбаха, и мы публикуем ее с ведома и согласия семьи автора.

ВСТУПЛЕНИЕ АВТОРА

Мораль представляет собой науку, принципы которой могут быть обоснованы с такой же ясностью и строгой точностью, как принципы арифметики и геометрии. Основы этой столь необходимой нам науки можно сделать доступными пониманию самых простых людей и даже детей. Для того чтобы каждый мог наглядно убедиться в правильности этого утверждения, мы излагаем здесь принципы естественной морали в такой форме, которая дает возможность преподавать эту науку любому человеку.

Ознакомление с этими принципами поможет выяснить, действительно ли, как иногда утверждают, добродетель есть только химера или же мораль основана на природе человека и на его важнейших действительных интересах. каковы бы ни были его убеждения или предрассудки.

КАТЕХИЗИС ПРИРОДЫ, ИЛИ БЕСЕДА ОБ ОСНОВАХ МОРАЛИ²

В о п р о с. Что такое человек?

О т в е т. Человек — это восприимчивое, чувствующее, разумное и рассудительное существо, стремящееся к самосохранению и счастью.

В о п р о с. Как Вы понимаете слова «чувствующее существо»?

О т в е т. Это — существо, наделенное чувствами, т. е. обладающее строением тела, позволяющим ему при приближении или прикосновении к предметам получать от них воздействия, воспринимаемые им через изменения, происходящие в нем самом.

В о п р о с. Что Вы понимаете под чувствами?

О т в е т. Это — зрение, осязание, вкус, обоняние и слух.

В о п р о с. В чем состоит полезная роль чувств для человека или для животного вообще?

О т в е т. Чувства служат для получения впечатлений от внешних предметов, называемых телами; эти впечатления производят в человеке длительные или кратковременные изменения, которые носят название *ощущений*.

В о п р о с. Одинаковы ли по своему характеру впечатления или ощущения, получаемые человеком посредством его чувств?

О т в е т. Нет, одни из них приятны, другие неприятны человеку. Одних он домогается и жаждет, чтобы они были как можно продолжительнее; к другим

он испытывает отвращение и желает их прекращения. Короче говоря, человек любит приятные и ненавидит неприятные впечатления; подобным же образом он относится и к предметам, доставляющим ему эти впечатления.

В о п р о с. Что Вы понимаете под любовью или ненавистью к какому-нибудь предмету?

О т в е т. Любить какой-либо предмет — значит желать его видеть, стремиться продлить впечатление или воздействие, которое он производит на наши чувства; значит радоваться, когда этот предмет находится около нас, и жаждать его присутствия, когда он находится далеко или совсем не оказывает на нас своего воздействия.

Ненавидеть какой-нибудь предмет — значит хотеть, чтобы его не было возле нас, *стремиться*, чтобы он перестал производить впечатление на наши чувства, относиться с неодобрением к его присутствию. Какая-нибудь картина привлекает мой взор, я задерживаю на ней свое внимание, мне приятно смотреть на нее, я желаю видеть ее вновь и вновь, я не прочь стать ее обладателем, чтобы получить возможность постоянно ею наслаждаться, — тогда я говорю, что люблю эту картину. Мое обоняние неприятно поражает отвратительный запах, я затыкаю себе нос, я желаю удалить предмет, который действует на меня болезненно, — тогда я говорю, что ненавижу этот предмет.

В о п р о с. Что должны мы понимать под стремлением, или волей?

О т в е т. Воля есть склонность или готовность человека действовать так или иначе под воздействием чувств любви или ненависти, возбужденных в нас приятными или неприятными впечатлениями. Эти впечатления, имеющие своим источником предметы, становятся, таким образом, побудительной причиной наших поступков.

В о п р о с. Что Вы называете побудительной причиной?

О т в е т. Все то, что возбуждает в нас любовь или ненависть, определяет наши желания и располагает нас к *действию*, цель которого — либо обеспечить

для себя тот или иной предмет, либо от него избавиться.

При виде друга у нас возникает желание приблизиться к нему, чтобы обнять его и насладиться его близостью. Вид врага, напротив, вызывает желание избежать его.

В о п р о с. Что Вы понимаете под действием?

О т в е т. Действовать — значит приводить в движение наши органы для того, чтобы доставить нам те предметы, которые мы любим, или избежать тех, которые мы ненавидим. *Действием* называют произведенное усилием нашей воли движение или ряд движений наших органов, приближающих нас к предмету, возбуждавшему нашу любовь или ненависть, или, напротив, удаляющих от него. Вот *пример*. Мой взор привлечен плодом; это впечатление возбуждает во мне любовь или желание, определяющее проявление моей воли, т. е. побуждающее меня идти, чтобы приблизиться к дереву с висящим на нем плодом, и протянуть руку, чтобы сорвать этот плод.

В о п р о с. Как называются чувства любви или ненависти, которые порождают в нас предметы?

О т в е т. Они называются *страстями*. Страсти — это движения нашей воли, обладающие различной силой и продолжительностью и вызываемые предметами, которые волнуют наши чувства в настоящее время или волновали их в прошлом.

В о п р о с. Одинаковы ли по своему характеру эти страсти?

О т в е т. Нет, помимо различий по силе и продолжительности страсти отличны между собой еще и в зависимости от особенностей предметов, которые их вызвали. Поэтому страстям даны различные названия. *Любовью* называют более или менее сильную и продолжительную страсть, испытываемую человеком к предмету, который его привлекает или которым он стремится завладеть. *Ненавистью* называют более или менее сильное и продолжительное отвращение человека к предмету, который его отталкивает и которого он желает избежать. *Гневом* называют внезапное чувство ненависти к чему-либо и т. д.

В о п р о с. Всегда ли страсть определяет желания человека, всегда ли она побуждает его к действию?

О т в е т. Страсть побуждает человека к действию во всех случаях, когда ее влиянию или ее воздействию препятствует другая страсть. В противном случае желание человека становится неопределенным, что задерживает действие.

В о п р о с. Может ли человек испытывать одновременно различные страсти?

О т в е т. Да, его чувства могут быть в одно и то же время возбуждены различными предметами, а пороку и один и тот же предмет может вызвать в нем противоположные страсти. В том и другом случае воля человека колеблется, и он остается в бездействии.

В о п р о с. Как могут различные предметы одновременно возбуждать наши чувства?

О т в е т. Так бывает, когда различные предметы действуют на нас одновременно. Вот *пример*. Я вижу два похожих друг на друга плода, хочу обладать обоими, но не знаю, какой из них сорвать.

В о п р о с. Как может один и тот же предмет возбудить в нас противоположные чувства?

О т в е т. Так бывает, когда предмет вызывает в нас попеременно то любовь, то ненависть. Вот *пример*. Я вижу плод, вызывающий у меня желание испробовать его на вкус, но мне известно, что этот плод опасен для здоровья. В этом случае один и тот же плод вызывает во мне желание обладать им и в то же время является предметом моего страха.

В о п р о с. Как поступает человек в двух последних случаях?

О т в е т. Вначале он колеблется, а затем делает выбор и действует, когда его воля склонилась к чему-то определенному.

В о п р о с. Что значит колебаться?

О т в е т. Это значит попеременно любить и ненавидеть те предметы, которые воздействуют на нас; это значит последовательно испытывать к ним привязанность и отвращение.

В о п р о с. Что значит остановить на чем-либо свой выбор?

О т в е т. Это значит склониться перед той страстью, которая оказалась наиболее сильной. Тогда эта страсть увлекает за собой нашу волю, и мы действуем, чтобы или завладеть предметом, любовь к которому сильнее страха перед ним, или отказаться от предмета, ненависть к которому сильнее, чем любовь к нему.

В о п р о с. Может быть, Вы поясните это на каком-нибудь примере?

О т в е т. Я колеблюсь в выборе одного из двух плодов; мне хочется сорвать то один из них, то другой. В конце концов я выбираю один из них и срываю его, потому что в момент, когда я действую, моя воля предпочитает плод, который выбран мною, другому плоду, который я оставил висеть на ветке. При этом моя воля предпочитает этот плод потому, что в момент, когда я его выбираю, я считаю его лучшим.

В о п р о с. Как называются предметы, которые вызывают нашу любовь или ненависть, т. е. возбуждают в нас страсти?

О т в е т. Предметы, возбуждающие нашу любовь, мы называем *благами*, или *удовольствиями*. Мы говорим об этих предметах, что они хороши, красивы, полезны, приятны, и считаем за благо действия или средства, с помощью которых можно обеспечить обладание ими. Напротив, то, что вызывает нашу ненависть, мы именуем *злом*, или *страданием*, называя соответствующие явления отвратительными, вредоносными, безобразными, неприятными и не одобряя действий, которые могут стать причиной их возникновения.

В о п р о с. Будем считать это установленным. Но что такое удовольствие?

О т в е т. Удовольствием называют всякое приятное впечатление, испытываемое человеческими чувствами под воздействием предмета, присутствие которого человек считает для себя благом и стремится продлить.

В о п р о с. А что такое страдание?

О т в е т. Любое неприятное впечатление, возбуждающее в человеке ненависть и стремление к его прекращению; иными словами, воздействие на человека предмета, который он не одобряет.

В о п р о с. Все ли испытываемые человеком удовольствия одинаковы?

О т в е т. Нет, подобно страданиям они различны по своей силе и продолжительности.

В о п р о с. Какие удовольствия человек предпочитает всем другим и любит сильнее всего?

О т в е т. Человек предпочитает всем другим самые сильные и продолжительные удовольствия, доставляющие ему максимум счастья или обеспечивающие ему наиболее прочное счастье.

В о п р о с. Что такое счастье?

О т в е т. Это продолжительные либо следующие друг за другом наслаждения, или приятные ощущения, которые человек любит и считает благом для себя.

В о п р о с. Что такое несчастье?

О т в е т. Это продолжительные либо следующие друг за другом страдания, или неприятные ощущения, которые человек ненавидит и считает для себя злом.

В о п р о с. Что следует считать полезным человеку?

О т в е т. Я называю полезным человеку все то, что помогает ему сохранить свою жизнь и жить в таких условиях, которые делают его существование приятным и которые он желает сохранить для себя и на будущее. Короче говоря, полезным для человека является все то, что доставляет ему счастье.

В о п р о с. Что Вы считаете вредным для человека?

О т в е т. Все то, что содействует его гибели, разрушает его организм или нарушает и дезорганизует порядок, необходимый для его счастья.

В о п р о с. Что такое порядок?

О т в е т. Это способ существования или состояние некоего целого, различные части которого действуют согласованно, выполняя функции, для которых предназначено это целое, и стремясь сохранить свое единство. Вот *пример*. Человеческий организм есть целое, которое можно считать находящимся в порядке, когда все его части или органы выполняют свои функции и способствуют сохранению его здоровья, т. е. того состояния, которое человек считает для себя благом.

Человеческий организм не в порядке, когда его части или органы перестают согласованно действовать ради достижения указанной цели.

В о п р о с. Может ли удовольствие быть вредным человеку?

О т в е т. Удовольствие является благом лишь постольку, поскольку оно служит сохранению здоровья и поддержанию хорошего состояния человека; но удовольствие становится злом, когда оно нарушает нормальный порядок жизни, т. е. когда последствия наслаждений наносят вред счастью и благополучию наслаждающегося.

В о п р о с. Следовательно, страсти, побуждающие человека предаваться наслаждениям, могут нанести ему вред?

О т в е т. Страсти составляют сущность человека и необходимы ему; они являются для него благом и полезны, когда доставляют радость и счастье. Но страсти являются для человека злом и наносят ему вред, когда они нарушают порядок его жизни, будучи связаны с наслаждениями, разрушающими его здоровье и счастье. Вот *пример*. Пища существенно необходима человеку; он испытывает ощущение голода, т. е. потребность в пище; при отсутствии достаточного питания он чахнет и угасает. Но излишества в еде ведут человека к болезням и смерти.

В о п р о с. Следовательно, удовольствие может стать злом?

О т в е т. Удовольствие становится злом всякий раз, когда оно само по себе или в силу своих последствий наносит ущерб нашему счастью и благополучию, иными словами, когда оно мешает нам наслаждаться постоянным благополучием, которое должно являться предметом наших желаний.

В о п р о с. Может ли и зло оказаться для нас благом?

О т в е т. Подобно тому как мимолетное удовольствие может благодаря своим последствиям стать для нас злом, так и скоропреходящее зло, или страдание, может оказаться благом. Вот *пример*. Лекарство, которое неприятно нам в момент, когда мы его

принимаем, оказывается благом, когда оно восстанавливает наше здоровье.

В о п р о с. Может ли человек все время испытывать только удовольствия?

О т в е т. Нет, мы знаем, например, что пища необходима человеку, однако он не может принимать ее постоянно, он находит удовольствие в приеме пищи только через известные промежутки времени. То же самое относится и ко всем другим удовольствиям. Чувства человека способны к восприятию только определенного количества воздействий, соответствующего их силе. Поэтому слишком сильные наслаждения утомляют человека и нарушают функции его организма. Продолжительные или слишком часто повторяющиеся удовольствия становятся бесцветными, падают и превращаются в страдания.

В о п р о с. Но разве Вы не сказали, что счастье есть продолжительное наслаждение? Если же продолжительное удовольствие является злом, как может человек быть счастливым?

О т в е т. Для того чтобы человек был счастлив, его удовольствия должны быть разнообразными и вместе с тем обладать цельностью и связностью. Повторение одного и того же удовольствия становится тягостным, если наши чувства постоянно испытывают его. А так как одни и те же удовольствия не могут быть приятны человеку постоянно, для его счастья необходимо, чтобы его удовольствия видоизменялись и между ними были интервалы во времени.

В о п р о с. Как определить исходя из этого, что значит быть счастливым?

О т в е т. Быть счастливым — значит испытывать много разнообразных наслаждений именно такой силы и продолжительности, какие необходимы, чтобы не утомлять нас и не нарушать порядка нашей жизни, так как, если последнее имеет место, удовольствия превращаются для нас в страдания.

В о п р о с. Какие выводы человек должен сделать из этого для себя?

О т в е т. Отсюда следует, что человек, если он хочет быть счастливым, должен проявлять разборчи-

вость по отношению к удовольствиям, использовать их расчетливо, отказываться от слишком сильных страстей и избегать всего, что может нарушить правильный порядок его жизни в данное время или в будущем благодаря своим отдаленным последствиям.

В о п р о с. Как должен человек выбирать свои удовольствия?

О т в е т. С помощью разума.

В о п р о с. Кто может быть назван разумным существом?

О т в е т. Тот, кто умеет правильно распознать и избрать средства, необходимые для достижения поставленной им перед собой цели, т. е. счастья.

В о п р о с. Каким образом человек может правильно познавать действительность и делать правильный выбор?

О т в е т. Посредством опыта, из которого человек черпает свои *представления, мысли* и т. п.

В о п р о с. Что такое опыт?

О т в е т. Это результат влияния на нас предметов и явлений, другими словами, это впечатления, ощущения или возбуждения, которые испытывают наши чувства, т. е. те хорошие или плохие воздействия, которые производят на нас предметы и которые запечатлеваются наша память. Вот *пример*. Я получил ожог от огня; это вошло в мой опыт и научило меня тому, что огонь может причинить мне боль.

В о п р о с. Каким образом человек запоминает результаты своего опыта, свои представления, свои мысли?

О т в е т. С помощью памяти.

В о п р о с. Что такое память?

О т в е т. Это способность человека мысленно восстанавливать данные опыта или усвоенные некогда идеи, даже если вблизи уже нет тех предметов, которые оказывали воздействие на его чувства. *Например*, я воспроизвожу в своей памяти человека, которого видел вчера.

В о п р о с. Следовательно, предметы, воздействующие на наши чувства, оставляют в нас какое-то впечатление, какой-то след?

О т в е т. Да, следы, или отпечатки, которые оставляют в нас предметы, называются идеями, или представлениями. Мы мысленно видим эти предметы в нас самих. Воспроизведение в памяти образов предметов называется *воображением*.

В о п р о с. Что такое мысль?

О т в е т. Это деятельность, происходящая в человеке, когда он получает или воспроизводит в своей памяти впечатления от внешних предметов или от изменений в органах его собственного тела. *Например*, когда я думаю о своем друге, я вижу или чувствую в самом себе его образ.

В о п р о с. Каким образом человек использует данные опыта в деятельности памяти и мышления?

О т в е т. Он выносит суждение; он сопоставляет предметы, которые привлекли его внимание, сравнивает впечатления, произведенные ими на его чувства, их отпечатки или мысли, которые они в нем возбудили, — иначе говоря, то, что он узнал о них на основе опыта. После же такого сравнения человек испытывает чувство любви или ненависти к этим предметам, равно как и к впечатлениям, которые они на него произвели.

В о п р о с. Может ли человек ошибаться в своих суждениях?

О т в е т. Да, человек может выносить неправильные суждения, когда нарушена деятельность его органов чувств, когда он чего-то не знает о каком-либо предмете или не проверяет свои знания на опыте, а также когда его опыт, относящийся к данному предмету, ошибочен или недостаточен. В этих случаях человек впадает в ошибку.

В о п р о с. Что такое ошибка?

О т в е т. Ошибочным называется всякое суждение, опирающееся на неправильные восприятия, на ошибочные или недостаточные данные опыта либо на факты, которые наша память воспроизводит недостаточно отчетливо.

В о п р о с. Следовательно, чувства могут нас обманывать?

О т в е т. Да, чувства обманывают нас во всех тех случаях, когда наш организм расстроен или наши

органы неточно выполняют функции, для которых они предназначены. Это происходит либо по причине каких-нибудь природных дефектов наших чувств, либо вследствие их длительных или кратковременных расстройств.

В о п р о с. Объясните это, пожалуйста, на примерах.

О т в е т. Опыт человека, у которого ослаблено зрение, может быть лишь сомнительным и исполненным ошибок. Человек, опьяненный вином, видит предметы не такими, какими они являются в действительности, и совершенно не способен судить о них, пока находится в состоянии опьянения. Человек, находящийся под влиянием сильного аффекта, также не может здраво судить о вещах и не в состоянии отличить истину от заблуждения.

В о п р о с. Что такое истина?

О т в е т. Истиной называется всякое суждение, основанное на точных и неоднократно проверенных данных опыта, полученных нормальным и здоровым человеком, чувства которого точно выполняют свои функции. Вот *пример*. Когда я утверждаю, что огонь обжигает и его следует избегать, я высказываю истину, или суждение, которое подтверждается многократно повторяющимся опытом всех нормальных и здоровых людей. Когда я утверждаю, что порок является злом, я также высказываю истину, установленную опытом всех разумных людей.

В о п р о с. Необходима ли человеку истина?

О т в е т. Да, без истины человек не может отличать полезных ему предметов от предметов, которые наносят ему вред. Он не может судить о том, чего он должен избегать и чего, напротив, ему следует добиваться. Человек, лишенный зрения, не может избежать пропасти, если она находится на его пути.

В о п р о с. Как достигает человек познания истины?

О т в е т. С помощью чувств, которыми он пользуется для того, чтобы вновь и вновь повторять опыты и получать знания о предметах, которые его волнуют. На основе этих полученных из опыта знаний человек выносит свое суждение с большей или меньшей

быстротой и легкостью сообразно с его природными данными.

В о п р о с. Что Вы понимаете под природными данными человека?

О т в е т. Я имею в виду строение органов человеческого тела и большую или меньшую точность, с какой они выполняют свои функции; я имею в виду все то, что делает человека более или менее восприимчивым и способным понимать, мыслить, судить, получать из опыта правильные знания. В зависимости от своих природных данных люди отличаются между собой по уму, прирожденным склонностям, или инстинктам, а также по живости своих суждений, привычке мыслить и степени рассудительности.

В о п р о с. Что такое ум?

О т в е т. Это умение быстро и с легкостью получать знания исходя из данных опыта, давать оценку фактам, выносить правильное суждение. По-настоящему умен и проницателен только тот человек, который обладает быстрой сообразительностью, выносит свои суждения на основе правильно воспринятого чувствами опыта и наделен памятью, точно воспроизводящей познанное. Человек, склонный заблуждаться и делать ошибки, судит о вещах на основе ошибочного опыта, ложных восприятий или неверных воспоминаний.

В о п р о с. Что Вы понимаете под инстинктом?

О т в е т. Инстинкт в человеке есть следствие усиленных привычкой природных способностей, позволяющих ему быстро дать точную оценку предмету и прийти к верному решению относительно того, заслуживает ли данный предмет любви или ненависти, с помощью немедленного воспроизведения в памяти всей совокупности опытов, связанных с этим предметом.

Вот *пример*. Я инстинктивно уклоняюсь от падающего на меня камня, потому что в моем уме быстро возникает представление об опасных последствиях, связанных с возможностью ушиба. Точно таким же образом человека, который знает цену добродетели и знаком с последствиями преступлений, тотчас охватывает ужас, когда на его глазах происходит преступ-

ление или он слышит рассказ о чьих-то преступных действиях.

В о п р о с. Что такое привычка?

О т в е т. Это умение делать что-либо с легкостью, которую мы приобретаем в силу частого повторения одного и того же. *Например*, мы приобретаем привычку или легкость в письме в силу того, что много раз выписываем одни и те же буквы. В результате мы пишем с большей или меньшей легкостью, быстротой и точностью в зависимости от времени, потраченного нами на упражнение в письме. Таким же образом мы приобретаем привычку любить добродетель, потому что часто думаем о преимуществах добродетельной жизни и об отрицательных последствиях жизни порочной.

В о п р о с. В какой период своей жизни человек легче всего усваивает те или иные привычки?

О т в е т. В детстве, потому что именно в этот период жизни человека его органы наиболее нежны и податливы, именно тогда они не сопротивляются воздействию, которое хотят на них оказать. В процессе воспитания человек приобретает идеи, вырабатывает взгляды, получает первые знания, учится давать оценки и вносить суждения — словом, формирует свой разум.

В о п р о с. Итак, что же такое воспитание?

О т в е т. Это искусство прививать людям в детстве привычки, которые могут в дальнейшем содействовать их счастливой жизни. Воспитать человека — значит передать ему опыт и знания, на основе которых он будет делать правильные оценки и выносить верные суждения, станет благоразумным и рассудительным, если ему дано хорошее воспитание, или, напротив, неразумным и безрассудным, если воспитание было дурным.

В о п р о с. Что Вы понимаете под рассудительностью?

О т в е т. Рассудительность в человеке есть умение применять накопленные на основе опыта знания, усвоенные привычки, познанные истины для достижения счастья; одним словом, рассудительность — это

полученные из опыта знания в применении к поведению человека как существа чувствующего, мыслящего и стремящегося к счастливой жизни. *Например*, если излишества в пище часто доставляли мне неприятности, я прихожу к выводу, что они мне вредны. Моя память воспроизводит полученные из опыта знания и вынесенные мною суждения, а рассудок заставляет меня избегать подобных излишеств. Наличие рассудка есть показатель зрелости ума; рассудок исправляет, корректирует, очищает от ошибок данные чувств, которые могут быть обманчивыми.

В о п р о с. Согласимся с этим. Теперь скажите, что Вы называете благоразумным?

О т в е т. Благоразумным я называю всякий поступок, который, по свидетельству опыта, действительно и несомненно полезен для счастья людей. Неблагоразумным я называю всякий поступок, который сам по себе или в силу своих последствий может повредить счастью и благополучию человека. Именно на благоразумии основана вся мораль, благоразумие же, или рассудительность, есть не что иное, как результат получаемых из опыта знаний.

В о п р о с. Что такое мораль?

О т в е т. Это сознание обязанностей, которые человеку как существу чувствующему, мыслящему, стремящемуся к счастью и живущему в обществе подобных ему существ, одушевленных теми же стремлениями, предписывает его разум. Короче говоря, мораль есть наука о человеческих обязанностях.

В о п р о с. Что Вы понимаете под наукой?

О т в е т. Наука есть извлеченное из опыта связанное и последовательное знание о предметах, на которых люди сосредоточивали свое внимание, чтобы распознать, полезны ли эти предметы для человеческого счастья. Усвоить язык — значит услышать и запомнить все слова, которые содержит этот язык. Усвоить мораль — значит получить на основе личного опыта или воспринять из опыта других все знания, которые необходимы человеку для того, чтобы жить в обществе.

В о п р о с. Что Вы понимаете под долгом?

О т в е т. Все то, что мы должны выполнить, чтобы

достигнуть цели, которую перед собой ставим. *Например*, делать добро себе подобным есть долг человека, который хочет заслужить их любовь и их уважение.

В о п р о с. Итак, что же Вы считаете долгом всякого человека?

О т в е т. Все то, что предписывает ему его собственный интерес и правильное, хорошо продуманное понимание взаимоотношений с обществом, членом которого он является как человек и как гражданин; следовательно, все то, что служит поддержанию общества и содействует счастью каждого из составляющих его индивидов, а также установлению прочной и устойчивой связи между ними на основе взаимно оказываемых друг другу услуг.

В о п р о с. Что значит быть обязанным, или, иными словами, что Вы понимаете под обязанностью?

О т в е т. Обязанность — это то же самое, что долг или необходимость. Быть обязанным — значит не иметь возможности достигнуть счастья, не сделав всего необходимого для обеспечения желаемого блага, или обречь себя на несчастье, не предприняв всех необходимых мер для избежания нависшей опасности.

В о п р о с. Что Вы понимаете под моральным долгом человека?

О т в е т. Моральный долг — это необходимость для всякого человека выполнять обязанности, от которых, как показывает жизненный опыт и разум, неотделимо его счастье, поскольку он живет совместно с другими людьми.

В о п р о с. Итак, в основе всех наших обязанностей лежит стремление к счастью или страх перед несчастьем?

О т в е т. Да, поскольку человек желает для себя хорошего и боится дурного, его обязанностью является изыскание средств, дающих возможность обеспечить благополучие и избежать несчастий. *Например*, я обязан быть послушным своему отцу, и послушание ему является моим долгом, потому что в тех условиях, в которых я нахожусь, доброта, проявляемая ко мне отцом, а следовательно, и мое счастье зависят от моего послушания.

В о п р о с. В каких условиях может находиться человек?

О т в е т. Человек может быть рассматриваем либо как изолированный индивид, либо как индивид, живущий вместе с другими людьми. Именно это изменяет условия его жизни, его взаимоотношения с окружающим миром или людьми, а следовательно, и его обязанности.

В о п р о с. Что Вы имеете в виду, говоря о взаимоотношениях людей?

О т в е т. Я имею в виду различия во взаимном положении людей, оказывающих влияние на счастье друг друга своей деятельностью, иными словами, доставляющих друг другу удовольствия или причиняющих неприятности.

Поясню свою мысль *примером*. Существует взаимная связь между отцом и сыном, потому что счастье каждого из этих двух существ зависит от счастья другого. Вследствие этой взаимной связи сыновним долгом являются уважение, любовь, нежность и подчинение отцу, так как отец располагает многими возможностями сделать жизнь сына счастливой.

В о п р о с. Следовательно, взаимоотношения людей с окружающим миром различны и зависят от того, с какой точки зрения рассматривать человека?

О т в е т. Да, когда мы рассматриваем его в качестве изолированного индивида, он не имеет тех обязанностей, которые накладывает на него жизнь совместно с другими людьми, способными сделать его счастливым или несчастным.

В о п р о с. Есть ли какие-либо обязанности у человека, живущего вне общества?

О т в е т. Да, он непременно стремится к самосохранению и счастью, а поскольку он ставит себе такую цель, он должен найти средства для ее достижения.

В о п р о с. В чем же состоят обязанности человека, если он живет вне общества?

О т в е т. Он должен делать все то, что требует от него забота о самосохранении, желание счастья, стремление избежать всего, что может ему повредить

немедленно или в силу своих последствий. Таким образом, человек, живущий изолированно, должен проявлять разборчивость по отношению к удовольствиям, ограничивать себя, сдерживать свои страсти, избегать того, что может плохо повлиять на его здоровье, причинить ему страдание, расстроить его физические силы.

Следовательно, осторожность, благоразумие, воздержанность, умеренность обязательны для человека независимо от того, живет ли он один или в обществе.

В о п р о с. Но разве человек не может лишить себя жизни?

О т в е т. Человек, который безо всякой причины хочет лишить себя жизни, не является нормальным и здоровым человеком. Его поврежденный болезнью или расстроенный по какой-либо другой причине организм не позволяет ему ни обратиться к услугам разума, ни внять голосу природы, предупреждающему его, что он должен стремиться к самосохранению. Взять такого человека под наблюдение — дело властей, дело же врачей — вылечить его, если это возможно.

В о п р о с. В чем заключается благоразумие человека, живущего вне общества?

О т в е т. В выполнении обязанностей, которые предписывает ему разум, а именно в выборе средств и способов, с помощью которых он может сохранить свою жизнь.

В о п р о с. Что такое умеренность?

О т в е т. Это обязанность придерживаться в удовольствиях меры, которая, как указывает нам опыт и разум, необходима для того, чтобы эти удовольствия могли быть долговечными.

В о п р о с. Что такое воздержанность?

О т в е т. Это обязанность воздерживаться от всего, что может нанести нам вред.

В о п р о с. Как Вы определите человека, живущего в обществе?

О т в е т. Это человек, который живет среди других существ, обладающих теми же чувствами и потребностями, что и он, оказывает своей деятельностью влияние на их счастье и в свою очередь бывает счастлив

или несчастлив в зависимости от их действий по отношению к нему.

В о п р о с. Что такое общество?

О т в е т. Общество — это объединение большого количества людей для совместного труда с целью общими усилиями обеспечить друг другу счастливую жизнь.

В о п р о с. Каковы разновидности обществ?

О т в е т. Есть всемирное общество и отдельные общества.

В о п р о с. Что Вы понимаете под всемирным обществом?

О т в е т. Я имею в виду весь человеческий род, или совокупность всех человеческих существ.

В о п р о с. А что такое отдельные общества?

О т в е т. Это общества, каждое из которых объединяет лишь большую или меньшую часть существ человеческого рода. Общества, состоящие из части человеческого рода, отличающейся от остальных его частей названием страны, в которой она обитает, называются *народами*. Города и поселки — это общества, состоящие из определенного количества людей, принадлежащих к одному народу и именуемых горожанами. Семьи — это общества, состоящие из нескольких жителей одного города или поселка, именуемых родственниками, родителями и т. д.

В о п р о с. Сколько людей могут составить общество?

О т в е т. Как только два человеческих существа объединятся для достижения какой-то общей цели, они образуют союз, или общество. Так, мужчина и женщина, состоящие в браке, образуют супружеский союз; родители и дети составляют семью; несколько друзей входят в кружок; торговец со своими компаньонами основывают торговую компанию.

В о п р о с. Каковы обязанности человека, живущего в обществе?

О т в е т. Всеми доступными ему средствами добиваться цели, поставленной обществом.

В о п р о с. В чем состоит цель, которую ставит перед собой общество?

О т в е т. Цель общества — самосохранение и достижение благополучия и счастья как для себя, так и для каждого из своих членов. Отсюда вытекает обязанность всех людей взаимно помогать друг другу для достижения общего счастья, сохранения и поддержания образованного ими общества.

В о п р о с. Почему каждый член общества обязан содействовать благополучию своих сограждан? Что побуждает его поступать таким образом?

О т в е т. Его побуждает действовать подобным образом то, что он нуждается в своих согражданах для достижения собственного счастья. Польза, которую он им приносит, всегда положительно отражается на его собственной участи.

В о п р о с. Что хотят сказать, называя человека общественным существом?

О т в е т. Этим хотят сказать, что жизненный опыт, привычка и благоразумие приводят человека к признанию необходимости общества для осуществления его собственных целей, ибо все показывает ему, что он постоянно нуждается в других людях, дружеское участие и помощь которых дают ему гораздо больше счастья, чем жизнь вне общества.

В о п р о с. Разве человек непременно нуждается в других людях для того, чтобы быть счастливым?

О т в е т. Человеку, который живет вне общества, не хватает ни сил, ни умения обеспечить себе все необходимое для сохранения своей жизни, поддержания своего благополучия и отражения бедствий, угрожающих ему, когда он одинок. Объединяясь друг с другом, люди приобретают добавочные возможности добывать средства для удовлетворения своих потребностей. Общество создает более прочную основу для личной безопасности каждого человека, и в нем человек пользуется бесчисленными преимуществами, которых он лишен, оставаясь одиночкой.

В о п р о с. В чем состоят потребности человека?

О т в е т. Для того чтобы сохранить свою жизнь и сделать свое существование приятным, человек нуждается обычно во всем том, что необходимо для него в силу его природы и привычек. *Например,*

человек должен иметь пищу, одежду, защиту от непогоды и от непредвиденных опасностей, возможность трудиться или вообще заниматься какой-то деятельностью, которая не превышала бы его сил, отдых, возможность размножаться и доставлять себе удовольствия.

В о п р о с. Значит, человек не может обеспечить себе все это без помощи других людей?

О т в е т. Да, не может. Когда человек появляется на свет, он слабее любого животного; он погиб бы почти тотчас, едва успев родиться, если бы оказался лишенным постоянной заботы своих родителей, которые кормят его, постепенно обучают пользоваться членами собственного тела, а также различать предметы, которые заслуживают его любви, от тех, которых он должен опасаться, то, чего ему следует добиваться, от того, чего ему следует избегать. Короче говоря, без забот своих родителей человек никогда не мог бы достигнуть зрелого возраста.

В о п р о с. Но продолжает ли нуждаться в помощи других людей человек, достигший зрелого возраста и способный обслужить себя собственными силами?

О т в е т. Эта необходимость продолжает оставаться такой же настоятельной в течение всей жизни человека. В одиночку человек ничего не мог бы достигнуть без очень тяжелого труда, на каждом шагу он попадал бы в трудное положение, из которого не мог бы найти выхода; он не сумел бы себя защитить, не перенес бы всех несчастий, с которыми ему неизбежно пришлось бы столкнуться. Сограждане по обществу облегчают его труд и умножают его наслаждения; он пользуется тем, что они производят, пользуется их знаниями и умением, разделяет с ними радости и развлечения. Одним словом, в каждый момент своей жизни человек зависит от своих сограждан по обществу.

В о п р о с. Что понимаете Вы под зависимостью человека от его сограждан?

О т в е т. Я понимаю под этим испытываемую им потребность в других людях для того, чтобы умножать свои силы; я понимаю под этим невозможность сохранить свою жизнь и сделать ее по-настоящему счастливой

без других людей. Необходимость удовлетворять свои потребности — вот что является причиной зависимости человека от его сограждан и лежит в ее основе; добровольное участие в общей согласованной деятельности — вот что связывает людей между собой; отсюда возникает и подчинение одних другим, т. е. то, что называют субординацией.

В о п р о с. Итак, в обществе каждый человек зависит от своих сограждан?

О т в е т. Да, все люди в обществе зависят друг от друга, иначе говоря, нуждаются во взаимной помощи для самосохранения и счастья.

В о п р о с. Что Вы понимаете под субординацией?

О т в е т. Под субординацией я понимаю подчинение человека ради его собственного блага и с его согласия тем людям, с которыми его связывает чувство самосохранения и стремление к благополучию. Человек повинуетя авторитету власти себе подобных только потому, что это необходимо для его счастья.

В о п р о с. Итак, что такое власть?

О т в е т. Это право руководить поступками и направлять волю тех, кому обеспечиваются средства для самосохранения и возможность счастья.

В о п р о с. Что Вы понимаете под правом?

О т в е т. Правом называется всякая возможность действовать в согласии с разумом; при наличии такого согласия эту возможность именуют справедливой и законной.

В о п р о с. Что Вы считаете справедливым?

О т в е т. Я считаю справедливым все, что согласно с разумом или пользуется одобрением разума. Напротив, все, что разум не одобряет, все, что противно разуму, я называю несправедливым.

В о п р о с. Какие поступки заслуживают одобрения разума?

О т в е т. Разум одобряет всякую деятельность, всякое применение своих сил человеком, когда оно ведет его к прочному и действительному счастью, не нанося вреда счастью его сограждан. Разум не

одобряет всякую деятельность, всякое применение своих сил человеком, когда оно причиняет ущерб действующему или дает ему лишь мимолетное, скоропреходящее наслаждение, нанося в то же время вред благополучию его сограждан.

Одним словом, разум одобряет действия каждого человека, когда он делает для своего счастья все, что не вредит счастью других членов общества.

В о п р о с. Если это так, то что такое справедливость?

О т в е т. Вообще говоря, справедливость есть осуществление всякой возможности, которую разум считает сообразной с благом общества. Справедливость в человеке — это постоянная, перешедшая в привычку склонность оказывать поддержку каждому в осуществлении им своих прав.

Справедливость в обществе есть предоставление обществом каждому из своих членов возможности осуществлять свои законные права или делать для своего счастья все то, что одобряется разумом.

В о п р о с. Следовательно, общество имеет справедливые права по отношению к своим членам?

О т в е т. Да, каждый гражданин зависит от общества как целого, потому что он нуждается в обществе для своего самосохранения и счастья. Поэтому власть общества является справедливой; все граждане подчинены обществу; ради собственного блага они обязаны оказывать ему повиновение, ибо оно имеет на них права.

В о п р о с. Имеет ли каждый член общества какие-то права, которые общество обязано удовлетворять?

О т в е т. Общество имеет справедливые права по отношению к своим членам только в силу преимуществ, которые оно им обеспечивает, причем существенную роль играют природа этих преимуществ и их количество. Поэтому каждый гражданин вправе требовать, чтобы общество сделало его более счастливым, чем если бы он жил в одиночестве, т. е. вне общества. Только при этом условии человек подчиняет свою волю и свои поступки воле общества.

В о п р о с. Может ли общество потерять права по отношению к своим членам?

О т в е т. Общество, которое не заботится о своих членах, становится для них бесполезным. Если общество наносит своим гражданам один лишь вред, оно теряет всякие права по отношению к ним. Разум не может одобрять власть, которая делает несчастными людей, объединившихся в общество в надежде на жизнь более счастливую, чем та, какой они жили вне общества.

В о п р о с. Итак, права общества и его членов являются взаимообусловленными?

О т в е т. Да, если общество имеет законные права по отношению к своим членам лишь в силу преимуществ, которые оно им обеспечивает, то и члены общества подобным же образом имеют справедливые права на заботу общества только ввиду приносимой ими обществу пользы или оказываемых ему услуг. Именно это и называется общественным договором.

В о п р о с. Что Вы понимаете под общественным договором?

О т в е т. Это те необходимые условия, на которых общество и его члены принимают обоюдные обязательства совместно трудиться ради общего счастья, или, иными словами, это совокупность взаимных обязанностей общества и его членов.

В о п р о с. В чем заключаются эти обязанности, или эти условия?

О т в е т. Каждый член общества берет на себя обязательство в меру своих сил служить обществу, защищать его, охранять жизнь и содействовать счастью и благополучию всех остальных граждан при условии, что эти последние в свою очередь окажут ему услуги, защитят его, обеспечат для него средства, необходимые, чтобы сохранить свою жизнь и сделать ее счастливой, или, иначе говоря, дадут ему возможность осуществить свои законные права.

В о п р о с. Что может сделать член общества, если последнее не выполняет своих обязательств?

О т в е т. Он имеет право покинуть общество, т. е. отделиться от него. Разум позволяет ему отречься от общества, которое наносит ущерб его счастью.

В о п р о с. Имеет ли общество право принуждать своих членов выполнять принятые ими по отношению к нему обязательства?

О т в е т. Общество, которое выполняет обязательства по отношению к своим членам, имеет право заставить их выполнять обязательства по отношению к нему самому. Разум одобряет право общества лишать своих членов, не выполняющих обязательств, тех выгод и преимуществ, на которые они могут претендовать, если точно выполняют условия договора.

В о п р о с. Каким образом общество заставляет своих членов быть верными принятым ими обязательствам?

О т в е т. С помощью законов.

В о п р о с. Что такое законы?

О т в е т. Законы — это правила поведения, которые общество предписывает своим членам для сохранения жизни и обеспечения счастья всех граждан.

В о п р о с. Разве общество имеет право устанавливать законы?

О т в е т. Да, разум с одобрением относится к тому, чтобы общество принимало все меры для сохранения жизни и обеспечения счастья своих членов. Жизненный опыт показывает, что справедливые законы являются наиболее действенными из таких мер.

В о п р о с. Какие законы являются хорошими?

О т в е т. Справедливые законы, т. е. законы, которые одобряет разум, — это и есть хорошие законы. Разум же одобряет только те законы, которые обеспечивают благополучие и счастье для всех. Плохие законы — это те законы, цель которых — обеспечить благополучие, сохранить жизнь и безопасность только для некоторых членов общества в ущерб всем остальным. Такие законы несправедливы, и разум не одобряет их, так как все члены общества имеют равные права на счастье.

В о п р о с. Значит общество может совершить ошибку и установить плохие законы?

О т в е т. Законы общества являются плохими, или несправедливыми, когда они противоречат собственному смыслу и вредят благополучию большинства членов общества.

В о п р о с. Следовательно, то, что предписывает или разрешает общество или закон, не всегда бывает справедливым?

О т в е т. Повеления общества справедливы во всех тех случаях, когда их одобряет разум; повеления, которые не одобряет разум, не являются справедливыми. То, чего требует или что допускает закон, может быть *законным*, но несправедливым. В свою очередь то, что закон запрещает, может быть *незаконным*, но вместе с тем справедливым. Ибо вопрос о том, что справедливо и что несправедливо, решает не общество, не закон и не обычай, а разум.

Так, воинственная нация может считать разбой, грабеж, убийства и бесчеловечность законными, дозволенными и даже заслуживающими одобрения, однако от этого подобные действия не становятся справедливыми. Существуют страны, где считаются дозволенными и оправданными гонения на иностранцев и нетерпимость по отношению к ним. У некоторых народов обычай разрешает супружескую измену. Есть даже и такие страны, где одобряется умерщвление своих родителей. Между тем эти поступки несправедливы, противны разуму и наносят вред счастью общества.

В о п р о с. Как может общество совершать такие ошибки?

О т в е т. Это происходит либо за неимением у общества достаточного опыта, как бывает у диких народов, либо из-за невежества, предрассудков, страстей и неопытности людей, которые повелевают народами или выражают их волю.

В о п р о с. Как называют людей, которые говорят и действуют от имени общества?

О т в е т. Их называют представителями общества. Совокупность осуществляемых ими прав есть то, что образует верховную власть общества.

В о п р о с. Итак, кто осуществляет верховную власть в обществе?

О т в е т. Те члены общества, которым последнее предоставило право выражать его волю, действовать от его имени и направлять деятельность всех остальных граждан на общее благо.

В о п р о с. Должен ли каждый член общества быть послушным избранному обществом правителю?

О т в е т. Да, ибо повиноваться избранному обществом правителю — значит повиноваться самому обществу, а быть послушным обществу — долг каждого гражданина, поскольку его собственное благо зависит от общества. Правитель имеет право заставить гражданина подчиняться, потому что обществу дано право повелевать и требовать выполнения того, что справедливо.

В о п р о с. Каковы права правителя?

О т в е т. Разум позволяет ему делать все, что служит пользе общества, и требовать от остальных граждан, чтобы они сообразовались в своей деятельности с законами, которые обеспечивают выгоды и преимущества для всех членов общества.

В о п р о с. Имеет ли правитель право наносить вред обществу?

О т в е т. Никакой член и никакая группа членов общества никогда не может обладать правом наносить вред обществу. Правитель обладает лишь теми правами, которые могло ему предоставить общество, последнее же не могло дать своему властелину права вредить ему, ибо цель верховной власти заключается в том, чтобы обеспечить обществу жизнь более счастливую, чем жизнь без верховной власти.

Следовательно, даже если общество терпит ущерб, наносимый ему правителем, даже если оно сознательно предоставляет ему власть, необходимую, чтобы наносить такой ущерб, он все же не имеет права поступать подобным образом. Правитель в этом случае осуществляет несправедливую власть, так как общество имеет справедливое право только на то, что пользуется одобрением разума, разум же не может одобрить того, что наносит ущерб обществу.

В о п р о с. Итак, права правителя ограничены?

О т в е т. Да, несомненно. Его права ограничены разумом, который может одобрить лишь то, что выгодно обществу. Правитель является узурпатором, если осуществляет право, которое не одобряет общество; он

является тираном, если осуществляет власть, которая наносит вред обществу.

В о п р о с. Кто является узурпатором?

О т в е т. Тот, кто осуществляет власть, не одобряемую обществом, или власть, которая не была ему предоставлена обществом.

В о п р о с. Кто является тираном?

О т в е т. Правитель, который злоупотребляет властью, доверенной ему обществом, нанося этим вред последнему.

В о п р о с. Есть ли у правителя обязанности, которые он должен выполнять?

О т в е т. Если общество имеет определенные обязанности по отношению к своим членам, то и правитель, который представляет общество, имеет обязанности перед обществом и не может считать себя свободным от них, не нарушая справедливости. Если законными являются лишь те права общества, которые одобряет разум, то и правитель может осуществлять только такие права.

В о п р о с. В чем состоят обязанности главы государства?

О т в е т. В заботе о целостности, безопасности и процветании государства — словом, в поддержании такого порядка в обществе, при котором каждый из его членов может осуществлять свои законные права. От этого самым непосредственным образом зависит счастье и безопасность самого властелина.

В о п р о с. Заинтересован ли правитель в том, чтобы выполнять свои обязанности?

О т в е т. Создавая могущественное, цветущее и счастливое общество, каждый член которого заинтересован в счастье своего руководителя, правитель тем самым обеспечивает для себя самого прочное и длительное благополучие. Такой глава государства становится отцом своих народов и может рассчитывать на их любовь, уважение, помощь и готовность повиноваться. Одним словом, он будет пользоваться величайшим влиянием как внутри своего государства, так и за его пределами, и ему будет обеспечена добрая слава в будущем.

В о п р о с. Что происходит, когда государь пренебрегает своими обязанностями или нарушает свой долг?

О т в е т. Государство становится беспильным, его население уменьшается. В стране, управляемой таким государем, нет ни изобилия, ни счастья, она теряет свое могущество, ее хозяйство приходит в упадок, деловая активность ее граждан снижается. Подданные в такой стране раздражены против своего государя, испорчены, развращены, исполнены уныния и проникнуты равнодушием как к своей родине, так и к властелину, который ею управляет. Они видят в государе лишь врага, для борьбы против которого, необходимой в их общих интересах, должны объединить все свои силы. Наконец, власть главы государства, который нарушает явные или подразумеваемые условия общественного договора и заставляет закон умолкнуть перед своими страстями, держится на шаткой основе. Его ненавидят, презирают, и даже самой жизни его постоянно угрожает опасность.

В о п р о с. Имеет ли государь законные права по отношению к своим подданным?

О т в е т. Он имеет по отношению к ним законные права до тех пор, пока его деятельность необходима для их счастья.

В о п р о с. В чем состоят обязанности подданных по отношению к главе государства, который заботится об их счастье?

О т в е т. Их обязанностями являются преданность и повиновение, нерушимая привязанность к нему и содействие осуществлению его полезных планов; они должны защищать его, оказывать ему помощь, участвовать во всем том, что он предпринимает на благо своего народа.

В о п р о с. Заинтересованы ли подданные в том, чтобы выполнять свои обязанности?

О т в е т. Их побуждают к послушанию, любви, признательности и помощи государю те преимущества, которые обеспечивает им бдительный и заботливый глава государства. Любя и защищая его, они любят и защищают средство для достижения собственного счастья.

В о п р о с. Имеют ли подданные в свою очередь права по отношению к своему государю?

О т в е т. Они имеют право требовать от него справедливости, а также возможности пользоваться своими правами в условиях мира и спокойствия и получать те вознаграждения, каких заслуживает всякий гражданин, который с пользой служит родине и этим содействует целям и задачам государя.

В о п р о с. Имеет ли право любой отдельный гражданин судить о поступках и действиях своего государя?

О т в е т. Нет, не имеет. Только общество имеет право судить о том, наносит или не наносит ему вред глава государства, управляет ли он им в соответствии с законами или нарушает их. Настроения и взгляды общества должны определять образ мыслей главы государства и направлять его поступки.

В о п р о с. Вправе ли отдельный гражданин наказывать государя, который не выполняет своих обязанностей?

О т в е т. Нет, только государству в целом принадлежит право судить и наказывать главу государства. Последний получил власть от общества и осуществляет эту власть от его имени. Поэтому одно лишь общество имеет право лишить его этой власти. Отдельный подданный, присваивающий себе право наказывать своего государя, является преступным и несправедливым узурпатором, так как осуществляет право, которое не предоставлено ему обществом.

В о п р о с. Таким образом, обязанности государя и подданных взаимны?

О т в е т. Между людьми вообще не существует обязанностей, которые не были бы взаимны. Ни один человек не имеет права связывать или обязывать других людей по отношению к себе, не связывая или не обязывая себя по отношению к ним. И как уже было сказано, обязанности человека для того, чтобы быть справедливыми, должны быть основаны на пользе, которую они ему обеспечивают. Право, не основанное на обоюдной пользе, есть следствие тирании, несправедливости и насилия.

В о п р о с. Но как должен поступить гражданин, если общество, угнетенное тиранией, не обеспечивает своим членам преимуществ, на которые они имеют право рассчитывать?

О т в е т. Поскольку целью всякого политически сложившегося общества является умножение сил, счастья и наслаждений каждого из его членов, гражданин имеет право отделиться от своего общества, если жизнь в нем приприсит ему больше горестей, чем жизнь в одиночестве или в другом обществе.

В о п р о с. Может ли существовать общество, которое в состоянии обеспечить счастливую жизнь для всех своих членов?

О т в е т. Таково общество, которое выполняет свои обязательства по отношению ко всем членам, а именно: постоянно изыскивает средства защиты собственности каждого, всесторонне укрепляет основы гражданской и политической свободы — словом, оказывает всем своим гражданам поддержку в осуществлении их справедливых прав.

В о п р о с. Может ли общество лишить своих членов их справедливых прав?

О т в е т. Оно не имеет на это права. Общество полезно своим членам лишь тогда, когда оно обеспечивает им их справедливые права. Общество может отнять у граждан только одну возможность — возможность наносить ущерб согражданам, т. е. то, что никогда не является правом, а представляет собой в действительности не что иное, как несправедливость.

Например, всякий человек свободен, однако общество обладает правом лишить его свободы; свобода перестает быть одним из прав гражданина, если он злоупотребляет ею, используя ее во вред своим согражданам.

В о п р о с. Что такое свобода?

О т в е т. Это право каждого из членов общества предпринимать ради собственного счастья все то, что не вредит счастью его сограждан.

В о п р о с. Итак, в основе свободы лежит справедливость?

О т в е т. Да, разум одобряет свободу; он перестает одобрять ее лишь в тех случаях, когда она приносит вред, т. е. когда она превращается в своеволие, несправедливость, которую общество вправе наказать.

В о п р о с. Что вы понимаете под наказанием?

О т в е т. Наказать кого-либо — значит сделать его несчастным, значит лишить его преимуществ, которыми он продолжал бы пользоваться, оставаясь полезным своим согражданам. Наказания справедливы и необходимы, потому что они представляют собой средство сделать общество счастливым, внушив страх гражданам, которые пытаются своими вредными обществу поступками нарушить общественный порядок.

В о п р о с. Как называют действия, полезные нашим согражданам?

О т в е т. Их называют справедливыми, хорошими, честными и добродетельными. Действия или поступки, вредные обществу, называют несправедливыми, бесчестными, порочными и преступными.

В о п р о с. Если исходить из этого, что следует считать добродетелью?

О т в е т. Добродетель — это перешедшее в привычку постоянное расположение делать только то, что приносит пользу людям, совместно с которыми мы живем.

В о п р о с. Почему Вы говорите, что это расположение, ставшее привычкой?

О т в е т. Потому что и недобродетельный человек может случайно совершить полезный поступок. Добродетель предполагает в человеке постоянное устойчивое стремление и готовность делать добро.

В о п р о с. Что Вы называете полезным?

О т в е т. Я называю полезным то, что способствует обеспечению людям прочного и долговечного счастья. Ведь можно нанести человеку вред, доставив ему мимолетное удовольствие, последствия которого опасны для него. И можно, напротив, быть полезным человеку, заставив его испытать кратковременную боль, следствием которой явится для него счастье. Причиняя человеку кратковременную боль, хирург делает ему полезную операцию.

В о п р о с. Что такое порок?

О т в е т. Это ставшее привычным расположение вредить своим согражданам.

В о п р о с. Что такое преступление?

О т в е т. Всякое длительное или кратковременное действие, которое само по себе или в силу своих последствий наносит значительный ущерб членам общества.

В о п р о с. Являются ли все добродетели и все преступления одинаковыми по своему значению?

О т в е т. Нет, не являются. Чувство любви к тем, кто добродетелен, или чувство ненависти к тем, кто порочен, возрастает вместе с ростом полезности для нас добродетели одних людей и вреда, причиняемого нам преступлениями других. Наиболее почитаемыми являются те добродетели, которые приносят больше всего пользы обществу. Величайшими преступлениями являются те, от которых проистекает наибольшее зло для общества. Сообразно с этим общество устанавливает меру вознаграждений и наказаний граждан.

В о п р о с. Должно ли общество вознаграждать тех своих членов, которые приносят ему пользу?

О т в е т. Если общество вправе наказывать граждан, которые наносят ему вред, то ради самосохранения, поддержания своего благополучия и защиты собственных интересов ему следует вознаграждать тех, кто ему полезен, в соответствии с выгодами и преимуществами, которые они ему доставляют.

В о п р о с. Что Вы называете вознаграждением?

О т в е т. Вознаградить человека — значит сделать его более счастливым в благодарность за совершенный им добродетельный или благородный поступок.

В о п р о с. В чем состоят награды, которыми общество обязано вознаграждать своих членов за их добродетели?

О т в е т. Они состоят в знаках любви, уважения, почтения, признательности, орденах, почестях, богатствах — короче говоря, во всевозможных преимуществах, какими общество должно вознаграждать наиболее полезных из своих граждан с целью побудить их в их

собственных интересах оказывать обществу услуги или трудиться для счастья своих сограждан.

В о п р о с. Что Вы понимаете под интересами?

О т в е т. Под интересами человека я понимаю все то, что он считает необходимым для поддержания жизни и обеспечения счастья.

В о п р о с. Являются ли интересы всех людей одинаковыми?

О т в е т. Нет, интересы людей различны и определяются их потребностями, привычками, правильными или ложными понятиями, которые они составили себе о счастье. Интересы скупца состоят в том, чтобы накопить богатства; интересы сластолюбца — в том, чтобы доставить себе как можно больше наслаждений; интересы пустого и тщеславного человека — в том, чтобы израсходовать как можно больше денег; интересы доброго и порядочного гражданина — в том, чтобы заслужить любовь окружающих, быть достойным уважения и доброжелательства тех, с кем он живет, или, если у него нет близких, своего собственного уважения. Одним словом, интересы каждого человека состоят в том, чтобы доставить себе все, в чем он привык видеть счастье.

В о п р о с. Почему человек заинтересован в том, чтобы заслужить уважение других людей?

О т в е т. Уважение есть разновидность любви. Оно предполагает в людях, которые питают к нам это чувство, готовность оказывать нам услуги, содействовать нашему благополучию, проявлять заботу о поддержании нашей жизни. Чувство презрения, напротив, является разновидностью отвращения, знаки проявления которого болезненны для человека, ибо дают ему понять, что те, в ком он возбуждает такое чувство, не расположены содействовать его счастью.

В о п р о с. Ради чего человек добивается больших, чем у других, богатств, влияния, знаков отличия, высоких должностей и власти в обществе?

О т в е т. Эти преимущества дают ему возможность обеспечить счастливую жизнь для большего числа своих сограждан, которые зависят от него и вследствие

этой связывающей их с ним зависимости принуждены содействовать его благополучию.

В о п р о с. Итак, человек никогда ничего не делает бескорыстно?

О т в е т. Человек никогда не теряет из вида цель самосохранения и достижения счастья. Поэтому он всегда действует в своих интересах. Его называют бескорыстным, когда он не имеет других интересов, кроме стремления быть приятным себе подобным и желая заслужить их уважение, когда он стремится стать достойным этого уважения своими добродетелями или полезной своим согражданам деятельностью.

В о п р о с. Являются ли все члены общества заинтересованными в сохранении и процветании общества?

О т в е т. Да, несомненно. Их свобода, личная безопасность и безопасность их имущества, наконец, счастье каждого из них тесно связаны со свободой, безопасностью и процветанием общества, которое оказывает им поддержку в осуществлении их прав. Столь естественное в каждом из них желание видеть свою родину счастливой и цветущей называется *патриотизмом*.

В о п р о с. Следовательно, любовь к родине является долгом гражданина?

О т в е т. Да, больше того, для людей определенного склада это даже настоятельная потребность. Как размышление, так и наш собственный правильно понятый интерес в равной мере приводят нас к этому чувству, представляющему собой один из самых прекрасных плодов свободы, ибо известно, что именно чувство патриотизма во все времена и у всех народов поднимало людей на великие исторические дела.

В о п р о с. Но если родина и общество доставляют нам одно только зло?

О т в е т. В этом случае узы, связывающие нас с родиной, ослабевают. Человек, который находит у себя на родине одни лишь бесконечные препятствия своему счастью, по необходимости оказывается одиноким, хотя и живет в обществе. Он становится тайным врагом этого общества и своих сограждан. Он считает себя полностью освобожденным от обязанностей по

отношению к ним, отделяет свои интересы от их интересов и не видит больше никакого смысла в том, чтобы быть полезным или добродетельным. Вот к чему всегда приводит плохая организация общества.

В о п р о с. Обладает ли человек, живущий в обществе с испорченными нравами, реальной заинтересованностью в том, чтобы вредить своим согражданам?

О т в е т. Нет, человек, которого делает несчастным общество, может покинуть его, но не имеет права наносить ему вред. Истинный интерес такого человека заключается отнюдь не в том, чтобы стать порочным. Поскольку он живет в обществе, он обязан в своих собственных интересах стараться уменьшить, а не увеличить число своих несчастий. Если загорелся дом, в котором я живу, я должен тушить пожар, а не раздувать огонь.

В о п р о с. Что Вы понимаете под истинным интересом?

О т в е т. Это интерес, состоящий в том, чтобы обеспечить себе наиболее всестороннее, подлинное и долговечное счастье. При любых обстоятельствах главным интересом человека остается добродетель.

В о п р о с. Каким образом в порочном обществе у человека может сохраниться какой бы то ни было интерес к тому, чтобы быть добродетельным?

О т в е т. Даже самые развращенные люди вынуждены признавать пользу добродетели и уважать тех, кто является добродетельным. С другой стороны, если даже какое-либо обширное общество охвачено пороком, каждое из входящих в его состав частных обществ нуждается в добродетели; последняя необходима для счастья составляющих эти общества людей. Без добродетели жизнь превратилась бы для них в тяжкое бремя.

В о п р о с. Что Вы имеете в виду, когда говорите о частных обществах?

О т в е т. Это общества, образовавшиеся благодаря союзу супругов, называемому браком; это общества, состоящие из родственников и именуемые семьями; это общества, которые образуют друзья и товарищи.

В о п р о с. В чем состоят интересы членов этих обществ?

О т в е т. В том, чтобы оказывать друг другу помощь, делать жизнь друг друга как можно более отрадной и приятной, сообща трудиться ради взаимного благополучия.

В о п р о с. Если это так, то в чем состоят их обязанности?

О т в е т. В том, чтобы изыскивать средства для сохранения общества и проявлять необходимые для этой цели способности. Когда людям известна цель общества, им всегда легко понять интересы и обязанности его членов.

В о п р о с. Что такое брак?

О т в е т. Это союз людей — мужчины и женщины, объединившихся для совместной жизни, оказания друг другу взаимной помощи и рождения детей, призванных в будущем стать их помощниками в труде и поддержкой в старости. Такова цель брака.

В о п р о с. Каковы обязанности супругов?

О т в е т. Взаимная любовь и обоюдная помощь. Супруги должны делать все, что способно укрепить их союз, и тщательно избегать всего, что может его ослабить или привести к его расторжению.

В о п р о с. Каковы обязанности мужа?

О т в е т. Поскольку природа наделила его большей физической силой, чем его жену, он должен защищать ее, охранять, брать на себя ту работу, к которой она не способна по своей слабости, делиться с ней знаниями, проявлять к ней привязанность и быть ей верным.

В о п р о с. Каковы обязанности жены?

О т в е т. Она должна выполнять менее тяжелые работы в доме, заботиться о воспитании детей в раннем возрасте, проявлять любовь и нежность к мужу, необходимые для того, чтобы вызвать в нем ответную любовь и нежность, уступать ему из уважения к его превосходству в силе и знаниях и быть ему верной.

В о п р о с. Почему Вы считаете, что супруги должны сохранять верность друг другу?

О т в е т. Потому что неверность в браке более чем что-либо иное способна разрушить любовь, доверие, уважение и согласие, необходимые для поддержания брачного союза.

В о п р о с. А если неверность остается неизвестной?

О т в е т. Даже будучи неизвестной, неверность всегда является величайшим несчастьем, ибо она разрушает чувство любви в сердце по крайней мере одного из супругов и последний, желая сохранить мир в семье, принужден симулировать чувства, которых он больше не испытывает, в которых трудно обмануть и трудно ошибиться. Кроме того, расстройство семейной жизни и распутство наносят материальный ущерб хозяйству семьи, ведут к пренебрежению воспитанием детей — словом, приводят к уклонению супругов от необходимых семейных обязанностей.

В о п р о с. Разве нет стран, где неверность разрешена и одобряется обычаем?

О т в е т. Есть страны, где это преступление не наказывается, но оно всегда заслуживает порицания людей со здравым рассудком, ибо разум может одобрять только то, что ведет к счастью людей, в каких бы обстоятельствах они ни находились. Кроме того, неверность является несправедливостью и незаконием, так как лишает одного из супругов его законных прав.

В о п р о с. Следовательно, супруги имеют права друг на друга?

О т в е т. Все люди, объединившиеся в общество, имеют друг на друга определенные права. Разум позволяет им требовать от других выполнения их обязанностей, или условий, на которых заключен общественный союз. Поэтому супруги имеют обоюдные права друг на друга и могут требовать друг от друга любви, помощи и чуткости, которые необходимы им обоим в их общих интересах.

В о п р о с. Разве многоженство является безусловно незаконным?

О т в е т. В некоторых странах многоженство разрешено законом и допускается обычаем, не становясь,

однако, от этого ни более справедливым, ни соответствующим разуму, ни отвечающим требованиям природы. Ведь оно наносит вред браку и неизбежно ослабляет брачный союз.

В о п р о с. Разрешается ли супругам развод, или расторжение брака?

О т в е т. В некоторых странах развод запрещен законом, в других он разрешен.

В о п р о с. А как решает этот вопрос разум?

О т в е т. Разум не может одобрять такого положения, при котором супруги навсегда остаются в браке, который является для них постоянным источником несчастий, ссор и печали.

В о п р о с. Вы сказали, что целью брака является рождение детей?

О т в е т. Да, люди испытывают потребность размножаться, поскольку стремление к наслаждению побуждает их к этому.

В о п р о с. Как называют супругов, имеющих детей?

О т в е т. Их называют отцом и матерью, или родителями.

В о п р о с. В чем состоят обязанности родителей?

О т в е т. В том, чтобы кормить своих детей, ухаживать за ними и воспитывать их, оберегать их от опасностей, угрожающих им, пока они слабы, укреплять их здоровье и физические силы, развивать разум, учить разбираться в окружающих явлениях и отличать то, что им полезно, от того, что может нанести вред, внушать им их обязанности и указывать средства для того, чтобы стать счастливыми, возбуждать у них любовь к действительно полезному и прививать привычку делать добро — одним словом, формировать из них полезных членов общества, в котором они должны будут жить.

В о п р о с. Ради чего родители выполняют все это?

О т в е т. Выполняя все это, родители воспитывают в лице своих детей верных друзей и помощников в труде, ревностных защитников, которые окажут им поддержку и будут их утешением в старости, — короче говоря, людей, которые в своих собственных интересах

будут заботиться о благе тех, кому они обязаны жизнью.

В о п р о с. Имеют ли отцы и матери права на своих детей?

О т в е т. Человек имеет законные права на всех тех, кому он доставляет счастье. Отцы и матери имеют права на своих детей, и последние находятся в зависимости от своих родителей, ибо никто не является для них более полезным, чем отец и мать. Отсюда следует, что родительская власть пользуется одобрением разума.

В о п р о с. Имеет ли родительская власть какие-либо границы?

О т в е т. Лишь одобрение разума делает права законными, разум же одобряет только те наши права, целью которых является счастье находящихся в зависимости от нас людей. Поэтому отец имеет право делать своим детям все то добро, на какое он способен. Он может принудить их заняться тем, что им полезно, и удерживать их от того, что им вредно. Но отец никогда не имеет права быть причиной несчастий своих детей. Это было бы злоупотреблением родительской властью и тиранией.

В о п р о с. Разве законы некоторых народов не наделяли родителей властью повелевать жизнью и смертью детей?

О т в е т. Да, но эти законы в действительности не давали родителям права убивать детей, ибо разум не может одобрить власти, которая наносила бы вред обществу, лицу, которому присвоена такая власть, и человеку, по отношению к которому она осуществляется. Закон, разрешающий отцу убить своего ребенка, лишает государство гражданина, а самого отца — поддержки в старости; такой закон противоречит человечности.

В о п р о с. В чем состоят обязанности детей по отношению к родителям?

О т в е т. Дети должны проявлять к родителям любовь, признательность, покорность и послушание, помогать им в осуществлении их планов, защищать их, облегчать им жизнь, быть им утешением в дряхлом

старческом возрасте. Все это обязанности детей, потому что без выполнения всего этого они не могут рассчитывать на любовь и расположение своих родителей, забота которых всегда так необходима для их счастья.

В о п р о с. Ради чего детям следует вести себя таким образом?

О т в е т. Ради того чтобы поддержать в родителях чувство нежности к ним, в котором они так нуждаются. Детей побуждают к послушанию жизненный опыт и знания родителей, которые дают последним возможность лучше знать, что полезно и что вредно их детям. Кроме того, поскольку дети в течение многих лет нуждаются в помощи родителей, они должны подчиняться последним и стараться быть им приятными, что соответствует их собственным интересам. Наконец, дети в свою очередь желают стать отцами и матерями и заинтересованы в том, чтобы быть любимыми, пользоваться заботами и утешением в старости и болезнях со стороны своего потомства, которому они должны сами подавать пример любви к родителям.

В о п р о с. Имеют ли дети какие-либо права по отношению к своим родителям?

О т в е т. Дети вправе требовать от родителей всех тех забот, которые предполагает хорошее воспитание, забот, без которых родители не имели бы на своих детей больших прав, чем посторонние люди, и не могли бы по справедливости требовать от них благодарности, послушания и помощи, т. е. всего того, что может быть получено лишь как вознаграждение за содеянное ранее добро. Отец, который не заботится о своих детях или причиняет им одни несчастья, является бесчеловечным тираном и теряет права на своих детей.

В о п р о с. Обязаны ли дети чем-либо родителям, которые ничего не делают для них или обрекают их на жизнь, исполненную несчастий?

О т в е т. Дети должны терпеливо переносить недостатки характера или дурное настроение своих родителей и прилагать усилия к тому, чтобы обезоружить их своим послушанием. Родители, без сомнения, отнесутся к детям с ненавистью и презрением, если последние будут платить им злом за зло или попытаются им

мстить. Дети никогда не должны забывать, что обязаны родителям своей жизнью, что уже само по себе является великим благом, требует признательности и не может быть вычеркнуто из памяти.

В о п р о с. Разве дети не видят в своих родителях тиранов всякий раз, когда родители перечат им и поступают наперекор их страстям?

О т в е т. Дети безрассудны, неблагоприятны и достойны наказания, если они противятся законной воле своих родителей, стремящихся помешать им нанести вред себе или обществу, членами которого они являются, и тем самым осуществляющих свои справедливые права.

Родители являются тиранами только в том случае, если принуждают детей к поступкам, противоречащим их собственным интересам или интересам других людей. Порочный и злой отец не вправе ожидать ни послушания, ни нежности и ласки, ни благодарности от детей, врагом которых он стал, подавая им плохой пример, т. е. оказывая на них самую опасную разновидность дурного влияния.

В о п р о с. Кто входит в состав семьи кроме родителей и детей?

О т в е т. Братья и сестры, дяди и тети, двоюродные братья и сестры — словом, все близкие родственники.

В о п р о с. В чем состоят наши обязанности по отношению к родственникам?

О т в е т. В проявлении привязанности к ним и готовности оказывать им помощь и услуги более охотно, нежели другим людям, не связанным с нами столь непосредственно и оказывающим на нас менее заметное влияние своим поведением.

В о п р о с. Что побуждает нас вести себя таким образом?

О т в е т. Наши родные являются людьми, с которыми мы постоянно живем и в помощи которых чаще всего нуждаемся, что и порождает у нас заинтересованность в том, чтобы вызывать и поддерживать в них расположение к нам. Кроме того, согласие в семье является самым большим благом для каждого из ее членов.

В о п р о с. Имеют ли близкие родственники права друг на друга?

О т в е т. Каждый человек, делая другим добро, приобретает права на них; человек, который больше всех доставляет счастья своим близким, получает на них законные права, ставит их в зависимость от себя и может с уверенностью притязать на их любовь, признательность и послушание. Тот, кто не делает ничего хорошего своим близким, становится чужим для них. Тот, кто делает родным зло, является их врагом.

В о п р о с. Что такое дружба?

О т в е т. Это объединение, или союз людей, которые находят друг в друге качества, более полезные и приятные, или преимущества, более значительные и необходимые для их счастья, чем в остальных известных им людях.

В о п р о с. В чем состоят обязанности, налагаемые дружбой?

О т в е т. Обязанности дружбы есть не что иное, как совокупность наиболее подходящих средств для поддержания того общения, которое друзья считают необходимым ради своего благополучия; отсюда следует, что друзья должны проявлять во взаимных отношениях любовь, верность и доверие, мягкость и снисходительность, уметь хранить тайны, быть готовыми дать советы, утешать друг друга и оказывать друг другу помощь чаще, нежели другим людям. Нарушить эти обязанности — значит порвать дружеский союз.

В о п р о с. Ради чего друзья ведут себя таким образом?

О т в е т. Основой дружеской привязанности являются те выгоды, которые друзья рассчитывают получить друг от друга. Лишите их этих выгод — и дружба перестанет существовать, интерес к ней будет потерян.

В о п р о с. Следовательно, друзья имеют права друг на друга?

О т в е т. Да, друг, который абсолютно необходим для Вашего счастья, может требовать от Вас услуг и знаков привязанности, без чего дружба мало-помалу ослабевает и вскоре обрывается.

В о п р о с. Но что побуждает людей оказывать помощь своим друзьям и приносить им жертвы?

О т в е т. Иметь истинного друга — подлинное благо, которое следует предпочитать другим благам и преимуществам, потому что друг полезнее всего для нашего счастья. Оказать помощь другу, пожертвовать для него своим богатством — значит приобрести или сохранить благо, которое представляется нам более необходимым и драгоценным, чем богатство, которым мы за него платим.

Покидая друга, находящегося в несчастье и нуждающегося в нашей помощи и поддержке, мы пренебрегаем самой святой из обязанностей, нарушаем долг дружбы и показываем другу, что он для нас менее дорог, чем те выгоды, ради которых мы им жертвуем.

В о п р о с. Разве подлинная дружба не должна быть совершенно бескорыстной?

О т в е т. Говоря точно, человек не может ни любить, ни ненавидеть без более или менее осознанного, но всегда реального личного интереса. И этот интерес, каков бы он ни был, является действительной причиной чувств или побуждений человека. Невозможно любить людей, общество которых не доставляет нам никакого удовольствия. Друг, бесполезный для своего друга, становится для него чужим человеком.

В о п р о с. Итак, что же надо понимать под бескорыстной дружбой?

О т в е т. Бескорыстной является дружба, основанная скорее на личных качествах и достоинствах человека, побуждающих нас предпочитать его другим, нежели на каких-либо внешних преимуществах. Основой или целью корыстной дружбы являются обыкновенно богатство, влияние в обществе, власть, возможность получить мимолетные радости и удовольствия и т. п.

Бескорыстная дружба зиждется на сердечном расположении, честности и порядочности, доброте, хорошем характере, талантах и достоинствах человека.

В о п р о с. Почему надо предпочитать личные достоинства друга внешним преимуществам?

О т в е т. Потому что дружба является благом. Наиболее желанными благами являются наиболее

устойчивые из них; личные же достоинства в человеке обыкновенно гораздо более постоянны и устойчивы и гораздо менее подвержены изменениям, чем богатство, вес в обществе и другие внешние преимущества, которые он в любой момент может потерять.

В о п р о с. Не вытекает ли из этого, что между порочными людьми невозможна прочная дружба?

О т в е т. Порочные люди являются обыкновенно существами, расположенными к тому, чтобы наносить другим вред. Поэтому нельзя рассчитывать на привязанность тех, кто проявляет склонность к пороку. Дружба таких людей зависит от их страстей и может быть лишь мимолетной. К продолжительной и прочной дружбе способны только люди, постоянно расположенные творить добро, т. е. люди, которых принято называть добродетельными.

В о п р о с. Что такое товарищи по объединению?

О т в е т. Это люди, взявшие на себя обязательство на определенных условиях объединить свои усилия и трудиться сообща для достижения какой-либо цели, которую они считают полезной для своего счастья. Так, коммерсанты объединяются для того, чтобы предпринять операции, от которых они рассчитывают получить прибыль.

В о п р о с. Каковы обязанности товарищей по объединению?

О т в е т. Точно соблюдать условия объединения или обязательства, принятые ими по отношению друг к другу, и добросовестно трудиться для достижения общей цели.

В о п р о с. Что побуждает их выполнять свои обязательства?

О т в е т. Отказавшись выполнять принятые ими обязательства, они не могли бы достигнуть поставленной перед объединением цели.

В о п р о с. Имеют ли товарищи по объединению права друг на друга?

О т в е т. Да, имеют. Разум и справедливость разрешают товарищам по объединению требовать от каждого из его членов выполнения принятых обязательств и содействия успеху общего предприятия.

В о п р о с. Что такое хозяин?

О т в е т. Это человек, счастью которого на выгодных для собственного счастья условиях взяли обязательство содействовать другие люди, которых называют слугами или подчиненными.

В о п р о с. В чем состоят обязанности хозяина по отношению к подчиненным?

О т в е т. Он обязан предоставлять им питание, заботиться о них, выплачивать им плату за их труд, проявлять доброту в отношениях с ними, вознаграждать их в соответствии с услугами, которые они ему оказывают, и с проявленным ими усердием.

В о п р о с. Что побуждает хозяина вести себя таким образом?

О т в е т. Он заинтересован в том, чтобы у него служили люди, которые понимают, что их судьба связана с его судьбой и что в их собственных интересах постоянно и настойчиво трудиться ради его счастья.

В о п р о с. Каковы обязанности подчиненных?

О т в е т. Верно служить своему хозяину, слушаться его, проявлять к нему привязанность, заботиться о его интересах и его безопасности — короче говоря, прилагать усилия к тому, чтобы заслужить его расположение.

В о п р о с. Что побуждает подчиненных выполнять все эти обязанности?

О т в е т. Могущественнейший из мотивов, так как самосохранение и счастье подчиненных — две цели, которых они не могут достигнуть, не выполняя преданно всех своих обязанностей по отношению к тому, в ком они постоянно нуждаются и кто именно вследствие этого последнего обстоятельства имеет на них одобряемые разумом права.

В о п р о с. Имеют ли подчиненные со своей стороны определенные права по отношению к своему хозяину?

О т в е т. Они имеют право требовать платы за свой труд, благодарности за свои старания — короче говоря, любви, помощи и благодеяний, которые являются вознаграждением за их усердие и услуги.

В о п р о с. Ограничиваются ли обязанности человека обществом, в котором он живет, его семьей и его товарищами — словом, людьми, с которыми он непосредственно связан?

О т в е т. Обязанности человека распространяются на всех существ человеческого рода, т. е. на всех людей, однако степень святости и нерушимости обязанностей человека по отношению к другим людям соразмерна степени его близости к ним.

В о п р о с. Что Вы хотите этим сказать?

О т в е т. Я хочу сказать, что обязанности человека становятся особенно настоятельными и необходимыми для его собственного счастья, когда речь идет о долге по отношению к людям, поведение которых может оказать на его благополучие самое прямое и непосредственное влияние.

В о п р о с. Что является истинным мерилom обязанностей человека по отношению к другим людям?

О т в е т. Собственная заинтересованность в этих людях, собственная потребность в них, т. е. законная и понятная любовь к самому себе,— вот неизменное мерило чувств, которые должен испытывать человек по отношению к другим существам человеческого рода.

В о п р о с. Не можете ли Вы объяснить это на примерах?

О т в е т. Я обязан своему отцу большей любовью, чем любому другому человеку, потому что от него я получаю больше всего благодеяний, потому что в нем я больше всего нуждаюсь для своего счастья. Вот почему преступления, которые человек совершает против отца, рассматриваются как самые тяжелые. Я обязан бóльшим своему государю, чем государю чужой страны, потому что первый в большей мере необходим для моего счастья. Я обязан бóльшим своему народу, чем народу соседней страны, потому что мое благополучие зависит от народа, среди которого я живу. Наконец, я обязан бóльшим своему другу или человеку, которого я считаю необходимым для моего счастья, чем чужому или незнакомому мне человеку, чьи поступки или качества не оказывают на меня никакого влияния.

Одним словом, каждый невольно испытывает большую привязанность и любовь к тем людям, которые, как ему показывает жизненный опыт, больше всего необходимы для его счастья. Благие чувства человека к другим людям пропорциональны размерам благ, которые он от них получает или надеется получить в будущем.

В о п р о с. Должны ли мы любить всех людей?

О т в е т. Да, должны, ибо интересы человеческого рода требуют, чтобы мы были всегда склонны делать людям добро, всегда готовы по возможности приносить пользу любому человеческому существу и чтобы эта готовность стала нашей привычкой.

В о п р о с. Как называется такая готовность?

О т в е т. Она называется гуманностью, или человечностью, и это — источник всех общественных добродетелей.

В о п р о с. Является ли гуманность долгом каждого человека?

О т в е т. Да, она необходима для поддержания жизни человеческого рода. И всякий из нас, будучи человеком, заинтересован в том, чтобы все люди были гуманными.

В о п р о с. Чем полезна человеку гуманность?

О т в е т. Человек является существом, которому в любой момент может понадобиться помощь другого человека. Человек, неизвестный мне ранее, при тысячах различных обстоятельств может спасти меня, защитить, выручить из беды, сделать счастливым — короче говоря, оказаться мне полезным.

В о п р о с. Каждый ли человек имеет право требовать гуманного отношения к себе со стороны других людей?

О т в е т. Да, разум разрешает каждому человеку требовать от других людей гуманности, ибо это необходимо для сохранения и поддержания жизни человеческого рода, членом которого он является. Человек вправе требовать, чтобы никто не вредил ему, если сам он никому не наносит вреда, и чтобы люди были добры к нему, если хотят, чтобы и он со своей стороны поступал по отношению к ним таким же образом.

В о п р о с. Как можно любить человека или делать ему добро, не зная его и будучи вдали от него?

О т в е т. Вы можете быть расположены к тому, чтобы любить человека, которого не знаете, можете желать сделать ему добро, проявить же на деле свое доброжелательное отношение и осуществить свою готовность сделать добро этому человеку Вы сможете лишь в том случае, если между ним и Вами установятся какие-то отношения и ему предоставится возможность ощутить воздействие Вашего влияния и Ваших поступков.

Гуманность предрасполагает меня делать добро и порождает во мне желание оказывать помощь людям, которых я пикогда не видел, но мое желание сможет привести к каким-то действиям лишь тогда, когда эти люди окажутся около меня и смогут воспользоваться моей помощью.

В о п р о с. Не можете ли Вы привести пример?

О т в е т. Я благоволю к человеку, который находится в данное время в Пекине, и желаю сделать ему добро. Но я могу осуществить свое желание или проявить свое благоволение на деле только в том случае, если этот человек возвратится в Париж. Точно так же и этот житель Пекина, если он настроен таким же образом, как и я, может осуществить свое желание сделать мне добро лишь тогда, когда обстоятельства заставят меня отправиться в Китай.

В о п р о с. Почему Вы считаете, что гуманность является источником всех общественных добродетелей?

О т в е т. Потому что только гуманно настроенный человек, привыкший делать добро и относящийся доброжелательно ко всем людям, ведет себя так, как это необходимо для счастья и сохранения человеческого общества. Гуманность, или человечность,— это ступок, квинтэссенция и основа всех добродетелей.

В о п р о с. Какие добродетели вытекают из гуманности?

О т в е т. Сострадание к людям, доброжелательность, щедрость, великодушие, снисходительность, доброта, терпение, способность прощать людям обиды и оскорбления. Даже сама справедливость основана на гуманности и не может быть от нее отделена.

В о п р о с. Что такое сострадание?

О т в е т. Это такое перешедшее в привычку расположение чувств людей, в силу которого каждый из них ради блага общества готов оказать помощь другому, если видит, что этот другой несчастен и страдает.

В о п р о с. Как возникает и на чем основывается сострадание?

О т в е т. Сострадание есть следствие физической чувствительности, вырабатывающейся и развивающейся в нас благодаря привычке, опыту и разуму. Это то чисто органическое расположение, которое заставляет нас самих испытывать страдание при виде страданий другого человека.

В о п р о с. Является ли сострадание чувством, общим всем людям?

О т в е т. Нет, это чувство не является общим для всех людей. Есть люди, от природы обладающие лишь весьма незначительной чувствительностью; есть и такие, чувствительность которых совсем не развита или заглушена неблагоприятными влияниями.

В о п р о с. Является ли сострадание долгом человека и обязаны ли мы приходить на помощь несчастным?

О т в е т. Да, эта добродетель необходима людям, которые живут в обществе; она составляет их преимущество, поскольку они могут оказывать друг другу взаимную помощь. Без взаимности она стала бы им совершенно бесполезной.

В о п р о с. Что побуждает нас оказывать помощь другим людям?

О т в е т. Каждый человек в любой момент может оказаться в положении страдающего и, следовательно, испытать нужду в помощи других людей. Для того чтобы побудить их прийти к нему на помощь, он должен со своей стороны проявлять готовность помочь им. Сострадание необходимо для существования общества, в сохранении которого заинтересован каждый человек. Наконец, если человек обладает чувствительностью, если он испытывает жалость при виде страданий другого человека, он заинтересован в прекращении этих страданий, потому что страдает от них и сам.

В о п р о с. Заинтересован ли в такой же мере в оказании помощи другим людям и человек, лишенный отзывчивости?

О т в е т. Лишенный отзывчивости человек не испытывает столь же сильного внутреннего побуждения оказывать помощь другим людям, как тот, кто наделен добрым сердцем и в ком особенно живо чувство сострадания. Тем не менее благоразумие с достаточной настойчивостью побуждает и его оказывать помощь другим людям, хотя его побудительные мотивы не так непосредственны и не так настоятельны, как мотивы отзывчивого и доброго человека. Рассудок указывает даже лишенному отзывчивости человеку, что его черствость и жестокость навлекут на него ненависть и презрение сограждан, между тем как их симпатии, их уважение, любовь и помощь необходимы всякому, кто живет в обществе.

В о п р о с. Но разве не существует таких стран, где сострадание рассматривают как слабость и где, напротив, одобрением пользуется жестокость?

О т в е т. Жестокость может признаваться законной и пользоваться одобрением среди диких и не сознающих своих подлинных интересов народов, примеры чего мы видим во многих странах; но жестокость никогда не может быть одобрена разумом. Чем просвещеннее становятся человеческие общества, чем больше опыта они приобретают, тем лучше они понимают, что гуманность и сострадание являются чувствами, необходимыми для счастья людей.

В о п р о с. Что такое доброжелательность?

О т в е т. Это перешедшая в привычку готовность делать добро всякому человеку, который в этом нуждается.

В о п р о с. Что такое великодушие?

О т в е т. Это готовность пожертвовать известной частью собственного благополучия ради благополучия других людей.

В о п р о с. Ради чего мы делаем другим добро и проявляем великодушие?

О т в е т. Мы заинтересованы в том, чтобы вызвать в других людях расположение к нам; мы стремимся

заслужить их любовь, признательность и уважение хотим заинтересовать их нашей судьбой; мы приобретаем права на них; мы отдаем им часть своего благополучия, получая взамен сердечное расположение, которое считаем более важным и полезным для себя, нежели все то, что нам приходится приносить при этом в жертву.

В о п р о с. Следовательно, великодушные и доброжелательность вовсе не являются бескорыстными?

О т в е т. Человек никогда ничего не делает без каких-то соображений. Цель всех его поступков — собственное счастье. Бескорыстным называют того, кто видит свое благополучие и свою выгоду в чувствах признательности людей, которым он делает добро и оказывает полезные услуги.

В о п р о с. Являются ли великодушные и доброжелательность нашим долгом?

О т в е т. Это — долг всякого, кто хочет возбудить в других людях чувства, необходимые для обеспечения его собственного благополучия, потому что, не проявляя великодушия и доброжелательности, нельзя рассчитывать на возбуждение таких же чувств. Если я хочу, чтобы другой человек полюбил меня, я могу достигнуть этого, только делая ему добро.

В о п р о с. Какое чувство желают возбудить в человеке, делая ему добро?

О т в е т. Это чувство называют благодарностью.

В о п р о с. Что такое благодарность?

О т в е т. Это чувство любви, которое должен испытывать каждый разумный человек к человеку, делающему ему добро или доставляющему счастье. Именно такое чувство желает возбудить в других людях человек, делающий им добро.

В о п р о с. Является ли благодарность долгом человека?

О т в е т. Да, потому что благодаря ей мы можем получать от других людей добрые услуги, необходимые для нашего счастья.

В о п р о с. Что заставляет нас проявлять благодарность?

О т в е т. Благодарностью мы поддерживаем в человеке, делающем для нас добро, расположение к нам и вместе с тем возбуждаем и в других людях желание содействовать нашему благополучию. К тому же наша неблагодарность навлекла бы на нас ненависть и презрение окружающих. Неблагодарность способна погасить в людях желание быть полезными друг другу. Неблагодарность есть несправедливость, так как лишает человека, оказавшего нам услугу, услуг, которые мы обязаны оказать ему, и законных прав на наше сердечное участие. Уклоняясь от благодарности, мы нарушаем условие, на основании которого нам была оказана услуга.

В о п р о с. Но не делаем ли мы зачастую добро людям, уже прослывшим неблагодарными, и не является ли в этом случае наше великодушие абсолютно бескорыстным?

О т в е т. Нет, просто в этом случае в основе нашего великодушия лежит весьма чистое побуждение, ибо мы преследуем цель приобрести больше прав на самоуважение или на уважение других людей. Иначе говоря, побудительным мотивом великодушного поступка всегда является какой-то интерес.

В о п р о с. Заинтересованы ли мы в том, чтобы делать добро своим врагам?

О т в е т. Да, потому что, оказывая какому-либо человеку благодеяния, мы получаем над ним превосходство и приобретаем по отношению к нему справедливые права. Великодушное поведение доставляет нам всеобщее уважение. Помимо того, делая добро своему врагу, мы тем самым оказываем на него моральное воздействие и добиваемся изменения его отношения к нам. Мы можем добиться того, что он станет нам другом, а это всегда является для нас реальным преимуществом.

В о п р о с. Кому мы обязаны благодарностью?

О т в е т. Всем тем, кто любит нас и оказывает нам какие-либо услуги; причем наша признательность должна соответствовать важности услуг, которые нам оказаны. Мы обязаны признательностью обществу, дающему нам возможность пользоваться преимущест-

вами объединения; государю, обеспечивающему наши права и охраняющему нашу свободу; родителям, неустанно заботящимся о нашем счастье; родным, которые всегда приходят нам на помощь; друзьям, которые помогают нам своими советами, и каждому человеку, который содействует нашему постоянному или временному благополучию. Одним словом, для счастья общества необходимо, чтобы его члены были благодарными людьми и оказывали друг другу добрые услуги. С другой стороны, общество в своих собственных интересах должно проявлять признательность ко всем тем, кто служит ему с пользой. Отсюда вытекает, что никто не свободен от обязанности проявлять благодарность.

В о п р о с. Почему же благодарность — такое редкое качество в людях, а неблагодарность так распространена среди них?

О т в е т. Во-первых, потому, что благодеяние неизбежно дает совершившему его человеку преимущества над тем, кому оно оказано. Во-вторых, потому, что тот, кто оказывает благодеяние, обыкновенно является человеком более счастливым, чем тот, кому оно оказано, и это иногда вызывает в последнем чувство зависти. В-третьих, потому, что человек, оказавший благодеяние, часто требует слишком большой награды за свои услуги и считает, что приобрел известную власть над тем, кому он помог своим добрым поступком. Короче говоря, неблагодарных много потому, что надо *уметь* делать добро, но это искусство неизвестно большинству людей.

В о п р о с. Что такое терпимость?

О т в е т. Это перешедшее в привычку умонастроение, заставляющее гуманного человека противиться порывам ненависти, которые могут возникать в нем под влиянием недостатков характера или мнений других людей.

В о п р о с. Является ли терпимость нашим долгом?

О т в е т. Да, потому что она представляет собой необходимое средство поддержания согласия в обществе. Если бы мы изгнали из общества терпимость, оказалось бы, что все его члены ненавидят друг

друга и потому мало расположены оказывать друг другу услуги. Словом, без терпимости жизнь в обществе превратилась бы в настоящее бедствие.

В о п р о с. Заинтересованы ли мы в том, чтобы проявлять терпимость по отношению к тем, с кем мы живем?

О т в е т. Даже если оставить в стороне вопрос о спокойствии общества, в котором заинтересованы все его члены, то все же, поскольку людей без недостатков не существует и ни один человек не может быть во всем одного мнения с остальными, в интересах каждого — проявлять терпимость по отношению к другим, чтобы и самому иметь право на их мягкое и снисходительное отношение.

В о п р о с. Но разве нет обществ, отказавшихся от терпимости и узаконивших насилие по отношению к тем, кто не разделяет общепринятых взглядов?

О т в е т. Общество, отказавшееся от терпимости, наносит ущерб собственным интересам. Оно разрешает гражданам причинять друг другу вред и покровительствует несправедливости и бесчеловечности; оно осуществляет право, которое не может быть одобрено разумом ввиду его противоречия целям объединения. Хорошо управляемое общество, в котором царит порядок, должно избегать всего, что ведет к разобщению людей, всего, что делает членов общества врагами друг друга. Общество должно допускать и одобрять только то, что воспитывает в его членах мягкость, терпимость и умение прощать обиды, что благоприятствует миру и согласию среди людей.

В о п р о с. Должны ли мы снисходительно относиться к преступлению?

О т в е т. Нет, гражданин должен презирать и ненавидеть преступление. Он должен жалеть совершившего преступление. Наказать преступника — дело закона.

В о п р о с. Что такое терпение?

О т в е т. Это прирожденная или приобретенная склонность сносить причиняемое нам зло, заставляющая нас противиться желанию отомстить за это зло, или нанести вред тому, кто нас обидел.

В о п р о с. Является ли терпение нашим долгом?

О т в е т. Да, ибо это способ сохранить мир в обществе, которому принадлежит исключительное право карать своих членов за содеянное им зло. Общество оставляет это право за собой и осуществляет его с таким чувством меры, с такою справедливостью, проявить которую отдельный человек не мог бы даже по отношению к самому себе. Если в обществе, где в силе законы, продиктованные разумом и здравым смыслом, кто-либо сам вершит суд над собой, он нарушает законы и заслуживает порицания.

В о п р о с. Но если общество несправедливо пренебрегает своим правом покарать нанесшего ему ущерб или оскорбление гражданина, не передает ли оно этим виновному все те права, которые само отказалось осуществить?

О т в е т. Возмездие не исправляет причиненного зла. Следовательно, оно бесполезно. Предаваясь чувству мести, люди не достигают цели, которую ставят перед собою и достижение которой могло бы хоть в какой-то мере оправдать те крайности, в какие обыкновенно вовлекает их мстительность. Кроме того, умудренный опытом разум говорит нам, что прощение обид и оскорблений, во-первых, отвечает нашим собственным интересам и, во-вторых, достойно человека с благородными чувствами. Способность прощать обиды и оскорбления дает нам огромное превосходство над человеком, преступление которого против нас мы забываем. Нередко мы вынуждаем его этим к раскаянию. Мы даже можем сделать его своим другом. Одним словом, наши собственные интересы и неразрывно связанные с ними интересы общества побуждают нас обуздывать гнев, ненависть и мстительность, потому что эти страсти, вредные для других людей, обыкновенно имеют губительные последствия и для нас самих. Они заглушают в людях, позволивших им овладеть собой, человечность, справедливость и все другие чувства, необходимые для счастья человека в обществе.

В о п р о с. Разве я не должен защищаться, если кто-нибудь угрожает моей жизни или собственности?

О т в е т. Несомненно, каждый человек имеет право защищать себя и свое имущество; но когда он

вновь оказывается в безопасности, чувство гуманности вступает в свои права и предписывает ему быть милосердным. Когда опасность миновала, мщение становится бесполезной жестокостью.

В о п р о с. Какие другие склонности связаны с человечностью и терпимостью?

О т в е т. Доброта и мягкость, любезность и услужливость, вежливость и уступчивость, внимание и заботливость, чуткость и предупредительность, которые мы в своих собственных интересах с целью заслужить любовь и уважение окружающих должны проявлять ко всем людям, с которыми мы связаны какими-либо отношениями. Мы должны стараться не задеть, не оскорбить, не обидеть их, не нанести ран их любви к нам, ибо это чувство в каждом человеке очень нежно, очень хрупко и обращаться с ним надо умело и осторожно.

В о п р о с. Не можете ли вы перечислить пороки, противоречащие человечности и гуманности?

О т в е т. Это черствость, бесчувственность, жестокость, ненависть, злоба, мстительность, надменность, высокомерие, нетерпимость — одним словом, все те склонности, которые побуждают человека наносить вред другим людям, причинять им страдания и огорчения.

В о п р о с. Почему вы утверждаете, что скупость противоречит человечности?

О т в е т. Потому что человек, видящий свое счастье только в богатстве, обыкновенно мало расположен делиться этим богатством с другими людьми, испытывающими нужду в его помощи. Вследствие этого скупой человек становится бесполезным окружающим его людям. Скупость делает его черствым и равнодушным к их страданиям. Скупые люди преграждают путь к обмену благами и добрыми услугами, который необходим для благополучия и счастья общества.

В о п р о с. Каковы другие добродетели, необходимые людям, живущим в обществе?

О т в е т. Справедливость, благоразумие, умеренность и сила. Их называют обыкновенно главными, или *важнейшими*, из добродетелей.

В о п р о с. Что такое справедливость?

О т в е т. Как я уже сказал, справедливость есть перешедшая в привычку склонность предоставлять каждому возможность использовать свои права.

В о п р о с. Не говорили ли Вы, что справедливость основана на человечности?

О т в е т. Да, говорил. Предоставить каждому человеку возможность пользоваться своими правами есть долг, предписываемый человечностью, потому что препятствовать использованию людьми своих прав — значит создавать препятствия их благополучию и счастью, что равносильно осуществлению над ними тиранической власти.

В о п р о с. Следовательно, справедливость является нашим долгом?

О т в е т. Без справедливости общество не могло бы существовать; целью справедливости является охрана законных прав всех членов политического организма, определяемых на основе данных опыта и разума. Короче говоря, без справедливости нельзя рассчитывать на безопасность или счастье в каком-либо обществе.

В о п р о с. Ради чего человеку следует быть справедливым?

О т в е т. Человек, несправедливо относящийся к другим людям, становится их общим врагом; мешая другим пользоваться их правами, он не может быть уверен в том, что и сам воспользуется своими.

В о п р о с. Итак, в чем состоит справедливость?

О т в е т. В том, чтобы не причинять никому вреда, не ущемлять ни личности человека, ни его имущества, — словом, в том, чтобы не создавать каких-либо помех счастью людей.

В о п р о с. Каким образом можно совершить несправедливость по отношению к личности человека?

О т в е т. Прямым посягательством на его свободу в нарушение его наиболее священных прав; лишением его всех средств самозащиты и возможности встать под защиту закона; наконец, лишением его жизни или возможности пользоваться членами своего тела.

В о п р о с. Каким образом можно нарушить справедливость по отношению к имуществу человека?

О т в е т. Отняв у него с помощью силы или хитрости то, что ему принадлежит, т. е. предметы, на которые он имеет законное право.

В о п р о с. Каким образом человек приобретает права на те или иные предметы?

О т в е т. Человек приобретает право собственности на тот или иной предмет с помощью труда. Вот *пример*. Рыба, которая плавает в одной из рек Америки, никому не принадлежит. Но с того момента, как я с помощью ловкости или труда завладеваю этой рыбой, она становится моей, я имею на нее право, она моя собственность. Я имею право на плоды своих полей, потому что они выращены моим трудом, а не трудом других людей. Мой отец имеет право на меня как сына, потому что без него меня просто не существовало бы.

В о п р о с. Заинтересовано ли общество в защите прав собственности каждого из граждан?

О т в е т. Общество заинтересовано прежде всего именно в этом, так как без этого оно не могло бы существовать. Люди живут в обществе только для того, чтобы вернее пользоваться своими правами. Уничтожьте справедливость — и общество перестанет быть полезным людям, оно станет вредным для них. Члены общества будут находиться между собой в состоянии войны.

В о п р о с. Имеет ли человек право отдавать то, что ему принадлежит, другому человеку?

О т в е т. Да, всякий человек имеет право передавать свою собственность другому. Этот акт носит название *обмена*, когда человек, передавший свою собственность другому лицу, получает взамен какую-нибудь другую вещь; он называется *подарком*, когда человек, передавший другому свою собственность, ничего не получает взамен и его поступок представляет собой акт благотворительности или великодушия.

В о п р о с. Каковы поступки и порочные склонности, находящиеся в противоречии со справедливостью?

О т в е т. Все те поступки, действия и умонастроения, которые ведут к лишению человека его прав. Таковы тирания, угнетение, кража, вымогательство, узурпация, всевозможные обиды и притеснения, нечестность и недобросовестность, нарушение своих обязанностей перед согражданами, обман, мошенничество, злословие и клевета.

В о п р о с. Какие добродетели проистекают из справедливости?

О т в е т. Честность и добросовестность, точность в выполнении обещаний, искренность и правдивость.

В о п р о с. Что такое правдивость?

О т в е т. Это ставшая привычкой неизменная готовность говорить людям правду или открывать им то, что может быть полезным и необходимым для их счастья.

В о п р о с. Почему Вы считаете, что ложь противоречит справедливости?

О т в е т. Потому что люди живут, объединившись в общество, не для того, чтобы обманывать друг друга, а для того, чтобы оказывать друг другу помощь. Они должны откровенно делиться друг с другом известными им интересными сведениями, чтобы извлекать из необходимо существующих между ними взаимоотношений наибольшую возможную выгоду для каждого из них в отдельности.

Ложь — порок, свойственный рабу. Ложь унижает человека, подавшего этой губительной привычке. Она лишает его уважения и общественного доверия — двух благ, без которых невозможна счастливая жизнь в разумно организованном и хорошо управляемом обществе.

В о п р о с. Обязаны ли Вы открывать истину тем, кому знание ее может принести вред?

О т в е т. Нет, в этом случае истина перестает быть для них благом. Все то, что приносит людям вред, является в действительности злом. *Например*, если человек, имеющий намерение убить кого-либо, спрашивает меня, не скрывается ли намеченная им жертва в моем доме, то я совершил бы большое преступление, сказав ему правду. В этом случае человечность и спра-

ведливость требуют, чтобы я обманул того, кто меня спрашивает. Уберегая его от преступления, я делаю добро и ему самому.

В о п р о с. Что такое злословие?

О т в е т. Это всякая истина, вредная кому-либо и бесполезная всем остальным. Изобличить преступника, сообщить другу или незнакомому человеку, что его хотят убить,— это вовсе не злословие, это выполнение долга. Но вывести наружу чьи-нибудь недостатки без какой-либо пользы для других — злословие, ибо это наносит ощутимый вред человеку, о котором злословят. Злословие противоречит гуманности, миру и согласию между людьми, а гуманность, мир и согласие, безусловно, необходимы людям, являющимся членами общества.

В о п р о с. Что такое клевета?

О т в е т. Это всякая ложь, наносящая ущерб другому человеку. Таким образом, клевета не только является нарушением истины, но вместе с тем противоречит справедливости и человечности.

В о п р о с. Почему клевета противоречит справедливости?

О т в е т. Потому, что она лишает оклеветанного человека, живущего в обществе, любви, уважения и преимуществ, на которые он имеет право.

В о п р о с. Почему клевета противоречит человечности?

О т в е т. Потому, что иногда достаточно оклеветать человека, чтобы разрушить его счастье.

В о п р о с. Ради чего нам следует постоянно избегать лжи?

О т в е т. Ради приобретаемых нами благодаря правдивости доверия и уважения наших сограждан — чувств, необходимых для счастья всякого разумного человека.

В о п р о с. Что такое благоразумие?

О т в е т. Это перешедшая в привычку склонность выплывать пути и средства, способные вернее и скорее привести к поставленной цели. Это умение строить свое счастье, не нарушая счастья других людей. Мы уже говорили, что благоразумие необходимо даже

человеку, живущему вне общества; здесь же речь идет о его поведении относительно других существ, действия которых так же оказывают влияние на него, как и его действия на них. Исходя из этого, мы должны признать, что проявлять благоразумие — долг всякого человека и что каждый из нас чрезвычайно заинтересован в соблюдении благоразумия в любом из своих поступков.

В о п р о с. Каковы правила благоразумия?

О т в е т. Благоразумие рекомендует нам приобретать жизненный опыт и постоянно советоваться с разумом, чтобы правильно оценивать впечатление, какое производят наши поступки на других людей. Тогда мы сможем предвидеть, как отразятся последствия наших поступков на нас самих. Именно это называют предусмотрительностью.

В о п р о с. Как должны мы поступать, когда у нас нет уверенности в последствиях наших поступков?

О т в е т. Благоразумие требует, чтобы мы воздерживались от таких поступков до тех пор, пока не получим уверенности в том, к каким последствиям они приведут.

В о п р о с. Какие действия и умонастроения противоречат благоразумию?

О т в е т. Вообще говоря, все те действия, которые подвергают нас какой-либо опасности, а также прямо или косвенно подвергают опасности счастье людей, с которыми мы живем. Большинство людей, сетующих на свои несчастья, должны были бы задолго до того посоветоваться о своем неблагоразумии, явившемся одной из главных причин, а нередко и единственной причиной их несчастий. Им следует подумать о том, как легко могли бы они избежать этих несчастий, если бы пожелали подвергнуть строгому и точному анализу историю своей жизни. Благоразумие — один из признаков пронизательного ума, чем и объясняется то, что оно присуще далеко не всем. Подобно богатству благоразумие заменяет многим людям другие достоинства. При любых обстоятельствах благоразумие прямо или косвенно может принести человеку ощутимую пользу. Оно побуждает нас к умеренности, которая

является тем же самым благоразумием, осуществленным в практической жизни. Если благоразумие есть средство распознавания страстей, которые могут нанести нам вред, то умеренность представляет собой перешедшую в привычку склонность побеждать эти страсти.

В о п р о с. Какие мотивы побуждают нас оказывать сопротивление страстям?

О т в е т. Самые властные из всех нам известных. Это, прежде всего, забота о самосохранении, стремление избежать возмущения общества, которое вправе наказывать нас за всякие излишества, и опасение возбудить к себе ненависть и презрение наших сограждан. Отсюда ясно, что умеренность является долгом каждого человека, желающего быть счастливым.

В о п р о с. Каким страстям мы должны противиться?

О т в е т. Мы должны умерять все свои страсти, так как все они в большей или меньшей степени нарушают привычный порядок нашей жизни и разрушают наш организм. Становясь привычными, дурные страсти всегда имеют тенденцию парастать, бушевать все сильнее и в конце концов доводить человека до крайностей, жертвой которых он сам оказывается.

В о п р о с. Приведите, пожалуйста, примеры.

О т в е т. Жизненный опыт и размышления убеждают нас, что мы должны сдерживать гнев, мстительность, любовь, ревность, зависть — короче говоря, все те буйные, разрушительные страсти, которые нарушают наш покой, смущают наш разум и заставляют нас совершать ошибки, последствия которых отрицательно сказываются на всей нашей дальнейшей жизни.

В о п р о с. Но являемся ли мы хозяевами своих страстей?

О т в е т. Мы можем уравнивать одни страсти с помощью других. Так, страх может помочь нам сопротивляться нашим желаниям, ибо предвидение неприятных последствий какого-нибудь удовольствия должно заставлять всякого рассудительного человека отказаться от этого удовольствия. Вот *пример*. Страх перед наказанием или презрением других людей

достаточен для того, чтобы удержать человека от бесчестного поступка, совершить который его влекут страсти. В этом случае страх оказывается достаточно сильным мотивом для того, чтобы воспрепятствовать желанию, не дать ему возможности оказать воздействие на нашу волю.

В о п р о с. Что помогает нам противиться страстям?

О т в е т. Жизненный опыт, разум, образование, хорошие примеры, законы внушают нам страх перед поступками, которые могут вызвать к нам ненависть окружающих, и дают нам возможность правильно оценить любовь и уважение сограждан. Для каждого разумного человека этого вполне достаточно для того, чтобы успокоить страсти, толкающие его на дурные поступки. Тому, кто живет в обществе, должны быть понятны мотивы, которыми руководствуется такой человек. Если же такие побудительные мотивы, как любовь или ненависть сограждан, недостаточны, чтобы направить человека на путь добра, он заслуживает того, чтобы стать несчастным. Общество может вменить ему в вину то дурное влияние, которое он оказывает своими страстями на сограждан. Общество имеет право наказать его, поскольку оно исходит из убеждения, что, будучи разумным существом, человек должен накапливать опыт и руководствоваться им в своих поступках.

В о п р о с. Каковы добродетели, вытекающие из умеренности?

О т в е т. Сдержанность в удовольствиях, трезвость, целомудрие — короче говоря, такое умонастроение, которое побуждает каждого разумного человека противиться всему, что может непосредственно нанести вред другим, а косвенно также и ему самому.

В о п р о с. Почему Вы включаете целомудрие в число добродетелей?

О т в е т. Потому что злоупотребления радостями любви, с которыми природа связала самые сладостные для человека ощущения, таят в себе наибольшую опасность для нас. Они способны сделать нас бесполезными как для нас самих, так и для других людей.

Любовь может целиком и полностью поглотить все наши чувства, мысли и время, отвлечь от обязанностей и ослабить в нас сознание необходимости выполнять долг. Радости любви становятся иногда единственным предметом всех наших желаний и мыслей, единственным побудительным мотивом всех наших поступков. Именно на этом основано презрение и отвращение, которые питают разумные люди к распутству, проституции и потере стыдливости.

В о п р о с. Какие пороки несовместимы с умеренностью?

О т в е т. Пьянство, обжорство — словом, все излишества в удовольствиях или все то, что по признанию разума нарушает меру, соблюдение которой необходимо для нашего счастья и счастья других людей.

В о п р о с. Что Вы понимаете под силой?

О т в е т. Я имею в виду моральную доблесть, или готовность человека быть полезным другим, служить им своей деятельностью, своим мужеством, своими способностями, знаниями и талантами.

В о п р о с. Всякий ли человек может обладать этой добродетелью?

О т в е т. Нет, не всякий. Эта добродетель связана с определенным складом, формируемым в человеке воспитанием, привычками и примером. Вот почему общество в своих собственных интересах вознаграждает и отличает особыми, лестными знаками внимания тех, кто прославляет его своими талантами.

В о п р о с. Является ли такое предпочтение справедливым?

О т в е т. Да, среди людей, объединившихся в общество, чтобы совместно трудиться ради общего счастья, некоторые приносят больше пользы, чем остальные. Разум одобряет получение ими большего вознаграждения. Таков источник преимуществ, которыми общество в собственных интересах жалует людей, верно служащих ему, защищающих и наставляющих его, обеспечивающих ему счастье, комфорт и радости жизни.

В о п р о с. В чем состоят преимущества таких людей?

О т в е т. Власть, богатство, уважение, почтительное отношение окружающих, высокое общественное положение, почести и отличия — таковы преимущества, которые члены общества согласились предоставлять гражданам, приносящим наибольшую пользу, чтобы побудить этих граждан и в дальнейшем оказывать услуги обществу.

В о п р о с. Почему Вы называете все это преимуществами?

О т в е т. Потому, что гражданам, которые ими располагают, предоставлена возможность ставить в зависимость от себя большое количество людей и заинтересовывать их в поддержании своей жизни, своего благополучия и счастья, в то время как менее полезные обществу граждане не имеют такой возможности.

В о п р о с. Что такое власть?

О т в е т. Вообще говоря, власть представляет собой весьма действенное средство решающим образом влиять на судьбу большого числа индивидов и вместе с тем пользоваться ими как орудиями для осуществления своей личной воли, для умножения своих богатств и своего счастья.

В о п р о с. Справедлива ли власть?

О т в е т. Да, власть справедлива во всех тех случаях, когда она пользуется одобрением разума, осуществляется в своих законных пределах и содействует росту благосостояния людей, на которых распространяется. Власть несправедлива и незаконна, когда наносит вред счастью подвластных ей людей. В последнем случае ее называют насилем, тиранией или произволом.

В о п р о с. Как называется стремление властвовать?

О т в е т. Его называют властолюбием.

В о п р о с. Является ли властолюбие злом?

О т в е т. Желание обладать справедливой властью, дарованной общей волей, ею направляемой и ограничиваемой, осуществляемой в соответствии с законами, которые ею установлены, — естественное чувство, соответствующее интересам сохранения порядка в обществе. Это чувство не может быть порицаемо, поскольку

средства, которые мы применяем, чтобы получить такую власть, справедливы и законны, т. е. не наносят никакого вреда нашим согражданам. Властолюбие является злом, когда его целью является несправедливая власть, своеволие и тирания или когда для удовлетворения его мы идем на преступные и не одобряемые разумом средства.

В о п р о с. Является ли злом стремление к богатству?

О т в е т. Да, является, когда на приобретение богатства смотрят как на более надежное средство удовлетворения своих разнузданных страстей. Но стремление к богатству заслуживает лишь всяческой похвалы, если это богатство приобретается честным путем и употребляется на то, чтобы делать людям добро, оказывать им помощь и этим увеличивать их счастье.

В о п р о с. Что следует думать о стремлении к почестям, почету и уважению, славе и знакам отличия?

О т в е т. Такое стремление, несомненно, свойственно людям, подающим счастливые надежды, но при всех условиях оно должно быть подчинено стремлению к благу общества, ибо это единственная из страстей, в которой разум разрешает нам любые излишества. Мерилом полезности наших страстей являются преимущества, которые извлекает из них общество. Польза общества является также мериллом, определяющим пределы допустимой силы и интенсивности наших страстей. Отсюда следует, что последние всегда имеют свои границы, за пределами которых находится зло.

В о п р о с. Что Вы понимаете под заслугой?

О т в е т. Это приобретаемое нами право на уважение, любовь и благосклонность других людей, равно как и на вознаграждения, которыми они обязаны отблагодарить нас за доставляемые им выгоды и преимущества.

В о п р о с. Имеем ли мы право на самоуважение?

О т в е т. Да, мы имеем это право, когда сознаем, что сделали какое-то полезное для других дело, за которое заслуживаем их признательность и любовь. Одобрять в себе то, что действительно хорошо, только

справедливо. Это значит судить о себе здраво и использовать свое право, одобряемое разумом. Разум никогда не может порицать человека, который, с пользой послужив обществу, внутренне радуется тем правам на благодарность своих сограждан, которые дают ему совершенные им благодеяния или его таланты.

В о п р о с. Но разве уважать самого себя не значит проявлять надменность?

О т в е т. Это чувство называется надменностью и становится достойным порицания лишь в том случае, когда оно выражается в поступках и речах, способных унижить других людей. Люди неизбежно страдают, когда к ним относятся с презрением, так как презрение является доказательством отсутствия всякого интереса к их счастью. Отсюда следует, что надменность даже в том случае, если она соединена с заслугами, лишает человека его прав или приводит к тому, что эти права долгое время остаются непризнанными.

В о п р о с. Как это происходит?

О т в е т. Иметь заслуги — значит иметь право на добрые чувства людей, поскольку Вы им полезны. Презирать людей — значит навлечь на себя их ненависть вместо любви и уважения, на которые Вы рассчитываете, делая им добро.

В о п р о с. Вправе ли человек презирать другого человека?

О т в е т. Разум разрешает нам презирать всех тех, кто бесполезен или вреден обществу. Презрение служит наказанием, которого достойны порок и преступление. Поэтому такое презрение необходимо для благополучия людей, объединившихся в общество. Это одно из лучших средств обуздания злонамеренных.

В о п р о с. Имеем ли мы право презирать членов общества, равных нам по талантам, достоинствам, власти в обществе, правам и преимуществам?

О т в е т. Наше презрение справедливо лишь в том случае, если оно относится к людям, вредным или бесполезным для общества. Гуманность требует, чтобы мы любили всех остальных людей, проявляли к ним добрые чувства, а также жалость и сочувствие, если они не обладают преимуществами, которые отличали бы

их и обращали на них всеобщее внимание. Презирать человека потому, что он несчастен, беден или слаб,— значит наносить оскорбление чувству человечности.

В о п р о с. Что надо понимать под тщеславием?

О т в е т. Уважение, которое человек испытывает к себе сам или которого он требует от других за качества, преимущества и способности, бесполезные для общества, за заслуги, которые он ему не оказал, и за достоинства, которых он в действительности не имеет. Говорят, например, что человек тщеславен, когда он восхищается собой и претендует на уважение сограждан за власть, бесполезную другим и полезную только ему самому, за богатства, которые он расходует только на легкомысленные развлечения, за высокое общественное положение, титулы, роскошь, в которой он утопает, за свой богатый выезд и т. п.

В о п р о с. Является ли скромность добродетелью?

О т в е т. Да, скромность есть добродетель, так как гуманность и благо общества требуют, чтобы мы не обижали людей неуместными и несносными сравнениями своих преимуществ и качеств с их качествами. Презрение — чувство, глубоко ранящее самолюбие тех, по отношению к которым его проявляют. Оно возбуждает в них страсти, опасные для презирающих.

В о п р о с. Что это за страсти?

О т в е т. Ревность, зависть и стыд.

В о п р о с. Что вы понимаете под ревностью?

О т в е т. Это чувство, делающее человека несчастным, когда он видит счастье других людей.

В о п р о с. Что такое зависть?

О т в е т. Это возбуждаемое в нас счастьем другого человека болезненное чувство, побуждающее нас ненавидеть этого человека и стремиться нанести ему вред.

В о п р о с. Может ли зависть принести пользу или породить добрые последствия?

О т в е т. Нет, это чувство не приносит никакой пользы, оно беспокоит и мучительно для того, кто его испытывает, и всегда влечет за собой губительные последствия для общества. Кроме того, оно несправедливо и бесчеловечно, потому что в обществе каждый

должен пользоваться своими правами и счастье одного человека не должно быть поводом для того, чтобы другие ненавидели его. Это чувство не имеет в действительности прочной основы, так как люди, которые кажутся нам самыми счастливыми, часто имеют больше причин жаловаться на свою судьбу, чем те, кто им завидует.

В о п р о с. В чем состоят губительные последствия ревности и зависти?

О т в е т. Они побуждают к несправедливости, злоговению и клевете, заставляют отрицать достоинства других людей и проявлять неблагодарность, лишают энергии, обескрыливают, приводят в уныние способных, талантливых и добродетельных людей. Часто эти страсти, взлелеянные в наших сердцах, заставляют нас решиться на самые большие преступления.

В о п р о с. Что Вы понимаете под стыдом?

О т в е т. Это мучительное чувство, которое мы внутренне испытываем всякий раз, когда страшимся презрения других людей.

В о п р о с. Почему это чувство мучительно?

О т в е т. Потому что всякий человек, любя и уважая самого себя, неизбежно огорчается при виде того, что другие существа, столь необходимые для его счастья, не разделяют его чувств и не выказывают никакого сочувствия по отношению к нему.

В о п р о с. Является ли стыд похвальным чувством?

О т в е т. Это естественное чувство, которое весьма вредно в тех случаях, когда оно вызвано полезными обществу поступками. Чувство же стыда, вызванное пороками, преступлениями и вредными обществу поступками, ведет, напротив, к хорошим результатам.

В о п р о с. Каким образом мы можем испытывать стыд или бояться презрения людей из-за сделанного нами добра?

О т в е т. В порочном и развращенном обществе добродетель часто вынуждена краснеть от стыда; в глазах тех, кто не знает ей цены, она достойна презрения.

В о п р о с. Каким образом чувство стыда становится полезным?

О т в е т. Оно становится полезным благодаря тому, что мешает нам совершать дурные поступки, вызывая в нас страх перед возможностью презрения других людей. Стыд удерживает нас от преступлений или служит нам наказанием за преступления, вызывая укоры совести.

В о п р о с. Что вы понимаете под угрызениями совести?

О т в е т. Это острое чувство стыда и страха, принимаемое нам совестью, когда мы знаем, что заслужили справедливые чувства ненависти и презрения со стороны общества, равно как и соответствующее наказание.

В о п р о с. Что Вы понимаете под совестью?

О т в е т. Порождаемое жизненным опытом знание того, что наши добрые или дурные поступки должны соответственно вызывать к нам чувство любви и признательности или чувство ненависти в людях, с которыми мы живем. В первом случае мы обладаем чистой совестью, которая представляет собой действительное и драгоценное благо. Во втором мы наделены так называемой нечистой совестью, которая заставляет нас испытывать тягостное и удручающее чувство.

В о п р о с. Откуда у нас это знание?

О т в е т. Опыт, привычка и разум делают нас способными понимать, какие суждения должно вызывать наше поведение со стороны других людей.

В о п р о с. Но разве мы не склонны всегда смягчать суждение о своих поступках, т. е. судить о них благосклонно?

О т в е т. Да, но многократно повторяющийся жизненный опыт выводит нас из этого заблуждения; он показывает, что другие люди должны презирать нас за дурные поступки, даже когда они не дают нам почувствовать свое презрение. Нам приходится признать, что люди не могут ни одобрять, ни любить, ни уважать тех, кто наносит вред обществу, и что собственный интерес заставляет их втайне ненавидеть преступления, которым они нередко громко рукоплещут, во всеуслышание выражая свое одобрение.

В о п р о с. Но как можем мы знать о скрытых настроениях других людей по отношению к нам?

О т в е т. Путем анализа чувств, возбуждаемых в нас действиями других людей, сходными с нашим собственным поведением. Приведу *пример*. Углубляясь в себя, я чувствую непреодолимое чувство ненависти к человеку, который совершает несправедливость по отношению ко мне, и делаю отсюда вывод, что сам должен быть предметом ненависти тех, к кому отношусь несправедливо.

В о п р о с. Как может человек здраво судить о своих собственных поступках?

О т в е т. Он должен ставить себя на место других, применять к собственному поведению то же мерило, которым пользуется сам для того, чтобы судить о других и давать оценки их поступкам.

В о п р о с. А что, если речь идет о человеке, обладающем достаточной силой и властью, чтобы не позволить другим наказать себя или проявить к себе презрение?

О т в е т. Жизненный опыт показывает нам, что стыд и укоры совести меньше беспокоят дурных людей, когда они считают, что им обеспечена безнаказанность, причем их бессовестность прямо пропорциональна тому, насколько велика их власть. Однако власть никогда не распространяется на скрытые чувства людей. Люди всегда испытывают непреодолимую ненависть и презрение к тому, кто совершает преступления, и преступник не может рассчитывать ни на их уважение, ни на их прочную привязанность. Эти чувства всегда пожинает только добродетель.

В о п р о с. Но разве не может человек обладать уверенностью в том, что его преступления навсегда останутся тайной?

О т в е т. Во-первых, человек очень редко обладает полной уверенностью в том, что его преступления останутся нераскрытыми, особенно когда речь идет о закоренелом преступнике, постоянно совершающем много преступлений; несмотря на все предосторожности, его преступления могут быть разоблачены в любой момент.

Во-вторых, как бы ни были скрыты наши преступления, мы вынуждены внутренне порицать себя

за них и со стыдом сознавать, что люди возненавидят нас и почувствуют к нам отвращение, если увидят нас такими, какими мы в действительности являемся. Жизненный опыт показывает нам, что дурные люди всегда испытывают беспокойство, всегда недоверчивы и подозрительны. Преступник не в состоянии наслаждаться покоем, обеспеченным для добродетельного человека, чистая совесть которого служит ему лучшей наградой.

В о п р о с. Но разве нет людей, которые могут заглушить в себе всякий стыд и угрызения совести?

О т в е т. Если такие люди и существуют, они встречаются очень редко. Небольшое число исключений или отдельных примеров совершенно недостаточно для того, чтобы опровергнуть основные принципы морали. Когда я говорю, что огонь причиняет боль любому человеку, я устанавливаю правило, которое не становится менее верным от того, что могут найтись люди, которые настолько привыкли близко соприкасаться с огнем, что стали почти нечувствительны к его высокой температуре. То же самое можно сказать и об угрызениях совести; их испытывает каждый человек, и это утверждение достоверно, несмотря на то что могут найтись люди, которые так свыклись с преступлением, что перестали краснеть от стыда. Но мораль существует не для таких людей.

В о п р о с. Не может ли человек, умеющий притворяться и лицемерить, возбудить к себе любовь в окружающих его людях, даже совершая преступления?

О т в е т. Поведение лицемера и притворщика представляет собой непрерывную пытку. Ему стоило бы гораздо меньше усилий стать действительно добродетельным, чем притворяться таковым. К тому же постоянно обманывать людей оказывается возможным очень редко. Когда вся жизнь человека является сплошным притворством и обманом, этот обман может быть разоблачен на каждом шагу.

В о п р о с. Каковы пороки, несовместимые с моральной доблестью?

О т в е т. Это все те пороки, которые лишают человека способности к активной деятельности, к проявлению смелости и энергии, необходимых для поддержания общества. Таковы, например, инертность и бездеятельность, лень и изнеженность, праздность и сластолюбие, подлость, трусость, малодушие и т. п.

В о п р о с. Почему Вы причисляете к порокам лень?

О т в е т. Потому что посильный труд на пользу своих сограждан является обязанностью каждого члена общества независимо от его общественного положения. Всякое нежелание трудиться на общую пользу является достойным презрения пороком, наносящим вред обществу и самому ленивцу.

В о п р о с. Разве труд не является несчастьем, а праздность и бездеятельность — благами?

О т в е т. Человек создан для деятельности. Этого требуют его собственные интересы. Праздность повергает человека в состояние расстройств и недомогания, которое называется скукой. Поэтому человеку необходима жизнь, полная труда. Только жизнь, посвященная труду на пользу обществу, делает его достойным уважения в глазах других людей. Мы наслаждаемся отдыхом и радуемся удовольствиям лишь тогда, когда они куплены нами ценой труда. Мы лишь тогда имеем право на награды, когда верно служим обществу.

В о п р о с. Является ли добродетелью мужество?

О т в е т. Все, что полезно обществу, все, что имеет целью сохранение, защиту и поддержание общества в его правах, равно как и обеспечение ему действительного счастья, является добродетельным. Отечество, подвергшееся нападению, нуждается в гражданах, которые встают на его защиту против врагов, угрожающих благополучию нации и нарушающих по отношению к ней долг, предписываемый разумом.

В о п р о с. Разве общество подчинено каким-либо обязанностям по отношению к другим обществам?

О т в е т. Да, несомненно. Общества и народы в своих взаимоотношениях подчинены тем же самым обязанностям, что и отдельные люди в отношениях

друг с другом. Долг наций или народов — проявлять друг к другу гуманность и справедливость. Основой их морали, как и морали отдельных людей, являются обоюдные потребности. Потребности и интересы — вот что объединяет народы, связывает их более или менее тесной и задумчивой дружбой, делает для них в большей или меньшей степени необходимым выполнение обязанностей, является постоянным мерилom их взаимных чувств. Их союзы и объединения поддерживаются теми же средствами, что и частные объединения людей. Они требуют добросовестности, справедливости, искренности и чистосердечия.

Война справедлива и законна лишь в том случае, если ее целью является защита прав нации. Народы должны перестать угрожать друг другу опасностью и дать место человечности в своих взаимоотношениях.

Мир выгоднее народам, чем постоянные войны, так же как покой выгоднее раздоров во взаимоотношениях между членами общества. Нации должны точно соблюдать условия договоров и соглашений, которые они между собой заключают. Завоевание дает победителю действительные права только в том случае, если оно обеспечивает благополучие и счастье побежденному обществу.

Наконец, интересы народов, как и интересы отдельных людей, требуют, чтобы народы были справедливы и доброжелательны друг к другу, чтобы они жили в согласии и соблюдали нормы морали, что во все времена истории так необходимо для счастья человеческого рода.

В о п р о с. Какой вывод должны мы сделать из всего сказанного?

О т в е т. Я делаю отсюда вывод, что основой морали является природа людей, их потребности и интересы, что, какое бы положение ни занимал человек в обществе, он не может быть счастлив, будучи безнравственным, — словом, я делаю вывод, что быть нравственным и добродетельным — в интересах всякого человека.

**ЕСТЕСТВЕННАЯ
ПОЛИТИКА,
ИЛИ БЕСЕДЫ
ОБ ИСТИННЫХ ПРИНЦИПАХ
УПРАВЛЕНИЯ**

*Падет невольно
сила без разума...*

ГОРАЦИЙ¹

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Политика, или умение управлять людьми, представляется наукой темной, проблематичной, неопределенной только тем, кто не дал себе труда продумать в достаточной мере, что такое природа человека и в чем цель общества. Истинные принципы управления станут ясными и понятными для всех, кто серьезно задумается над этим важным предметом; они убедятся в том, что политика здравого смысла не заключает в себе ничего сверхъестественного или таинственного и, если исходить из природы человека, можно вывести из нее политическую систему — совокупность тесно связанных между собою истин, цепь принципов, более достоверных, чем принципы других областей человеческого знания. Такая политика, слишком часто чуждая именно политикам, не казалась бы столь неясной, если бы не сложившиеся в этой области ложные понятия, мешающие рассматривать ее с правильной точки зрения. Ее найдут совсем простой, как только решатся взглянуть на нее, отбросив предрассудки. Страсти, вымышленные интересы государей, метафизические идеи теологии, темные интриги королевских дворов — вот что способствовало созданию в науке об управлении государством хаоса, непроницаемого даже для самых развитых умов; но вся эта запутанность исчезнет, стоит лишь разорвать завесу предубеждений.

Люди думают обычно, что устранение злоупотреблений властью посредством реформ — дело невозможное. Лениность умов превосходно уживается с этим убеждением, его находят неоспоримым, а это приводит к тому, что чрезвычайно мало граждан, а еще меньше

суверенных правителей снисходят до того, чтобы изучить зло, от которого они сами же страдают. Пусть порядочный человек не предаётся этим обескураживающим идеям, пусть он думает о бедствиях своей страны, но не для того, чтобы усилить их волнениями и беспорядками, а для того, чтобы найти причины этих бедствий и указать разумные, т. е. совместимые с благом общества, средства их устранения. Чтобы преобразовать государство, необходимы разум, хладнокровие, знания и время; всегда неосторожная страсть лишь разрушает, ничего не улучшая. Нации должны терпеливо нести бремя, которое они не могут устранить, не став ещё более несчастными. Более совершенная политика может возникнуть только как медленно созревающий плод опыта веков; постепенно она оздоровит человеческие учреждения, сделает их более разумными, а, следовательно, граждан — более счастливыми. Поэтому честный гражданин должен делиться своими мыслями с родиной, утешать ее в теперешних бедствиях надеждой на лучшее будущее, предоставлять ей возможность хоть мельком увидеть в этом будущем государей, утомленных своим сумасбродством, и народы, которым надоело носить ярмо рабства. Словом, пусть гражданин надеется на то, что однажды и суверенные правители, и подданные, которым наскучит подвергать себя произволу, прибегнут к размышлению, здравому смыслу и справедливости, ибо этого достаточно, чтобы положить конец общественным бедствиям, от которых страдают и те и другие.

Ни один народ не может быть счастливым, если им не управляют, следуя законам природы, всегда ведущим к добродетели.

Нет такого правителя, который мог бы стать великим, могущественным и удачливым, если он справедливо не правит благоразумным народом. Таковы истинные принципы общественной гармонии, установить которую призваны правительства. Горе народам, правители которых видели бы в этих правилах воплощение мятежа или злую сатиру на свой образ правления! Горе правителям, которые закрыли бы глаза на свои собственные, притом самые насущные задачи!

ОБ ОБЩЕСТВЕ

§ I. О чувстве общности

Вместо того чтобы рассматривать вещи с истинной точки зрения и разъяснять явления политики, многие мыслители только и делали, что затемняли ее самые простые и очевидные принципы. Введенные в заблуждение абстрактными и метафизическими понятиями, они не смогли раскрыть нам смысл чувства общности, т. е. той склонности, которая побуждает человека жить совместно с подобными ему существами. Любовь к обществу — естественное чувство человека, развиваемое и культивируемое разумом. Создав человека существом, обладающим способностью чувствовать, природа вдохнула в него любовь к наслаждению и страх перед страданием. Общество является произведением природы, поскольку именно природа обуславливает жизнь человека в обществе. Любовь к обществу, или чувство общности, есть чувство вторичное, являющееся плодом опыта и рассудка. Рассудок же есть не что иное, как вырабатываемое опытом или размышлением умение отличать полезное от вредного.

Человек живет в обществе потому, что именно там природа предопределяет его рождение; он любит это общество, так как считает его необходимым для себя. Поэтому, когда говорят, что любовь к обществу — чувство естественное, это означает, что человек, стре-

мясь к самосохранению и счастью, дорожит средствами, дающими ему возможность их обеспечить; рожденный со способностью чувствовать, он предпочитает хорошее дурному; будучи восприимчивым к опыту и способным к размышлению, он поступает рассудительно, т. е. проявляет способность сравнивать преимущества, доставляемые ему общественной жизнью, с испытаниями, которые выпали бы ему на долю вне общества. На основе опыта, размышлений и сравнения человек предпочитает положение, которое обеспечивает ему сообразное с его сущностью приятное существование, неприятному, беспокойному и лишаящему его всякой помощи одиночеству.

Словом, человек любит общество потому, что цепит благополучие и чувствует себя хорошо, находясь в безопасности. Эти чувства естественны, т. е. вытекают из самой сущности или природы существа, которое стремится к самосохранению, любит себя, жаждет счастливой жизни и с горячностью прибегает к средствам ее достижения. Все доказывает человеку, что общественная жизнь ставит его в более выгодное положение, привычка привязывает его к обществу, и он чувствует себя несчастным, как только оказывается без поддержки себе подобных. Таковы действительные основы чувства общности.

§ II. Об «естественном состоянии»

Большинство философов толкуют нам об «естественном состоянии», которое в действительности существует лишь в их воображении. Предполагают, что некогда люди жили разрозненно, поодиночке, без всякой связи с себе подобными, — словом, так, как живут некоторые дикие животные¹.

Нет ничего более надуманного, фантастического и противоречащего человеческой природе, чем подобное «естественное состояние». Человек всегда существовал в обществе. С момента своего появления на свет он жил с родителями, братьями и сестрами. Под влиянием потребностей, привычек и опыта общество становилось для него все более и более необходимым; со временем,

когда естественное развитие его организма приводило к возникновению потребности в размножении, он сам содействовал росту общества.

Какой бы системы ни придерживаться при определении того, как человек занял свое место среди живых существ, наличие в нем чувства общности остается неоспоримым. Если допустить, что человеческий род произошел от одного человека, то и этот первый человек не замедлил начать жить в обществе прежде всего со своей женой, а затем со своим потомством. Допустимо ли предполагать, что один из членов первой семьи мог покинуть общество, в котором родился, чтобы уединиться в пустыне? Допустимо ли утверждать, будто, достигнув возраста, когда силы позволили ему начать работать, он без всякой причины и даже с радостью отказался от тех преимуществ и той помощи, которыми уже пользовался, в ценности которых уже убедился, которые вследствие усвоенной с детства привычки становились ему все более необходимыми? Были ли ему нужны какие-то особые познания, чтобы понять, что, живя один, он может легко стать добычей более сильных животных? Была ли ему пужна сверхъестественная пронизательность, чтобы убедиться, что с помощью родителей и братьев он охотился, ловил рыбу, валил деревья, перемещал камни, строил хижину гораздо быстрее, а уставал гораздо меньше, чем предпринимая все эти работы в одиночку? Если даже непостоянство характера, какая-нибудь страсть или преходящая прихоть и утвердили бы случайно какого-либо индивида в решении отделиться от своей семьи, страх, тоска, беспокойство, бессилие, стремление к самосохранению, потребность размножения вскоре заставили бы его вернуться к семье, он не замедлил бы почувствовать, как много теряет, удаляясь от людей.

Итак, трудно вообразить что-либо менее достоверное, чем это «естественное состояние», постоянно противопоставляемое некоторыми философами общественному состоянию, в условиях которого человек появляется на свет, к которому он привыкает с самых нежных детских лет и которое под влиянием чувства

самосохранения всегда считает для себя полезным и приятным. Отрицать эту истину значило бы утверждать, будто человек может добровольно отказаться от своего благополучия и найти удовольствие в состоянии крайней бедности и беспомощности.

§ III. Преимущества общественной жизни

Верно, что первая семья, разрастаясь, должна была постепенно образовать много отдельных семей, члены которых, будучи удалены от общего генеалогического ствола, могли в конце концов и не знать друг друга. Тем не менее эти семьи образовывали общества, члены которых объединялись для того, чтобы взаимно помогать друг другу в удовлетворении своих потребностей. Человек всегда нуждался в другом человеке; он никогда не мог совершенно забыть о преимуществах, возникающих в результате объединения человеческих сил, или пренебречь этими преимуществами; он всегда сознавал, что только общество может обеспечить ему необходимые для его жизни блага и возможность противостоять испытаниям, уготованным природой.

Надо очень плохо знать ход человеческой мысли и не учитывать постоянного стремления человека улучшить свою долю, чтобы предположить, будто он может по доброй воле лишиться себя жизни, дающей ему счастье, и предпочесть грустное и одинокое существование, делающее его и слабее, и несчастнее. Уже один страх перед новизной, перед тем, с чем мы еще не освоились, заставляет нас искать опоры в себе подобных. Одиночество, темнота, шум ветров, немая тишина природы— все это пугает нас, тревожит и принуждает искать спасения в обществе. В нем мы находим убежище от тоски, страха, неуверенности— короче говоря, от всех наших бед, действительных и воображаемых. Как только человек попадает в общество себе подобного, он чувствует себя более сильным, верит, что находится в большей безопасности, и считает свои жизненные силы, если можно так сказать, удвоенными.

С другой стороны, человек испытывает постоянную потребность в ощущениях и впечатлениях; чем больше

их у него, тем счастливее он себя чувствует. Активность разума с необходимостью порождает в человеке потребность деятельности; эта деятельность становится все разнообразнее по мере того, как он испытывает воздействие все большего количества предметов. Таким образом, общество с каждой минутой делает жизнь человека более сложной и разносторонней; оно доставляет ему все новые ощущения и впечатления, которые не дают ему впасть в апатию или затосковать. У дикаря гораздо меньше ощущений, чем у человека, живущего в просвещенном обществе. Чем многочисленнее общество, тем больше у живущего в нем человека ощущений и впечатлений, тем многообразнее его деятельность. Чем обширнее жизненный опыт человека, тем больше развивается его ум, тем сильнее его привязанность к себе подобным, тем дороже ему и его собственная жизнь.

§ IV. Чувство общности — следствие интереса или потребности

Таким образом, люди объединяются ради удовлетворения своих интересов. Общество имеет только одну цель — дать людям возможность полнее использовать дары природы и усовершенствовать свои физические и духовные способности. Этим определяются взаимоотношения между обществом и его членами. Из этих необходимых отношений вытекают взаимные обязанности, т. е. обязанности, которые связывают людей, объединившихся в общество. Если части чем-то обязаны целому, то и целое чем-то обязано своим частям.

Меня могут спросить, в чем заключаются обязанности общества по отношению к каждому из граждан? Я отвечу, что общество обязано обеспечить гражданину благосостояние; помочь ему воспользоваться всем, на что он имеет право, в той мере, в какой это совместимо с общественными интересами; и наконец, гарантировать ему безопасность, без которой любые блага стали бы бесполезными. Если бы человек ничего не выигрывал, живя в обществе, он расстался бы с ним; если бы человек терял что-либо, живя в обществе, он не замед-

лил бы покинуть его и питал бы к нему отвращение. В одиночку, или, если хотите, в естественном состоянии, человек наслаждался бы полной независимостью и продукт его труда принадлежал бы ему одному; но поскольку человек находит, что объединение дает ему преимущества, он вынужден ставить себя в зависимость от тех, в ком видит необходимость. Однако он соглашается жить в зависимости от общества отнюдь не без оснований; он в какой-то мере отказывается от независимости в надежде получить блага большие, нежели те, какие могло бы ему дать полное использование свободы; будучи в силах как-то удовлетворить свои потребности и в одиночку, он соглашается стать полезным для других только ради большей выгоды. Поэтому общество должно возмещать какими-то благами те жертвы, которые обязан приносить ему каждый из его членов. В противном случае жертвы оказываются навязанными силой; свободными же и добровольными они могут быть только при условии, если приносящие их люди извлекают из них в конечном счете благо для себя. За непосредственные, осязаемые, но скоропреходящие преимущества, которые человек приносит в жертву обществу, он получает вознаграждение в виде преимуществ более реальных, хотя зачастую и более отдаленных.

Человек-одиночка оказался бы совершенно независимым, но таким же был бы и другой человек, поступивший подобным образом. Если первый сильнее, он может захватить то, что труд принес второму; но два других человека, объединив свои силы, могут в свою очередь захватить имущество, принадлежащее первому. Человек-одиночка может поддерживать свое существование, но его жизнь становится неизмеримо легче, когда кто-либо оказывает ему помощь. Человек-одиночка может быть счастлив, но он окажется намного счастливее, когда и другие будут счастливы вместе с ним.

Таким образом, объединение приносит людям реальные преимущества, которые вне его недоступны им. Общество дает человеку силы, оказывает ему помощь, доставляет радости и, наконец, обеспечивает безопасность, которой он лишен, будучи одиночкой.

Но может быть, человек, который сильнее, счастливее, изобретательнее всех остальных, вместе взятых, не нуждается в том, чтобы жить в обществе? В подобном убеждении кроется, по-видимому, источник поведения многих монархов и правителей, которые, опираясь на силы общества, забывают, что сами зависят от этих сил, и отделяют свои интересы от интересов общества. Среди управляемого ими народа они живут только для себя. А человек, не зависящий от других, неизбежно становится либо равнодушным, либо злым.

§ V. Долг общества — обеспечить своим членам счастливую жизнь

Из сказанного видно, что человек заинтересован в том, чтобы жить в обществе лишь потому, что общество дает ему возможность пользоваться благами, к которым он стремится по своей природе. Чем вернее обеспечивает общество своим членам такие блага, тем совершеннее оно, тем дороже и необходимее человеку. Любовь человека к другим членам общества является по существу любовью к самому себе; помогая другим, он тем самым помогает себе; принося им жертвы, он приносит их ради собственного счастья. Словом, понимание собственных интересов, разумная любовь к себе — основа общественных добродетелей; это действительный мотив всего, что человек делает для себе подобных. Добродетельно лишь то, что полезно людям, объединившимся в общество. Быть добродетельным — значит любить общество и способствовать счастью тех, с кем нас связала судьба, чтобы возбудить в них желание способствовать нашему собственному благополучию.

Если общество или те, кто руководит его деятельностью, вместо того чтобы обеспечить всем гражданам возможность использовать свои природные способности, стремятся лишить их этой возможности; если правители принуждают граждан к бесполезным, мучительным и напрасным жертвам; если они ставят препоны работе граждан или их предприимчивости и не дают

им ни счастья, ни безопасности,— тогда человек перестает видеть в объединении какие-либо преимущества и либо покидает общество, либо остается в нем, не испытывая к нему прежней привязанности. Человек не может любить общество, если оно не создает условий для его счастья; если общество лишает человека всех благ, стремление к которым обусловлено его природой, или отказывает ему в том, что необходимо для самосохранения, он кончит тем, что проникнется к нему ненавистью, покинет его или даже будет ему вредить.

Итак, именно в порочности общества причина испорченности его членов. Природа не создает людей ни добрыми, ни злыми, она просто вселяет в них любовь к самим себе, стремление к самосохранению, желание быть счастливыми. Эти чувства законны. Они становятся добродетелями, когда их удовлетворяют с помощью средств, приносящих пользу и другим людям; они превращаются в пороки, когда могут быть удовлетворены только за счет благополучия других людей. Добродетель — это то, что приносит пользу существам человеческого рода, порок — это то, что наносит им ущерб. Как то, так и другое — следствие правильного или ошибочного понимания человеческих стремлений и интересов.

Когда люди, которые управляют народом, проявляют несправедливость или небрежность при выполнении своих обязанностей, они ослабляют или даже рвут узы общественного союза. Тогда человек отделяется от общества и становится его врагом; он ищет счастья с помощью средств, которые наносят вред другим гражданам; из того факта, что общество ничего не делает для него, мешает ему или причиняет только зло, он заключает, что ничем не обязан обществу.

По мере того как все большее количество образующих общество индивидов отделяет свои личные интересы от общественных, узы, связывающие объединение, слабеют и разрушаются. И тогда каждый гражданин становится преступным и порочным. Его действия не направляются больше ничем, кроме слепого личного интереса. Его поступками руководит лишь эгоизм. Он

оказывается во власти необузданных фантазий, он охвачен страстями, он нарушает законы, как только узнает, что их можно нарушать безнаказанно. В плохо управляемом обществе почти все его члены становятся врагами друг друга. Каждый живет только для себя и очень мало заботится о ближних; каждый руководствуется лишь своими страстями, помышляет только о личной выгоде, не имеющей ничего общего с общественным интересом. Именно тогда *человек для человека становится волком*, и тот, кто является членом такого общества, подчас несчастнее дикаря, живущего в глубине лесов.

Эти принципы дадут нам возможность понять истинные основания, на которых должны зиждиться любовь к родине и все добродетели, составляющие подлинную опору любого политического строя; они послужат нам для того, чтобы указать на источники опасного безразличия, обычно овладевающего большинством граждан плохо управляемых наций; они заставят нас почувствовать, насколько неизбежно влияние правительства на нравы граждан.

§ VI. Об общественном договоре

Если человек берет на себя обязательства перед обществом, то и последнее в свою очередь принимает определенные обязательства по отношению к нему. Каждый гражданин заключает договор с обществом, рассуждая примерно так:

«Помогайте мне, — говорит он, — и я также буду оказывать вам помощь в меру моих сил; оказывайте мне содействие — и вы сможете рассчитывать на содействие с моей стороны; трудитесь ради моего счастья, если хотите, чтобы я заботился о вашем счастье; проявите участие к моим невзгодам — и я разделю ваши невзгоды. Предоставьте мне преимущества, достаточные для того, чтобы побудить меня пожертвовать вам часть того, чем я владею».

Общество отвечает ему: «Отдай объединению свои способности, и тогда мы предоставим тебе помощь,

умножим твои силы, будем совместно трудиться для твоего благополучия, облегчим трудности твоей жизни, обеспечим тебе отдых и общими усилиями отразим несчастья, которых ты страшишься, гораздо действенней, чем это сделал бы ты сам. Сила всех членов общества защитит тебя, благоразумие всех тебя просветит, общая воля будет руководить тобою. Любовь, уважение и услуги со стороны всех членов общества послужат оплатой за твою полезную деятельность и вознаграждением за твой труд. Одним словом, блага, которые обеспечат тебе все члены общества, с лихвой возместят жертвы, которые тебе придется им принести».

Таковы условия *общественного договора*², связывающего человека с обществом и общество с человеком. Этот договор постоянно возобновляется; человек вновь и вновь подсчитывает пользу и вред, получаемые им от общества, в котором он живет, чтобы дать общую оценку тому и другому и сравнить их между собой. Если польза превосходит ущерб, рассудительный человек доволен своей судьбой; если общество обеспечивает ему пользование благами или выгоды, совместимые с природой объединения, он наслаждается всем благополучием, какого вправе ожидать. Если, напротив, ущерб превосходит пользу и его компенсируют лишь незначительные блага, общество теряет права на гражданина и он отделяется от общества, так как уединение — первое, что инстинктивно представляется ему спасительным средством; он предпочитает жить в одиночестве, убедившись, что общество повинно в испытываемых им невзгодах, или потеряв надежду на их устранение. Добродетельный гражданин покидает неблагодарную родину, которая не ценит оказываемых им услуг, служить которой он больше не может и от притеснений которой страдает. Порочный человек даже в обществе проявляет ту же распушенность, что и будучи предоставлен сам себе: среди товарищей по объединению он ведет себя так, будто их не существует; слепо следует своим фантазиям и капризам, не считаясь с другими; не предвидит реакции общества на свое поведение, не предчувствует, как это поведение отразится на нем самом.

§ VII. Об обязанностях, о долге, о естественных законах

Если необходимость удовлетворять свои потребности заставляет людей жить, объединившись в общество, то та же самая необходимость является и средством сохранения их объединения. Именно необходимость удовлетворять свои потребности налагает на человека определенные обязанности и настоятельно требует от него их выполнения. Обязанности людей являются для них лишь средством, необходимым для того, чтобы в конце концов осуществлять намечаемые ими цели. Жизненный опыт, формируя наш разум и делая нас рассудительными, позволяет нам найти эти средства и заставляет нас чувствовать их необходимость; он же указывает нам способы их применения. Итак, именно разум дает человеческому роду Законы, которые называют *естественными*, поскольку они определяются нашей природой, вытекают из нашей сущности, из любви, которая привязывает нас к жизни, из нашего стремления сохранить ее, из непреодолимого влечения, которое мы испытываем ко всему полезному и приятному для нас, а также из нашего отвращения ко всему, что нам неприятно или вредно.

Для того чтобы возложить на нас обязанности и предписать нам законы, которые бы мы выполняли, несомненно необходима власть, имеющая право приказывать нам. Можно ли оспаривать необходимость этого права? Можно ли оспаривать права природы, которая подобно верховному властелину повелевает всеми, кто живет и существует? У человека есть обязанности именно потому, что он человек, иными словами, потому, что он наделен чувствительностью, потому, что он любит хорошее и избегает дурного, потому, что он принужден любить первое и ненавидеть второе, потому, что он должен найти необходимые пути и средства к тому, чтобы получать удовольствия и избегать страданий.

Таким образом, обязанности человека вытекают из его природы. Природа, создав человека чувствующим существом, наделила его чувством общности.

Создав его способным к восприятию опыта и доводов рассудка, она возложила на него обязанности по отношению к существам того же вида. Она же определила награду за соблюдение своих законов и строгое наказание за их нарушение: счастье, изобилие, спокойствие общества и каждого из его членов — такова неперемнная награда за подчинение этим законам; несчастья, распри, порочность, преступность, разрушения и гибель — таковы ужасные кары, следующие за отказом от такого подчинения.

§ VIII. Естественные законы ясны и ощутимы

Пусть не говорят, что эти законы не были кем-то сформулированы и обнародованы. Естественные законы просты, ясны и понятны всем обитателям земли. Всякий, кто, заставив умолкнуть свои страсти, углубится в себя и постарается понять, чем он обязан себе подобным, найдет, что все индивиды, составляющие род человеческий, получили от природы одинаковые права, одинаковые желания и потребности, равно как и отвращение к одним и тем же предметам. Он неизбежно придет к заключению, что все, желаемое им для себя, является мерилom того, что он должен делать для других; эта истина неизгладимо начертана в сердцах всех смертных.

Опыт показывает, что доброжелательность, уважение, признательность и слава сопутствуют людям, которые согласуют свои действия с законами человеческой природы; и напротив, ненависть, презрение, позор, унижение угрожают тем, кто нарушает свой долг. Этот опыт свидетельствует, что люди оказываются вознагражденными или наказанными внутри своей души, не выходя за ее пределы. Мгновенно возникающее в человеке чувство предупреждает его, хорош или плох его поступок, заслуживает ли он любви или ненависти других существ. Сообразно с этим он либо доволен собой, либо предстает перед судом собственной совести; совесть же человека есть не что иное, как приобретаемое им вместе с жизненным опытом умение понимать, производит ли его поведение на тех, кто испытывает

на себе воздействие последнего, благоприятное впечатление или, напротив, вызывает в них чувство не приязни. Когда человек уверен в том, что поступает хорошо, его совесть доставляет ему только приятные чувства, которые обычно называют *самоуважением, довольством собой, внутренней удовлетворенностью, гордостью за свои поступки*; напротив, когда человек не выполнил своих обязанностей, нарушил свой долг общественного существа, он испытывает тревожные и невыносимые чувства отвращения, презрения к себе, стыда, страха, беспокойства, угрызений совести. Его встревоженное воображение, его докучливая память непрестанно воскрешают перед ним образы возмущенных и негодующих сограждан. Эти столь различные между собой состояния можно рассматривать как подтверждение естественных законов: человек немедленно оказывается вознагражденным за хорошие поступки или наказанным за дурные.

§ IX. Невежество — источник пороков и бедствий общества

Могут спросить, почему законы, предписываемые природой и раскрытые разумом, законы, которые человек обнаруживает в глубине своего собственного сердца, соблюдаются так плохо? Как происходит, что естественные законы непрестанно нарушаются подчиненными им существами, чьи желания, интересы и потребности одинаковы и чье счастье неотделимо от повиновения этим законам?

Я отвечаю, что невежество, заблуждения и ложь являются истинными источниками бедствий, от которых страдают человеческие общества. Люди плохи только потому, что им не известны их собственные интересы, истинная цель их объединения в общество, реальные преимущества, какие они могут от этого получить; они не знают, в чем очарование добродетели, а часто даже в чем состоит эта добродетель. Неведение людей и их испорченность увековечиваются тем, что их обманывают как относительно подлинного счастья, так и относительно средств его достижения. Их вводят в заблуж

дение и по поводу их собственной природы, которую стремятся побороть вступившие с этой целью в заговор исступление и клевета; тирания стремится заглушить внутренний голос этой природы. Людей обманывают, запрещая им обращаться за советом к опыту и разуму и развивать свои способности к познанию, им подсовывают вместо этого призраки, сказки, грезы и поповские вымыслы. Людей обманывают, обращая их взоры не на них самих и не на общество, а на химеры, в зависимость от которых ставят человеческое благополучие. Их обманывают, всячески опьяняя и затуманивая их сознание с помощью разного рода заблуждений, ложных мнений, предрассудков, страстей, постоянно втравливающих людей в столкновения друг с другом и заставляющих их думать, что, только совершая дурные поступки, можно добиться счастья.

Нет, не природа делает людей суетными, злыми и развращенными; только из-за незнания природы человека, восприимчивого, разумного и стремящегося жить в обществе, из-за недостаточного стремления понять эту природу так редки на земле счастье и добродетель. Вследствие фатального и неизбежного незнания людьми того, что составляет их действительные интересы, они беспрестанно ошибаются как в своих разнообразных пристрастиях, так и в выборе путей, которые могли бы привести их к благополучию.

§ X. Происхождение неравенства между людьми

Природа наделила людей такими же различиями, какие мы наблюдаем среди других созданных ею существ. Люди значительно отличаются друг от друга по своим физическим и духовным силам, страстям и идеям, представлениям о благосостоянии и средствам, избираемым ими для достижения этого благосостояния. Таков источник неравенства между людьми. Это неравенство не только не вредит обществу, но и способствует сохранению и поддержанию его существования.

Если бы люди были полностью одинаковы, т. е. равны по своим физическим силам и талантливости, если бы их органы и манера восприятия не имели разли-

чий, то вследствие этого все они неизбежно питали бы любовь к одному и тому же и были бы охвачены одними и теми же страстями. Всегда согласные в мнениях и в образе мышления (поскольку они чувствовали и видели бы все одинаково), в практической деятельности они вечно были бы в раздоре и только тем и занимались бы, что истребляли друг друга, видя свое счастье в одних и тех же предметах. Человеческое общество, состоящее из соперников, конкурентов и врагов, если и просуществовало бы некоторое время, то так или иначе очень скоро распалось бы.

Для того чтобы убедиться в этой истине, достаточно вспомнить, что происходит, когда несколько человек охвачено сильной страстью к чему-либо или кому-либо (например, к одной и той же женщине). Будучи согласны в оценке соответствующего объекта, они становятся врагами, и между ними возникает настолько сильное соперничество, что в стремлении завладеть предметом своей страсти они доходят до взаимного уничтожения. Когда к одному и тому же объекту подобным образом стремятся две соперничающие нации, между ними разгорается вражда и их спор решается войной.

Неравенство людей и различия, существующие между ними, являются причиной того, что, будучи в основном сходны между собой, они почти ни в чем не согласны друг с другом и каждый из них по-своему стремится к тому, что представляется ему полезным для собственного счастья. Это порождает ту самую деятельность, посредством которой каждый человек стремится скрыть свое несовершенство, слабость или отставание, прилагая все силы к тому, чтобы достигнуть преимуществ и успехов, которых, как ему кажется, достигли другие.

Итак, оставим в стороне предположения о мнимом равенстве, которое будто бы с самого начала существовало между людьми³. Люди никогда не были равными. Не будем же произносить напыщенных речей против этого неравенства, которое всегда было неизбежным. Особенности телосложения, различные степени физической силы, ловкости и проворства должны были обусловить значительные различия и весьма заметное

неравенство между индивидами, которые являлись членами одного общества, или, если хотите, членами первой семьи. Это неравенство людей еще больше бросается в глаза, когда речь заходит о человеческих способностях, называемых *духовными*, или *интеллектуальными*, т. е. об энергии и силе страстей человека, о его суждениях, настойчивости и проницательности, о его уме. Человек слабый физически или умственно всегда был вынужден признавать превосходство более сильного, одаренного, предприимчивого и искусного, более развитого духовно; человек, превосходящий других силой и трудолюбием, мог обрабатывать участок земли больших размеров и добиваться при этом большего плодородия, чем человек, немощный от природы. Таким образом, люди с самого начала были неравны как по их личным качествам, так и по размерам их имущества и владений.

§ XI. Средства против этого неравенства

Но если отдельный человек мог быть сильнее некоторых других, то не было и не может быть человека сильнее всех других людей, вместе взятых. Самый крепкий телом и духом, самый отважный и опытный человек неизбежно пользуется авторитетом и властью над теми, кто слабее его, кто более робок и невежествен, чем он. Влияние этого человека отвечает потребности остальных в силе, смелости и знаниях. Таково происхождение всякой *власти*. Сама по себе она основана на способности делать людям добро, защищать их, руководить ими, доставлять им счастье. Таким образом, власть опирается на природу людей, на их неравенство, на их неодинаковые способности и недостатки, на их потребности и стремление удовлетворить эти потребности — короче говоря, на их любовь к самим себе. Более искусный человек находит для самосохранения и удовлетворения своих потребностей такие средства, которых не находит человек хотя и более сильный физически, но менее умный и находчивый. Наконец, просвещенный человек умеет компенсировать споровкой и знаниями

свою недостаточную физическую выносливость; опытность, талантливость, а еще чаще хитрость торжествуют даже над силой, принуждая ее уступать и подчиняться.

Достаточно применить эти принципы, чтобы нам стали ясны все правила нашего поведения; приложение этих принципов к жизни даст нам понять, сколь многим мы обязаны в первом из человеческих обществ очаровательной половине человеческого рода, предназначенной природой составлять счастье мужчин. Если женщина создана для того, чтобы нравиться, то мужчина создан, чтобы любить ее; если природа отказала женщине в физической силе, то она наделила ее очарованием; если женщина лишена крепкого телосложения, то она наделена привлекательностью, которая покоряет физическую силу. Женщина стала источником радостей и наслаждений, являющихся наградой за защиту, которую должен оказывать ей мужчина, и за нежность, которую он обязан к ней проявлять. Союз людей двух разных полов приводит к рождению слабых и беспомощных детей, которые, изведав нежную заботу своих родителей, вознаграждают их в старости за уход, полученный в детстве.

В обществе все выступает как предмет обмена; неравенство человеческих индивидов, присущее им от природы, отнюдь не является источником их бед; напротив, оно служит действительной основой их благополучия. Именно то, что люди неодинаковы, побуждает и даже принуждает их обращаться друг к другу и оказывать взаимную помощь. Каждый член общества чувствует себя обязанным расплачиваться приобретенными им возможностями за все те преимущества, которые предоставляют в его распоряжение другие люди. Таким образом, неравенство сил или способностей заставляет людей объединять ради общего блага и делать общим достоянием все то, чем наделила природа каждого из них в отдельности. Человек слабый телесно, но одаренный умственно будет руководить физически крепким человеком и предоставит ему возможность с пользой применить силы для его же собственного счастья.

§ XII. О взаимной помощи

Итак, первый закон всякого общества предписывает всем людям помогать друг другу, наслаждаться жизнью и быть полезными друг для друга. Этот закон требует, чтобы счастье каждого человека было не чем иным, как наградой за счастье, которое он доставляет другим членам общества. Этот закон указывает, что существа, различные, неравные по своим силам и способностям, имеют одни и те же потребности. Этот закон напоминает, что в людях заложено одинаковое стремление к счастливой жизни, или, иначе говоря, что все свидетельствует об их влечении к хорошему и отвращении к дурному. Таковы простейшие законы, относящиеся ко всякому обществу. Суждение, размышление, опыт — одним словом, разум применяет эти законы к частным обстоятельствам и условиям жизни различных объединений, а также к отдельным людям, входящим в эти объединения.

Каковы бы ни были заблуждения людей, как бы ни были они ослеплены предрассудками, как бы диковины ни были их учреждения и развращены их нравы, — разум всегда подскажет им, что каждый из них имеет обязанности по отношению к другим, что это обоюдные обязанности одинаковых по своей природе существ, объединенных общими интересами и потребностями. Таким образом, каждый из них не только ощутит в своем сердце возмущение против людей, наносящих обществу вред, но и упрекнет себя за действия, которыми лично препятствовал достижению целей объединения.

Пока люди останутся существами, способными чувствовать, пока они не перестанут любить свое благополучие и бояться страданий, — горячая любовь, уважение, благодарность будут наградой добродетели, а ненависть, презрение, позор и наказание будут следовать за преступлениями и пороками. Могущественный и сильный человек будет считать своим долгом защищать слабого, богатый — прийти на помощь бедному, просвещенный — указать путь непросвещенному, рассудительный и разумный — помочь своими знаниями и советами тому, кого страсти совратили с истинного

пути. В результате такого справедливого распределения помощи одних людей другим будет достигнуто счастье общества.

§ XIII. Разделение интересов

Если бы все хорошее и плохое, чем наделила людей природа, они распределяли между собой справедливо; если бы каждый из них оказывал себе подобным всю ту помощь, какая в его силах; если бы, пользуясь благами сам, каждый предоставлял возможность пользоваться ими и другим,— все были бы счастливы и равноправны настолько, насколько позволяет природа человека.

Но по естественной склонности человек гораздо более заботится своим счастьем, чем счастьем других; все свои способности он направляет на то, чтобы добиться счастья для себя; любовь к самому себе, заинтересованность, страсти являются единственными побудительными мотивами его действий; соображения собственной пользы находятся в центре всей его деятельности. Таково первое внутреннее побуждение, заложенное в нас природой; но таким же импульсом природа наделила каждое существо человеческого рода; и именно в силу этого мы живем объединенными в общество.

Каждый из нас сознает, что нуждается в помощи других людей для достижения благополучия, к которому он так стремится; поэтому он всегда ищет пути к тому, чтобы побудить других содействовать ему в достижении собственной цели. Когда человека ослепляют страсти, опьяняет восторг, соблазняет и сбивает с пути воображение, он забывает, что его сограждане имеют такие же права и желания, как и он сам; нанося им вред, он, вместо того чтобы заслужить их расположение, оказывается достойным лишь их ненависти. Ослепленный своими замыслами, он применяет силу или хитрость для осуществления личных целей. Он с жаром и без разбора хватается за любые средства, чтобы завладеть предметом своих желаний, даже когда последний лишь призрак, который легко рассеялся бы под воздействием доводов его разума, будь он в достаточно

спокойном состоянии, чтобы управлять своими желаниями; он не видит ничего, кроме себя самого, и в своем заблуждении следует только собственным слепым побуждениям; он не считается с тем, что его поступки наносят ущерб другим людям, чья поддержка и расположение ему необходимы, чья привязанность ему полезна; он не способен понять, что следствия их неприязни окажутся губительными для него самого. Человек добродетельный и человек порочный в равной мере руководствуются любовью к себе; но первый, следуя разуму, видит, что, желая быть действительно счастливым, он должен трудиться ради счастья других или хотя бы воздерживаться от противодействия им; а второй, не умея ни мыслить, ни проявлять рассудительности, льстит себя надеждой, что сможет обойтись собственными силами и в одиночку достигнуть благополучия; в своем безумии он надеется наслаждаться счастьем среди всеобщих невзгод.

§ XIV. Источник морального зла

Именно этими склонностями неразумного человека объясняются несчастья, от которых постоянно страдают человеческие общества. Таков действительный источник *морального* зла, представляющего собой лишь попытку некоторых отдельных индивидов обрести свое счастье ценой несчастья других.

Человек, охваченный страстью, не способен осмыслить свое поведение; он не понимает, что служит самому себе, когда оказывает поддержку себе подобным; не видит, что, отказывая им в благодеяниях, расположении и помощи, он лишает себя права рассчитывать на то же самое с их стороны. Его воображение неотступно преследует лишь предмет его желаний; одержимый страстью, он получает ложные представления об этом предмете. Для него не существует больше ни опыта, ни размышлений; он не способен рассуждать, будучи весь во власти слепого порыва.

Подобное необузданное поведение людей нарушает основы общественной жизни и подвергает угрозе даже само существование общества. Чтобы отвратить бед-

ствия, от которых оно страдает, общество, как целое, организовано выступает против тех своих членов, пороки и страсти которых наносят ему вред; оно противопоставляет им силу, способную их сдерживать. Такой силой является закон, или выражение воли и интересов всех членов общества, противопоставленное воле и интересам отдельных лиц. Закон — это олицетворение общественного разума; он санкционирует меры против безрассудства некоторых из членов общества, чтобы вернуть их на путь, ведущий к целям объединения.

Личные устремления индивидов часто отличаются поспешностью и безрассудством, потому что их двигателем является страсть; общая воля более уравновешенна, так как составляющие общество индивиды наделены неодинаковыми страстями, и потому одни из них могут здраво судить о страстях других. Так, скупость заставляет человека всевозможными путями накапливать богатства, но его осуждают расточитель и сластолюбец, которых скупой порицает в свою очередь. Честолюбие вынуждает человека, одержимого этой страстью, стремиться к власти, не считаясь ни с пролитием крови, ни со спокойствием общества. Честолюбца осуждает завистник, у которого успехи других людей вызывают злобу. Порочный человек нередко на словах осуждает пороки, рабом которых сам является; он делает это из страха перед последствиями своих пороков, ибо ему известны опасности, какими они угрожают.

Каждый индивид часто бывает несправедлив и совершает зло потому, что подвержен страстям; но он обыкновенно справедлив, когда судит о страстях других людей. Таким образом, закон, установленный многими несправедливыми людьми, может оказаться справедливым, хотя он и является выражением мнений или суждением несовершенных и творящих друг другу зло существ.

§ XV. О законах

Законы в наиболее распространенном значении этого слова есть результат необходимых отношений,

вытекающих из природы вещей. Это определение распространяется как на законы физического мира, так и на законы морали.

Но что может научить нас правильным и необходимым отношениям с другими людьми? Как познать действительные обязанности, связывающие членов общества? Для этого, без сомнения, не существует иного средства, кроме осмысления опыта, — словом, научить этому может только разум. Разум подсказывает нам, чтобы мы объединились ради собственной пользы, он же учит и тому, как обнаруживать те блага, стремление к которым заложено в нас от природы. Разум никогда не обманет нас, ибо он всегда свободен от страстей.

Все законы вытекают из деятельности разума, т. е. из наших размышлений о собственной природе; таким образом, все законы, которые подсказаны нам разумом, могут быть названы естественными, потому что они имеют основу в нашей природе⁴. Все они служат целям нашего благополучия; все поддерживают и укрепляют общество, от которого полностью зависит благополучие отдельных людей; все предъявляют к нам определенные требования, без выполнения которых мы не можем достигнуть счастья; все имеют один и тот же источник — стремление человека к счастью — и одну общую цель, а именно благополучие человека.

Отсюда ясно, что сущность всех законов одинакова, а их цель едина; различия же касаются лишь сфер их применения или средств, которые выбираются для достижения общей цели; именно это и является причиной существования различных наименований законов. Те из них, в которых разум обнаруживает непосредственное соответствие природе всего человеческого рода и которые прямо вытекают из этой природы, были названы *естественными законами*. Эти законы учат нас, что мы выигрываем, живя в обществе, сохраняя его, помогая другим гражданам пользоваться теми же преимуществами, какие мы хотим обеспечить для себя. Эти законы свидетельствуют о том, что все люди подобно нам самим являются детьми природы, у них такие же, как у нас, желания и потребности, они испы-

тывают отвращение или любовь к тому же, что и мы, и подобно нам питают неприязнь ко всему, что вредит им или мешает их счастью.

Строго говоря, в каком бы положении человек ни находился, он всегда остается в естественном состоянии. Это состояние не может прекратиться и в условиях общественной жизни. Разве не естественное чувство, получившее развитие благодаря разуму и закрепленное привычкой, делает человека общественным существом? Разве не присущие человеку от природы потребности делают для него необходимым общество? Человек, являющийся подданным короля, в той же мере пребывает в естественном состоянии, что и дикий обитатель лесов. Что бы ни предпринимал человек, какие бы учреждения он ни изобретал, какие бы средства ни применял, чтобы улучшить свой удел, — ему никогда не выйти за пределы своей природы: он всегда подчинен ее законам, всегда одинаково принужден им следовать, постоянно стремясь к цели, которую предначертала ему эта природа.

§ XVI. Законы гражданские, или позитивные

Когда законы природы применены к условиям жизни, интересам и потребностям общества, их называют *гражданскими законами*. Последние фиксируют права и обязанности членов общества. Следовательно, в известном отношении гражданские законы могут быть рассматриваемы как естественные. Вне зависимости от формы правления и строя общества, для того чтобы эти законы были правильными и разумными, они должны исходить из природы человека, стремления людей к счастью и их отвращения к тому, что может нанести им вред. Единственное различие между указанными видами законов связано с тем, что законы, называемые собственно *естественными*, как мы уже видели, непосредственно основаны на природе человека и необходимы всему человеческому роду, в то время как законы гражданские, именуемые также *позитивными*, созданы обществом или теми, кому оно доверяет заботу подчинять определенному порядку устремления граждан.

Гражданские законы представляют собой применение законов человеческой природы к преходящим обстоятельствам.

Естественные законы вечны и неизменны, они будут существовать до тех пор, пока существует человеческий род; но их применение в виде гражданских законов должно изменяться вместе с изменением условий жизни и потребностей общества. Общество, как и всякое тело в природе, подвержено переменам, изменениям, революциям; оно формируется, растет и разрушается, как и все живое. Одни и те же законы не могут быть пригодны для разных ступеней его развития: полезные в одну эпоху, они становятся бесполезными и даже вредными в другую. Следовательно, общественный разум обязан изменять или отменять их ради блага общества, которое неизменно должно являться целью законов.

§ XVII. Законы должны служить общей пользе

Каковы бы ни были законы и породившие их обстоятельства, необходимо, чтобы они приносили людям пользу и давали счастье большинству членов общества. Разум отвергает все законы, лишенные этих характерных черт; последние совершенно непригодны для того, чтобы им подчинялись разумные существа; они не могут обеспечить их права; они являются следствием тирании и насилия, которым общество всегда вправе оказать сопротивление.

Закон оказывается несправедливым, как только его целью становится служение пользе одного человека или небольшого количества людей и причинение вреда остальной части общества. Закон несправедлив, если он служит ослаблению или разрушению связей общества, для поддержания которых он существует. Закон несправедлив, если он находится в противоречии с законами природы, ибо последние существенно необходимы человеку и не могут быть ни ослаблены, ни отменены. Закон несправедлив, если его основой является только сила, заинтересованность и каприз тех людей, которые противопоставляют его воле общества.

Закон несправедлив, если наносит вред обществу, даже при условии, что последнее безропотно подчиняется ему, потому что общество не может дать согласия на то, что противно его природе и его цели. Закон несправедлив, если он ущемляет собственность граждан и мешает им пользоваться свободой — словом, нарушает их личные права, ибо именно ради сохранения этих прав люди объединились в общество, и поддержание их должно быть задачей всякого законодательства.

§ XVIII. О международном праве

Законы наций, составляющие то, что называют *международным правом*, представляют собой не что иное, как *естественные законы*, примененные к различным обществам, на которые разделился человеческий род. В самом деле, разве можно сказать, что независимые друг от друга народы не имеют никаких общих связей, которые их объединяют, никаких потребностей, которые делают их необходимыми друг для друга? Поскольку короли не подлежат суду, поскольку они не подчиняются никакому трибуналу, поскольку обыкновенно только сила решает их споры, — люди стали принимать эти факты за право; они поверили, будто существуют, на которых не распространяется какое бы то ни было принуждение, должны иметь особый, чисто условный кодекс законов.

Из-за этих ложных принципов всегда представляло большие трудности определить правила, которыми должны руководствоваться короли в своих взаимных отношениях. При внимательном рассмотрении, однако, нетрудно убедиться, как много зла было порождено этими принципами. Нации следует рассматривать в качестве индивидов, поведение которых в великом обществе народов мира основано на тех же законах, что и поведение индивидов в каждом из обществ. Правда, гражданские, или позитивные, законы, обязательные для одного какого-либо общества, не распространяются на другие общества. Но совсем иначе обстоит дело со всеобщими международными законами, существующими

для того, чтобы объединять весь человеческий род; эти законы не знают ни физических, ни политических границ, установленных соглашениями людей для различных государств.

§ XIX. О взаимных обязанностях народов

Итак, нации всегда подчинены естественным законам: им так же не дозволено наносить друг другу вред, уничтожать друг друга, лишать друг друга преимуществ, которыми они пользуются, как и члену общества не дозволено вредить другим его членам. Каждый народ имеет те же обязанности по отношению к другому народу, что и человек по отношению к другому человеку; каждая нация должна проявлять к другим нациям справедливость, чистосердечие, человечность и оказывать им помощь, поскольку она желает всего этого и для себя самой. Каждая нация обязана уважать свободу и владения другой нации. Наконец, совершенно так же, как индивиды частично отказываются от своей независимости ради тех преимуществ, которые они получают от общества, нация должна поступиться частью своих прав ради прав всех остальных наций, вместе взятых, т. е. рассматриваемых как сообщество народов. Если одно какое-нибудь общество имеет право принять все меры, необходимые для его самосохранения, другое общество должно пользоваться тем же правом.

Установление равновесия между силами различных государств есть общее желание народов, обязывающее державы соблюдать законы справедливости. Такое равновесие представляет для всех государств то же, что и правительство в пределах каждого из них; в обоих случаях оно может оказаться нарушенным. Сила лишь тогда дает права, когда она основана на справедливости. Всемирное общество вправе оказать поддержку каждому отдельному обществу в использовании принадлежащих ему преимуществ и выгод. Если справедливость необходима всем обитателям нашей планеты, то она существует не только для индивидов, но и для наций и именно она представляет собой их высший закон.

Этот закон далеко не всегда ясно выражен, но разум дает всем народам возможность почувствовать и осознать его необходимость. Каждое общество в отдельности может быть несправедливым, но все общества вместе, безусловно, желают справедливости и сохранения порядка. Объединенные силы всех обществ могли бы добиться осуществления закона или своей воли, однако нет ничего более трудного, чем объединение сил и устремлений народов, так как интересу, соблазну или хитрости почти всегда удается их разобщить.

§ XX. Ошибки в политике

Итак, мы убедились, что не было никаких оснований устанавливать различия между обязанностями целых народов и обязанностями отдельных индивидов человеческого рода. Нет сомнения в том, что преобладание почти непрерывных войн, раздоров и насилий во взаимоотношениях большей части обществ ввело людей в заблуждение и направило их по ложному пути в этом важном вопросе. Это привело к тому, что насилие и вероломство превратились в правило поведения, которое стали называть *политикой*. Люди стали считать, будто существа, которых не удастся подчинить разуму никакой властью, отличны от всех других существ. Не зная, какими мерами воздействия сдерживать страсти отдельных обществ, этих могущественных членов великого всемирного сообщества народов, они вообразили, что для таких обществ не существует никаких законов, кроме тех, которые они сами согласны вменить себе в обязанность.

Но разве народ, нападающий на другой народ не для обеспечения собственной безопасности, а для того, чтобы лишить свою жертву преимуществ, доставляемых ей природой или трудолюбием, народ, стремящийся лишь к удовлетворению жадности и властолюбия, — словом, своих частных интересов, отличается чем-нибудь от вора, нападающего на такого же, как и он, гражданина и похищающего его имущество? Разве народ, стремящийся использовать только для себя преимущества и выгоды, необходимые всем, и желающий лишить

других этих преимуществ, не является тираном? Разве нация, отказывающаяся другой нации даже в необходимом для самосохранения, не заслуживает, чтобы у нее вырвали это силой? Не походит ли такая нация на жестокого человека, лишенного человечности и отказывающего одному из своих сограждан в самой неотложной помощи под тем предлогом, что он ничем ему не обязан? Разве нация, стремящаяся поставить другие нации в зависимость от себя, не заслуживает того, чтобы ее обуздали так же, как и гражданина, посягающего на свободу другого гражданина? Не заслуживает ли правитель, чье властолюбие часто приносило вред подчиненным ему людям, чтобы его власть была ослаблена, чтобы он был понижен в своем общественном положении, — словом, не заслуживает ли он быть лишенным возможности наносить обществу вред? Народ, нарушающий порядок или равновесие, которое все нации хотят установить между собой как залог их безопасности, как средство против неравенства их сил от природы, — не должен ли он рассматриваться окружающими его нациями как потерявший разум? Государь, нарушающий обязательства, торжественно принятые и гарантированные государствами, заинтересованными в общественном спокойствии, — разве не может он быть наказан тем же способом, как и недостойный гражданин одного из обществ, известный своим вероломством, клятвопреступлениями и бесчинствами?

При подобных обстоятельствах природа разрешает народу, подвергшемуся нападению, угнетенному и ущемленному в правах, применить любые средства для того, чтобы сохранить свою жизнь и имущество, обеспечить себе все необходимое, дать отпор несправедливому угнетателю и заставить его вести себя сообразно с природой общественных существ, нормы поведения которых он нарушил своей несправедливостью, неистовством и жадностью — словом, своими антиобщественными поступками. Более того, если это необходимо для самосохранения народа, он может уничтожить такого притеснителя. Это будет лишь победой человека над диким зверем. Таковы основания, дающие право прибегнуть к войне.

§ XXI. Меры наказания, налагаемые всеобщими законами природы

Что касается наказаний, налагаемых законами природы на те общества, которых игра страстей доводит до преступлений, то они столь же ужасны, как и неотвратимы: за свои безрассудные авантюры общества расплачиваются истощением сил, кровью, богатствами; нередко за их самыми разительными подвигами следует их гибель. С другой стороны, изобилие, процветание, мир служат вознаграждением тем счастливым обществам, которые живут спокойно в единении и согласии с другими обществами, что свойственно природе общественных существ. Нам следовало бы остерегаться верить тому, будто не существует общих для всех наций правил; эти правила имеют свою основу в природе, которая самовластно повелевает всеми людьми, как и всеми человеческими обществами; природа вознаграждает соблюдение этих правил и налагает страшные кары на тех, кто выказывает к ним пренебрежение.

Нельзя смешивать эти неотменимые законы со взаимными соглашениями наций, согласно которым они принимают обязательства умерять собственную ярость даже тогда, когда их страсти находятся в состоянии наибольшего возбуждения. Эти соглашения доказывают нам, что даже самые несправедливые общества во времена разгула своих страстей вынуждены в некоторых случаях признавать власть природы, власть разума и поступать человечно.

Одним словом, естественные законы во все времена и при всех обстоятельствах существуют для того, чтобы определять наши действия. Они составляют нашу силу и опору, служат нам путеводной звездой. Соблюдение естественных законов — залог нашей безопасности, нашего счастья и наших радостей. Эти законы связывают нам руки, чтобы помешать наносить вред самим себе и другим; они предписывают нам быть существами полезными и приятными для тех, с кем мы живем. Людей, которые отвергают эти законы, всегда наказывает ненависть, презрение и негодование сограждан; напротив, те, кто подчиняется им, находят достойную

награду в уважении окружающих, в порядке и мире, которыми они пользуются. Люди добьются счастья, как только их собственный разум побудит их обратиться за советом к понятному благодаря своей простоте своду законов, который ради собственной пользы они должны были бы всегда иметь перед глазами.

§ XXII. О праве

Все законы, как естественные, так и гражданские, допускают одни поступки и запрещают другие. То, что разрешено законом, является правом человека. Таким образом, *право* — это всякая возможность, осуществление которой одобрено законами природы и общества. Права, даруемые природой, являются вечными и неотъемлемыми; права, которые дает общество, могут быть кратковременными и изменяться сообразно с изменениями условий жизни данного общества; они устойчивы и долговременны лишь тогда, когда соответствуют справедливости, которая всегда остается неизменной.

Изолированный человек, или, если хотите, человек в естественном состоянии, имел бы право на все, что могли ему доставить его способности; в обществе такое неограниченное осуществление прав стало бы столь же гибельным для него самого, как и для других граждан; осуществление человеком своих прав в обществе должно быть подчинено условиям жизни и потребностям общества — словом, общему благу. То, что наносит вред объединению в целом, вредит и членам объединения, это уже не правомерное действие, а злоупотребление.

§ XXIII. О том, что придает правам справедливость

Справедливы только поступки, сообразные с нашей природой, т. е. действия, которые предписаны или разрешены нам естественными законами; действия, противоречащие нашей природе, или запрещенные естественными законами, являются несправедливыми. Итак, справедливо и законно все то, что дозволено законами

нашей природы; все то, что ими запрещено, несправедливо и незаконно. Следовательно, для того чтобы какой-либо закон был справедлив, необходимо, чтобы он сообразовался с природой; закон становится несправедливым, как только он вступает в противоречие с ней. Общество имеет лишь право применять законы природы к своим ежедневным потребностям или же распространять их на те особые условия, в которых оно находится в данное время; оно никогда не может действовать вопреки законам природы, как не может и уничтожить их, ибо иначе оно устремилось бы к собственной гибели.

§ XXIV. О том, что разрешено и что запрещено законом

Из этих принципов следует сделать вывод, что законными являются только те права, которые основаны на природе, справедливости, пользе и действительных интересах общества. Ни сила, ни хитрость, ни богатство, ни пример, ни время, ни молчаливое подчинение людей не могут дать непреложного права действовать вопреки сущности и задачам общества; общество никогда не может потерять права воспротивиться тому, что ему не нравится, отменить то, что оно допустило по неосторожности, прекратить зло, терпеть которое его вынуждала только собственная слабость.

С другой стороны, из этих принципов следует, что даже действие, запрещенное гражданскими законами, может быть справедливым, если оно сообразно с естественными законами. В таком случае, хотя действие и справедливо, оно оказывается *противозаконным*. Подобным же образом любое действие является несправедливым, если оно запрещено естественным законом, но утверждается или допускается законом гражданским. В этом случае, будучи несправедливым, оно все же становится *законным*; законодатель же оказывается на стороне несправедливости, нарушая предшествовавший всякой человеческой власти закон, пренебрегать которым ему никогда не может дать право даже воля всего общества.

Быть может, найдут, что эти принципы чреватые опасными последствиями в практической жизни, поскольку они имеют тенденцию подрывать существующий порядок и позволяют человеку протестовать против гражданских законов, очень часто запрещающих ему то, что разрешает и даже предписывает природа, и, наоборот, предписывающих или объявляющих разрешенным то, что природа запрещает. Я отвечу, что это затруднение может испугать только людей, воззрения, привычки и предрассудки которых подчинили их порочным порядкам. Нет ничего более обычного, чем противоречие между гражданскими законами и законами природы или справедливости. Растленные гражданские законы обязаны своим существованием либо испорченным нравам, либо ошибкам и заблуждениям различных обществ, либо тирании, принуждающей природу склониться перед своей властью. При этом корысть законодателя заставляет умолкнуть голос природы; естественно, что подданные в своем стремлении к благу мстят за это все растущим сопротивлением и всякий раз, когда это можно сделать безнаказанно, нарушают гражданские законы, стараясь сбросить с себя налагаемое ими ярмо.

§ XXV. О собственности

Объединившись в общество для того, чтобы иметь возможность получать помощь друг от друга, люди пожелали обеспечить не только свою личную безопасность, но и беспрепятственное владение всем, что им необходимо для сокращения их жизни и поддержания их благополучия. Свобода гарантирует защиту как личности человека, так и средств для сохранения его жизни; таким образом, свобода есть возможность использовать все пути, которые могут привести человека к счастью, не мешая счастью других людей.

Но человек не может сохранить свою жизнь или достигнуть счастья, не пользуясь преимуществами, которые ему обеспечивают его личные усилия. Таким образом, законы природы дают каждому человеку право, именуемое *собственностью* и представляющее собой не что иное, как возможность использовать исключи-

тельно для самого себя предметы, доставляемые своим талантом, трудом и мастерством. Это право является справедливым, и чувство, утверждающее право собственности, называется *справедливостью*. Ущемлять свободу и собственность человека — значит отнимать у него средства к самосохранению и мешать его счастью; закон человеческой природы позволяет человеку идти на все, чтобы осуществить свои права на свободу и собственность; общество должно предоставить человеку возможность ими пользоваться; оно потеряло бы для него всякую притягательную силу, если бы нарушило справедливость по отношению к нему. Общество может лишить гражданина свободы только в том случае, если он наносит вред другим людям; но общество не может лишить гражданина его собственности, ибо само оно существует для того, чтобы защищать эту собственность.

§ XXVI. Собственность необходима

Основой собственности является необходимое отношение, устанавливающееся между человеком и продуктом его труда. Если бы земля производила без всякого усилия с нашей стороны все необходимое для поддержания нашего существования, собственность оказалась бы ненужной. Воздух и вода не могут стать чьей-либо собственностью; эти элементы созданы так, что владение ими должно оставаться общим. Совсем иначе обстоит дело с землей; она производит только благодаря труду и заботам, затрачиваемым на ее обработку; но эти заботы неодинаковы; различия вытекают, как мы видели выше, из обусловленного самой природой неравенства физических сил, мастерства, трудолюбия и других природных данных индивидов. Поэтому собственность на все предметы, которыми род человеческий не может пользоваться сообща, или на предметы, требующие затраты сил, труда и талантов человека, должна быть индивидуальной; ведь указанные преимущества не могут быть общими — природа наделила ими каждого индивида в отдельности. Но раз эти преимущества находятся в исключительной принадлежности

тех, кто ими обладает, то же самое относится и к доставляемым ими предметам или благам. Так, например, поле становится как бы частью индивида, который обрабатывает его, потому что именно воля этого индивида, его руки, силы и знания— словом, его особые, индивидуальные, только ему присущие качества сделали поле таким, каково оно теперь. Это поле, орошенное его потом, можно сказать, отождествилось с ним; выращенные на этом поле плоды принадлежат ему в той же мере, как части его тела и его способности, потому что без труда этого человека плоды данного поля или вовсе не существовали бы, или во всяком случае существовали бы не в том виде, как теперь.

Итак, мы видим, что собственность имеет свою основу в человеческой природе; но собственность неодинакова, потому что природа создала неодинаковыми людей. Собственность должна быть различной, потому что каждый индивид отличен от другого. Таков действительный источник того, что мы называем *твое* и *мое*. Действительно, невозможно представить себе свою собственность, не мысля также собственности другого человека: если мой труд и мои способности сделали меня владельцем обрабатываемого мною поля, я вынужден признать, что труд и способности другого человека также дают ему право владеть полем, которое он обрабатывает подобным же образом.

§ XXVII. Об общности благ

Некоторые моралисты, встревоженные неисчислимыми бедствиями, порождаемыми среди людей различиями в собственности, хотели упразднить последнюю; они полагали, что люди восстаноят между собой мир и согласие, если устранят яблоко раздора, постоянно нарушающее их благополучие; они вообразили, что общность благ лишила бы смертных всякого предлога вредить друг другу⁵.

Но эти умозрительные выводы никогда не были достаточно продуманы; природное неравенство людей делает невозможным равенство их имуществ. Напрасны были бы все попытки сделать общей собственность

сущестъ, неравных по силе и уму, по предприимчивости и активности натуры. Самая мудрая организация общества может лишь поставить перед собой задачу воспрепятствовать опасному использованию неравенства сил и владений, не позволить гражданам вредить друг другу. Вот задача всякого хорошего правительства, вот цель справедливого законодательства, вот следствие свободы, без которой владение собственностью никогда не может быть твердо обеспечено.

§ XXVIII. Опасности, которыми угрожает праздность

Нельзя отрицать того, что собственность разделяет людей и является источником разногласий между ними. Каждый из них предпочитает себя всем другим; когда же эта любовь к себе не сдерживается законом, человек, как отмечалось выше, легко теряет из вида себе подобных и забывает о том, что должен в своих собственных интересах дать другим возможность пользоваться благами жизни с тем, чтобы вернее наслаждаться ими и самому. Увлеченный страстным желанием добиться для себя исключительного положения, ослепленный манящими его воображаемыми или мимолетными преимуществами, он не только стремится обеспечить себе приятное существование, но хочет добиться его по возможности с наименьшей затратой усилий.

Всякий труд требует усилий, всякое усилие является одной из неприятных сторон существования, и потому человек стремится его избежать. Отвращение к труду и усилиям есть то, что называют *ленью*; эта склонность свойственна всем людям. Предпочтение бездеятельности, стремление наслаждаться, не трудясь, породило во всех обществах непрестанную борьбу между отдельными гражданами; каждый хочет стать счастливым, ничего не делая для этого; каждый предпочитает воспользоваться трудом других людей; каждый желает, чтобы другие способствовали его, и только его счастью. Когда общественная воля или закон перестают поддерживать равновесие между отличающимися друг от друга гражданами, ленивым людям удастся

посредством хитрости и соблазнов присвоить результаты труда других людей.

Именно из этой склонности проистекает большая часть бед человеческих обществ. Государи, богачи, вельможи только и заняты мыслью об изобретении средств насильственного захвата продуктов труда других людей. Будучи чаще всего бесполезными, а то и просто вредными членами общества, они захватывают силой, если им не отдают по доброй воле, все то, что принадлежит их согражданам благодаря их личным природным способностям или искусству. Государи, богачи и вельможи подавляют свободу всех своих сограждан, совершают насилие над ними, присваивают себе их имущество. Они считают, что приобрели неоспоримые права действовать вопреки справедливости на том основании, что притесняют своих сограждан в течение долгих лет, когда невежество, предрассудки, слабость, инертность подвластных им людей лишали последних возможности оказать сопротивление и даже жаловаться на свою судьбу. Так происходило беспрестанное насилие над собственностью людей. Большая часть народов земного шара принуждена проливать свой пот и кровь, расточать свои богатства ради вельмож. Эти неблагодарные убедили себя, будто небу угодно, чтобы им подобные трудились на них и служили для поддержания их спесей, роскоши и лени, между тем как граждане избрали их, чтобы управлять всеми остальными членами общества, защищать их и вести к счастью.

§ XXIX. О справедливости

Леность и страсти приводят людей к отречению от справедливости, которая, будучи основанной на признании права других на собственность, мешает нам воспользоваться нашей силой, чтобы лишить других людей выгод и преимуществ, даруемых им природой или мастерством и трудолюбием. Таким образом, справедливость — это добродетель, поддерживающая и утверждающая человека в его правах. Справедливость распространяется не только на взаимоотношения людей внутри отдельного общества, но является также основой взаим-

ной безопасности независимых друг от друга наций или обществ. Каждый народ обязан проявлять справедливость по отношению к любому другому народу в великом мировом сообществе на том же основании, на каком отдельный гражданин обязан быть справедливым к своим согражданам внутри каждого отдельного общества. Собственность каждой нации зиждется на тех же правовых основах, что и собственность гражданина какого-либо государства.

§ XXX. Наказания и вознаграждения

Справедливость не только позволяет членам общества пользоваться преимуществами, которые им обеспечивают их природные способности, их мастерство и трудолюбие, но вместе с тем, беспристрастно и благоразумно распределяя *вознаграждения*, порождает мотивы, побуждающие людей быть взаимно полезными друг другу. Справедливость опирается на личные стремления людей, на их любовь к самим себе, она использует воодушевляющую людей личную заинтересованность, чтобы заставить их участвовать в труде на общее благо, сливающееся с их личным благом. Только взаимная помощь и содействие людей друг другу могут привести к могуществу, безопасности и процветанию общества. Такова цель, которую должно ставить перед собой каждое правительство.

С другой стороны, та же самая справедливость посредством наказаний или *уголовных* законов устрашает тех, кого страсти привели к отречению от целей объединения. Но эти страсти вынуждены уступить спасительному страху — страсти более сильной, которая становится мотивом, способным заставить человека воздерживаться от зла и содействовать общему счастью, которому он не может безнаказанно нанести ущерб.

§ XXXI. Об истинном мериле наказаний и вознаграждений

Мерилом вознаграждений и наказаний граждан обществом должны быть выгоды или потери, которые при-

носят обществу эти граждане. Основанные на данном правиле законы справедливы, и их соблюдение ведет к счастью и спокойствию общества. Соотношение, в котором распределяются награды и наказания,— неоспоримый показатель мудрости общества и его процветания. В соответствии с этим принципом можно установить твердое правило, дающее возможность судить о состоянии нации и о качествах ее учреждений: нация может быть признана счастливой в тех случаях, когда награды оказываются неизменным уделом самых полезных для общего дела граждан. Таков естественный, законный и разумный источник различий в общественном положении людей и в воздаваемых им почестях. Нация перестает быть справедливой и становится несчастной, когда вопрос о вознаграждении решают страсти, предрассудки и прихоти людей или когда награды отнимаются у тех, кто полезен обществу. Наконец, общество достигает пределов разложения и несчастья, когда оно пренебрегает людьми, приносящими пользу, или даже наказывает их и когда бесполезные, предающиеся пороку и преступлению люди пользуются в нем уважением, избегают наказания и получают награды.

§ XXXII. Неравенство, установленное обществом

Итак, мы видим, что общество, как и природа, устанавливает необходимое и законное неравенство между своими членами. Это неравенство справедливо, поскольку оно необходимо для достижения неизменной цели общества — я имею в виду поддержание его существования и обеспечение его счастья. Очевидно, что общество должно проявлять любовь и уважение к гражданам, распределяя среди них свои благодеяния и награды в соответствии с пользой, которую от них получает; оно должно презирать, ненавидеть и карать тех, кто бесполезен или вреден для него. Для того чтобы воздаяния были справедливыми, они должны сообразоваться с потребностями общества и теми благами, какие доставляют ему граждане. Таково правило, которым общество неизменно должно руководствоваться в своих

чувствах и в своем практическом отношении к гражданам.

Но общество или, точнее, те лица, которые его представляют, совершенно так же, как и каждый из граждан, могут находиться в состоянии возбуждения под влиянием своих страстей, могут быть ослеплены предрассудками и предубеждениями — словом, могут оказаться лишенными рассудка; тогда общество нередко теряет чувство меры в своих привязанностях и в своей ненависти, в своих установлениях и законах, в своих взаимоотношениях с людьми. Оно оказывается тогда в состоянии безумства, заставляющем его относиться с уважением к самым бесполезным и даже вредным гражданам и в то же время презирать или преследовать тех, кого оно должно было бы ценить, если бы страсти не мешали ему оставаться справедливым и видеть свои подлинные интересы. Эта ослепленность правителей является щедрым источником несправедливостей и бедствий, грозящих разорвать связи общества и сделать непригодными условия жизни в обществе для его членов.

§ XXXIII. Об общественных добродетелях

Что иное может означать добродетель, как не деятельность на пользу общества? Воздерживаться от дурных поступков, не отнимать у кого бы то ни было преимуществ, которыми он пользуется, воздавать каждому должное в меру его заслуг, делать добро, содействовать счастью других людей, оказывать им помощь, выполнять все это — значит быть добродетельным. Добродетельным может быть лишь тот, кто способствует пользе, счастью и безопасности общества.

Важнейшая из общественных добродетелей есть *человечность*. Это квинтэссенция всех остальных добродетелей. Взятая в своем самом широком значении, человечность, или человеколюбие, есть чувство, представляющее всем существам человеческого рода право на наше сердечное к ним отношение. Основанная на прививаемых нам воспитанием доброте и чувствительности, человечность побуждает нас делать людям все

хорошее, что мы можем им сделать. Человечность является источником любви, благожелательности, щедрости, снисходительности и сострадания в отношении к себе подобным. В пределах общества, в котором мы живем, из человеколюбия вытекают также любовь к отечеству, родительская любовь, сыновняя жалость и сочувствие к родителям, супружеская нежность, дружба и расположение к близким людям и согражданам.

Силу следует рассматривать как одну из добродетелей; именно сила осуществляет защиту общества, т. е. обеспечивает ему безопасность. Силе обычно сопутствуют в человеке деятельный характер, величие души, мужество, терпение, скромность и сдержанность. Активность человека также следует отнести к добродетелям, потому что добродетели, направленные на благо общества, должны проявляться в деятельности, а не в праздности в отличие от напускных и мнимых добродетелей, которые в моде у людей, желающих обманом достигнуть высокого положения и часто ставящих себе в заслугу жизнь, проведенную без всякой пользы для других. Праздность — несомненный порок, встречающийся во всяком обществе. Общество может быть нам признательно только за деятельность, которая приносит ему пользу. Только такая деятельность достойна его уважения, одобрения и благодарности.

Справедливость является подлинной основой всех общественных добродетелей. Именно справедливость поддерживает равновесие между членами общества; именно справедливость, как мы видели выше, спасает общество от бедствий, которые могли бы явиться следствием природного неравенства людей; именно она умеет само неравенство людей поставить на службу общему благу; именно она обеспечивает людям их права, собственность, владения, личную неприкосновенность, свободу и ограждает их от посягательств силы и козней хитрости. Именно справедливость обязывает людей быть добросовестными и верными своим обязательствам, изгоняет из торговли обман, подделку товаров и другие хитрости; наконец, именно она обеспечивает справедливые законы и добросовестное распределе-

ние наград и наказаний в обществе, поощряет добродетель, обуздывает порок и заставляет образумиться тех, кто склонен кушить временное личное благополучие ценой несчастий себе подобных.

§ XXXIV. Общественные добродетели необходимы

Таковы требования, которые общество должно предъявлять к своим членам. Все говорит об их полезности. Они необходимы и не подлежат сомнению, так как основаны на природе человека и на постоянных, неизменных потребностях людей. Опыт показывает, что, по мере того как эти требования ослабевают, народы становятся все более несчастными; если же эти требования нарушаются, общество неизбежно должно распасться. Одним словом, все свидетельствует о том, что без справедливости не могло бы существовать ни одно общество. Исполнительная и законодательная власть не имеет других задач, кроме задачи осуществлять справедливость; как только она теряет из вида эту важнейшую цель или уклоняется от справедливости, общество превращается в скопище существ, разобщенных спорами и распрями, не связанных какими-либо общими интересами и как будто способных только вредить друг другу; это именно то состояние, при котором жить в обществе часто становится менее приятным, чем в состоянии дикости. Больше смысла жить одному, чем в окружении несправедливых существ, все время враждующих между собой в стремлении вырвать друг у друга благоденствия природы.

§ XXXV. О задачах правительства

Целью всякого правительства является счастье общества. Объединяясь в общество, люди соглашаются поставить себя в зависимость от могучей воли власти, являющейся представительницей их общей воли, чтобы достигнуть большего спокойствия и счастья, мирно и безмятежно наслаждаться плодами своего труда и, наконец, оградить себя от пороков внутри своего общества и от нападений извне.

Какова бы ни была форма той власти, которую народ согласился поставить над собою, какова бы ни была полнота власти, предоставленная им правительству, он никогда не желал и не мог желать предоставить правителям право быть несправедливым по отношению к нему, право ввергнуть его в нищету; целью народа никогда не могло быть ухудшение собственной участи. Возможно ли, чтобы люди, по доброй воле, в силу потребностей своей природы и стремления к счастью объединившиеся с целью помогать друг другу, пожелали при этом зависеть от власти, которая лишила бы их необходимых для их существования благ? Могло ли общество пожелать, чтобы то общее, что связало его составные части, превратилось в роковое орудие его распада и гибели?

Мы должны остерегаться верить чему-либо подобному. Если под влиянием сумасбродных предрассудков и невежества или в порыве исступления какое-либо общество оказалось бы настолько ослепленным, что отказалось бы от своих прав; если бы оно было покорено силой и путем насилия у него временно были бы отняты его неотъемлемые, дарованные природой права, — даже и тогда мы не должны были бы думать, что это общество потеряло право жаловаться, защищаться, протестовать против узурпации, примириться с которой оно не может себе позволить. Права общества по самой своей природе вечны и неотъемлемы, насилие же никогда не может стать священным правом.

§ XXXVI. Об истоках власти

Когда, руководимые светочем разума, мы возвысимся до понимания подлинных истоков власти, мы убедимся в том, что ее действительной основой является справедливость, что власть призвана объединять интересы людей и именно в этом заключено ее могущество, что счастье людей является целью, от которой никогда не должно уклоняться ни одно правительство, и что это счастье может быть достигнуто только путем добродетели. Ни один человек не откажется безвозмездно от своей естественной независимости; мы соглашаемся подчиниться воле других только в надежде на блага

бóльшие, нежели те, которые мы могли бы для себя обеспечить, следуя собственной воле. Граждане послушны закону, общественной воле, верховной власти только в надежде на то, что это вернее приведет их к прочному и долговечному счастью, чем их личные устремления и фантазии, слишком часто отклоняющие их от счастья. Власть отца над детьми имеет ту же основу, и послушание детей определяется тем же мотивом — благом, которое должно для них из этого последовать. Власть и авторитет богатого и могущественного гражданина признается бедняком потому, что этот последний ожидает от него помощи и защиты. Власть общества основана на тех преимуществах, которые оно обеспечивает своим членам. Наконец, власть тех, кто управляет народом, основана только на благах, которые получает народ благодаря талантам, заботам и добродетелям своих правителей.

О ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

§ 1. Что значит управлять

Управлять — значит обязывать членов общества точно выполнять условия общественного договора. Это значит побуждать или принуждать их содействовать общему благу, т. е. вести себя добродетельно. Если бы люди были разумны, они не стояли бы перед необходимостью подчиняться власти: довольный тем, что пользуется благами жизни, каждый человек не мешал бы и другим пользоваться этими благами, поскольку размышление убедило бы его в том, что благосостояние любого индивида самым тесным образом связано с благосостоянием его сограждан и не может быть отделено от последнего. Поэтому каждый оказывал бы людям точно такую же помощь, какую получал или предполагал получить от них в будущем. У человека, счастливого настолько, насколько позволяет его природа, никогда не могло бы возникнуть желание использовать против других людей свои физические и духовные преимущества. Ничто не принуждало бы человека ограничивать применение своих способностей. Человек оставался бы свободным, так как не был бы подчинен никаким другим законам, кроме законов природы. Личность и собственность человека были бы в безопасности, потому что никто не помышлял бы посягнуть на его права. Слабый не нуждался бы в покровительстве

сильного. Образованный человек по доброй воле отдавал бы обществу свои знания и таланты. Одним словом, ничто не могло бы склонить добродетельных и счастливых людей безвозмездно лишиться своей независимости, злоупотреблять которой никто не испытывал бы никакого желания.

Однако люди рождаются вместе со своими страстями; одни, сдерживаемые или руководимые разумом, т. е. сознанием собственных интересов, становятся полезными обществу гражданами; другие, направляемые слепым интересом, воображением, невежеством, ложью, всегда играют пагубную роль по отношению к обществу и его членам. Овладевая людьми, страсти заставляют их потерять из вида цель общества, в котором они живут, забыть о помощи, которую они обязаны оказывать другим гражданам и на которую эти последние имеют право рассчитывать, — короче говоря, заставляют предать забвению общие для всех людей потребности и стремления.

Поэтому на помощь разуму должна была прийти сила, которая представляла его, заставляла выполнять его правила и законы и подчиняла общему благу частные интересы людей всякий раз, когда казалось, что они отклоняются от этой цели. Люди должны были обратить внимание на то, что без применения силы общество отнюдь не обеспечило бы гражданам преимуществ общественной жизни, а лишь дало бы им возможность вредить друг другу, а само только и занималось бы их примирением и сближением. В самом деле, если бы каждый был занят лишь преследованием целей, диктуемых его страстями, без учета подобных же целей других, совершенно разнородные интересы на каждом шагу нарушали бы развитие общества и постоянно порождали бы соперничество между членами общества, весьма опасную борьбу. Наиболее сильные подавляли бы тех, кто послабее, наиболее ловкие обольщали бы тех, кто попростодушнее, — словом, каждый употреблял бы свои способности во вред себе подобным и индивиды, которые становились бы то жертвами насилия, то жертвами коварства, взаимно делали бы жизнь невыносимой друг для друга.

§ II. Полезность правительства

Чтобы избежать этих опасностей, каждое общество ощущает потребность подчиниться единой воле, единой власти, которая имела бы право повелевать всеми его членами; эта власть становится общим центром, в котором как бы сходятся отдельные воли, способности, устремления; этот центр выступает в качестве двигателя, который, будучи однажды приведен в действие, получив импульс, или заряд движения, от общества в целом, должен в свою очередь воздействовать на все его части. Поэтому каждый индивид ради собственного блага отказывается от независимости, поскольку осуществление этой независимости могло бы принести только гибель ему самому и другим людям; он подчиняет свою волю, свои способности и действия центральной силе, предназначенной для того, чтобы приводить в движение все общество.

§ III. Определение понятия «правительство»

Итак, правительство является властью, учрежденной общественной волей для того, чтобы регулировать действия всех членов общества и обязывать их содействовать осуществлению поставленной ею цели. Этой целью является безопасность, счастье и сохранность как общества в целом, так и всех его частей.

§ IV. Различия между правителями и подданными

Таким образом, после того как учреждено правительство, между людьми устанавливаются новые отношения. Один человек или группа индивидов получают право повелевать, другие им подчиняются. Обязанностью первых становится выражать свои желания, обязанностью последних — осуществлять их. Одни становятся *владельцами*, другие — *подданными*. Но каковы границы власти и повиновения? Такие границы существуют, они неизменны и определены справедли-

востью, т. е. общими интересами людей, объединенных в общество. Эти границы двусторонни и одинаковы как для правителей, так и для подданных; власть законна лишь до тех пор, пока она обеспечивает благосостояние общества; повиновение власти разумно и должно быть оказываемо добровольно лишь тогда, когда от этого повиновения зависит счастье общества. Подчиняться справедливому закону, исходящему от власти, которую общество одобряет, — значит быть послушным обществу, значит подчиняться общественному разуму в собственных интересах. Напротив, подчиняться несправедливому закону, исходящему от власти, противоречащей природе и цели общества, — значит быть послушным страсти, капризу и безрассудству.

Таковы общие принципы, на которых, как утверждает разум, основано всякое правительство. Рассмотрим теперь, каким путем оно возникло.

§ V. Происхождение правительства

Высказывать догадки о происхождении различных правительств, существующих в настоящее время на земле, значило бы дать слишком широкий простор воображению или бесполезным фантазиям. Было бы неразумно предполагать, будто все они возникли одинаковым образом, при одинаковых условиях, и стремиться подвести их под один образец. Они были, по всей вероятности, порождены различными обстоятельствами, идеями, страстями — словом, до бесконечности разнообразными потребностями; их рост и усиление поддерживали, по-видимому, различные силы, средства и события; их ослабляли, вероятно, многочисленные причины, которые быстрее или медленнее вели к их разложению.

Попытаемся, однако, проследить ход развития человеческого разума и человеческих обществ по тому, как возникали правительства; мы вряд ли рискуем ошибиться, если будем исходить из самых общих, широко распространенных убеждений и самых естественных представлений, присущих человеку.

§ VI. Управление людьми существовало всегда

Строго говоря, людьми управляли всегда. Эта истина никому не покажется странной, если хоть немного вдуматься в нее. Поскольку человек — продукт общества, в котором в детские годы ему оказывали помощь и к которому в зрелом возрасте его еще прочнее привязали потребности, им с первых же дней его жизни по меньшей мере руководил его отец. Независимо от теории, которой мы будем придерживаться относительно древних времен человечества, — предположим ли, что человечество существовало вечно или что оно существует ограниченное время; будем ли утверждать, что род человеческий произошел от одного человека или что он всегда находился в состоянии, примерно похожем на то, какое мы наблюдаем теперь, — в каких-то формах общество существовало во все периоды истории человечества. Даже если истоком общества являлась одна семья, признававшая, что у нее есть глава, семья эта в конце концов должна была стать настолько многочисленной, что в дальнейшем один человек не мог управлять ею. Уважение и повиновение членов семьи, которыми располагал первый отец, являвшийся по существу и первым королем, власть, которой он пользовался, в дальнейшем неизбежно должны были быть распределены между теми, кто ему наследовал, и со временем ослабеть и даже совсем исчезнуть. Новые интересы, потребности, обстоятельства различного рода породили раздоры и войны, переселения и революции, вызвали к жизни новые общества. С другой стороны, всеобщие стихийные бедствия, такие, как чума, голод, землетрясения, наводнения, приводили к разделению некоторых обществ и переселению с освоенных земель людей, которым удавалось избежать гибели. Но какова бы ни была судьба этих бродячих толп людей, оторванных от обжитых мест поселения, они не могли совершенно забыть о том, что когда-то жили под властью какого-то правительства, что ими кто-то управлял.

Это один из моментов, из которых следует исходить, чтобы обнаружить в глубинах исторического прошлого

не призрачные и фантастические, а действительные истоки современных правительств.

§ VII. Польза общества — первоисточник верховной власти

Когда после известного промежутка времени эти рассеянные стихийными бедствиями общества попали в более спокойные условия, они стали помышлять о восстановлении у себя правительственной власти; естественно, что их взоры должны были обратиться на людей, которые были им полезны более других и от которых они могли надеяться получить в дальнейшем еще больше пользы. Доброта, умение быть полезным — вот естественные основания для того, чтобы управлять людьми; именно они, без сомнения, дали власть первым правителям. Чем дальше мы углубляемся в темную ночь древности, тем определеннее скудные сведения, сохранившиеся об этих мрачных временах, показывают нам, что первые правители, как и первые боги, являлись благодетелями человеческого рода. Всевозможные *озирисы, гермесы, триптолемы*¹ были вождями и руководителями диких и грубых народов, которые, предоставив им при их жизни верховную власть, простирали свою благодарность и за пределы земного мира. Людей, которые были при жизни полезны послушным им обществам, после смерти народы почитали, как божества.

Народы, подвергавшиеся свирепым насильственным посягательствам и внезапным нашествиям со стороны других соседних обществ, сближались между собой в целях самозащиты; при выборе вождей им приходилось обращать взоры на тех, кого они считали наиболее способными защитить их. Сила — важнейшая из добродетелей, первое из достоинств в обществе, сплотившемся под влиянием слабости и страха; для такого общества она необходима. *Гермес, Тесей* и почти все другие герои древних времен отличались, по преданию, необыкновенной силой, непоколебимым мужеством и изумляли всех своими подвигами.

Свободный выбор государей часто должен был приводить народы также к подчинению власти тех, кто

отличался благоразумием, мудростью, добродетельностью, а главное — величием души, превосходством разума, способностей и знаний, т. е. качествами, покоряющими простого человека, изумленного тем, что он обнаруживает у вождей такие данные, такую находчивость и умение найти выход при трудных обстоятельствах, которые он считает *божественными*, потому что сам на все это не способен. Эти выделявшиеся своими знаниями люди становились законодателями обществ; они подчиняли общество определенному порядку, разъясняли гражданам непонятные явления природы, которые пугали их и заставляли обращаться в бегство, принуждали богов говорить, устанавливали культы, возвещали прорицания небес и часто к действительным благодеяниям примешивали ослепление и обман, с помощью которых поработали своих сограждан. Таким путем им удавалось достигнуть наибольшего почитания народов и наибольшего авторитета своей власти; законодателями именно такого рода были Орфей, Минос, Нума, Анк².

§ VIII. Происхождение аристократии

Многие из разрозненных семей могли объединяться ради своих общих интересов и взаимной защиты; объединение таких небольших обществ ничего не меняло в управлении, установленном их отцами. Глава каждой из семей по-прежнему сохранял за собой власть; объединив свои воли, главы семей совместно регулировали жизнь общества, образовавшегося из этих групп людей, прежде разрозненных и разобщенных между собой. По всей вероятности, именно по такому образцу создавались аристократические республики.

§ IX. О завоевании

Наконец, большое число правительств возникло в результате насилия и грабежа. Удачливые грабители с помощью других грабителей с оружием в руках обрушивались на общества, поработали их, захватывали силой их владения, ниспровергали их правительства и отменяли законы; одержав победу и истребив вождей,

управлявших этими обществами, узурпаторы занимали их место; народы, потерпевшие поражение, были вынуждены трепетать от страха и покорно принимали новое ярмо, навязанное им без всякого согласия с их стороны. Так были основаны новые империи *нимферодами*³, *сезострисами*⁴, *александрами*, *хлодвигами*.

§ X. Федеративные республики

К большим обществам присоединялись более мелкие. Это присоединение осуществлялось либо по доброй воле, либо с применением силы. Некоторые нации, неспособные защитить себя, искали покровительства более могущественных наций. Некоторые государства при виде преимуществ, которыми пользуются их соседи, отказывались от своей независимости и подчинялись правительствам тех государств, которые могли обеспечить им эти преимущества. В других случаях общества, слишком слабые, чтобы оказать сопротивление, вопреки их воле включались завоевателями в состав более сильных государств. Наконец, общества, равные по своим силам, иногда образовывали федерации и на определенных условиях объединялись для того, чтобы отразить силу более могущественную, чем та, какой они располагали поодиночке. Такой федерацией был когда-то союз *ахейцев*⁵; в настоящее время такой федерацией является *Швейцарский союз* и *Союз объединенных провинций*⁶.

К одному из этих путей или способов можно отнести образование каждого из правительств, между которыми в наше время поделена вся земля. История не дает нам ни одного примера, когда бы общество шло какими-нибудь другими путями при избрании своего правления. Как бы то ни было, мы считали бы бесполезными все эти поиски ощупью во тьме веков первоначальных истоков власти, если бы льстецы и обманщики не приложили все усилия, чтобы изобрести версию об идеальном происхождении власти и создать для тех, кто управляет обществом, звания и титулы, будто бы дающие им право угнетать и притеснять людей. Пустые титулы! Ложные права! Они рассеиваются перед лицом разума. Разум покажет нам, стоит лишь обра-

тяться к нему за советом, что, каковы бы ни были потребности и обстоятельства, заставившие общества подчиниться какому-либо правительству, ни одно общество никогда не могло дать согласие на то, чтобы его правитель вверг его в нищету и несчастья. Непреложным является то, что насилие, обман или заблуждение могут затемнить истину и помешать людям увидеть ее, но никогда не могут окончательно ее уничтожить.

§ XI. Происхождение монархий

Как мы смогли убедиться, люди всегда имели перед глазами прообраз правительства. Рождаемые в семье, управляемой отцом, они никогда не могли этого забыть. Общество, сформировавшееся из множества разрозненных семей, объединило их интересы и сделало из них одну семью. Но был ли у этой большой семьи один глава или их было много? Без сомнения, могло случиться и то и другое. Однако это не меняет сути дела; так или иначе все заставляет нас считать, что благоразумие в обоих случаях скоро должно было привести людей к одним и тем же выводам.

Жизненный опыт еще в самые отдаленные времена должен был подсказать им, что совместное правление нескольких лиц с разными интересами, страстями, желаниями, редко согласных в своих убеждениях, в своем поведении и взглядах, пусть даже самых правильных и справедливых, всегда оставляет желать лучшего, а нередко наносит даже вред единству общества, усложняет его действия, затрудняет осуществление его планов и не дает ему возможности быстро и без огласки проводить в жизнь свои начинания. Поэтому люди очень скоро убедились в преимуществах управления, осуществляемого одним лицом. Такое правление, называемое *монархией*, имело в качестве своего прообраза управление семьей.

Общество хотелось видеть в монархе отца, руководящего любимыми детьми ради их блага. В нежные детские годы отец заботится о безопасности своих детей; защищает их, поскольку они слабы; предусматривает их потребности, постепенно подготавливая их

к тому, чтобы они могли стать полезными, когда вырастут и окрепнут; приучает их в меру сил и способностей содействовать благополучию маленького общества, членами которого они являются. Итак, монархическое правительство представлялось умственному взору людей вполне естественным образом правления.

Если особые обстоятельства и заставляли порой общества доверять верховную власть многим отцам семейств, которых эти общества считали в равной мере способными к совместному управлению, они неоднократно имели возможность рассеять свои заблуждения и разочароваться в убеждении, будто ими найдена форма прочного и устойчивого правительства, всегда одинаково пригодного для осуществления их чаяний. Члены правительства, пользовавшиеся одинаковой властью, никогда не были равны по своим силам, добродетелям и талантам; их разделяли присущие каждому страсти. Общество принимало участие в их раздорах; оно разделялось на партии и нередко на горьком опыте бедствий, которые само себе причиняло, убеждалось в необходимости возвратиться к правительству, во главе которого стоит один человек. Монархия почти всегда оказывалась спасением для больших и разделенных на части обществ; общество надеялось найти в ней тот отдых, по которому томятся люди, уставшие терзать друг друга.

§ XII. Неудобства монархии

Монархия имела и свои неудобства. Злоупотребление всегда соседствует с властью; правда, силы общества, сосредоточенные в руках одного человека, обладают большей энергией и действенностью, но именно поэтому они таят в себе и большие опасности для самого общества.

Монарх забывал о своих обязанностях; его подданные в свою очередь забывали о своих; возмущенные злоупотреблениями государей, они противопоставляли силе силу и, если их усилия увенчивались успехом, иногда изменяли форму правления и льстили себя надеждой найти в этих переменах высшее счастье и благоденствие, которого были до сих пор лишены.

Исступленность страстей редко давала людям возможность спокойно, без спешки осуществить реформу правительства. Действиями общества, его выступлениями руководила ярость; оно надеялось найти тем большее счастье, чем дальше отойдет от формы правления, связанной с злоупотреблениями, которые недавно на себе испытало. Даже само название старого правительства становилось ненавистным обществу; вместо того чтобы ограничиться умеренными и легко осуществимыми изменениями, люди предпочитали низвергнуть все. На смену монархии, деспотизму и тирании приходило правительство, которое называют республиканским.

§ XIII. О демократии

Когда все общество в целом брало на себя осуществление власти и само устанавливало законы, такое правительство носило название *демократии*. Верховная власть переходила к обществу в целом. Но беспорядок, который водворялся здесь, вскоре превращал такое общество в разновидность анархии. Утомленное своей неспособностью действовать, борьбой страстей и безумствами граждан, общество передавало власть нескольким лицам, которых оно избирало, поручая им представлять его. Эта власть вверялась обществом с ограничениями или без ограничений. Иногда народ оставлял за собой право создавать, рассматривать, одобрять или отвергать законы; в других случаях он полностью доверял эту заботу своим должностным лицам, тогда ему не оставалось ничего, кроме функции послушания.

Такой вид правления был назван *аристократией*. Принимая его, общество имело в виду передать власть, слишком беспокойную и шумную, когда она осуществляется всем народом в целом, в руки некоторого числа граждан, которые, как предполагалось, должны были пользоваться равным влиянием и обладать одинаковыми талантами и добродетелями.

§ XIV. Неудобства демократии

При демократической форме правления каждый гражданин оставался, если можно так сказать, незави-

симым: его свобода была ограничена только теми законами, которые он сам считал необходимым вменить себе в обязанность. Люди исходили из убеждения, что правила, в равной мере обязательные для всех граждан, должны быть самым верным средством против неравенства, присущего им от природы. Надеялись, что каждый, пользуясь своими правами, больше не окажется жертвой силы. При этом совершенно не заметили того, что намерение установить между людьми равенство — пустая мечта. Не заметили, что даже видимость равенства может быть достигнута лишь случайно и на очень непродолжительное время; не учли, что страсти индивидов, принимающие при демократии гораздо более свободный размах, чем при других формах правления, должны породить и более тяжелые последствия. Народ, слишком часто неспособный размышлять, в мгновение ока становится причиной неисправимых бедствий. Странники демократии не видели, что, в то время как открытая сила ничего не могла сделать с гражданами, лживые обещания, уверения и исполненные ложного энтузиазма призывы некоторых властолюбцев явились верным средством, чтобы возбудить ярость неосторожных и безрассудных народных масс.

Мы видели, что правление народа всегда подвержено непрерывным потрясениям, волнениям и бурям; его власть бессильна, потому что слишком раздроблена; она не пользуется никаким уважением, потому что любой член общества, зная, что он является носителем власти, считает себя вправе ею злоупотреблять; она несколько не поражает чувства и воображение, так как ее представительство не обладает необходимой силой; при ней каждый гражданин считает себя независимым и дает волю своим страстям. Независимый народ, который сам осуществляет верховную власть, обольщенный демагогами, становится их рабом и послушным орудием их злобных замыслов. Беспокойные граждане делятся на политические партии, во всех умах разгорается огонь раздоров и разногласий; гражданские войны раздирают на части общество, которое, будучи слепым в привязанностях и в ненависти, нередко уверяет себя самым опасным врагом и ожесточенно

преследует подлинных друзей. Оно бросается в объятия какого-нибудь предателя, который заставляет его расплачиваться свободой за целебные средства, на деле оказывающиеся ядами. В конце концов народ, утомленный собственными излишествами, ввергает себя в рабство, подчиняясь одному человеку или небольшому числу людей, и считает себя счастливым, сменив вольность на оковы⁷.

§ XV. Опасности аристократии

Для того чтобы избежать этих бедствий, слишком часто сопутствующих народному правлению, общество иногда прибегало к аристократии. Оно выделяло среди граждан людей, которых считало заслуживающими доверия. При этом, нередко руководствуясь в выборе только пристрастиями и невежеством и прислушиваясь к клевете, оно становилось жертвой тех, кто должен был бы его защищать и охранять. Между его руководителями не было и не могло быть согласия; каждый из них, исходя из честолюбивых и эгоистических побуждений, стремился возвыситься над своими коллегами, которые становились его соперниками; эти люди были неравны как по способностям, так и по силе влияния; пока никому из них не удавалось взять верх, в обществе возникало много заговоров, козней, интриг; любой честолюбец создавал свою партию и имел приверженцев, которые вели борьбу в его пользу; в конце же концов разделенный на части, истерзанный и измученный народ ценой своей крови приобретал новых повелителей, оказывавшихся счастливее своих соперников, или же становился жертвой самой сильной из партий.

Руководители республик не всегда предавались подобным недостойным злоупотреблениям; иногда в своих личных интересах они пытались предупредить возможные последствия властолюбия равных им граждан; строгие законы поддерживали между ними равенство, не распространявшееся на всю остальную часть нации; но народ ничего не выигрывал от этого; он был подчинен многим повелителям, которые совместно

поработили его, руководствуясь общей всем им целью держать его в рабстве и пользоваться плодами его покорности. Таким образом, несколько могущественных семейств становились хозяевами государства и делили между собой все его достояние; вместо одного верховного властителя народ получал нескольких тиранов, объединившихся против остальных граждан, и гнет этих тиранов оказывался тем более жестоким, что в нем было более продуманности, последовательности и систематичности. Страсти отдельного человека с течением времени изменяются и исчезают вместе с этим человеком; страсти постоянно существующего сословия, всегда связанные с его интересами, меньше подвержены изменениям.

§ XVI. О смешанных республиках

Наученные горьким опытом, какие несчастья несут с собой демократия и аристократия, общества пытались смягчить одну посредством другой; они надеялись, что мудрость самых прославленных, просвещенных и богатых людей сможет умерить горячность вспышек народного гнева. Воображали, будто народ будет внимательно и неотступно следить за поведением граждан, с которыми разделил власть; предполагали, что он будет заботиться о собственных интересах и сохранять способность самообуздания.

Эти надежды оказались напрасными. Самые видные из граждан образовали собрание или *сенат*, интересы которого почти никогда не были интересами народа; сенат стремился господствовать над народом, народ же в свою очередь — над сенатом. Отсюда извечное разделение этих двух сил в государстве. Оно породило зависть и соперничество, подозрительность и постоянное недоверие. С одной стороны были хитрость и ловкость, с другой — вспышки ярости и неистовства; силы государства почти никогда не могли сохранить равновесие и объединиться, чтобы действовать сообща; самые разумные законы, самые полезные начинания, самые выгодные для общества планы задерживались или отвергались как гнусные и подозрительные. Из-за постоянной напряженной борьбы народа против сената и сената

против народа общество всегда находилось в состоянии раздора; занятое борьбой с самим собой, оно становилось жертвой властолюбцев, которые умели извлечь выгоду из его неосторожности, чтобы возвыситься за счет гибели своих соперников; в итоге эти властолюбцы заковывали в цепи родину, похваляясь в то же время, будто служат ей; борьба политических партий в смешанных республиках почти всегда заканчивалась захватом власти и тиранией. Такова была организация власти в древнем Риме, такова же была и судьба этого города.

§ XVII. О феодальном правительстве

Есть еще один тип правительства, который иногда включают в число республик: он ведет свое происхождение от разбоя, бесчинства и войны. Короли-завоеватели, стремясь привязать к себе воинов, предоставляли им — иногда добровольно, а иногда уступая силе — независимость, а вместе с пей нередко и гибельную власть. В таких случаях монархия сочеталась с аристократией. Воины, ставшие обладателями известной части верховной власти и владельцами земель побежденного народа, хотели одни быть представителями этого народа. Они образовывали для монарха барьер, который он не мог преодолеть; законы умолкали перед этими вооруженными «представителями» народа; монарх при таком способе управления почти всегда оказывался слишком слабым, чтобы иметь влияние на ход дел; народ же был раздавлен под властью множества тиранов, которые жили по законам анархии и считали, что их свобода заключается в праве безнаказанно угнетать своих несчастных сограждан. Они предусмотрительно связывали руки монарху, чтобы он никогда не мог противиться их произволу.

Таков *феодальный* образ правления, некогда установленный во всей Европе, возникший во времена смут и беспорядка, основанный разбойниками, привыкшими бесчинствовать и своевольничать под предводительством завоевателей, которым они служили опорой. Этот варварский образ правления, или, точнее говоря, этот систематический беспорядок, сохранился до сих

пор во всей своей дикости в Польше; он частично существует в немецкой империи, и его заметные следы можно еще найти во всех современных правительствах.

§ XVIII. О движущей силе республик

Движущей силой республиканского режима является добродетель, говорит один прославленный автор⁸. Но если присмотреться внимательнее и ближе, то, мне кажется, можно обнаружить, что в республиках поклоняются другому идолу, которому сама добродетель всегда приносилась в жертву; этот идол — равенство. Выше уже было показано, что это равенство оказалось призрачным и неосуществимым, что природа не даровала его существам нашего вида и старания установить равенство среди людей были бы напрасны. В республиках любовь к равенству породила у граждан чувство зависти и недоверия даже к добродетели, причем эта зависть ополчилась против талантов и заслуг, против самых блестящих подвигов; все стали опасаться людей, которых следовало уважать, и бояться, как бы такие люди не воспользовались своим заслуженным влиянием и не подчинили себе общество.

Эти настроения порождают благоприятствующую свободе настроенность, но вместе с тем они являются и источником неблагодарности и множества несправедливостей, способных лишить энергии достойных людей и погасить в них любовь к родине. Вполне справедливо упрекают республики в этих недостатках, наносящих так много вреда обществу. Чем с большим блеском проявляет себя добродетель, тем невыносимее она кажется людям, опьяненным этим романтическим равенством, стремление к которому в сущности есть не что иное, как зависть. Если верно, что основывает республики и служит им опорой энтузиазм добродетельных и благородных людей с возвышенными душами, то так же верно и то, что такого рода пылкие настроения не бывают обыкновенно продолжительными; когда полезная деятельность притесняется и несправедливо наказывается, это поощряет преступность; любовь к равенству кончает тем, что разрушает здание, которое

было воздвигнуто добродетелью и поддерживалось ею некоторое время. Аристид стал жертвой остракизма, а после Фокциона кто мог бы иметь достаточно дерзости, чтобы быть добродетельным в Афинах?⁹

Впрочем, в республиках преданность республиканским институтам и законам нередко сама становится гибельным предрассудком. Ни один человеческий закон не издается для того, чтобы действовать вечно; только вечные законы нашей природы имеют свойство руководить нами постоянно. В республике же изменение какого-нибудь закона почти неизбежно вызывает революцию. Разум часто вынужден с уважением относиться к идолам народа; он дорожит ими по привычке даже и тогда, когда они приносят большой вред. С другой стороны, претенденты на власть, нередко ищущие случая использовать в своих личных интересах беспорядки в стране, постоянно побуждают народ к волнениям под предлогом изменений и реформ.

§ XIX. Об ограниченной монархии

Общества, как и отдельные индивиды, непрестанно стремятся изменить свою участь к лучшему. Неудобства всех, в том числе даже умеренных, республик привели народы к убеждению, что они могли бы стать счастливее, если бы им удалось соединить с республикой монархию. Стали считать, что власть, уравновешенная таким образом, обуздывает злоупотребления королей, честолюбие аристократии и горячность народа. Из сочетания этих трех видов правления родилось то, что называют смешанной, или ограниченной, монархией. Посредством такой монархии надеялись достичь правильного распределения общественных сил.

Люди чувствовали, что для предупреждения злоупотреблений, неотделимых от всякой власти, следует передать власть в руки представителей разных слоев населения, чтобы помешать какому-нибудь одному из сословий государства нарушить равновесие в свою пользу. Такое правительство рассматривалось как шедевр человеческого разума. При нем неизменные за-

коны в равной мере повелевают всеми членами общества; сам монарх признает их власть; они связывают ему руки, когда он желает совершить зло, и оставляют ему только сладостную свободу вершить добро. Каждый гражданин защищен законами от насилия. Эти законы больше не находятся в зависимости от капризов и прихотей верховного правителя или его двора; народ, представленный сенатом, членов которого он сам избирает, принимает участие в создании законов, предписываемых им самому себе, а наиболее видные по происхождению, богатству и общественному положению граждане сотрудничают между собой в сенате. Наконец, законность облечена королевской властью, ибо за королем сохраняется обязанность осуществлять законы. При такой форме правления законы являются лишь выражением общественной воли. Личность, собственность, свобода каждого индивида становятся священными предметами, на которые не может безнаказанно посягнуть никакая сила.

Англия дает нам пример попытки осуществления такой формы правления. Если представляется возможным, чтобы какое-нибудь созданное людьми общественное установление было в состоянии обеспечить народу счастье, то таковым, вне всяких сомнений, должно быть правление, которое сочетает в себе, уравнивает и смягчает все формы правления, какие только люди могли изобрести до настоящего времени.

Однако не существует такого здания, которое не могло бы быть подточено человеческими страстями. Не существует законов, столь мудрых и строгих, чтобы хитрость или сила не сумели в конце концов от них уклониться, обойти или нарушить их. Человеческий разум не может предвидеть и предупредить все обстоятельства, события, революции, которые предназначены людям судьбой. Скрытые страсти подобно подземным водам постепенно и незаметно разрушают самые прочные постройки. В один прекрасный день, быть может, обнаружат, что и эта форма правления, кажущаяся нам сегодня столь удачной и заслуживающей восхищения, обладает недостатками всех трех форм правления, которые она в себе объединяет.

Быть может, ловкий монарх сумеет заставить представителей народа помочь ему закабалить народ. Какую только власть ни приобретают деньги над алчными людьми, становясь единственным мотивом их поступков! Монарх, владелец несметных богатств, легко может совратить некоторых жадных и скупых граждан. Верховному правителю, полновластно и деспотически распоряжающемуся наемными войсками, не трудно подчинить себе силой тех, кого он не может совратить или подкупить. Разобщенные граждане представляют собой в конце концов лишь очень слабую преграду на пути последовательно осуществляемых замыслов властолюбивого короля. Продажная аристократия — недостаточно прочное ограждение против произвола власти. Наконец, исполненный беспокойства неугомонный народ, принимающий свое необузданное и вольное поведение за свободу, сам может с легкостью броситься в западню и дать одеть на себя оковы. Постоянное благополучие народа может иметь действительно прочную основу только в просвещенном разуме, в искренней любви к общественному благу, добрым нравам и добродетели. Непросвещенные и лишенные нравственности люди созданы для того, чтобы рано или поздно стать рабами.

§ XX. Об абсолютной власти

При всяком образе правления необходима абсолютная власть. Какова бы ни была эта власть, она должна располагать по своему усмотрению всеми силами общества, ради чего ей следует не только устанавливать законы, но и обладать достаточной мощностью, чтобы заставлять выполнять эти законы и устранять преграды, которые могут воздвигать на пути к их осуществлению страсти отдельных граждан. Общество не могло бы осуществлять свои планы, если бы общественная власть не обладала достаточной силой, чтобы принудить всех граждан государства содействовать общему счастью, сохранению общества и его безопасности.

Власть должна также принимать решения о том, какие пути являются для этого наилучшими. Словом, центральная сила общества создается для того, чтобы

дать общее направление всем частным устремлениям, и она должна быть достаточно могущественной, чтобы заставить их присоединиться к этому направлению. При ограниченной силе власти правительство не могло бы быть деятельным и энергичным, а пороки членов общества могли бы сделать беспомощным или даже опасным объединение, целью которого является общее благо.

Эту истину осознали даже наиболее ревностно относящиеся к своей свободе общества: в разгар жесточайшей политической борьбы они нередко были вынуждены, по крайней мере на какое-то время, подчиняться неограниченной власти. Такова была *диктатура* в Риме.

Но в какие руки следует передать столь необходимую власть? Как воспрепятствовать ее вырождению и нестерпимым злоупотреблениям? Задача представляется трудно разрешимой. Если доверить управление одному человеку, он становится единственным центром общества, сосредоточивает в своих руках всю власть, заставляет всех служить лишь ему и все силы государства использует для удовлетворения личных страстей. Поэтому абсолютная власть, доверенная без ограничений одному человеку, может являться лишь следствием неосторожности и безумия. Может быть, следует передать верховную власть небольшому количеству избранных граждан? Но они станут вскоре тиранами общества. Может быть, народ должен сохранить всю полноту власти в своих руках? Но он не знает, как пользоваться властью, и если случайно сам возьмется управлять, то это будет управление, лишённое осмотрительности, рассудительности, благоразумия и часто обращенное против его самых важных интересов.

Как же выбраться из этих затруднений? Нет более верного пути, чем разделение власти между различными сословиями общества, ибо, когда она сосредоточена в руках одного сословия, это дает ему возможность угнетать народ. Такой план вовсе не является неосуществимым или фантастическим; необходимо, чтобы власть монарха всегда оставалась подчиненной власти представителей народа и чтобы эти представи-

тели сами постоянно зависели от воли уполномочивших их людей, от которых они получили все свои права и по отношению к которым они являются исполнителями, доверенными лицами, а отнюдь не хозяевами.

§ XXI. Ни одна из форм правления не является совершенной

Мы, несомненно, вступили бы на ложный путь, пытаясь найти совершенство в какой бы то ни было форме правления. Самой совершенной является та форма правления, которая обеспечивает наибольшему количеству граждан счастье и безопасность от проявления страстей меньшинства. Самым мудрым надо признать то правительство, которое постоянно проявляет требовательность по отношению к самому себе; его неусыпная бдительность должна непрестанно сдерживать и направлять машину, которая ежеминутно портится, ослабевает, отклоняется от цели в своем движении.

Справедливое правительство проявляет заботу о том, чтобы каждый гражданин пользовался всеми преимуществами жизни в обществе при наибольшем равенстве, какое только можно осуществить; ибо, чем равномернее распределено счастье между людьми, тем счастливее общество в целом. Последний из граждан имеет такое же право на пропорциональное его положению в обществе, его заслугам и способностям благополучие, как самый знатный гражданин и даже монарх.

Все формы правления имеют реальные преимущества и недостатки. Все они без исключения представляют больше неудобства и несут в самих себе причину своего разложения и гибели. Если злоупотребление властью ведет к тирании, то злоупотребление свободой ведет к распущенности, столь же губительной для государств, как и тирания, потому что каждый индивид превращается здесь в тирана по отношению к другому. Когда власть сконцентрирована, она обладает большей действенностью и силой, следовательно, таит в себе больше опасностей. Ну, а если она разделена? Тогда она становится более слабой; многочисленные и сложные орудия обыкновенно не действуют с такой же лег-

костью, как те, которые просты по структуре и немногочисленны. Ну, а если народ злонамерен, испорчен, распущен? Значит, у власти нет больше никакой силы. А если народ поработан? Тогда он становится вялым, теряет всякую энергию. Если граждане начинают пренебрегать законами, не признавать их? Тогда все приходит в беспорядок. А если граждане проявляют по отношению к законам чрезмерную и рабскую привязанность? Тогда во многих случаях эти законы оказываются гибельными.

Благодаря чему же будет разрешен этот вопрос и найден выход из этих затруднений? Такой выход будет найден разумом, а при его недостатке — силой и необходимостью. Именно необходимость порождает самые великие блага из лона несчастий: из чрезмерного, невыносимого рабства — мстителей, борцов за свободу; из пучины бедствий и несчастий — счастье.

Следовательно, справедливое равновесие власти и свободы — вот что дает в результате хорошую форму правления. Итак, всякое правительство, какое бы название оно ни носило, будет хорошим, если обеспечит счастье большинству граждан, подчиненных его власти. Оно достигнет этой цели, предоставляя гражданам ровно столько свободы, сколько необходимо для того, чтобы каждому из них иметь возможность трудиться ради своего счастья, не нанося вреда остальным.

§ XXII. Одна и та же форма правления непригодна для всех народов

Одна и та же форма правления не может быть подходящей для всех. Люди разделены тем, что проживают в разных странах; у них различные нравы и обычаи, различные убеждения, предрассудки и потребности; ревозможно поэтому, чтобы всем им мог подойти один и тот же образ правления. Размеры территории государства, его географическое положение, характер продукции, которую оно производит, — все эти моменты также определяют необходимость различий в формах власти¹⁰. Если бы все народы были равны по силе и просвещенности или разуму, ими нетрудно было бы

управлять. Если бы все они имели добродетельных государей, то были бы счастливы в равной мере.

§ XXIII. Спокойствие в государстве не является признаком высоких достоинств его правительства

Но какое же правительство, могут спросить нас, является самым устойчивым и спокойным? Быть может, люди поддадутся искушению думать, что эти признаки позволяют судить о достоинствах правительства, о его склонности к добру? Однако это заблуждение. Продолжительность существования правительства отнюдь не свидетельствует в его пользу. Обширные страны Азии в течение тысячелетий стонут под игом бессмысленного деспотизма, который, несмотря на частые переходы власти из рук в руки, повелевает всегда одинаково несчастными рабами. Люди, скованные невежеством, ленью, а еще больше суевериями, свыкаются с гнетом и терпят его по привычке. Тупое оцепенение, свойственное их образу жизни, мешает им осознать, что на свете есть люди, судьба которых лучше их горькой доли.

§ XXIV. Могущество и богатство не являются доказательствами счастья

Могут думать, что могущество государства и его превосходство над окружающими странами, его богатства, успешная торговля и плодородие его земель дают нам возможность судить о склонности его правительства к добру. Но это заблуждение, и мы должны от него освободиться. Самые могущественные по своему внешнему положению империи в их внутренней жизни часто оказываются самыми несчастными и хуже всего управляемыми.

Когда неистовство войны овладевает каким-нибудь народом или, точнее, теми, кто им управляет, каков бы ни был размах завоеваний этого народа, какими бы успехами ни увенчались его подвиги, как бы ни было велико то временное превосходство, которого он достигает над своими соседями, — ему приходится дорого

платить за свои кажущиеся преимущества, и его внутреннее благосостояние всегда только страдает от этого. Воинственные народы, народы-завоеватели похожи на тех зловредных насекомых, которые гибнут на ранах и язвах, образовавшихся от их укусов.

Природные богатства и изобилие плодов земли — одним словом, преимущества, которые даруются природой страны и ее производством, вовсе не свидетельствуют в пользу правительства, не являются доказательствами его достоинств. Существует ли страна, более богатая и в то же время несчастная, чем Индостан?

Единственное, что по праву дает основание судить о мудрости правительства, — это правильное, разумное использование им земель страны, ее жителей и ее богатств, это счастье, которое оно обеспечивает для подданных. Умение объединить волю граждан и направить ее на содействие общему благу — вот что свидетельствует о действительной силе государства. Сила государства, в котором страсти разделяют подданных и противопоставляют их интересы интересам общества, не является ни реальной, ни устойчивой; правительство становится плохим, как только в нем утвердились плохие нравы; порочное общество никогда не может быть счастливым. Все его успехи, все его усилия могут быть лишь плодом мгновенного порыва. Воинственное правительство, всегда подвижное и подверженное постоянным изменениям, совершенно не способно заниматься общественным благосостоянием; счастье общества неизменно приносится им в жертву честолюбивому нраву государей и беспокойному злему гению придворных льстецов и великих мира сего. Алчное правительство, взоры которого обращены только в сторону коммерции, будучи охвачено страстью к накоплению богатств, приносит в жертву своему идолу решительно все, стремится во что бы то ни стало добиться богатства и развращает нравы граждан.

§ XXV. О первоначальных основах власти

Макиавелли сказал, что ни одно правительство не могло бы просуществовать в течение длительного вре-

мени, не обращаясь неоднократно к своим первоначальным принципам¹¹. Истинность этого правила вне всяких сомнений, если под первоначальными принципами имеется в виду природа человека, цель объединения людей в общество, общее благо и справедливость. При таком понимании вопроса во все времена можно здраво судить о достоинствах правительств, о законах и общественных учреждениях. Вместе с тем обстоятельства жизни народов постоянно изменяются, и потому было бы ошибкой стремиться использовать в наше время первоначальные общественные учреждения, которые под влиянием времени часто становятся бесполезными или даже просто опасными. И однако народы впадают в эту ошибку почти на каждом шагу.

Что происходит обыкновенно, если общество страдает от каких-нибудь бедствий? Реформаторы немедленно прибегают к изысканиям, стремясь возвратить общество к тому, что практиковалось в давние времена; они хотят, чтобы устаревшие средства излечивали современные недуги; они заимствуют у античного мира законы, которые часто являются безрассудными, перенимают абсурдные обычаи, опираются на малодостоверные факты, варварские и вредные права — одним словом, хотят принимать такие же решения, какие принимали их отцы и деды. Между тем самые трудные и важные вопросы были бы немедленно разрешены, если бы люди обратились к первоначальной основной цели всякого общества и присущим всем людям качествам, составляющим их неотъемлемую сущность. Предрассудок, согласно которому наши отцы и деды были умнее нас, в политике очень часто приводит к губительным последствиям; преклонение перед древностью превращается в суеверие, которое непрестанно противопоставляют здравому смыслу. Народы развиваются, становятся иными; следовательно, они должны руководствоваться современными потребностями и только просвещенный разум может дать им правильные советы. Из того, что какой-нибудь предмет считался когда-то полезным и хорошим, вовсе не следует, что он пригоден и в настоящее время.

Если люди отнесутся с вниманием к этим принци-

пам, им будет ясно, почему современное правительство чаще всего представляет собой нечто бесформенное по своей структуре, какое-то нагромождение противоречащих друг другу законов, прав, обычаев, сложный механизм, лишенный способности легко приходить в движение и останавливающийся на каждом шагу, причем никто не может обнаружить препятствия, мешающие ему действовать нормально. Таков действительный источник затруднений, перед которыми мы оказываемся, когда хотим обновить учреждения, ставшие слишком вредными обществу. Такова причина, увековечивающая для правительств гибельные, несправедливые и безрассудные принципы, повсеместно действующие в наше время, несмотря на то что повсюду уже давно ощущают, насколько они неудобны.

§ XXVI. О реформах и революциях

Следует признать, что высокая степень совершенства отнюдь не свойственна человеческим учреждениям; способы управления подобно всякому делу рук человеческих подвержены переменам, подвластны революциям, предотвратить которые не может никакая мудрость. Установленные с помощью силы и энтузиазма, обусловленные потребностью, рожденные из недр беспорядка, бурь и тревог человеческие учреждения в их первоначальном виде редко возникали под руководством разума; еще реже народы бывали достаточно осторожны и благоразумны, чтобы предусмотреть злоупотребления, которые могли совершать те, кому они верили власть. Неожиданные изменения правительственных учреждений являлись обыкновенно результатом борьбы страстей, вспышек ярости, требований необходимости. Люди всегда задумывались лишь о средствах для преодоления современных им злоупотреблений и иногда заменяли те злоупотребления, которые хотели устранить, другими, еще более опасными.

Какие заметные, ясно ощутимые преимущества достигнуты по сей день людьми в результате стольких гражданских войн, восстаний, цареубийств и покушений, посредством которых лишены принципов народы

стремились преодолеть переживаемые ими бедствия? Разве народы Азии стали более свободны или более счастливы от того, что были убиты тысячи тиранов? Правда, результатом революций иногда было временное улучшение положения народов, но гораздо чаще они вызвали продолжительные общественные бедствия: глупость и безумие нередко в одно мгновение уничтожали плоды всеми одобрявшихся мероприятий, наиболее мудрые установления и наиболее полезные учреждения¹². Лишь в некоторых случаях неистовство и разгул страстей приводили к полезным результатам.

Безжалостные завоеватели уничтожали все на своем пути, после них история не могла сохранить даже имен покоренных народов. Страсти государей, их безрассудная политика, нагромождение промахов и ошибок приводили самые цветущие империи к неизбежной гибели. Общества были счастливы лишь в те периоды, когда страсти их правителей не противоречили общественной пользе; счастье народов, как и счастье отдельных индивидов, можно сравнить с неустойчивым равновесием чашек весов, которое нарушается почти тотчас же, как только наступает.

Происходила вечная борьба общества против повелителей и этих последних против общества. Эта борьба всегда была неравной, верховный правитель постоянно стремился господствовать и приумножать свою власть, общество никогда не могло объединить разрозненные воли своих членов. Обладатели власти непрестанно хотели расширять ее, пользоваться ею неограниченно и сокрушать все препятствия, встающие на пути их необузданных, ни с чем не считающихся страстей. Деспотизм был целью постоянных стремлений всех государей, и эти стремления быстро приводили к расцвету тирании, одинаково опасной как для самих государей, так и для народов. Подданные предпринимали постоянные попытки освободиться от насилия. Война наносила вред государствам, ибо она их и истощала, уничтожала их население, несла с собой бедность и лишения; мир ослаблял их способность к самозащите, и они становились легкой добычей для более могущественных обществ. Торговля — дитя свободы и спокойствия — порождала

богатства, а эти богатства, спутниками которых всегда являлась роскошь, приводили граждан к состоянию расслабленности. Деспотизм опустошал государства, анархия, или чрезмерная вольность, обыкновенно бросала народы в оковы власти какого-нибудь деспота.

§ XXVII. В чем заключается доброта и гуманность правительства

Совершенство правительства должно состоять в том, чтобы подчинять страсти граждан интересам общего блага. Напрасно было бы пытаться подавить эти страсти или требовать, чтобы те, кто управляет людьми, сами были лишены страстей. Нет ничего более редкого, чем мудрое правительство, приносящее народам счастье. Но разве чаще можно встретить хорошо управляемые семьи? Поэтому нельзя предъявлять требование, чтобы правители, руководящие семьями очень больших размеров, на которые разделен человеческий род, всегда в достаточной степени обладали добродетелью, талантами и способностями, необходимыми, чтобы заставить точно действовать огромные общественные организмы, устройство которых бесконечно сложно. Государи — это люди, им свойственно заблуждаться; они часто творят зло по неведению и обыкновенно не понимают своих действительных интересов. Народы, как и отдельные индивиды, подвержены заболеваниям; нередко острые кризисы, решительные переломы возвращают на некоторое время здоровые политическому организму; он остается здоровым до тех пор, пока природа не заставит его посредством новых кризисов освободиться от вновь накопившейся гнойной жидкости.

Так предоставим же природе действовать; будем иногда помогать ей, но только тогда, когда мы уверены, что действительно можем ей помочь; никогда не следует торопить ее, пытаться ускорять определенный ее ход событий, препятствовать или поступать наперекор ей. Не следует забывать о том, что, даже познав зло, мы еще не знаем, как его устранить; нам следует остерегаться, как бы наши неловкие руки не усилили это зло. Мы должны относиться к недостаткам людей,

которым доверена общественная власть, столь же несходительно, как и к человеческим слабостям всех остальных граждан. Попытаемся углубиться в самих себя, поразмыслим о собственных слабостях; вспомним в особенности о том, что только обществу принадлежит право выражать свое недовольство правительством: оно одно может взять обратно вверенную им власть из рук тех, кто пользуется ею для разрушения общественного союза.

В дальнейшем мы докажем, что разумный гражданин должен терпеливо переносить неизбежные неудобства, доставляемые ему правительством, власти которого он подчинен со своего рождения. Обязанный содействовать обществу, членом которого он является, гражданин будет служить ему своими физическими силами, своими дарованиями или разумными советами, никогда не забывая, однако, что ему запрещено нарушать порядок того целого, в которое он включен в качестве незначительной части.

Вопрос об изменении формы правления должен решаться не исходя из честолюбивых стремлений, не ради мести, не под влиянием страстей; право на такое решение принадлежит хладнокровному разуму, опыту, спокойному и обдуманному волеизъявлению общества. Личная заинтересованность, почти всегда несправедливая, никогда не должна определять общественные интересы. Люди, которые плохо управляют, виновны только потому, что приносят общественное благо в жертву своим личным страстям; тот, кто против желания своей родины ввергает ее в пучину смуты и беспорядков, преступен не меньше тех, кто ее угнетает. Более того, общество в своих собственных интересах должно терпеливо переносить бедствия, против которых оно не знает средств борьбы. Революции и революционные потрясения, конечно, являются для общества бедствиями, и потому оно может прибегать к ним только для достижения достаточно значительного, прочного и продолжительного благополучия, возмещающего временное нарушение спокойствия, которым при этом приходится жертвовать. Народ, всегда находящийся в волнении, в состоянии борьбы со своими правите-

лями, походит на тех больных, беспокойный разум которых бесконечно усиливает их страдания.

§ XXVIII. Общество должно проявлять терпение и снисходительность

Снисходительность, терпение, спокойствие — таков образ действий просвещенного разума. Тот, кто размышляет об окружающих предметах, видит, что все на земле подчинено законам природы и что природа, действуя неожиданно, посредством скрытых сил, умеет приводить к тому, чтобы из раздоров возникало согласие, из бедствий и несчастий — счастье, из бурь и шторма — тишина и спокойствие. Возложим же все надежды на время и развитие знаний.

Благодаря тому что ребенок часто падает, он в конце концов обучается держаться на ногах, ходить и избегать опасностей; благодаря тому что человек страдает из-за своих ошибок, он становится более мудрым и ему удается от них избавиться. Несчастье — великий учитель людей: рано или поздно оно заставляет их обращаться к разуму в поисках средств против своих горестей. Если люди не могут надеяться, что воздвигнут памятники, которые будут стоять вечно, пусть постараются по крайней мере сделать более удобными те временные, недолговечные жилища, в которых они проводят свою короткую жизнь.

О люди! При всем своем ничтожестве вы стремитесь объять вселенную! В своих мечтах вы все измеряете своими желаниями! Перестаньте притязать на то, что вы способны создать бессмертные творения; перестаньте надеяться, что ваша мудрость навеки упрочит сооруженное вами здание, созданную вами форму правления. Ваша предусмотрительность, ваш опыт и ваш разум не защитят ваши непрочные учреждения от разрушительного действия времени, от ярости революций, от пламени раздоров, от неудержимого, стремительного натиска ваших страстей и пороков, от свойственного вашей натуре скрытого предрасположения к тому, чтобы изменять все окружающее. Ваши империи, учреждения и законы так же преходящи, как и вы сами;

ваше прочное жилище, в котором вы чувствуете себя так спокойно, в один прекрасный день само окажется игрушкой революционных перемен.

Но мне могут возразить, что, поскольку люди созданы не для наслаждения вечным счастьем, поскольку их законы должны изменяться и их образ правления не может быть постоянным, зачем им, собственно, знать о тех несчастях, которые все равно навяжет им необходимость? Здоровье не всегда является уделом человека; так пусть уж лучше он познает свои несчастья, пусть ищет средств, чтобы избавиться от них, пусть применяет эти средства с достаточной осторожностью, пусть достигает счастья хотя бы на несколько мгновений, если невозможно быть счастливым всегда. Разве из того, что человек редко бывает удовлетворен судьбой, следует, будто он не должен помышлять о ее улучшении? Разве из того, что он рано или поздно обречен на смерть, человек должен заключить, будто ему нет смысла трудиться, чтобы сделать более счастливой жизнь, которой он может лишиться в любой момент?

Какова бы ни была форма правления, пусть правительство проявит как можно больше доброты и гуманности, пусть оно будет прочным настолько, насколько вообще могут быть прочны человеческие учреждения, и пусть оно существует, пока его существование обеспечивает людям справедливость, безопасность и свободу, пока никакие личные интересы не берут верх над общественными, пока закон сильнее воли любого отдельного человека.

Только такая власть явится действительным выражением воли всех граждан; общественный интерес окажется в согласии с интересами индивидов; силы государства будут действовать согласованно и иметь своей целью общее счастье, от которого, как это сможет ощутить каждый человек, зависит и его собственное счастье. И тогда общество будет довольно, что находится под властью правителей, подчиняющихся законам; оно разовьет необходимую для самосохранения деятельность; руководимое просвещенными правителями, оно увидит, что ему служат благородные, великодушные и добродетельные граждане.

О ПРАВИТЕЛЯХ

§ I. Определение понятия «верховный правитель»

Верховные правители — это граждане, которым нации доверили право управлять ими в интересах их процветания и счастья. Какова бы ни была форма правления, для того чтобы права верховной власти являлись законными, они обязательно должны быть основаны на согласии народов; всякая власть по сути дела ограничена той основной исходной целью, которую ставит перед собой общество; постоянно стремясь сохранить себя, поддержать свою мощь, сделать свою жизнь приятной, общество может дать согласие только на те методы управления, которые способствуют осуществлению этих целей.

Когда какое-нибудь общество хочет, чтобы им управлял только один из его членов, верховная власть полностью сосредоточивается в руках одного человека; его называют *королем*, *монархом* или *государем*, а соответствующий образ правления именуют *монархическим*. Когда нация вручает верховную власть нескольким постоянным должностным лицам, такая форма правления называется *аристократической*. Наконец, когда народ сохраняет верховную власть за собой или посредством выборов доверяет ее на ограниченный срок лицам, предназначенным быть его представителями, такое правительство называется *демократическим*, или *народным*.

Тот человек или те люди, которые управляют обществом против его воли, не могут быть рассматриваемы как суверенные правители: они являются узурпаторами власти. Правители, которые первоначально получили власть с согласия общества, но управляют с помощью средств и приемов, находящихся в противоречии с природой общества, его стремлениями и основной целью, являются тиранами. Итак, в чем же различие между суверенным правителем, узурпатором и тираном? Суверенный верховный правитель, или государь, управляет с согласия народа и в соответствии с его волей. Узурпатор управляет народом без его согласия. Тиран управляет с помощью средств, которые противоречат воле народа. Правооснованием верховного правителя на власть является согласие общества, правооснованием узурпатора — насилие, правооснованием тирана — несправедливая воля, опирающаяся на общественные силы, которые он направляет против самого общества. Нет и не может быть законных правителей, кроме тех, которые управляют с помощью средств и приемов, отвечающих естественным и разумным стремлениям народов.

Сила не в состоянии дать такие права, которые нельзя было бы уничтожить посредством силы. Воля одного человека может связать волю всех только в том случае, когда все признают ее, т. е. дадут согласие ей подчиниться. Следовательно, только согласие народов, выраженное молчаливо или провозглашенное открыто, может установить дружественные взаимоотношения между народами и их правителями; взаимоотношения же, которые установлены силой, могут породить лишь ненависть, недружелюбие и оттолкнуть народы: у тирана никогда не бывает подданных, у него есть только враги.

Но разве врагов могут объединять какие-либо общественные связи? Разве природа человека позволяет ему примириться с собственным несчастьем или подчиниться тому, что лишает его благополучия? Разве человеку не свойственно несправедливо видеть все, что делает его жизнь невыносимой или угрожает его самосохранению, и оказывать этому сопротивление? Любовь к жизни, стремление к самосохранению, неизменная воля сде-

лать свою жизнь счастливой — вот единственные связи, которые могут соединить подданных с их верховными правителями и подчинить первых руководству последних. Воля общества сливается воедино и становится тождественной воле верховного правителя, когда последний трудится ради счастья общества; их воли разделяются, как только правитель отклоняется от указанной цели. Стремление к счастью — вот те прочные узы, которые связывают волю народов с волей их правителей.

Зло, причиняемое правителями народам, и ненависть, вызываемая этим злом, расторгают эту связь.

Отрицать эти принципы значило бы отказаться от самого разума; они настолько ясны и очевидны, что люди не могут не обнаружить их, стоит им только углубиться в собственный внутренний мир.

Поскольку между людьми не существует никаких других уз, кроме их общих потребностей и их стремления к счастью, нет и подлинного общественного объединения, если те, кто вступил в него, не соглашаются по доброй воле содействовать одной общей цели; объединение не имеет никакой силы, если пребывающие в нем люди не поддерживают этой цели. Каждое управляемое общество необходимо рассматривать как объединение народа с верховным правителем, осуществляющим руководство этим народом. Если их воли действуют согласованно, нация будет счастливой; если их воли разъединены, можно ожидать только распри и беспорядка. Государство может обладать могуществом, пользоваться безопасностью и благополучием лишь в том случае, если воля подданных содействует воле верховного правителя.

§ II. Мотивы подчинения

Потребности людей побуждают их жить в обществе. Поскольку общественная жизнь дает человеку больше возможностей удовлетворять свои потребности, каждый член общества обязан без ограничений предоставлять обществу для поддержания его благополучия свой труд, свои силы, волю и способности — короче говоря,

приносить в жертву свою независимость; ради собственного блага он должен отказываться от права следовать во всем своим побуждениям и желаниям; его собственный интерес требует, чтобы он предоставлял руководить собой общественному целому, членом которого он является. Без этого общество скоро распалось бы от непрерывных столкновений всех отдельных человеческих воль и устремлений.

Необходимо, следовательно, чтобы каждого индивида сдерживала некая общая сила. Необходимо, чтобы он подчинял свою личную волю воле общества: блага, которые общество обеспечивает своим членам, дают ему неотъемлемое право сдерживать или направлять их страсти, определять границы их свободы и принуждать их способствовать обеспечению безопасности и благополучия им подобных.

Но как может общество выразить свою волю? Как объединить стремления всех людей, составляющих общество, и свести их к одной общей цели? Воля общества может проявиться только путем установления власти, имеющей право распоряжаться всеми гражданами и заставлять их выполнять свои указания. То лицо или те лица, которые являются обладателями власти, представляют, следовательно, все общество в целом; верховный правитель, какова бы ни была форма его правления, получает от самого общества право руководить гражданами — словом, только с согласия общества он может стать его орудием, его органом власти.

§ III. О законодательной власти

Верховный правитель выражает общую волю посредством законов. Таким образом, сущностью верховной власти является законодательная власть. Когда законы направлены на обеспечение благосостояния и безопасности общества, их следует рассматривать как выражение воли всех граждан, но, когда верховный правитель, издавая законы, сообразуется только со своими желаниями, интересами и страстями, они становятся выражением лишь его личной воли и не могут больше

называться законами общества. Ложные мнения, сила и привычка, конечно, могут принудить общество подчиниться подобным предписаниям, но разум никогда не будет рассматривать их как подлинные законы: это название принадлежит только волеизъявлениям, налагающим общественные обязанности и служащим выражением общественных связей; общество может быть объединено лишь с помощью правил, сообразных с целью объединения; без этого пришлось бы допустить, что, подчиняясь верховной власти, оно отрекается от собственной природы и дает согласие лишиться себя счастья.

§ IV. Об исполнительной власти

Общество напрасно давало бы верховной власти право предписывать законы, если бы оно не предоставляло ей в то же время достаточной силы, чтобы заставить соблюдать последние. Такая сила называется *исполнительной властью*. Она представляет собой право власти использовать силы общества для того, чтобы заставить всех граждан следовать своей воле, выраженной в форме закона.

Страсти людей нередко восстанавливают их личную волю против общей воли, как только оказывается, что эта последняя расходится в данный момент с их интересами. Существам, часто заблуждающимся вследствие невежества и скоропреходящих страстей, общее благо всегда представляется чем-то далеким. Только умение учесть жизненный опыт, способность судить и размышлять — одним словом, только разум может дать людям почувствовать, что их реальное благополучие зависит от сохранности и благополучия целого, частью которого они являются. Закон есть выражение общественного разума, который противостоит неблагоприятию отдельных людей. Исполнительная власть — это общественная сила, объединяющая все отдельные силы политической системы в одном общем центре, в котором сосредоточено счастье и сохранность целого. Законодательная и исполнительная власть вместе составляют полноту верховной власти.

§ V. Об основных законах

Независимо от общих и естественных ограничений, с которыми все правители вынуждены считаться при осуществлении своей власти, некоторые общества установили для своих властелинов еще и другие, особые ограничения. Верховные правители вынуждены подчиняться этим ограничениям потому, что в них ясно выражена воля народов. Эти ограничения, известные под названием *основного закона*, обязывают верховных правителей осуществлять свою власть определенным образом, соблюдать в управлении государством, в законодательстве, в применении законов, в употреблении сил государства твердые, не подлежащие изменениям правила; последние определяют порядок наследования власти государей, права граждан разных сословий, отношение государства к церкви и т. п. Какова бы ни была природа этих законов, они могут быть отменены только той властью, которая их установила: ни одно общество никогда не может дать правителям права обойти или уничтожить подлинное выражение своей воли. Только воля, установившая закон, может отменить его.

Основные законы отнюдь не одни и те же для всех наций; они видоизменяются в зависимости от потребностей, взглядов, нравов, обычаев, предрассудков или уровня познаний — словом, в соответствии со своеобразными условиями жизни каждого народа. Будучи единодушны в самом существенном, — я имею в виду стремление к счастью — человеческие общества не были единодушны в вопросе об образе действий, о путях, которыми должны следовать верховные правители, чтобы достигнуть этой цели: налагаемые на правителей ограничения зависели от большего или меньшего доверия народов к тем, кому они вверяли верховную власть. Нации, которые уже испытали на себе злоупотребления, неотделимые от слишком широкой, ничем не ограниченной власти, оказавшись предоставленными самим себе, стали размышлять о том, что необходимо покрепче связать руки своим правителям, могущество которых может их поработить; нации же, которые менее болез-

ненно пережили злоупотребления властью и не так живо ощутили необходимость ее сдерживать, не обусловили с такой точностью ограничения воли своих монархов. Воинственные нации, учитывая возможность неожиданных и быстро меняющихся событий во время войны, обыкновенно предоставляли своим повелителям почти неограниченную власть; они считали, что должны позволить им делать все, что могут подсказать их знания и осторожность; большое значение, которое приобретает во время войны быстрота и секретность решений, заставляло такие нации избавить своих государей от слишком стеснительных, отнимающих много времени способов управления и от затруднительной обязанности все время советоваться с нацией по поводу выбора средств, необходимых, чтобы вести ее к желаемой цели. Таким образом, нации предоставляли некоторым государям более широкие полномочия, сделав их полноправными хозяевами управления, включая все детали последнего.

§ VI. О наследственной верховной власти

Некоторые народы, поработанные силой или обольщенные чувством признательности к своим государям за их заслуги, передали право управлять собой потомкам этих государей. Таково происхождение *наследственной* верховной власти. При таком положении одно только рождение без нового избрания народом дает право на власть. Общества, где этот обычай поддерживается с согласия народов, словно поставили перед собой задачу избежать тех беспорядков, которые возникают из-за властолюбия могущественных претендентов на власть, почти всегда оспаривающих друг у друга право царствовать над своими согражданами. Именно вследствие такого властолюбия обыкновенно происходят беспорядки в странах, где один государь может быть замещен другим только посредством новых выборов. Если страны с наследственными правами монархов часто были обречены видеть, как бразды правления оказывались в руках людей, неспособных ими

пользоваться, то в монархиях, где государь избирается, народы вынуждены были оплачивать своей кровью каждого вновь избираемого властелина.

§ VII. О неограниченной верховной власти

Некоторые нации предоставили своим государям всю полноту законодательной власти; другие разделили эту власть, оставив за собой или за своими представителями возможность содействовать закону, принимать или отвергать, видоизменять или заменять другим, рассматривать и изучать его — словом, взвешивать и всесторонне оценивать его преимущества и недостатки. Некоторые народы сосредоточили в руках своих властелинов законодательную власть вместе с правом проведения в жизнь издаваемых ими законов, что составляет всю полноту власти, или, если хотите, *абсолютную власть*. Другие народы были настолько предусмотрительны, что ввели разделение этих двух видов власти, передали их в руки разных людей, чтобы они могли взаимно уравновешивать свое влияние в интересах народной свободы.

Но независимо от того, ограничили ли народы специальными законами власть своих государей или обстоятельства заставили их пренебречь ограничениями, которые они могли бы сделать обязательными для последних, ни сила, ни время, ни привычка не могут лишить их права возвратиться к исходному положению и в соответствии с новыми обстоятельствами и потребностями исправить результаты допущенных ими в прошлом неосторожных поступков. Общество всегда сохраняет за собой право определять правила поведения тех, на кого оно возлагает осуществление власти. Общество всегда может указать последним форму правления, какую считает подходящей для себя, — это его вечное неотъемлемое право; оно не может утратить это свое право под действием времени, его не в состоянии отнять у него никакая сила. Это право никогда и никакими изуверскими способами не может быть отчуждено у общества.

Если эта истина вызывает сомнения, то пусть скажут нам, почему даже в тех странах, где государи присвоили себе самую неограниченную власть, они при восхождении на трон никогда не освобождают себя от труда обеспечить послушание и согласие подданных посредством каких-либо формальностей и церемоний? Разве пользующиеся самой неограниченной властью деспоты в своих распрях с другими претендентами на трон не вынуждены в конце концов прибегать к решению тех самых народов, которым они часто наносили тяжкие обиды и оскорбления, но которых они тем не менее признают подлинными судьями в вопросе о правах на власть?

Каким бы образом ни была распределена верховная власть, в своей совокупности она всегда неограниченна. Поскольку верховный правитель действует от имени общества, власть которого не знает границ, он должен обладать правом употребить все силы, чтобы заставить членов общества осуществлять свою волю. Таким образом, полнота верховной власти дает государю право принуждать всех граждан действовать согласно с законами, одобренными властью. Обязать людей оказывать повиновение законам — значит обязать их быть послушными общественному разуму, мнению народа, который не может пожелать чего-либо несообразного с природой общества, с условиями, в которых оно находится, и обстоятельствами его жизни. Когда монарх управляет в согласии с законом, его приказаниям надлежит быть безусловными; закон должен быть деспотичным, но правителю никогда не следует быть деспотом. Воля справедливого общества не должна встречать сопротивления со стороны кого бы то ни было из его членов.

§ VIII. Естественные границы верховной власти

Неоспоримые принципы, с которыми мы познакомились, достаточны, чтобы понять, как широки права верховной власти. Когда эти права не разделены, они совпадают с правами, какими обладает весь народ в целом. Пока государь управляет с согласия общества, пока он является верным орудием осуществления обще-

ственной воли, установленные им законы священны для всех подданных; когда же издаваемые им законы наносят вред народу или противоречат его желаниям, народ имеет право протестовать против них, отменить полномочия правителя на власть и воспротивиться преступному нарушению им своего долга. Каковы бы ни были первоначальные условия, на которых народ подчинился власти государя, в чем бы ни заключались препятствия, помешавшие народу с самого начала оговорить свои условия, в чем бы ни выражалось насилие, с помощью которого был задушен голос народа в дальнейшем, — ничто не может лишить его права заявить о своих желаниях.

Воля общества всегда является высшим законом как для подданного, так и для государя; эта воля — неизменное мерило могущества государя и послушания подданного; эта воля — воплощение тех общих уз, которые связывают нацию с ее правителями и этих последних с нацией. Эти узлы одни и те же для обеих сторон, и, когда государь разрывает их, его подданные уже не могут быть ими связаны.

Какова бы ни была власть, которую общество согласилось поставить над собой, когда его выбор был свободен, оно никогда не стремилось подчинить себя несправедливой, капризной, безрассудной воле: оно хотело быть счастливым; если оно и отказывалось от использования своих прав, то делало это только для того, чтобы передать их в руки тех, кто дал бы ему возможность более надежно пользоваться этими правами; оно делало это, чтобы упростить механизм, ставший слишком сложным из-за сочетания противоположно направленных сил его частей и подвергавшийся риску совсем испортиться или давать перебой на каждом шагу. Счастье, безопасность, самосохранение всегда составляли цель общества; стремясь защитить своих членов от разрушительного действия их собственных страстей, общество вместе с тем никогда не имело намерения отдать их на произвол грозной власти, которая стала бы весьма опасной, получив в свое распоряжение все общественные силы. Общество обязалось быть послушным, но лишь ради собственного

блага и при условии, что воля, которой оно подчинилось, будет справедливой; оно согласилось подчиняться лишь законам, основанным на его природе и содействующим его благополучию.

Таковы неизменные условия первоначального договора, который был заключен каждым обществом со своими правителями. Пусть льстивые обманщики не называют молчаливым договор, который во весь голос провозглашен природой, пусть тирания не утверждает, будто первоначальный акт народов неосуществим, — он навечно начертан в сердцах всех людей; разум дает возможность читать его всем, кого он озаряет своим светом; этот священный документ, недоступный ни разрушительному действию времени, ни насилию и подлогу, будет существовать вечно.

§ IX. Доказательства существования этих границ

Так как семья явилась прообразом монархической власти, общество пожелало, чтобы им управляли как семьей. Так, отец руководил своими детьми, брал на себя обязательства защищать их; его жизненный опыт, знания, более развитый ум давали ему возможность предвидеть и предупреждать угрожавшие детям опасности; он должен был лишать их возможности наносить друг другу вред, воспитывать в них взаимное доброжелательство, вознаграждать их за добродетели и наказывать за дурные поступки. Одним словом, подчиняясь власти короля, нация желала, чтобы он управлял ее хозяйством таким же образом, как это происходит в счастливой семье, являющейся предметом нежной любви и забот ее главы.

Если народы, влюбленные в добродетели некоторых из своих граждан, восхищенные их талантами и признательные им за добрые дела, пожелали добровольно передать им верховную власть, разве такой акт не доказывает сам по себе, что эти заслуженные почести были оказаны именно добродетели, что нации пожелали подчиниться разуму и связать себя с людьми, способными нести заботу об общем благе? И если в пылу энтузиазма нации не оговорили точные условия своего соглашения

с правителями, то неужели можно утверждать, что наследники тех, кто был избран народами за добродетели или знания, могут считать себя свободными от обязанности проявлять какие бы то ни было из этих столь необходимых правителям достоинств? Разве доброта первых правителей дала их наследникам право наносить обществу вред или быть бесполезными?

Когда надежда найти защиту и покровительство объединила робких людей под властью храброго и мужественного вождя, человека с большим жизненным опытом, то разве эти качества дали ему право угнетать себе подобных? Разве общество желало, чтобы те, кого оно избирало для своей защиты, становились его притеснителями и заставляли его испытывать бедствия, от которых оно хотело себя обезопасить? Разве не должно было общество ради собственной безопасности обязать защищать себя именно тех людей, которые были особенно необходимы ему в силу своих достоинств?

Когда народы получали законы от этих прославленных людей, обращавшихся к ним от имени божества, они, без сомнения, полагали, что озаренные божественной мудростью законодатели сделают их более счастливыми; народам казалось, что законы, предначертанные небом, должны быть более мудрыми, чем законы человеческие, и не могут не привести их к благополучию и счастью. Невозможно было, не нанеся оскорбления божеству, сказать этим народам, что намерение божества состояло в том, чтобы предоставить государям право делать их несчастными или управлять ими в духе несправедливости и тирании.

Какое бы происхождение ни приписывали верховной власти — предполагали ли, что она исходит от небес, рассматривали ли ее как основанную на согласии людей, — она всегда должна была опираться на справедливость и целью ее всегда должно было являться благо общества. Если народы не заключали никакого договора с властелинами, которых дала им судьба, то только потому, что считали правителя, являющегося избранником самого господа бога, способным править ими лишь справедливо и только в интересах их наивысшего блага.

§ X. Устраненные возражения

Быть может, скажут, что большинство правительств установило свою власть с оружием в руках, посредством применения силы, путем завоеваний; что народы, покоренные воинами или удачливыми разбойниками, принуждены были принять такие законы, какие им пожелали навязать победители; что, сохранив свою жизнь и часть своих владений и будучи довольны даже этим, такие народы отказались от свободы, собственной воли и собственных законов, не располагая возможностью предлагать какие-либо условия жестоким поработителям, мало расположенным к тому, чтобы подписывать обязательства, и достаточно могущественным, чтобы заставить повиноваться себе во всем.

Нельзя отрицать, что большинство существующих на земле империй было установлено посредством применения силы, посредством войн и разрушений; но разве насилие могло когда-либо дать законные права? Разве право завоевателя, на котором столько властелинов основывают свою абсолютную власть, является лучше обоснованным, чем право вора и убийцы? Если законы природы оказываются забытыми или принуждены умолкнуть среди шума завоеваний, то это еще не значит, что действие этих законов приостанавливается или прекращается. Власть становится законной только в результате согласия подчиненного ей общества на ее существование. Разве победитель, став хозяином в стране, продолжает управлять врагами? Да, скажут нам, быть может; но в таком случае разве народы не имеют права рассматривать этого победителя как врага, защищаться от него, наконец, уничтожить его? Если он управляет подданными, он должен сделать их счастливыми.

Если завоевание есть право, тогда правом, несомненно, является всякое насилие и одна только сила может решать судьбу народов. Но есть ли такой человек, который может обольщаться мыслью, будто его силы всегда будут превосходить силы целого народа? Какой победитель сумеет устоять против ловкости и хитрости, так часто заменяющих силу? Если завоева-

ние подобно узурпации власти и дает какие-то права, то эти права непрочны, и даже разум самого победителя не бывает в них твердо уверен. Если, после того как стихнет яростное безумие войны и шум победы, победитель задумается о собственных интересах, он поймет, что управляет обществом, которое всегда превосходит его по силе и которое может отказаться от использования своей власти и своих естественных прав только ради преимуществ, ожидаемых им от подчинения. Сила никогда не дает прав, которых нельзя было бы отнять с помощью силы или хитрости.

§ XI. Согласие народа узаконивает власть

Таким образом, каковы бы ни были источники происхождения первоначальной власти, только согласие общества могло сделать ее законной; общество никогда не давало этого согласия безвозмездно; оно всегда имело при этом в виду собственное благо, отказываясь ради него от независимости, а также от неприязни, которую не могло не питать вначале к тому, кто напал на него и его подчинил.

Долг и прямой интерес руководителей общества состояли в том, чтобы сделать его счастливым. Зафиксировали ли нации в известных законах границы власти своих руководителей, или слабость помешала им документально разграничить права, которые уступались и сохранялись ими,— они никогда не могли поступиться законами своей природы. Никогда народы не могли освободить своих верховных правителей от законов справедливости; никогда не могли они отказаться от счастья, стремление к которому является самой необходимой склонностью всех разумных существ. Да что говорить! Если иногда в пылу страстей народы и отказывались в торжественных актах от прав, вытекающих из их природы, если в порыве доверия и любви они и даровали монархам самую неограниченную власть, эти поступки, продиктованные горячностью энтузиазма, не могли дать государям права угнетать их; никогда разумные существа не могли ни наделить

своих руководителей правом делать их несчастными, ни пожелать того, чтобы последние осуществили это право.

§ XII. О теократии

Если природа, справедливость и религия противятся злоупотреблениям властью, если здравый смысл открыто и громогласно высказывается в пользу народов, какая безумная спесь, какое безрассудное тщеславие могло внушить руководителям, будто подчинившиеся им однажды народы навсегда потеряли право выражать свою волю? Какое самомнение могло побудить слабого смертного поверить, будто он в достаточной степени обладает добродетелями, способностями, дарованиями, чтобы, ничем не ограничивая свою волю, управлять многочисленными народами, заботиться о нуждах и потребностях большого государства и устанавливать всегда полезные и непогрешимые законы для подданных? Какое опьянение могло помешать государям услышать голос природы и разума, возвещающий, что обязательства народов и правителей по отношению друг к другу взаимны и что правители, отказываясь выполнять свои обязательства, побуждают тем самым и народы в свою очередь пренебрегать своими?

Между тем эти столь ясно ощутимые истины почти всегда предавались забвению как государями, так и народами. Если первые считали, что имеют право злоупотреблять властью, то последние в своей удивительной слепоте дошли до того, что убедили себя, будто правителям все дозволено и, подчиняясь им, подданные не сохраняют за собой даже права выражать недовольство их самой вопиющей несправедливостью и самой отъявленной тиранией. Каким чудом целые народы могли опуститься до такой степени, чтобы поверить, будто они созданы лишь для того, чтобы служить игрушкой страстей властелинов? Как восприняли они столь противоречащие их интересам понятия?

Существует только одна причина, способная породить такое диковинное следствие: это суеверие, всегда находящееся в противоречии с природой. Оно создало

богов по образу и подобию развращенных монархов, оно же превратило потом монархов в богов. Почти во всех странах духовенство заняло трон. Служители божества разделяли с божеством земные почести и уважение. Зримые представители незримых существ, от которых, как думали смертные, зависела их судьба, священнослужители во всех странах мира являлись некогда верховными правителями, законодателями и оракулами народов. Это правительство жрецов или духовенства называлось *теократией*. Считалось, что сами боги осуществляют власть на земле, пока над людьми царствуют их служители.

§ XIII. Злоупотребления теократического правительства

Неизбежным следствием неограниченной власти явилось то, что духовенство стало ею злоупотреблять. Изнеженное, избалованное почестями и богатствами, оно принуждено было уступать, когда властолюбие воинов или воля народов вырывали у него власть, ставшую в руках служителей церкви слишком вялой или слишком беспокойной и обременительной для них. Воинственные народы не могли долго довольствоваться верховными правителями, которые занимались лишь мирными делами, не отличались ни активностью, ни опытностью и в силу этого были далеки от того, чтобы заинтересоваться войною. Таким народам нужны были более деятельные руководители, поэтому они избирали новых королей.

Вынужденное уступить силе и лишенное высшей власти, духовенство желало удержать за собой хотя бы часть той власти и той независимости, которой оно пользовалось прежде. Оно либо запугивало государей, либо льстило и угождало им. Что бы ни делало духовенство, на что бы оно ни отваживалось, все безнаказанно сходило ему с рук. Это сословие, пользовавшееся уважением народов, получало признание и у их руководителей. Словом, благодаря смелости или хитрости духовенство приобретало влияние над государями. Оно возбуждало их гордость и давало пищу их често-

люблю; оно особенно потрудилося над тем, чтобы при дать верховной власти характер святости, при условии, что само духовенство разделит с государями эту власть.

Достигнув своей цели, духовенство убедило народы, будто власть их правителей — досталась ли она им благодаря применению силы или с согласия подданных — была дарована им высшей божественной властью, управляющей всем миром. Так права государей превратились в *божественные права*, их власть стала непреложной и неотменимой, а их действия перестали подлежать суду народов. Слепленные народы восприняли подобные противоестественные идеи; доверившись своим духовным руководителям, они испытывали к государям такое же глубокое почтение, как к богам, и подчинялись им столь же бездумно, считая своих властителей прообразами божеств. Так короли превратились в богов; они перестали считать себя обязанными отчитываться в своих действиях перед подданными; униженное, ставшее презренным, подавленное общество потеряло все свои права; величие трона затмило его собственное величие. Подчиненное безо всяких ограничений воле самых неразумных повелителей, общество уверовало, будто оно предназначено небом трудиться только на них; оно убедило себя в том, что удел властелина — праздность, роскошь и распутство, что этому властелину принадлежит право на угнетение и несправедливость и что, напротив, на долю его самого оставлены лишь труд, унижения и рабство. В самых развращенных тиранах общество узрело всевышнего; оно стало считать государей высшими существами; оно не смело больше поднимать на них взоры и, распростертое в пыли, в молчаньи ожидало их приказаний.

Таков был действительный источник растления королей и унижения народов. Верховный правитель стал всем, а народ был превращен в ничто; общественная воля перестала существовать, а воля одного человека стала законом. Так родился деспотизм, произвол, итрания — словом, управление обществом выродилось в позорное злоупотребление властью, против которого народы лишены были возможности протестовать. Королевская власть превратилась в священное таинство.

В каждом обществе один единственный человек стал предметом забот всех остальных: на него одного трудились, на него одного были обращены все взоры; его капризы выполнялись как законы; сила заменяла ему право; слабость и малодушие народов принимались за их согласие; и на руинах общественного благополучия был воздвигнут трон страстям, причудам и тщеславию обоготворенного монарха.

§ XIV. Распущенность не может быть дозволена божеством

Предположим, что диковинные принципы, на которых основываются эти тщеславные притязания, истинны; согласимся на мгновение рассматривать королей как образ божества. Какое заключение должны мы отсюда вывести? Кого они должны представлять? Уж не демонов ли, творящих зло, не злых ли богов, отличающихся жестокостью и несправедливостью?

Если существуют тайные узы, связывающие земные создания с их создателем, то это, без сомнения, надежды на блага, которые эти создания должны получить от своего творца. Если существует божественное провидение, занятое делами смертных, если оно установило для смертных законы, если сам бог подчинился долгу и определенным правилам в отношениях с людьми, то он связан своими обещаниями; он должен вознаграждать за добродетели, которых требует от людей; он может наказывать лишь тех, кто нарушает его повеления. Божественная доброта и справедливость — единственные узы, связывающие человека с его богом. Но если монархам все дозволено, если они не имеют никаких обязанностей по отношению к своим подданным, если для них не существует законов справедливости, разума, добродетели, не ставят ли они себя выше даже того общества, которое претендуют представлять?

Итак, даже если допустить, будто верховная власть имеет небесное происхождение, то, поскольку в монархе вселенной предполагается наличие доброты, справедливости и разума, люди имеют все основания требовать этих же качеств от тех, кто похваляется, что полу-

чил власть непосредственно из его рук. Разве можно утверждать, что бог, которого называют добрым и которому приписывают любовь к людям, желает быть представлен в образе тирана? Может ли бог дать согласие на то, чтобы человек, превращенный своими страстями в дикое животное, имел исключительное право истреблять себе подобных? Может ли этот бог согласиться на то, чтобы один из смертных, ничем в действительности не отличающийся от других, следуя своим капризам, нарушал законы, поддерживающие существование божественных творений? Разве бог предписал людям в своих извечных повелениях, чтобы один из членов общества пользовался результатами труда всех остальных, не заботясь ни о чем, кроме собственного счастья, и по своей прихоти делая несчастными большую часть людей?

Пытаясь обожествить власть тиранов и поставить их под охрану небес, служители религии оказываются в противоречии со своими собственными принципами.

§ XV. О божественном праве

Люди, которые обосновывают власть королей божественной волей или притворяются, что больше всех убеждены в *божественных правах* государей, собственным поведением не перестают доказывать нечто прямо противоположное своим фантастическим утверждениям. Действительно, разве не явное противоречие этим утверждениям, не кощунственное посягательство на их истинность уклоняться от послушания повелениям, исходящим от властелина, поставленного самим божеством? Разве не дерзость оказывать сопротивление монарху, являющемуся образом всевышнего? Неизбежным следствием столь чудодейственного принципа должно было бы явиться самое униженное и безоговорочное повиновение; презренные рабы Азии, безропотно подчиняющиеся прихотям деспотичных султанов и с радостью принимающие из их рук даже смерть, несомненно, более последовательны, чем европейские священнослужители, которые, будучи убеждены в божественном праве своих монархов, тем не менее не пере-

стают сопротивляться их требованиям; азиатские рабы более последовательны также по сравнению с европейскими чиновниками, которые имеют дерзость делать представления государям и подавать им советы.

Здравый смысл всегда подскажет нам, что, каким бы образом первоначально ни утвердилась власть, государи всегда подвластны правилам, которые определяются интересами общества и должны являться высшим законом для правителей. Государям, безусловно, не дозволено противопоставлять свою волю этому закону, равно как и свои личные интересы общим.

Таким образом, все говорит за то, что абсолютная власть — это безумие, что деспотия и тирания, так же как и анархия, не могут быть названы формами правления, что деспоты и тираны являются узурпаторами, грабителями и разбойниками. Всякое правительство предполагает наличие взаимоотношений между управляющими и управляемыми; обязанности тех и других являются следствием их взаимоотношений, закрепленных в законах, которые одни только определяют права, поскольку эти права — выражение общей воли; словом, все стремятся к порядку и спокойствию, потому что счастье является следствием порядка, а неограниченная власть представляет собой не что иное, как беспорядок.

§ XVI. Факт обладания властью не может узаконить злоупотребления этой властью

Напрасно стали бы государи, виновные в злоупотреблении властью, обосновывать свои права тем, что они непрерывно пользуются ею с древних времен при молчаливом согласии народов, тем, что в течение долгих веков никто не оспаривал ее у них, или тем, что право на нее даровано им самим народом. Насилие, угнетение, страх, легкоеверие, предрассудки, недостаток благоразумия — все это вместе часто доводит народы до притупления всех чувств, до состояния ослепления или околдованности. Люди перестают что-либо понимать и не могут правильно судить о чем-либо, потому что их рас-

судок и чувства теряют свою естественную, присущую им от природы способность реагировать на окружающее.

Невежество всегда делает людей малодушными, рабски приниженными и несчастными. Но когда благоприятные обстоятельства открывают народам глаза, когда они слышат голос разума, когда необходимость принуждает их очнуться от летаргического сна, они краснеют за свои слабости и за свое ослепление. Тогда они обнаруживают, что так называемые права их тиранов являются лишь следствием несправедливости, насилия, совращения, которые никогда не могут уничтожить вечные права человека.

Именно тогда народам, вспомнившим о чувстве собственного достоинства, вспоминается и то, что они сами установили власть и подчинились ей лишь в надежде стать более счастливыми, что закон существует только для того, чтобы выражать их волю, и что, поскольку верховная власть уклоняется от поставленных ими перед ней целей, к ним возвращается их первоначальная независимость и они могут отстранить от власти тех, кто ею недостойно злоупотребляет.

Одним словом, если верховная власть действительно может иметь своей основой только согласие народов, — а это не вызывает сомнений — народы никогда не могут допустить, чтобы один или несколько граждан получили непреложное право делать несчастными всех остальных. Если верховная власть опирается на завоевание, т. е. на несправедливую силу, то любой смелый гражданин может законно захватить ее и любой отважный гражданин будет вправе ее уничтожить, как только найдет для этого средства. Если эта власть ниспослана справедливым богом, который желает людям благополучия, то, только осуществляя справедливость и доставляя преимущества обществу, правители смогут исполнить его намерения; делая общество несчастным, они основывали бы свою власть на воле злонамеренного существа, которому доставляет удовольствие зрелище человеческого несчастья и человеческих страданий, но такую склонность невозможно, не богохульствуя, приписать богу, так как мы не должны предполагать в нем ни злобы, ни жестокости.

§ XVII. Народное представительство

Итак, учреждена ли власть верховного правителя с согласия народов, установлена ли она путем завоевания или ниспослана богом, представлены ли государю нацией самые широкие полномочия или последняя ограничила его власть специальными законами, за самим народом всегда остается высшая воля, неотъемлемые права, предшествующие всем другим правам и имеющие перед ними первенство.

Но меня могут спросить, что такое народ? Это — большинство индивидов, составляющих общество. Каким образом эти индивиды объединяют свои воли, чтобы выразить присущие им намерения и пожелания? Через своих *представителей*. Вместе с тем, когда общество не имеет представителей, его воля не становится менее явной в глазах каждого хорошего гражданина. Если народом управляют справедливо и он пользуется безопасностью, если его земли хорошо возделаны, если владение собственностью прочно обеспечено ее владельцам, если один только закон вправе налагать наказания и ограничивать свободу граждан, если естественные права и потребности большинства граждан удовлетворены, это значит, что стремления общества осуществлены и ему не на что больше претендовать. Если, напротив, большинство членов общества лишено своих естественных преимуществ, если личность и имущество граждан находятся во власти беззаконий и притеснений, если они живут в нищете и нужде, если их поля не обработаны и брошены, если правительство пренебрегает заботой о них, — тогда общество несчастно и, вне всяких сомнений, недоволено, ибо несчастно большинство его членов.

Итак, достаточно оглядеться вокруг, чтобы понять желания общества: оно не может одобрить насилие, не может согласиться на пребывание в состоянии, противоречащем целям и задачам объединения. Следовательно, если государь отказывается прислушиваться к голосу общества или помочь ему в его нуждах, он больше не достоин управлять народом. Лишая такого государя власти, общество отдает ему должное, оно

всего лишь использует свое право, предшествующее правам властелинов, которых оно избрало для того, чтобы они вели его к счастью.

§ XVIII. Опасность волнений

Когда обществом плохо управляют, оно находится в состоянии болезни; будучи в таком положении, оно вправе искать средств для излечения; но в его интересах прибегать только к тем средствам, которые не могут нанести ему вред. В политике, как и в медицине, сильнодействующие средства всегда опасны; их надо применять только в крайних случаях, когда это становится абсолютно необходимым. Поэтому, если только болезнь позволяет терпеть, бывает уместным выждать, чтобы предоставить возможность времени и природе самим что-то сделать для выздоровления.

Действительно, жизненный опыт показывает нам, что нет ничего более губительного, чем неосторожность и поспешность, с какими в порыве страстей пытаются обыкновенно облегчить страдания народов. Государства часто гибнут от слишком бурных потрясений при кризисах, которые, как они надеялись, должны были вернуть им здоровье. Народ должен терпеливо переносить свои бедствия во всех тех случаях, когда излечение недуга стоило бы ему слишком много крови. Разумнее остаться жить с недугом или с увечьями, когда их невозможно устранить, чем приближать собственную гибель. Природа наделила каждый народ, как и каждого индивида, неотъемлемым правом защищаться от врага; оба, без сомнения, могут восстать против угнетающего их тирана, но оба поступят слепо и неблагоприятно, если в своем стремлении отделаться от врага подвергнут себя опасности лишиться жизни. Надо примириться со страданием, если средство для уничтожения этого страдания может принести лишь еще большее несчастье.

Эти истины инстинктивно чувствуют почти все общества: несмотря на любовь к благополучию и отвращение к страданиям, страх перед еще большими бедствиями удерживает их в состоянии инертности.

Если бы людьми руководил разум, если бы граждане могли объединить свои силы, если бы их не ослепляли так часто политические пристрастия, было бы совсем легко устранять зло по мере того, как оно дает себя чувствовать обществу; однако страсти всегда восстают против страстей. Люди внезапно пробуждаются, как от толчка; когда воображение начинает рисовать им их несчастья в преувеличенном виде, их разгоревшаяся ярость не знает больше никаких границ и в своем ослеплении они часто достигают лишь того, что удваивают тяжесть своих несчастий.

Вот почему тиранию сменяет новая тирания, за кратковременной деспотией следует анархия или еще более жестокий деспотизм. Преемником задушенного султана становится султан, в еще большей мере достойный такой же участи. Карл I потерял трон и жизнь, чтобы искупить ошибки, которые были преувеличены фанатиками; на Англию же было надето ярмо честолюбивым лицемером, который под предлогом защиты страны от тирании воспользовался неистовством небольшой кучки безумцев, чтобы беспрепятственно утвердить собственную тиранию¹.

Во время революций люди руководствуются яростью и никогда не прислушиваются к голосу разума; возбужденное воображение заставляет их доводить все до крайности и не учитывать ничего, кроме требований настоящего момента. Ослепленные властолюбцами, фанатиками или политическими шарлатанами, народы часто наносят себе глубокие раны ради устранения незначительного зла, которое разум, быть может, счел бы неизбежным или которое само исчезло бы со временем, и это ведет в конце концов к распаду всего политического организма или к его бессмысленному ослаблению.

Этого можно было бы избежать, если бы общество было в достаточной мере просвещенным и обладало достаточным хладнокровием, чтобы благоразумно содействовать своему выздоровлению, или если бы под руководством добродетельных людей оно искало более подходящие средства против своих бедствий. Тогда без волнений и смут общество обуздадо бы ставших

несправедливыми властителей, добилось безопасности и возвратило себе власть, которой злоупотребляли, противопоставляя ее общественным целям, и которую оно не помышляло бы вернуть себе, если бы промедление не подвергало опасности само его существование.

§ XIX. Общество всегда является хозяином верховой власти

Если только народ имеет право даровать верховную власть, лишь он имеет право и взять ее обратно. Гражданин становится узурпатором, как только берется решать что-либо за общество. Если преступно отнять жизнь у человека, то еще более преступно лишать жизни тех, кто управляет обществом; кощунственная дерзость — подвергать народ ради мести, которую он вовсе не одобряет, бедствиям, часто еще более жестоким, чем те, которые он до этого испытывал. Гражданин обязан молча переносить вместе со своим отечеством постигающие его страну беды и принимать выпавшие на его долю несчастья как жертву ради покоя родины. Он должен либо бежать, либо сохранять спокойствие, пока один является недовольным; он должен присоединиться ко всем, когда все выражают недовольство.

Тот факт, что эти очевидные истины почти всегда остаются непризнанными, несомненно, постыдное и позорное для человеческого рода явление.

Именно по вине этой слепоты различные правительства причинили людям неисчислимые бедствия и страдания. Верховные правители, обязанные нести заботу о сохранении народа, о поддержании его жизни и об обеспечении ему счастья, обыкновенно употребляли доверенную им народами власть на то, чтобы лишить эти народы свободы, собственности, возможности обращаться к разуму и подчинить их законам, являющимся лишь выражением капризов и фантазий тех, кто безо всякого на то права навязывал их людям. Отсюда произошло рабство и те бесконечные злоупотребления властью, которые честолюбивые государи превратили в свое право, силой принудив народы с трепетом признать его.

Но только что установленные принципы достаточны для того, чтобы отличить законные права от узурпированных и дать оценку правам того или другого государя. Эти права повсюду одни и те же, как бы ни именовали властелина общества: названия ничего не меняют в сущности вещей.

Итак, что же такое монарх? Это человек, в котором его народ предполагает найти добродетели, способности и другие качества, необходимые для того, чтобы обеспечить обществу преимущества, которых оно вправе требовать. Король — это гражданин, избранный его согражданами, чтобы говорить и действовать от имени всех, чтобы быть орудием и исполнителем общей воли, доверенным лицом, осуществляющим власть, принадлежащую всем.

В соответствии с особыми условиями, поставленными народами, короли полностью или отчасти представляют их. Когда власть короля ничем не ограничена, т. е. когда народ не оговорил по отношению к ней никаких ограничений в специальных законах, эта власть может быть названа *абсолютной* монархией. Когда же народ известными условиями ограничил права своего монарха или специальными актами сохранил за собой пользование частью власти, власть носит название *смешанной*, *ограниченной* или *умеренной* монархии. Однако и в том и в другом случае власть монарха в действительности одинакова по широте своих прав. Упущение из виду формальности не может навсегда лишить общество его прав. Перед лицом справедливости монархи, которым народы не поставили никаких условий, так же не вправе угнетать их или наносить им вред, как и государя, власть которых предусмотрительно ограничили самым тщательным образом.

§ XX. Естественные вопросы

Многие авторы, введенные в заблуждение громкими словами или желавшие польстить государям, полагали, будто титул абсолютного монарха свидетельствует о власти, не знающей других ограничений, кроме воли государя. Это заблуждение, распространенное корысто-

любивыми придворными и властолюбивыми министрами, превратило большинство государей в божественные, непостижимые существа, права которых не разрешено рассматривать и обсуждать ослепленным народам. Покоренные посредством силы народы, подчиняясь привычке и установившемуся общественному мнению, считали, будто они обязаны безропотно терпеть самый тяжкий гнет, вызывающий возмущение и находящийся в вопиющем противоречии с природой человека и целью всякого общества.

Как мы видели, благодаря таким понятиям было предоставлено безграничное поле действия страстям государей, которые, подчиняясь естественной склонности всех людей, были заняты лишь тем, чтобы стать могущественными, богатыми, счастливыми, и приносили в жертву увеличению своего могущества доверенное их заботам счастье народов. Вот почему общества часто находили врагов и угнетателей в тех людях, которых они избирали своими защитниками, желая видеть в них вождей, руководителей и отцов. Народы забывали о том, что имеют волю; отвыкая от нее, они переставали к ней стремиться; и от века к веку каждое поколение несчастных смертных вместе со своими предрассудками передавало потомкам свои несчастья.

Чтобы рассеять эти заблуждения, следствия которых так губельны для человеческого рода, достаточно вкратце сопоставить только что установленные принципы. Выскажем их в еще более простой форме, и пусть здравый смысл решает поставленные нами вопросы.

1. Перестает ли государь быть человеком? Разве, будучи облечен властью главы государства, он начинает принадлежать к какому-то другому виду существ? Разве он становится существом более высокого порядка? Разве положение главы государства освобождает его от обязанностей, налагаемых на каждого из нас человеческой природой?

2. Существовали ли общества в те времена, когда еще не было монархов? Могли ли появиться короли, когда еще не было народов? Является ли глава государства членом общества, которым он управляет?

Он ли один предназначен пожинать плоды, доставляемые объединением людей в общество?

3. Должно ли целое уступать и подчиняться одной из своих частей? Должна ли воля одного человека брать верх над общей волей? Возможно ли, чтобы в каждом обществе существовал человек, освобожденный от обязанности приносить пользу? Является ли глава государства единственным человеком, свободным от уз, связывающих и объединяющих между собой всех остальных членов общества? Может ли человек связать с собой всех других людей, не будучи сам связан с ними никакими узами?

4. Допуская, что верховная власть исходит от божества, можно ли поверить, что справедливый бог предназначил миллионы существ определенного вида безвозмездно способствовать счастью только одного из них? Неужели небеса обрели все народы земли на труд, нищету, лишения и слезы лишь для того, чтобы дать пищу тщеславию, фантазии и властолюбию небольшой кучки людей, горстки царствующих фамилий?

5. Какова природа того божественного свойства, которое, будучи сообщено монархам, делает невозможной отмену их власти даже для тех людей, которые сами доверили им эту власть? Разве может *божественное* право лишить народ *естественного* права на самозащиту, самосохранение и отпор нападению любого врага? Разве бог дает верховному властелину исключительное право безнаказанно наносить оскорбления народу? Разве он отнимает у народов право заботиться о своей безопасности и ограждать себя от гибели?

6. Разве обладание властью, незаконной по своему происхождению, представляет собой право, которое никогда не смогут отменить ни справедливость, ни разум, ни сила?

7. Разве монархи созданы только для того, чтобы повелевать? Разве их подданные предназначены судьбой лишь повиноваться? Разве не в надежде на какие-то выгоды люди отказались от части своей свободы, собственности и власти над самими собой? Разве, подчиняясь одному из граждан, они имели намерение навсегда отказаться от всех законных возможностей

трудиться ради собственного счастья? Разве они желали дать кому-либо право безвозвратно сделать их несчастными?

8. Наконец, можно ли предположить, чтобы нация пожелала поставить свою судьбу в зависимость от капризов одного человека, который под влиянием собственных страстей, слабостей или безумств в любую минуту может привести к гибели общество, которому никогда не разрешается противодействовать планам своего повелителя?

§ XXI. Неограниченная, произвольная власть противоестественна

К этим простым вопросам могут быть сведены все споры о взаимных правах государей и подданных. Когда предрассудки перестанут заглушать голос справедливости, он без колебаний скажет нам, что общество могло избирать государей или давать согласие на подчинение чьей-либо власти только в расчете обеспечить для себя этим путем преимущества, которыми в противном случае оно не могло бы обладать. Здравый смысл всегда будет громко твердить нам, что никакой народ никогда не мог желать, чтобы один из его членов обеспечил себе счастье за счет всех остальных. Голос природы не перестанет заявлять протест, пока несправедливый гнет будет удерживать народы в ярме, примириться с которым не может человеческая природа.

Поскольку без согласия народов власть незаконна, поскольку народы могут подчиняться только законам, сообразным с их природой, и не могут отказаться от своего благополучия, невозможно, чтобы общество примирилось с угнетением или согласилось на притеснения, в какой бы форме они ни проявлялись. Оно вправе взять обратно вверенные им государю права и применить силу против угнетающей его силы. Узы, связывающие общество с его властелином, могут сохраниться лишь при соблюдении определенных условий; если же властелин разрывает эти узы, они разорваны также и для общества. Разве есть такие права, согла-

шения или договоры, которые могли бы навсегда лишить общество возможности действовать в интересах самосохранения?

Как только монарх дереступает границы, предписанные ему волей народов, верховная власть становится не чем иным, как войной одного против всех, и существует лишь до тех пор, пока сила принуждает подданных смиряться. Таким образом, *произвольная*, или неограниченная, власть есть власть противоестественная, противная природе, неспособная обеспечить ни авторитет верховного правителя, ни спокойствие подданных. Было бы бессмысленно ожидать, чтобы такую власть одобрили нации, которые, не лишившись рассудка, не могут предположить во всех тех, кто ими управляет, желание и способность трудиться ради народного счастья. Осуществление такой власти незаконно, так как воля одного человека не может присвоить себе право действовать против воли всех остальных. Посредством силы лишить людей их самых основных, священных и неотъемлемых прав было бы равносильно установлению тирании или узурпации власти. Власть такого рода уже не является правительством; это злоупотребление, превышение власти, разбой, утверждение беспорядка.

Чтобы осуществлять абсолютную власть, надо обладать неограниченной мудростью; но поскольку мудрость государей имеет, как известно, пределы, поскольку их знания ограничены, поскольку те, кто является их советниками, могут ошибиться, необходимо, чтобы власть государей была ограничена. Желать с ограниченными силами и познаниями осуществлять неограниченную власть — значит претендовать в своем безрассудстве на то, чтобы возвыситься над природой человека.

§ XXII. О подлинной верховной власти

Только верховную власть, подчиняющуюся законам справедливости, можно считать властью, одобренной народом. В этом случае правительство защищено от столкновений различных партий, часто возникающих

из-за различий интересов внутри народов и стран, где власть разделена между многими лицами. Высшая власть, представленная государем или лучшими из граждан, приводит народы к добровольному повиновению. Если государство является монархическим, все его силы, собранные воедино и сосредоточенные в руках одного человека, действуют беспрепятственно и могут быть быстро направлены туда, где они необходимы. Монарх подобно отцу большого семейства руководит своими детьми, постоянно имеет их перед глазами, предоставляет им возможность пользоваться свободой и запрещает только чрезмерную вольность, которая могла бы стать опасной для них самих.

Как мог бы истинный монарх отделить свои интересы от интересов семьи, видящей в нем главу? Не оказался ли бы он тогда похожим на отца, с противоестественными чувствами, с возмутительной небрежностью бросающего своих детей на произвол судьбы или стремящегося лишить их преимуществ, которые он должен им обеспечить?

При справедливых верховных правителях законы, основанные на общих интересах всех граждан и их потребностях, являются лишь выражением общественной воли и без промедления приходят на помощь обществу в его несчастьях. Когда структура государства обязывает властителя советоваться со своим народом, следствием является благоразумное послушание граждан; распоряжения главы государства становятся в таком случае выражением воли народа; этим распоряжениям подчиняются с радостью, потому что всем известны их цели и мотивы; чувство свободы не восстает в гражданах против послушания, представляющего собой лишь жертву обществу, приносимую ими в собственных интересах.

От послушания справедливым законам, способствующим общей безопасности, не освобожден даже монарх; он поступает так, что ни его права, ни его положение в обществе, ни его власть не могут быть направлены против общей воли; для того чтобы общая воля пользовалась уважением, глава государства сам должен проявлять к ней уважение.

§ XXIII. О привилегиях

Если все сказанное нами верно, то на каком основании государи, сами подвластные законам, могут присвоить себе право освобождать от подчинения законам других? Какую силу могут иметь правила, не обладающие устойчивостью, обязательные для одних граждан, но не имеющие силы для других, для тех, кого пожелает выделить благосклонный к ним король? Если общество, не желая нанести само себе вред, может лишь распространять и применять незыблемые и неизменные законы природы, как могут люди, являющиеся доверенными лицами общества и исполнителями его воли, освобождать кого бы то ни было от послушания законам?

Всякое освобождение от послушания закону есть оскорбление, нанесенное обществу; если закон полезен и справедлив, он должен предписывать всем; если закон несправедлив, бесполезен или вреден, он должен быть отменен для всех. Ни один справедливый мыслящий гражданин не стал бы гордиться возможностью использовать для себя одного в качестве исключения в отличие от своих сограждан несправедливые привилегии, которые сделали бы его предметом ненависти других членов общества и противопоставили его личные интересы общим. Правом безнаказанно поступать дурно может прельститься только злодей, только плохой гражданин. Возможно ли более омерзительное тщеславие, чем тщеславие человека, который видит свое величие и свою славу в возможности наносить вред другим людям? Есть ли тщеславие более ребяческое и несерьезное, чем тщеславие так называемых вельмож, считающих честью для себя недостойные, вызывающие негодование привилегии, которые деспотизм может даровать и отнимать без всяких оснований?

Что будут думать народы о справедливости? Будут ли они питать уважение к законам, которые повержены к ногам их повелителей и которые дерзко нарушают вельможи, окружающие правителей. Допускать, чтобы от закона уклонялись великие мира сего, и пользоваться законом для подавления простых людей—

не значит ли это заставлять презирать и ненавидеть его? Что за понятие о справедливости должны себе составить в тех странах, где дворянство, состоящее из самых богатых граждан, освобождено от уплаты налогов, в то время как бедные люди обременены ими?

Если законы существуют для того, чтобы устанавливать справедливое равновесие между гражданами государства, если они должны служить средством против неудобств, которые могли бы возникнуть вследствие природного неравенства людей, то освобождение от послушания закону делает эти соображения бесполезными; исключения усиливают неравенство, заставляют ощущать его с болезненной силой, лишают некоторых подданных преимуществ, в то же время предоставляя эти преимущества другим. Подобная несправедливость ведет, наконец, к тому, что отдельные граждане, будучи выделены из среды своих сограждан, противопоставляют личные интересы интересам всего общества. Сословный дух всегда был и будет противоположен духу общества.

Исключительное положение отдельных лиц — неотщипимый источник страданий народов: пристрастное отношение государей нарушает всякую справедливость, а без справедливости общество становится ареной притеснений и беспорядков. На свете немного стран, где закон одинаково применяется ко всем гражданам; суровый к слабым и бедным, он смягчается для людей богатых и занимающих высокое общественное положение. Снисходительный к одним, он всей своей тяжестью давит других. Почти везде нужны влияние, власть, протекция, богатство, чтобы получить то, на что люди и без того имеют законные права; наконец, почти во всех странах некоторым из граждан разрешено быть несправедливыми и поступать дурно. Закон бесполезен, а власть несправедлива, когда люди не получают награды или наказания в зависимости от того, употребляют ли они свои способности на пользу или во вред обществу.

§ XXIV. О правах верховного правителя на собственность

Государи считают обычно, что их власть дает им ничем не ограниченные права на имущество подданных. Общество, возложив на государей обязанность заботиться о его защите, равно как и об обеспечении желанных ему выгод, вверило им власть только для того, чтобы обеспечить безопасность личности и собственности граждан и защитить их от насилий и обмана. Но разве право защищать подданных может дать право отбирать у них имущество, которое правитель должен охранять? Верховная власть облечена такими большими правами и полномочиями лишь для того, чтобы она противопоставляла страстям подданных как можно более действенные препятствия и применяла против них как можно более решительные средства, а отнюдь не для того, чтобы верховный правитель мог дать полную свободу собственным страстям. Свобода, собственность, безопасность — единственные узы, привязывающие людей к земле, на которой они живут. Родина перестает существовать для них, как только исчезают эти преимущества.

Подчиняясь верховной власти, нации, несомненно, должны были предоставить ей все средства, чтобы она могла успешно трудиться ради их счастья; поэтому каждый индивид пожертвовал частью принадлежащего ему имущества, чтобы содействовать сохранению и защите собственности всех граждан. Таково происхождение налогового обложения. Оно справедливо только в том случае, если народ дал согласие подчиниться ему; его применение законно лишь при условии, что оно используется строго по назначению, т. е. в интересах сохранения государства. Его неизменным мерилом должна быть общественная польза: размер той доли владений и благ, которыми пользуется каждый член общества, определяет степень, в которой он обязан способствовать общему благу.

Сбор налогов становится кражей, когда их собирают не в целях обеспечения средств сохранения государства и упрочения его счастья. Король является разбойником

и взяточником, если он применяет силу, чтобы вырвать имущество у народа, не обеспечивая ему взамен никаких выгод и преимуществ; он становится вероломным нарушителем долга, недобросовестным управляющим хозяйством народа, когда расхищает или тратит не по прямому назначению богатства, распорядителем и хранителем которых ему доверено быть. Король преступен, когда вопреки желаниям общества он без всякой пользы проматывает на составляющую предмет его гордости роскошь двора и растрчивает на незаслуженные щедрые подарки те богатства, которые предназначены для удовлетворения потребностей государства.

§ XXV. О праве вести войну

Война является для народов источником величайших бедствий, насилий и разрушений. Именно под предлогом войн народы задавлены налогами. Всякий воинственный государь является врагом своего народа и одновременно бичом всего человечества. Шум сражений редко позволяет услышать взволнованный призыв к справедливости или спокойный голос разума. Добрый государь лишь с тяжелым вздохом берется за оружие. Воинственный государь управляет лишь разоренными народами; несправедливая война — самое большое из всех преступлений; война, не вызванная необходимостью, — вершина безумия. Верховный правитель должен вести войну только ради сохранения своего народа, только в его интересах и с его согласия; как только опасность миновала, война должна быть прекращена. Всякий завоеватель — безумец, начинающий с разорения своих подданных, чтобы иметь возможность разорять и губить подданных других правителей.

Разве от одной мысли о войне, со всеми ее ужасами, со всеми ее неизбежными тяжелыми последствиями, не должно было бы разорваться сердце каждого государя, в котором не совсем еще заглохли справедливость, человечность и разум? Может ли пустая, суетная слава, которую приносят разрушения, прельстить разумное существо?

Государь имеет право вести войну, но не в собственных интересах, а лишь в интересах народа; только тиран способен принести народ в жертву собственным прихотям и фантазиям. Хороший властелин лишь с сожалением использует вверенное ему народом право обнажить меч, т. е. прибегнуть к войне. Если какой-нибудь несправедливый агрессор угрожает его стране, если завистливые соседи хотят отнять у его подданных преимущества, которыми они пользуются, тогда он прибегает к силе, чтобы заставить слепцов возвратиться к жизни, соответствующей человеческой природе, от которой они хотели уклониться. Но ему известно, что лавры победы почти всегда в равной мере окрашены кровью как его врагов, так и его подданных. Война является кризисом, переломным моментом в жизни общества, который иногда неизбежен, но всегда ослабляет силы государства.

Меня не так страшит оружие моих врагов, как слезы моего народа, говорил Альфонс Кастильский².

§ XXVI. Верховный правитель несет ответственность за поведение своих министров

Отвечая перед подданными за пригодность к делу и за поведение тех, кому он доверил осуществлять под своим контролем отдельные стороны управления, настоящий монарх при подборе министров учитывает только заслуги, способности и добродетели. Одобрение народа всегда дает ему возможность обнаружить нужных людей. Он всегда будет помнить, что злоупотребления почти неотделимы от власти. Без этого его добрые чувства к подданным были бы тщетны; он напрасно стремился бы устроить их счастье; благополучие и счастье народов, безопасность государства, привязанность народов к руководителям зависят от поведения людей, которым глава государства частично доверяет осуществление власти. Поэтому монарх должен относиться к своим министрам с законным недоверием, судить по всей строгости законов и предавать негодованием и мести своих народов тех, чьи злоупотребления сделали эти народы несчастными.

Даже самый справедливый верховный властелин может быть введен в заблуждение и обманут развращенными советниками, бессовестными министрами или бездарными придворными фаворитами. Он должен отстранить от своей особы недовольство подданных; пусть их ненависть падет на головы тех, кто так часто угнетает народы без ведома государей. Верховный правитель, оказывающий защиту преступному министру, делает себя соучастником его преступлений и берет на себя ответственность за допущенные этим министром беззакония.

Справедливое распределение наград и наказаний уподобляет власть государя божьей власти. Являясь распорядителем этих двух великих побудительных сил, играющих большую роль в руках всякого правительства, он использует их для того, чтобы поощрять добродетель, заслуги и таланты, т. е. чтобы увеличивать заинтересованность отдельных граждан в содействии общим интересам. Ничто не способно в такой мере заставить пасть духом добродетельных граждан, как лишение их заслуженных наград; люди перестают стремиться быть добродетельными, когда пороку оказываются почести. Никто больше не трудится ради того, чтобы стать полезным, когда благодеяния, почести и милости раздаются только гражданам благородного происхождения, богачам или фаворитам. Милости, оказываемые бесталанности и посредственности, являются кражей у тех, кто их действительно заслуживает; награждение тех, кто служит обществу, есть уплата долга, который верховный правитель возвращает от имени общества. Милости, раздаваемые с легкостью и без учета заслуг, являются в действительности несправедливыми.

§ XXVII. Законная верховная власть сохраняет свободу

Под властью государя-гражданина общество будет пользоваться свободой; оно свободно повсюду, где уважаются законы. Далекий от чувства зависти к выгодам и преимуществам, извлекаемым его подданными

из их ремесла, властелин будет непрестанно проявлять заботу о том, чтобы умножить эти выгоды. Далекий от стремления их закабалить, он упрочит их свободу — благо, столь драгоценное для человека, столь необходимое для его счастья. В равной мере чуждая как опасной распущенности, так и бесчестящему человека рабству, эта свобода будет ограничена одним разумом, который одинаково сдерживает как монарха, так и его подданных и связывает людям руки лишь в том отношении, что лишает их возможности наносить вред самим себе и позволяет беспрепятственно трудиться ради своего счастья. Мудрость, освобожденная от стеснявших ее пут, может свободно обращаться непосредственно к народам; добродетельный монарх не боится всепроникающего взгляда разума; он знает, что его благие деяния будут гораздо лучше поняты просвещенными людьми, чем тупыми рабами; ему известно, что невежество делает людей слепыми, робкими и несчастными, а просвещение и свобода воспитывают их сердца и вселяют в них мужество, смелость и добродетель.

Руководствуясь чувством признательности, народы будут высоко ценить свои законы, свои учреждения и своего монарха, заботящегося об их благополучии; распространение знаний вызывает страх только у клеветников и тиранов.

§ XXVIII. Верховный правитель должен быть близким народом человеком

В хорошо управляемом государстве рядовые люди, так называемое простонародье, — предмет особой заботы монарха. Отказавшись от заблуждений и высокомерных представлений, превращающих верховного властелина в бога и низводящих трудолюбивых граждан ниже уровня человеческих существ, монарх должен уделять особое внимание именно той части своих подданных, которая живет своим трудом; ему следует поощрять все искусства, направленные к тому, чтобы сделать их труд менее тяжелым. Сельское хозяйство, пользующееся поощрением и содействием властей, процветает, обеспечивая изобилие во всех провинциях государства. Тор-

говля, которой благоприятствует, предоставляет льготы и оказывает полное уважение правительство, широко развивается; она доставляет обществу предметы, в которых ему отказывает природа, и укрепляет общественные связи. Солдаты, сдерживаемые строгой дисциплиной и подчиненные законам, не считают себя вправе относиться с презрением к согражданам, которые содержат их, или притеснять этих сограждан. Как и все остальные граждане, они заинтересованы в поддержании общества, защищать которое призваны; это защитники отечества, а не орудия его порабощения. Ничто не может сравниться с могуществом монарха, которым руководит добродетель и которого просвещает разум. Весь народ, воодушевленный теми же идеями, что и государь, отождествляет себя с ним и воздвигает непреодолимую преграду посягательствам зависти и честолюбия тех, кто пытался бы нарушить благополучие общества.

Таково поведение, которое разум подсказывает всякому государю. Таковы границы, которые он предписывает верховной власти; таково направление, предназначенное волей общества всем тем, кому она вверяет осуществление власти.

§ XXIX. Государь должен знать желания своего народа

Но для того чтобы государь знал желания народа, которые должны быть для него законом, потребности народа, которые ему следует удовлетворять, и его горести, которым он должен прийти на помощь, необходимо, чтобы народ был представлен каким-то органом, задача которого — осведомлять государя о справедливых требованиях подданных и, не пользуясь верховной властью, направлять и смягчать действия монарха, вносить в них трезвость и умеренность, а иногда даже препятствовать высочайшим намерениям, если они могут нанести обществу вред. Государь не в силах сам разобраться во всем; напрасно льстил бы он себя надеждой, что его таланты и есть все необходимое и достаточное для управления государством. Власть всегда отпугивает от себя робкую истину. Придворные, министры,

фавориты могут ввести в заблуждение своего властелина. Только голос народа никогда его не обманет.

На свете почти невозможно найти монархию, в которой монарх правильно понимал бы свои подлинные интересы, т. е. испытывал бы потребность творить добро. Всегда уверенный в том, что любые его планы будут поддержаны силой многочисленных армий, что их встретят рукоплесканиями придворные льстецы и они будут осуществлены с помощью наемных войск, государь ставит себя выше общественного мнения и совершенно не считается с желаниями своего народа. Порочное воспитание ведет к тому, что государь забывает, что тоже является человеком; не испытывая страданий, он становится бесчувственным к несчастьям общества; непонимание творимого им зла мешает ему стыдиться своих поступков; уверенность в безнаказанности притупляет его чувства, делает его черствым и глухим к укорам совести; шумная, беспорядочная, расточительная жизнь, полная удовольствий, не дает ему услышать голос протеста. Необходимо, следовательно, чтобы народ сохранял за собой право высказывать свое мнение государю, ибо все, что его окружает, способствует его растрелению и ослеплению, воспитывает в нем равнодушие или жестокость.

Разве разумного государя могли бы возмущать препятствия, которые разум противопоставляет его страстям? Не должен ли он скорее испытывать удовлетворение перед лицом необходимости быть справедливым и радоваться счастливой возможности не наносить себе вреда? Пусть узурпатор, деспот и безрассудный тиран трепещут при виде узды разума, преимуществ которой они не понимают; добродетельный монарх сам ограничит свою власть; что же касается порочного монарха, то он нуждается в том, чтобы общественная сила воздвигла мощную преграду его распущенности и беззакониям. Неужели лишенный способностей государь, которым руководят льстецы, фавориты и люди с подлой душой, сочтет себя более обеспеченным, когда его будет направлять голос всей нации, имеющей с ним общие интересы, чем когда он будет служить игрушкой низких страстей и интриг нескольких рабов, заинтере-

сованных в том, чтобы с помощью хитрости и обмана злоупотребить его доверием?

Гораздо лучше, если верховный властелин окажет доверие народу, а не небольшому числу порочных придворных. Опыт веков свидетельствует о том, что монархи, как и вообще все люди, слишком часто позволяют соблазнять себя ничтожными преимуществами, из-за которых они, находясь в ослеплении, не видят своих самых значительных интересов; опыт доказывает нам, что верховные властители далеко не свободны от человеческих слабостей. Нередко бывает достаточно одного государя, чтобы разрушить империи, где царил образцовый порядок. Один каприз, одна слабость короля, один плохой совет могут повергнуть процветающую нацию в бездну несчастий. Самый добродетельный верховный правитель часто замещается бесчеловечным чудовищем-извергом. Домициан наследует трон после Тита, Коммод — после Марка Аврелия. Иногда даже самый гуманный монарх, совершив ошибку при подборе министров, сам того не зная, подвергает свои народы жесточайшему гнету и притеснениям, становится предметом их ненависти и способствует собственной гибели.

Каковы средства против этих неизбежных зол? Как можно постоянно удерживать власть в ее законных границах? Как заставить ее неизменно содействовать благополучию и счастью общества? Необходимо, чтобы властвовал один лишь закон и чтобы этот закон обладал силой, более могущественной, чем сила человека, стоящего у власти; необходимо, чтобы верховная власть была сдерживаема вытекающими из самой структуры государства ограничениями, которые нельзя было бы нарушить, не колебля государственной строй и не подвергая опасности самих нарушителей. Такой эффект может дать только разделение власти. Правители будут творить добро лишь тогда, когда поймут свои действительные интересы и смогут услышать голос истины; этот голос укажет им, какой опасностью чревата для них потеря любви и привязанности народов. Они узнают желания, потребности и горести народа только тогда, когда народ будет иметь свое представительство в правительстве; их законы станут выражением обществен-

ной воли лишь тогда, когда народ будет принимать участие в законодательстве.

§ XXX. О представительных органах, связывающих государя и нацию

Эти истины были осознаны всеми европейскими нациями. В то время как менее энергичные, расслабленные азиаты вследствие своего невежества подчинились абсолютным властелинам³, народы Европы лишь в редких случаях соглашались предоставить своим правителям неограниченную власть. На монарха у них почти всегда налагалось обязательство узнавать мнение нации и убеждаться в ее согласии по всем вопросам, которые могут ее интересовать. Таково происхождение *сеймов, штатов, парламентов*, которые в некоторых странах стали пользоваться меньшими правами из-за равнодушия к ним народов, а также вследствие узурпации власти, подкупа и предательства со стороны королевских дворов. Жалкие основания! Основания, которые всегда могут быть отменены волей наций! Как могут верховные правители знать потребности своих подданных и слышать их жалобы, если они всегда выслушивают только людей, заинтересованных в том, чтобы заглушить эти жалобы, и если народы не представлены людьми, официально уполномоченными говорить от их имени? Нация, совсем не имеющая представительства, походит на человека, лишенного речи: ей остается лишь объясняться с помощью рук, чтобы дать понять, чего она хочет.

Выбирая представителей, народы создают совещательные органы при своих верховных правителях. Для того чтобы эти совещательные органы, советы или думы, точно выражали волю народов, они должны состоять из граждан, чьи знания, таланты, достоинства, а главное, личные интересы прочно привязывали бы их к отечеству и давали бы им возможность правильно понимать его силы, положение и потребности. Разве составленные таким образом советы не смогли бы направлять действия монарха гораздо лучше, чем большею частью развращенные министры, услужливые фавориты и нена-

сытные царедворцы, для которых не существует родины и которые заинтересованы лишь в том, чтобы, растоптав ее, поделить между собою то, что от нее останется? Ни один человек не заинтересован в благе родины больше, чем тот, кому причиняют страдания ее несчастья и кто радуется ее успехам; собственность, владение землей — вот что особенно прочно привязывает человека к своей стране и к своим согражданам.

Народы, естественно, привязывались к тем сословиям, которые играли роль посредников между ними и верховной властью; дворянство, духовенство, чиновничество поочередно становились представителями и защитниками наций. Правда, народы часто обманывались в своих ожиданиях; каменная стена, за которой они надеялись укрыться, придавливала их собственной тяжестью; привилегированные сословия вероломно выдавали их властям, которых они так страшились. Всякое сословие, обладающее правом обращаться к монарху, имеющее возможность влиять на его планы и смягчать его решения, может быть уверено в поддержке всех остальных подданных, поскольку последние обыкновенно знакомы с верховной властью только по бедствиям, которые от нее терпят. Этим и объясняется то, что с молчаливого согласия народа из его толщи иногда стихийно появляются представители, посредники, выразители его интересов, которых он специально не выбирал. Если только лавина деспотизма не сметает все на своем пути, для власти, можно сказать, сами собой возникают различные препоны.

§ XXXI. Верховный правитель не может не прислушиваться к голосу своего народа

Поскольку целью всякой власти является благополучие тех, на кого она простирается, ни один верховный правитель на земле не имеет права требовать от подданных безмолвного подчинения. Это правило, мало сообразующееся с теми фантастическими идеями, которые стремятся распространять приверженцы гнета и рабства, основано тем не менее на законах природы и справедливости. Раб, с детских лет приученный

смотреть на монарха как на бога, не в состоянии постигнуть того, что слабые смертные могут обсуждать вопрос о правах государя или оспаривать его приказания. Суеверия, изображающие всевышнего в виде тирана, которому все дозволено, внушают народам, что они должны безропотно подчиняться капризам государей, призванных представлять божество. Верховные правители, которых с детских лет отравляют ядом лести, воображают себя отличными от всех других представителей человеческого рода привилегированными существами, чья воля никогда не должна встречать препятствий со стороны простых смертных. Тщеславные министры и завистливые придворные с ужасом взирают на возможные ограничения власти, в злоупотреблениях которой они сами принимают участие. Таковы враги осуществления народных прав; таковы действительные причины ослепления народов, заглушить голос природы и любовь к свободе в сердцах которых сговорились все их недруги.

§ XXXII. Горделивые претензии некоторых государей

Верховная власть принадлежащих к одному и тому же роду государей, передаваемая по наследству в течение долгих веков, должна была еще больше способствовать усилению преклонения народов перед их правителями. Как же не считать существами высшего порядка тех, кому одно только рождение дает право повелевать всеми остальными людьми? В свою очередь могли ли государи считаться с правами народов, которых они по наследству передавали своим потомкам как семейную собственность или недвижимое имущество, как какое-то жалкое стадо?

Как мы видели, общество, избирая монархов, вверяло им более или менее широкие права на власть; в результате государи приобретали права и прерогативы, которые стремились представить в качестве неотъемлемых, неотторжимо присущих верховной власти. Присваивая государям такие права, народы обыкновенно учитывали только современные им обстоя-

тельства и редко устремляли свои взоры в будущее. Однако государи всегда кичились уступками народа им самим или их предшественникам; обычаи, нередко совершенно бессмысленные, примеры из предшествующих времен, привилегии, которыми когда-либо пользовались, становились для государей неоспоримыми правами; они претендовали на то, что приобрели полномочия, которые будто бы уже никогда не могут быть отменены теми, кто их предоставил. Привычка, общественное мнение, а больше всего слепое почитание древности создали у народов иллюзию: они поверили, что им больше не дозволено искоренять злоупотребления властью, поскольку последние существуют очень давно.

Таким образом, государи убедили общество в том, будто их права больше не зависят от тех, кто их предоставил, и ни под каким предлогом нельзя лишить их этих прав, даже если в силу определенных обстоятельств осуществление таковых грозит опасностью или злоупотребление ими невозможно дольше терпеть.

Достаточно спросить совета у разума, и он укажет нам, что не бывает таких прав, которые следует сохранять вопреки пользе и интересам народов.

§ XXXIII. О необходимости различать понятия «верховный правитель» и «верховная власть»

Притязаниям государей открывает особенно широкие возможности предрассудок, постоянно смешивающий *верховного властелина* и *верховную власть*, короля и народ. Люди поняли, что во всяком обществе должна была существовать абсолютная власть; отсюда заключили, будто общества, руководимые государями, полностью передали в руки последних все свои права, всю власть, которой они обладали, весь авторитет, каким они пользовались.

Таким образом, понятия «государь» и «нация» приобрели одинаковое значение; исполнительный орган воли общества и сама общественная воля, которую этот орган осуществляет, оказались смешанными до такой степени, что стало невозможно их различить; все действия, начи-

нания и даже неблагоприятные поступки верховного правителя начали рассматривать как действия всей нации; собственность народа стали считать собственностью государя; и мало-помалу народы вместе с их владениями превратились в родовую вотчину своих монархов. Государь стали распоряжаться народами по своему усмотрению; они освободили себя от необходимости советоваться с подданными о том, чем они больше всего вправе интересоваться.

Однако достаточно немного внимательнее отнестись к этому вопросу, чтобы разрушить заблуждение, следствия которого во все времена были чрезвычайно пагубны для народов. Каждый гражданин ставит себя под спасительную охрану общества для того, чтобы обеспечить неприкосновенность своей личности и сохранность своего имущества; народ избирает себе защитников именно для того, чтобы вернее обеспечить для себя счастье; эти защитники являются хранителями, а не владельцами богатств народа. Когда государь создают несправедливые законы, которые отвергаются народами и противоречат воле общества, они выступают не как законодатели, а как вероломные лжетолкователи воли наций.

Разве может деспот или тиран являться выразителем общественной воли? Без сомнения, не может. Он является выразителем лишь собственных страстей и капризов, орудием одних только своих министров. Для того чтобы отождествить себя со своим народом, монарх должен желать того же, чего желает народ и что предписывают законы народа. Только тогда он сможет сказать о себе словами одного из императоров Китая: *«Голод моего народа — это и мой голод; недостатки моего народа — и мои недостатки»*.

§ XXXIV. Королевские прерогативы

Почти во всех обществах властелины были единственными распределителями наград, милостей, званий, почестей, богатств — одним словом, они имели в своем распоряжении все, что составляет предмет желаний людей. Неудивительно, что, располагая такими могу-

чими средствами воздействия, им без труда удалось разделить и подчинить своих подданных, чьи взоры были обращены единственно к тем существам, в которых они видели подлинный источник своего счастья. Поэтому злонамеренным королям было легко побудить огромное количество совращенных и ослепленных личной заинтересованностью людей принять участие в их заговорах против народа. Народ, лишенный власти, всегда будет иметь лишь немногих друзей — ведь ему нечего предложить им.

А между тем источником власти и богатств, которыми владеет верховный правитель, является народ. От народа в действительности исходят все благодеяния, почести, награды и милости, которыми в интересах государственного блага верховный правитель осыпает тех, кто ему служит. Но по явному заблуждению люди всегда смешивают распределителя милостей с народом, который является их действительным источником. Вот почему государь стал единственным объектом, к которому обращались все взоры.

Для того чтобы народ сохранял все свои права и его служители были признательны ему за оказываемые им благодеяния, важно, чтобы он оставлял за собой возможность вознаграждать или оплачивать услуги, которые ему оказывают: этим он напоминал бы всем гражданам, что они должны служить родине, а не ее властелину.

§ XXXV. Об этикете

Для того чтобы власть пользовалась уважением народов, необходимо, чтобы она поражала их воображение и представляла перед их взорами в наглядной форме. Пурпур, пышные церемонии, символы власти во времена республик, еще большая пышность и помпезность при монархии — все это ослепляло простой народ и внушало ему почтение. С целью добиться наибольшего благоговения перед своей властью деспоты появлялись обыкновенно перед подданными, только будучи окружены блеском, предназначенным для того, чтобы вызвать изумление. Еще при жизни деспотов на земле их изобраа-

жениям оказывались божественные почести, и подданные, которые лицеизрели их издали, легко убеждались в том, что эти столь блистательные существа должны стоять выше обычных людей.

Таково происхождение *церемониала, этикета* и пышных титулов, которыми монархи внушали почтение народам, всегда увлекавшимся чудесным; все это часто становилось единственным объектом внимания и забот королевских дворов. Чем меньше глаз привык к предмету, чем меньше он с ним освоился, тем большую деятельность воображения вызывает этот предмет. Ни один монарх не является божеством для людей, которые видят его каждый день. То, что недоступно постороннему глазу или скрыто от него, всегда внушает уважение. Короли воспользовались этим, чтобы предстать в более грозном облике; они очень редко показывались перед народом; уподобляясь богам, которых никто никогда не видит, они диктовали свою волю из глубин дворцов, недоступных простым смертным, через придворных, которые, став чем-то вроде жрецов, передавали ее простонародью. Самые недобрые или не обладавшие истинным величием души государи обыкновенно были больше всего привязаны к окружавшей их пышности, к своим титулам и к мелочному тщеславию, которое может импонировать только детям. В большинстве монархий излишняя пышность королевских дворов, или то, что принято называть великолепием трона, приводит к разорению народов. В большинстве государств царствовать — значит принимать участие в драме, обыкновенно глубоко трагичной для народа.

Церемониал и этикет являются тем барьером, которым лезть окружает королей с целью отдалить народы от их властелинов и помешать им убедиться в том, что короли являются нередко достойными всяческого презрения и ненависти людьми. По-видимому, низость и предрассудки во все времена способствовали тому, чтобы вознести монархов выше обычного человеческого существования. Гомер постоянно присваивает королям титул *рожденных богами*, в преданиях и мифах утверждается, будто государей просвещали божества. Что в большей мере способно питать гордость людей, стоя-

щих во главе народа, чем бред астрологов, внушающих им, будто солнце постоянно занято их судьбой, небесные светила возвещают их рождение и их удачи, затмения предсказывают им победы или поражения, кометы являются предвестницами их смерти? Казалось, вся природа постоянно интересуется лишь судьбой нескольких смертных, которых простой случай вознес к власти и поставил во главе народов.

Таковы различные источники представлений, которые народы составили себе о своих государях, казавшихся им исполинами, сверхъестественными существами, божествами. Поэтому не приходится удивляться тому, что они почти всегда были подчинены власти людей, считавших себя свободными от проявления каких бы то ни было добродетелей. Лень, бездарность, невежество, злонамеренность и даже тупоумие или безумие не лишали королей права управлять судьбами народов. Царствовать значило лишь наслаждаться бездействием, изнеженностью и удовольствиями за счет труда многочисленного общества; управлять значило лишь применять власть для того, чтобы заставить общество склониться перед королевскими капризами; политика была не чем иным, как искусством разделять, ослаблять, даже развращать общество для того, чтобы иметь возможность терзать и тиранить его. Верховные правители не задумывались над тем, как приобрести знания: счастье народов было отдано на волю случая; народы, которыми хуже всего управляли, боялись оказаться виновными в святотатстве, решившись лишиться верховной власти людей, которые были не способны ее осуществлять или самым постыдным образом злоупотребляли ею.

§ XXXVI. Подлинное величие государей

Если мы решимся без предубеждений рассмотреть природу верховной власти, мы увидим, что, когда государи трудятся во имя счастья народов, они являются самыми уважаемыми из всех граждан; но их блеск и величие исчезают, а права теряют силу, как только они нарушают обязанности, которые предписывает им

их общественное положение, или начинают пренебрегать этими обязанностями. Народы, объединенные силы которых всегда превосходили силы их королей, никогда не могли отказаться от права образумить государей, заставить их быть справедливыми, указать им пути, которыми они должны следовать, чтобы вести подданных к благополучию, — словом, принудить их спуститься с трона, занять который им дали возможность только для того, чтобы они заботились об общей безопасности.

С другой стороны, здравый смысл подскажет монархам, что подданные готовы ценить и уважать их, если они проявят превосходство своих способностей, знаний и добродетелей, т. е. докажут, что обладают всеми качествами, необходимыми для руководства народами. Тот же здравый смысл освободит монархов от заносчивых и варварских представлений о народах как о скоплении каких-то насекомых, которых дозволено топтать ногами; он откроет им глаза на высокомерие их притязаний подменять законы собственной своевольной волей; он покажет им, что только польза, приносимая ими обществу, является мерой привязанности к ним подданных и что только мудрость и справедливость могут дать им право рассчитывать на уважение и любовь последних.

Наконец, здравый смысл научит их, что к бесполезному, необузданному и творящему зло монарху общество, естественно, вынуждено относиться как к самому презренному и ненавистному из своих граждан.

Самым преступным человеком был бы, несомненно, тот, кто сделал бы несчастным весь человеческий род. Наивысшее отвращение вызывают преступления, в результате которых несчастными становится наибольшее количество людей. Какой иной вывод можно сделать отсюда, как не тот, что тиран является самым ненавистным существом, какое только может породить преступность? Слепой поклонник величия! Оцени на основе этих правил то уважение, какое ты часто оказываешь властителям земли. Присмотрись внимательно к тем страданиям, которые они так часто причиняют миллионам жертв их преступных безумств. Подсчитай

количество безутешных обездоленных семей, которым невыполнение государями своего долга, их тиранья, победы и завоевания беспрестанно приносят траур, нужду, отчаяние. Восхищайся после этого подобными властителями, если смеешь!

§ XXXVII. Государи подчинены тем же нормам морали, что и остальные люди

Взаимные обязанности людей основаны на том, что все они нуждаются друг в друге; благодетельная зависимость от себе подобных, в условиях которой протекает наша жизнь, является действительной основой любой морали. Всякий человек, который полагает, будто ни в ком не нуждается, сочтет вскоре, что не имеет никаких обязанностей по отношению к кому бы то ни было. Того, кто, ни перед кем не испытывая страха, в состоянии заставить других трепетать перед собой, мало беспокоит необходимость заслужить уважение или любовь людей; он не будет затруднять себя заботой о том, чтобы нравиться существам, которых презирает и может угнетать. Всякая чрезмерная власть неизбежно развращает ум и сердце человека: того, кто ею обладает, она делает горделивым, бесчеловечным, общительным.

Если умножить силы человека до такой степени, чтобы ему больше нечего было желать от окружающих людей и не в чем их опасаться, то он вскоре возомнит себя существом высшего порядка, не будет ни в ком нуждаться, чтобы удовлетворять свои желания, потеряет всякую заинтересованность в том, чтобы сдерживать свои страсти, — словом, станет злонамерен и потеряет стимул к труду ради счастья людей, поскольку они будут для него совершенно безразличны.

Низведя народы до унижительного состояния и забыв о правах общества, государи сами превратились в каких-то гигантов, силы которых возросли настолько, что люди перестали считать их принадлежащими к человеческому роду. С этого времени государи стали позволять себе все, что бы им ни вздумалось, лишь бы удовлетворить свои желания; более того, их стали

считать свободными от всяких обязанностей, их прихоти и капризы больше не встречали препятствий,— вот почему они так часто оказывались лишенными всяких положительных моральных качеств, всяких добродетелей.

§ XXXVIII. О добродетелях государей

Многие авторы писали о добродетелях, которыми, по их мнению, должны обладать государи. Будучи увлечены достойным всяческих похвал воодушевлением, но отнюдь не проявляя понимания вопроса, они требовали от государей таких возвышенных талантов, таких редких качеств и обширных познаний, что почти невероятно, чтобы один смертный был способен совместить в себе все эти достоинства. Они хотели, чтобы короли были богами, свободными от присущих человеческой природе слабостей, а последние оставались людьми, часто еще более ничтожными, чем другие.

Будем же видеть только людей в наших монархах и требовать от них лишь доступных человеку добродетелей. Я признаю, что добродетели и пороки правителей и подданных не равны по своей значимости: дурные склонности первых делают несчастными миллионы, их добродетели распространяют счастье и благополучие далеко вокруг; добродетели рядового гражданина обыкновенно оказывают влияние лишь на окружающую его ограниченную среду; добродетели государя, если можно так сказать, умножаются соразмерно количеству его подданных. Но какими должны быть эти добродетели?

Если бы государи обладали прямотушием, твердостью и в особенности справедливостью, они имели бы все качества, которых мы вправе от них ожидать. Доброта без справедливости не может быть в государе качеством, полезным для его подданных; доброта государя очень часто оборачивается для них жестокостью; монарх, чья сердечная доброта лишает его сил сопротивляться тем, кто его окружает, может оказаться столь же опасным для подданных, как и тиран.

Если мы взглянем непредубежденным взором на тех государей, чьи качества обыкновенно принято превоз-

носить, мы убедимся, что среди них очень мало таких, чья доброта принесла действительную пользу государствам. Мы обнаружим, что подлые придворные часто злоупотребляют их мягкостью, чтобы заставить их совершать самые вопиющие несправедливости, что навязчивостью у них вырывают милости для недостойных подданных, что народы оказываются принесенными в жертву жадности и ненасытности нескольких вельмож.

Назовем ли мы добрым короля, который ни в чем не отказывает людям, добивающимся от него должностей, занимать которые они не способны, наград, которых они вовсе не заслужили, и милостей для недостойных граждан, нанеших тяжелый ущерб обществу? Разве милосердие является добродетелью, когда оно останавливает действие правосудия по отношению к людям, которые нарушили законы, ограбили народ или изменили своему долгу? Разве справедлив государь, лишаящий подданных заслуженных наград, чтобы пожаловать их тем настойчивым фаворитам, которых он не решается огорчить?

Качества, самые приятные в узком кругу, часто становятся пороками в человеке, который управляет народами. Верховный правитель, призванный поддерживать равновесие между всеми своими подданными, должен остерегаться собственной чувствительности, уступчивости, нежности и любви к друзьям или семье. Когда речь идет о справедливости, государь не должен больше думать ни о родственниках, ни о придворных, ни о фаворитах. Хорошим королем можно считать только того, чью доброту ощущает весь народ; король, который хорош только по отношению к приближенным, обыкновенно бывает недобр по отношению к тем, кто стоит далеко от его особы.

Справедливость и твердость — таков должен быть девиз государей; если мы обнаружим в них эти качества, нам не останется желать ничего большего. Не будем требовать, чтобы государи были свободны от пристрастий и слабостей, свойственных человеческой природе, не будем ожидать от них недоступных человеку фантастических совершенств; не будем удивляться, когда

они впадают в неизбежные для каждого смертного ошибки.

Когда народы приобретут право доносить правду до самого трона, жаловаться государям на свои несчастья, указывать средства против этих несчастий, они не будут несчастны долгое время. Под властью справедливого повелителя голос общества никогда не раздастся напрасно: справедливый к своим подданным государь делает все, чтобы им не на что было жаловаться. Как только его знакомят с жалобами подданных, он дает указания, соответствующие их просьбам; желания граждан не могут быть несправедливы или безрассудны, если они выражают требования природы, опирающиеся на общую волю.

Настоящий государь является отцом для подданных; он никогда не отнимает у своих детей преимуществ, обладание которыми составляет их счастье; он защищает их от притеснений, сохраняет за законами силу и действительность и никогда не принуждает их склоняться перед своими капризами. Справедливый и по отношению к другим обществам, он совершенно не помышляет нарушать их спокойствие; будучи доволен тем, что его народы живут счастливо, он никогда не прибегает к завоеваниям ради расширения границ империи, всегда достаточно процветающей, счастливой и пользующейся уважением, если ею мудро управляют.

Перестанем же титуловать «великими» тех беспоконных монархов, которые опустошали землю и несли страдания народам! Перестанем восхищаться подвигами завоевателей, недовольных границами, определенными их государствам природой или соглашениями людей, завоевателей, которые в бесполезных войнах безжалостно проливают кровь своих подданных. Не будем больше называть славой ту шумную молву, которую вызывают среди народов их бесчеловечные действия. Будем рассматривать как настоящих чудовищ этих гнусных, заслуживающих ненависти «героев», неспособных обременить себя заботой о счастье своих государств, стремящихся достигнуть славы ценой несчастья народов и дерзко торжествующих победу на глазах у всего человечества, которому они наносят тяжелый ущерб.

Предпочтем любящих мир королей этим кровожадным разбойникам, столь превозносимая деятельность которых покрывает нашу землю трауром, слезами и нищетой. Лишь тогда, когда природа наделяет повелителей народов спокойными и мирными душами, можно сказать, что она благоприятствует им и способствует их счастью.

Когда государь воодушевлен любовью к справедливости, это дает ему силы избегать сетей, расставленных окружающими его придворными, и не уступать их назойливости; это обязывает всех, кто под его началом помогает ему в работе по управлению, следовать его примеру. При дворе, глава которого признает права справедливости, скоро исчезают козни и интриги; они обычно существуют только при дворах тех неспособных царствовать государей, которые являются рабами и игрушками своих евнухов, любовниц и фаворитов.

Требовать от монарха, чтобы он был справедлив, — значит лишь требовать, чтобы он был честен. Если бы нашелся государь, которому это предписание показалось чересчур тягостным, то его, по всей вероятности, было бы очень трудно призвать к порядку и заставить подчиниться законам разума. Могут сказать, что верховный властелин окружен людьми, заинтересованными в том, чтобы обманывать его, и они, несмотря на неусыпный надзор, делают зло без его ведома.

Но государя, министрам которого известны его справедливость, твердость и непреклонная воля, обманывать было бы трудно, по крайней мере в течение долгого времени. Если бы немилость повелителя неизменно следовала за каждой допущенной несправедливостью, то тайная коррупция вскоре была бы изгнана из королевского двора. Если монарх во всеуслышание заявит решительным тоном: *я хочу, чтобы в моих владениях безраздельно царил справедливость*, — то вскоре увидят, как исчезнут насилие и обман.

Если любой добродетельный гражданин достоин уважения, насколько более должны ценить и уважать того, чьи добродетели ощутимы для всего народа? Люди испытывают естественное чувство любви к своим государям, хотя их привязанность чаще всего основана на малоразумном преклонении перед величием, пышно-

стью и великолепием, которые окружают трон. Обычно только непомерное угнетение уничтожает в подданных чувства, которые они питают к правителям: привычка, общественное мнение, уважение привязывают народы к тем, кто ими управляет, и лишь крайнее злоупотребление властью может сделать монархов ненавистными. Пусть же каждый государь углубится в себя, и он увидит, что всегда теряет сердечную привязанность подданных только из-за собственных ошибок, тогда как подданные по природе своей склонны преувеличивать его достоинства, скрывать от самих себя его пороки и слабости, перекаладывать вину за ошибки с его плеч на плечи его плохих советчиков.

§ XXXIX. О воспитании государей

Все согласны, что искусство управлять государством — самое трудное из искусств, и тем не менее по какому-то странному стечению роковых обстоятельств именно оно является единственным, которым занимаются, пренебрегая его изучением. Разве знание науки, от которой зависит счастье народов, по какой-то привилегии может быть приобретено безо всякого труда? В странах, где одно только рождение возводит человека на трон, беспечность народов приводит к тому, что они не требуют от тех, кто ими управляет, ничего, кроме появления на свет.

Какое образование принято обыкновенно давать людям, предназначенным решать судьбы империй? В детские годы воспитание будущего государя доверяют развращенным придворным, и они занимают своего питомца бесконечными беседами об ожидающем его величии, о блеске и великолепии, которые его окружают, о пустых, незаслуженных правах и преимуществах верховной власти. Если будущих государей и учат каким-нибудь добродетелям, то только «добродетелям» убийц и человеконенавистников, прививая им с детских лет привычку презирать людей и ни во что не ставить жизнь своих подданных. В их молодые души бросают семена рокового честолюбия, которое в дальнейшем нарушает покой как управляемых ими, так и соседних

государств. Лесть внушает им, будто народы предназначены лишь для того, чтобы служить игрушкой их тщеславия. Преступная угодливость снисходительна ко всем порокам молодых государей. Эти земные божества, утопающие в наслаждениях, опьяненные гордостью и сластолюбивыми развлечениями, не знают о том, что существуют несчастные. В сердцах юных государей совсем не воспитывают привычку сочувствовать судьбе трудолюбивых бедняков; из бесчеловечных соображений от них скрывают картину нищеты; стоны несчастных, заглушаемые угодниками, никогда не доходят до слуха тех, кого они должны были бы огорчить и потрясти.

Когда-то мудрецы пользовались правом непосредственного обращения к королям, которые находили удовольствие в беседах с ними и призывали их к себе, чтобы спросить совета. В наше время наука не пользуется благосклонностью королей; должности и почести предназначаются для людей высокого происхождения: общественное положение предков определяет положение потомков, которые обладают исключительным правом быть приближенными монарха и находиться при дворе.

Таким образом, верховные властители окружены обычно людьми, которым случайность рождения заменяет таланты и знания, людьми, лишенными образования и добродетелей и потому неспособными просветить государей или мало расположенными к тому, чтобы раскрыть перед ними правду. Из невежества или вследствие заинтересованности они толкают своих господ на неосторожные шаги, губительные как для них самих, так и для государств, которыми они управляют. Государя не встречаются ни с кем, кроме вельмож и министров, которые заинтересованы в том, чтобы вводить их в заблуждение; поэтому они обыкновенно имеют возможность получить совет только от тех подданных, у которых меньше всего знаний и которые больше всего расположены давать им плохие советы.

Чем более неограниченна власть монарха, тем меньше у него возможностей знать истинное положение дел: чем он могущественнее, тем больше будут страшиться раскрыть перед ним правду и тем меньше будет у него

самого мужества выслушать и понять ее. Когда человека боятся, ему стараются льстить, его стремятся обмануть и смягчить. Деспота можно сравнить со львом на свободе: его ласкают потому, что боятся; его прихоти и капризы, опирающиеся на силу, могут вызвать только чувство робости у окружающих. Каковы бы ни были несчастья государства, тирана убеждают в том, будто под его властью народы всегда счастливы. Если ему не могут создать соответствующую иллюзию, то говорят, что мятежный народ вовсе не заслуживает, чтобы к нему прислушивались, и что осторожность требует заковать этот народ в еще более прочные оковы. Придворные и министры всегда заинтересованы в том, чтобы монарх находился в неведении; они прилагают все усилия, чтобы даже малейший луч истины не проник в его сознание.

Напрасно сын деспота стремился бы получить образование; подозрительный, ревнивый, недоверчивый тиран страшится даже членов своей семьи: наследник, предающийся пустым развлечениям, далек от намерений и дел своего отца, равно как и от мысли судить его, но если он стремится к образованию, то возбуждает подозрение.

Итак, не обладая ни добродетелями, ни человечностью, ни знанием жизни, государь берет бразды правления в свои слишком слабые руки; его неспособность управлять отдает его на произвол тем самым вероломным и коварным людям, которые сделали слепой его юность. Жизнь и имущество его подданных становятся добычей нескольких честолюбивых фаворитов. Монарх, которого затмили его министры, становится бесполезным идолом, не имеющим других обязанностей, кроме обязанности награждать за предательство, несправедливость и пороки плохих советчиков, льстецов и интриганов, которыми он окружен.

Под властью слабых королей монархия всегда вырождается в опасную *олигархию*. Верховную власть делят между собой несколько министров, интересы которых чужды интересам монарха и нации. Верховная власть служит лишь для удушения народа, а короли, лишенные действительного могущества, являются, как

и их государства, игрушками в руках своих фаворитов. Слабый государь только первый из рабов своего королевства; его народ — жертва пороков всех тех, кто взял верх над королем. Без его ведома бедствия народов становятся постоянными, переходя от поколения к поколению, и он оставляет столь же неумелому, как и он сам, наследнику обезлюдившие провинции, расстроенные финансы и несчастных подданных.

§ XL. Как отражается воспитание короля на счастье подданных

Таковы плоды воспитания, которое дают обыкновенно людям, от рождения предназначенным властвовать над народами. Желать, чтобы те, кому предназначено вступить на трон, могли оказать сопротивление опасному влиянию испорченных и развращенных людей, которому их подвергают с раннего детства, значило бы требовать от них действительно *сверхъестественных* качеств; не более разумно было бы требовать от них, чтобы в зрелом возрасте им были присущи чувства справедливости, сострадания, человечности, которых их сердце не знало с детства. Поэтому не приходится удивляться, что так мало монархов, способных к проявлению самых обыкновенных в общественной жизни качеств; когда народы случайно обнаруживают в своих властелинах души, доступные состраданию, они видят повод рукоплескать и радоваться этому как какому-то чуду и неожиданному счастью.

История народов преподносит нам возмутительно однообразную картину злоупотреблений властью знаменитыми монархами, которые, купаясь в крови, шествуют по трупам своих подданных к славе, вызывающей отвращение. Она показывает нам только опустошенные провинции, деревни, превращенные в пустыни, разрушенные города, груды пепла и развалин, являющиеся единственными памятниками, оставленными нам безумными завоевателями, которые царствовали над людьми.

Ну, а если этими властителями мира владеют менее необузданные, менее разрушительные страсти, разве их народы становятся более счастливы? В таком слу-

чае властелины предаются лишь легкомысленным развлечениям, постыдным кутежам, лени и изнеженности, вся их жизнь протекает в бесполезной праздности, в то время как их владения становятся жертвами алчности, интриг, безрассудства и неистовства недостойных фаворитов.

Если, пробегая взором анналы истории, мы встречаем несколько добродетельных государей, они походят на метеоры, которые светят заблудившемуся путнику всего несколько мгновений лишь для того, чтобы снова погрузить его в еще более ужасную темноту ночи. Почти все страны мира в течение многих веков стонут под самым жестоким гнетом, несправедливая власть одного человека утвердилась почти повсеместно на развалинах общественного благополучия. Верховные властелины не признают прав человека, нарушают и оскорбляют эти права. Они ведут народы на бойню, где люди гибнут только для того, чтобы сделать знаменитым своего буйного монарха. Общественные богатства растрачиваются на ненасытных придворных. Народы, подчиненные силе, а также власти собственного предубеждения, едва смеют просить своих государей о счастье, требовать которого дает им право природа человека.

Словом, почти во все эпохи и во всех уголках земли из рода в род мы видим несчастных людей, раздираемых страстями, придавленных невежеством и тупоумием тех, кто должен был бы заботиться об их счастье. Повсюду мы видим народы, подчиненные государям, либо слишком сильным, чтобы быть справедливыми, либо слишком невежественным, чтобы знать свои обязанности, либо слишком равнодушным и ленивым, чтобы трудиться ради благополучия своих подданных. Их разум обыкновенно непросвещен, их сердца лишены доброты и чувствительности, а тела расслаблены изнеженностью, кутежами и развратом.

Летописи истории империй знакомят нас то с кровавыми завоевателями, то с длинным рядом ленивых и порочных монархов, страстных любителей беспутного образа жизни и дорогостоящих развлечений. Эти монархи являлись в сущности только врагами общества, облеченными властью вследствие малодушия народов, или

правителями, которые, будучи не способны управлять сами, бросали свои государства на произвол безрассудных, невежественных и коварных бездельников-министров.

Таким образом, судьбы империй всегда направлялись и решались теми из граждан, у которых было больше всего пороков и меньше всего способностей и талантов; всякая честная душа испытывает негодование при виде людей, которые чаще всего руководят народами и государствами.

Если народ соглашается верить своим монархам наследственное право на власть, то здравый смысл требует хотя бы принять меры к тому, чтобы нравственное воспитание в юные годы достойным образом сформировало того, кто в один прекрасный день должен стать вершителем судеб народа. Разве не должны люди, которым доверено обучение будущих государей, нести ответственность за поведение, мироощущение, образ мыслей и познания своих учеников? Разве не должна месть общества преследовать тех, кто сбил с пути молодых принцев-наследников или допустил, что они остались в полном неведении относительно своих обязанностей? Наконец, не должны ли народы отвергать их учеников, воспитанных порочными и бесчеловечными, специально подготовленных к тому, чтобы стать тиранами? Разве тем, кого судьба назначила формировать души будущих государей, так трудно было бы внушить своим ученикам, что они сами являются людьми? Что они созданы, чтобы управлять людьми? Что им, как хранителям вверенной народами власти, вовсе не дозволено делать эти народы несчастными? Что всякая законная власть может быть основана только на способности принести счастье тем, кто дает согласие ей повиноваться? Что несправедливый государь толкает на преступление каждого из подданных, которых он угнетает? Что тиран имеет одних только врагов и что ему не суждено ни иметь преданных и верных подданных, ни управлять хорошими гражданами?

О ПОДДАННЫХ

§ I. О гражданах, подданных и рабах

Показав, каковы естественные границы власти государя, рассмотрим теперь права подданных, или права народа. Тщетно звучал бы голос закона, если бы никто ему не подчинялся. Следовательно, повиновение — обязанность всех подданных государства; оно является необходимой жертвой каждого члена общества общей воле, более разумной и ясной, чем воля отдельного человека, часто несправедливая и безрассудная.

Это проявление доверия, эта уступка своих прав не являются безвозмездными; естественно, что послушание подданного должно соответствовать тому благополучию, защите и помощи, которые он получает от власти. Эта жертва с лихвой окупается более значительными преимуществами, ее делает необходимой страх перед несчастьями, на которые подданный обрек бы себя, пожелав уклониться от нее или отказавшись считаться с волей власти и сообразоваться с ней в своем поведении.

С тех пор как народ учредил власть, на которую возложена обязанность требовать послушания своей воле, эта власть имеет право принуждать к повиновению всех членов общества без различия. Закон должен быть одинаков для всех и в равной степени повелевать всеми, являясь выражением воли общества, будучи направлен на обеспечение общего блага, имея предназначение быть уздой для человеческих страстей и средством для того,

чтобы способствовать устранению затруднений, которые могут возникать у людей из-за неравенства их сил, способностей и богатств. Ни одна из этих целей не была бы осуществлена, если бы закон не имел одинаковой силы для всех.

Закон повелевает подданными, деспотизм — рабами, а тирания — врагами. Только у законных государей есть настоящие подданные; законны же лишь те государи, которые управляют народами с их согласия и воля которых является действительным выражением воли общества. Повинуясь одобряемым им законам, подданный может считать себя гражданином: у него есть законные права гражданина, у него есть родина, он ощущает необходимость привязанности к ней ввиду помощи, благ, безопасности, которые она ему обеспечивает. Такова мера его любви к своей стране и своему правительству. Он дорожит родиной и правительством, пока они обеспечивают ему возможность вести образ жизни, соответствующий его вкусам; он может принести в жертву обществу лишь такую часть личной независимости, которая пропорциональна благам, обеспечиваемым ему последним.

Лишь подданные справедливого правительства — граждане в подлинном смысле слова. Тирания может иметь только врагов, желающих ей гибели; пособниками и опорой тирании являются только льстецы, предатели и люди с порочными душами.

§ II. О повиновении

Побудительным мотивом повиновения является не что иное, как надежда на благо или страх перед злом. Человек может отказаться от осуществления своей воли лишь для того, чтобы добиться счастья большего, чем то, какое он мог бы обрести, руководствуясь собственными желаниями, или избежать несчастья, которое последовало бы за его непослушанием. Следовательно, разумная заинтересованность — вот что должно побуждать гражданина подчиняться справедливому закону общества, заботящегося о благополучии своих членов. При деспотическом или тираническом правлении к повино-

вению побуждает только страх перед несправедливой властью, служащей осуществлению прихотей того, кто повелевает, но не обеспечивающей преимуществ тем, кто повинуется. В этом случае подданного силой заставляют оказывать чисто внешнее повиновение, в то время как его сердце отказывается повиноваться.

Гражданин, повинуюсь, содействует собственному счастью; раб, повинуюсь, приносит пользу лишь ненавистному ему господину, не извлекая при этом никакой выгоды ни для себя, ни для общества. Только надежда на счастье может побудить одно разумное существо повиноваться другому; принуждать человека к отказу от естественной свободы, не обеспечивая ему за это каких-то реальных преимуществ, есть насилие, несправедливость, тирания.

§ III. О границах повиновения

Члены общества, отказывающиеся повиноваться власти, одобряемой обществом, являются *мятежниками*; члены общества, отказывающиеся повиноваться несправедливой власти, наносящей вред обществу и неодобряемой им, являются преданными родине гражданами. Единственным мятежником в этом случае оказывается тиран или узурпатор; он сопротивляется общественной воле, против которой ему, безусловно, не дозволено восставать. Не походят ли люди, вступающие вместе с тираном в заговор против общества, членами которого они являются, на лишенных разума детей, оказывающих содействие вору при ограблении дома их отца?

Эти принципы помогут нам понять законные пределы повиновения. До тех пор пока воля верховного правителя является лишь выражением воли общества, повиновение должно быть безграничным. Но оно будет слепым, безрассудным, преступным, если узурпатор подменит личной волей волю общества, с которым подданные связаны узами, гораздо более священными и давними, чем узы, связывающие их с верховным властелином.

Слепое подчинение существует лишь для рабов. Гражданин послушен власти только в том, что власть вправе предписывать ему; власть же никогда не обладает правом предписывать что-либо противоречащее природе, справедливости и благополучию общества, которому она подчинена.

§ IV. Аналогичные вопросы

Могут спросить, как судить о справедливости или пользе распоряжений верховного правителя? Каким образом он узнает желания общества, с которым часто не в состоянии объясниться?

Я отвечу, что законы природы, справедливости, разума известны всем, кого еще не окончательно ослепили страсти, личная заинтересованность или предрассудки. Все люди в состоянии судить о том, противоречат ли или сообразуются с их интересами распоряжения, которые им дают. Когда озлобленный тиран прикажет некоторым подданным перерезать горло тем из их сограждан, которые откажутся подчиниться его произволу; когда он пожелает воспользоваться этими подданными, чтобы лишить их сограждан свободы, собственности и других преимуществ, которые гарантированы им природой и обществом; когда он нарушит совершенно ясные законы народа, которым управляет, — какие же подданные подчинятся его распоряжениям? Разве всякое разумное существо не поймет их незаконности? Разве сердце каждого гражданина не будет возмущено ими?

§ V. О воле нации

Воля общества всегда в достаточной мере ясна, и гражданин не может не знать, чьим указаниям он должен следовать, когда намерения верховного правителя противоречат намерениям всего общества. Никогда не будет лишним повторение той истины, что права народов предшествовали правам государей, получивших власть из их рук. Народы никогда не утрачивали права ограничивать, видоизменять, урезывать и отменять предоставленные ими полномочия на власть, как

только им станет известно о злоупотреблениях этими полномочиями. В этом случае необходимо следовать голосу народа, а не голосу властелина. Подданные, объединившиеся с тираном, чтобы угнетать родину, являются разбойниками, мятежниками и опасными обществу людьми; родина имеет право обратить против них все свои силы и справедливо наказать их за преступления, которые они совершили, поддерживая ее врагов.

Эти принципы, без сомнения, покажутся странными и опасными тем, кто привык смешивать верховного властелина и нацию; они вызовут возмущение в низких людях, у которых безнравственность вошла в их плоть и кровь, став наследственной; они покажутся ложными слепцам, не имеющим ни малейшего понятия о правах общества; их сочтут воплощением мятежа льстецы и продажные придворные, презренные интересы которых всегда объединяют их с самой несправедливой властью.

Но истинность этих принципов глубоко тронет сердца всех, кто, возвысившись до понимания цели общества, присущих человеческой природе чувств и неотъемлемых прав народов, не позволит вести себя в заблуждение или запугать словами. «Подчиняйтесь власти, не рассуждая!» — требует от нас деспотизм. «Повинуйтесь прежде всего природе, справедливости, родине!» — призывает нас общественный интерес, голос которого всегда имеет право давать предписания гражданам.

§ VI. Об общественном недовольстве

Следовательно, повиновение, так же как и власть, имеет границы; эти границы неизменно определяются справедливостью, пользой, обстоятельствами общественной жизни, задачами и целями общества. Нам могут сказать, что даже самый справедливый верховный правитель не в состоянии править государством так, чтобы его правление одинаково устраивало всех подданных, или, иначе говоря, чтобы никогда не было недовольных.

Я отвечаю: достаточно, чтобы образ правления получил одобрение большинства подданных. Иногда властелин, имеющий самые безупречные намерения, может

не нравиться подвластным ему народам из-за издаваемых им законов; но такой правитель немедля отменит свои законы, как только народы дадут ему понять, что они неудобны для них. Под властью самого добродетельного государя многие граждане могут быть некоторое время несчастны, но их несчастью придет конец, как только о нем станет известно государю.

Образ действий правительства вызывает всеобщее недовольство только в том случае, если он совершенно явно и в течение продолжительного времени является плохим или если, будучи сами по себе хорошими, действия правительства злонамеренно истолковываются плохими гражданами. В первом случае необходимо добраться до источника зла и устранить тот порок в управлении, который вызывает недовольство народа; во втором верховный правитель должен вывести подданных из заблуждения, добиться того, чтобы они поняли правоту его намерений, постепенно излечить их от ослепляющих их предрассудков, разоблачить перед ними заговор испорченных и продажных людей, пытающихся настроить их против разумных и полезных родине мероприятий.

Подданные лишь тогда противятся разумным мерам, когда верховный правитель считает себя свободным от необходимости убеждать их; несчастьям подданных нельзя помочь только тогда, когда руководителям общества неизвестно о них, а также когда неуместное высокомерие или неверно понятые интересы народа делают правителей глухими к жалобам граждан. Желания народа всегда широко известны, если только насилие не мешает ему выражать их. Даже при самой свирепой тирании желания народа достаточно легко понять, они бросаются в глаза каждому разумному гражданину, и он быстро подмечает, при каких обстоятельствах его повиновение властелину было бы губительным для родины.

Разве так трудно понять желания народа при виде городов и сел, отданных на разорение жадным хищникам — взяточникам и сатрапам? Когда из-за непомерных поборов поля остаются невозделанными, а селения обезлюдевшими? Когда самый тяжелый труд едва дает возможность земледельцу прокормить себя и найти

защиту от непогоды? Когда законы явно служат лишь одной цели — лишить граждан собственности? Когда бесстыдный деспотизм не проявляет уважения ни к личности человека, ни к его состоянию, ни к общественному положению? Когда богатства страны недостойно расточаются в виде наград кучке интриганов, доносчиков и льстецов за их порочную жизнь? Наконец, когда все граждане, от самых знатных до самых бедных, постоянно обречены быть жертвами прихотей, мстительности, несправедливости, доносов, интриг? В стране, где никто не находит убежища против насилия, где не существует справедливости, — одним словом, где никто не пользуется ни правом собственности, ни личной безопасностью, ни свободой, у справедливого гражданина не будет сомнений ни в действительном положении его родины, ни в том, как ему поступить, чьей стороны держаться, когда его народ смело заявит о своем недовольстве.

§ VII. О народных волнениях

Но меня могут спросить, чью сторону примет справедливый гражданин, если не весь народ, а только часть его восстанет против верховного властелина? Он посоветуется со своим разумом и примет сторону тех, кого сочтет способными добиться наибольших преимуществ для родины. Он может, конечно, ошибиться, но сердце не упрекнет его, если истинным мотивом его действий будет благо родной страны.

Может случиться, хотя и очень редко, что ослепленный народ не оценит услуг добродетельного, достойного государя и воспротивится даже тому благу, которое правитель пожелает ему обеспечить, но и тогда общая воля не должна быть принесена в жертву воле одного человека. Никто не может обрести право повелевать народом против его воли; монарх вправе разъяснить народу его заблуждения, попытаться постепенно образумить его, мягко дать ему понять возможные последствия его неосторожных, необдуманных действий; но монарх окажется на стороне несправедливости, превратится в узурпатора и тирана, если будет упрямо навязывать

зывать народу ярмо ненавистой ему власти или повиновение отвергаемым им законам. Самый законный, мудрый и добрый властелин окажется всего лишь тираном, если станет упорно отдавать повеления обществу против его воли; как только воля общества лишает монарха власти, он вновь становится обыкновенным подданным.

Гражданин не может отказаться принять сторону своей страны против угнетающего ее тирана, не нарушая своего долга. Отчаяние часто восстанавливает даже добродетель против насилий несправедливой власти. Сила — единственное средство против силы. Весь народ никогда не бывает недоволен властью без серьезных оснований. Народы остаются спокойными, пока могут переносить свои несчастья; страх перед возможностью еще больших бедствий удерживает их от решительных действий; обычно только чрезмерное пренебрежение обязанностями или исключительная несправедливость государя лишает его привязанности подданных; только злоупотребления насилием толкают граждан на поиски крайних средств для улучшения своей участи. Если бы не существовало тирании, не было бы и народных восстаний.

§ VIII. О причинах народных волнений

В самом деле, разве не наблюдаем мы у народов непреодолимую привязанность к государям, которые чаще всего приносят им одно только зло и весьма мало затрудняют себя заботой об их благе? Народ всегда готов оправдать своих властелинов даже и в тех случаях, когда имеет все основания быть недовольным ими. Народ склонен думать, что государи не знают о его несчастьях и что они нашли бы средства против этих несчастий, если бы были лучше осведомлены. Унаследованное от отцов и дедов уважение к власти, к ее древнему происхождению, к окружающему ее блеску — вот прочные узы, которые, несмотря на пренебрежение обязанностями и беззакония, делают государей дорогими народам. Народы всегда исходят из предположения, что их правители не могут быть их врагами. Только самая бесстыд-

ная тирания заставляет их расстаться с этим заблуждением; она раскрывает им глаза на то, что в лице правителей они имеют дело либо с неблагодарными, которые злоупотребляют их любовью и покорностью, либо с людьми, которые ожесточаются под влиянием подлых советников и теряют способность чувствовать любовь своих подданных. Вряд ли существует более позорное преступление, чем преступление министров, отвращающих сердца отцов народов от их детей!

Обыкновенно именно из среды наций, особенно истомленных гнетом длительного насилия, выделяются честолюбцы или фанатики, которые ведут за собой народ. Огонь восстания, огонь народного возмущения разгорается лишь тогда, когда встречает горючий материал в умах людей. Мятежные настроения подданных и часто повторяющиеся восстания всегда свидетельствуют о порочности правительства или о том, что властелин пренебрегает своими обязанностями. История не знает случая, когда бы государь был несправедливо свергнут с трона, но она дает бесконечное количество примеров, когда гнев подданных против государя был им, безусловно, заслужен.

§ IX. Гражданин должен быть терпелив

Без сомнения, нет ничего более преступного, чем мятеж части народа — иногда незначительной — против вполне законной власти. Обязательства, связывающие подданных с правителями, общественный порядок, безопасность — все это предписывает каждому гражданину жить спокойно. Пусть общество мстит за зло, на которое оно вправе жаловаться; пусть преданные граждане приходят ему на помощь, когда оно высказывает свои пожелания, но пусть они сами без согласия общества никогда не нарушают порядок, установленный им; пусть они не возмущаются против скоропреходящих зол, которые общество согласно терпеть. Вся нация впадет бы в состояние анархии, если бы каждый подданный сам осуществлял правосудие.

Гражданин! Беги за пределы родины, если она делает тебя несчастным, или переноси молча бедствия, которые

испытываешь один. Ты должен принести жертву и ради спокойствия государства подавить в себе личную обиду. Только все общество в лице своих представителей имеет право оказывать сопротивление власти, принуждать ее к исполнению долга, наказывать тех, кто нарушает свои обязанности и вероломно притесняет народ. Ты поможешь обществу в осуществлении им этого права, будешь бороться на его стороне и поддерживать его требования. Это твой долг, и ты выполнишь его, отказавшись вместе со всем обществом от повиновения воле того, кто лишен доверия нации; ты не можешь оказаться преступным, сражаясь под знаменем своего народа.

Государи, если вы хотите, чтобы вам оказывали повиновение, пусть ваши распоряжения будут справедливы. Среди ваших подданных не будет мятежников, если вы сами не будете действовать как мятежники по отношению к власти общества, которая должна направлять вашу власть; если вы окажетесь преданными исполнителями воли общества, а предписываемые вами законы будут сообразоваться с его целями.

Государи являются мятежниками, когда сопротивляются справедливости; подданные являются мятежниками, когда отказываются повиноваться власти, осуществляющей управление на основе справедливости. Страсти могут иногда сделать подданных несправедливыми и преступными, как это бывает и с властелинами; однако неистовство не оправдывает жестокостей и злоупотреблений силой ни со стороны подданных, ни со стороны правителей. Легионы, растерзавшие империю и отнявшие жизнь у мирного *Проба*¹, были не менее преступны, чем безумный Нерон, превративший в пепел свою столицу².

§ X. Гражданин обязан оказывать послушание законам и сообразоваться с волей общества

Таким образом, подданные не могут считать себя свободными от безоговорочного повиновения верховным властелинам, которые управляют на основе справедливых, полезных и необходимых законов; в этом случае

не повиноваться верховному властелину — значит не повиноваться обществу, значит собственной властью присвоить себе право быть судьей общества, т. е. выйти из рамок своего общественного положения. Со стороны любого гражданина было бы очень странным проявлением самовлюбленности претендовать на то, чтобы его интересам отдавалось предпочтение перед интересами всего общества. Если повиновение становится для него обременительным или неприятным, ему следует вспомнить, что оно представляет собой жертву, уже оплаченную обществом, членом которого он является, благами и преимуществами общественной жизни.

Гражданин должен подчинить обществу свои желания, страсти и интересы; только при этом условии оно окажет ему покровительство и поддержку в деле обеспечения тех преимуществ, на получение которых он может надеяться по справедливости; я говорю *по справедливости*, потому что ни один гражданин, ни одна группа граждан и ни одно сословие какого-нибудь народа не вправе в нарушение справедливости добиваться для себя предпочтения перед всеми остальными. Живя в обществе, человек должен предвидеть, что никакая человеческая власть не в состоянии оградить его ни от требований необходимости, ни от неудобств, связанных со всяким объединением людей. Умножая блага, которыми пользуется отдельный индивид, общество не может освободить его от всех связанных с пользованием этими благами зол.

Поэтому подданный проявил бы неблагоразумие, рассчитывая на ничем не омрачаемое счастье; он был бы неблагодарным, если бы, вкусив удовольствия, доставляемые ему обществом, отказался разделить с ним его невзгоды; он оказался бы похожим на продажных людей, которые проявляют привязанность к своим друзьям только в расчете воспользоваться их богатствами и покидают их при приближении несчастья. Ну, а если законы перестают оказывать мне защиту? Если несправедливые властители лишают меня благ, нуждаться в которых меня заставляет моя природа? Если безрассудные правители делают меня жертвой притеснений, лишая права защиты?

Если общество при этих условиях хранит молчание, оно нарушает свои обязательства; в таком случае, будучи предоставлен самому себе, я могу покинуть родину, являющуюся для меня лишь тюрьмой. Поскольку я освобожден от всяких уз, связывавших меня с обществом, я имею полное право искать в другом месте счастья, неустанно стремиться к которому велит мне моя природа. Добродетельный гражданин никогда не затевает смуту. Когда его родина предается жалобам, он присоединяет свой голос к ее голосу; когда жаловаться приходится ему одному, он мужественно переносит страдания или удаляется из общества, где не находит преимуществ, на которые имел право надеяться.

§ XI. О неравенстве между гражданами

Поскольку природа создала людей неодинаковыми как по физическим силам, так и по склонностям сердца и умственным способностям, общество в целях собственного благополучия должно соответственно проводить различия между своими членами и распределять свое уважение, свою любовь и свои награды пропорционально полезности, или, иначе говоря, заслугам, способностям и добродетелям граждан. Отсюда возникают разные категории граждан, различающиеся между собой по правам и обязанностям, равно как и по функциям, посредством которых они должны содействовать осуществлению общей цели объединения, выполняя свои особые задачи.

Цель правительства и законов должна заключаться в том, чтобы направлять способности всех подданных на обеспечение общих интересов и, следовательно, не допускать, чтобы хоть один из граждан государства использовал преимущества, которыми он обладает, против остальных. Для удовлетворения потребностей нации необходимо, чтобы каждый гражданин выполнял свои особые задачи, чтобы занятия граждан были различными; благодаря этому возникает обмен услугами, без которого объединение не может существовать. Всех, начиная с граждан, которых предрассудок рассматривает как самых ничтожных, и кончая теми, кто

управляет государством, должна связать цепь услуг — единственных связей, посредством которых можно объединить между собой существа одной природы. Трудовой народ, вынужденный работать, чтобы обеспечить свое существование, выполняет самый тяжелый труд — занимается сельским хозяйством, торговлей и ремеслами; в обмен на услуги, получаемые от сограждан, он кормит и одевает их, удовлетворяет их потребности и доставляет им наслаждения; он работает на тех, кто берет на себя обязательство управлять им, нести заботу о его безопасности, размышлять за него, заниматься его нуждами и потребностями, поддерживать спокойствие, необходимое для его труда, и разрешать его споры.

Без этих взаимных услуг людей общество немедленно распалось бы. Каждый гражданин должен по-своему содействовать общему благу. В государстве, которым хорошо управляют, добродетели людей, приносимая ими обществу польза, их мастерство в труде, живость, расторопность, способности должны служить неизменным мериллом для вознаграждений. Бесполезный человек ослабляет цепь, связывающую граждан общества; преступный человек совсем разрывает ее.

§ XII. Происхождение разных слоев общества

Если польза, приносимая государству подданными, создает между ними неравенство, то это неравенство компенсируется тем, что все они в равной мере нуждаются в помощи друг друга. Таким образом, в хорошо организованном обществе ни один человек не является объектом презрения, если только он действительно полезен; всякий гражданин дорог обществу, если он выполняет функции, соответствующие его общественному положению.

Государь, несомненно, является самым полезным из граждан, если благодаря его заботам все общество становится счастливым; в основе величия государя лежит исключительно приносимая им обществу польза, его таланты, его зоркость и бдительность. Из подданных наибольшим уважением пользуется тот, от кого общество получает наибольшее количество услуг. Природа обще-

ства такова, что ему дороги все его члены, если только они верны взятым на себя обязательствам и содействуют общей пользе. Общество желает, чтобы его любовь и уважение к каждому из подданных соответствовали пользе или преимуществам, которые они ему доставляют. Оно желает, чтобы презрение, ненависть и наказания были уделом тех граждан, которые ему бесполезны или вредны.

Любовь к самому себе, личный интерес, желание чем-то выделиться среди других — чувства, проявляющиеся в каждом человеке. У людей, управляющих обществом, нет более действенных средств, чтобы побудить членов общества служить общей пользе. Поэтому правительство должно идти навстречу страстям полезных государству граждан, падеяя их властью, титулами, званиями, знаками особого уважения, наградами, отличающими их от всех остальных; последние не протестуют против столь очевидного пристрастия в надежде на преимущества, которые рассчитывают получить от людей, возвышаемых правительством. Это одобряемое обществом предпочтение одних граждан другим дает возможность тем, кто верно служит государству, наслаждаться более счастливой жизнью по сравнению со всеми остальными, по отношению к которым у общества нет таких же обязательств.

§ XIII. Об общественных наградах

Наградями служат как материальные блага, так и другие преимущества, связанные с признанием заслуг гражданина общественным мнением. Первые обеспечивают ему осязаемое материальное благополучие, вторые — внутреннее духовное удовлетворение, являющееся следствием уважения, почта и отличий, представляющих собой побудительный мотив к деятельности, способный глубоко затрагивать сердца существ, каждое из которых считает себя совершеннее остальных.

Так любовь человека к самому себе и его страсти, направленные соответственным образом, обращаются на пользу обществу. Таково происхождение различий в общественном положении людей, которые обусловле-

ны их достоинствами, талантами, занятиями, происхождением и богатствами. Основой этих различий является согласие объединяющихся друг с другом людей принести в жертву равенство или даже преимущества, которые каждый из них желает обеспечить для себя, ради благ, полученных от общества или ожидаемых от него. Эта жертва приносится отнюдь не безвозмездно; люди, если они не поражены слепотой, не проявят любви и уважения к человеку, не выкажут заинтересованности в его благополучии, не поступятся ради него собственными интересами, не рассчитывая на преимущества, которые получают или будут считать себя вправе получить от него.

Уважение к власти, почтение к общественному положению, повиновение распоряжениям видных особ — все это лишь выражение нашей признательности за заслуги, таланты, превосходство, полезность тех, кому общество оказывает предпочтение перед нами. Богатый гражданин получает знаки уважения со стороны бедного только потому, что последний видит в нем человека, полезного как ему самому, так и другим людям. Бездельный гражданин видит в гражданине, пользующемся влиянием, защитника и опору. Скупец является предметом презрения, поскольку его богатства не приносят пользы. Могущественный человек становится предметом ненависти, угнетая других людей. Если человек бесполезен или вреден для нас, мы испытываем к нему безразличие или ненависть. Уважение может быть основано только на любви, а любовь всегда основана на получаемом благе; любить, уважать и почитать того, кто нам бесполезен или опасен, было бы чистым безумием.

Если к любому, кто обладает высоким общественным положением, благородным происхождением, влиянием в обществе и властью, мы испытываем чувства, которые должны определяться личными заслугами людей и преимуществами, которые они нам доставляют, мы либо являемся жертвами заблуждения, либо сами себя обманываем. При плохом правительстве привязанность к власти есть только притворство, лицемерие, ложь, следствие страха.

Общество может согласиться с неравенством, которое устанавливается между его членами, только ради собственного блага; испытывая любовь к обладателям качеств, достойных презрения и ненависти, и оказывая им уважение, общество становится неразумной жертвой обмана, привычки, невежества и ограниченности своего миропонимания.

Установив это, посмотрим, в чем состоят обязанности, преимущества и права разных классов граждан, на которые обыкновенно разделена нация. Поскольку приносимая обществу польза является законным основанием общественного положения граждан, а также источником званий и почестей, которыми жалуют некоторых подданных, выделяя их перед другими, взвесим выгоды и преимущества, которые доставляют государству те, кто пользуется таким почетом; сравним размеры получаемых обществом от различных людей благ, и мы никогда не ошибемся в суждении, которое должны будем вынести об этих людях.

Природа создала людей равными по правам и желаниям, по любви к счастью и независимости, по неравным по способностям и по обеспеченности средствами удовлетворения желаний. Люди могут заставить себя благоразумно поступиться личными склонностями, в чем-то уступить себе подобным только ради преимуществ, которые будут обеспечены благодаря этому для них самих. Таким образом, почитаемый кем-то гражданин берет на себя обязательства по отношению к тем, кто его почитает; последние не могут питать к нему должных чувств, если он со своей стороны не выполнит своих обязательств. Было бы злоупотреблением оказывать уважение бесполезному человеку или почитать его; бесполезный гражданин — плохой гражданин. Для монарха, так же как и для самого скромного и смиренного подданного, основанием притязаний, особых прав и званий может являться только приносимая им обществу польза.

Рассмотрев права государей, обратимся к рассмотрению прав остальных граждан, начиная с прав *представителей* нации.

§ XIV. О представителях нации

Мы видели, что при разумно ограниченном правительстве нация имеет свое представительство в лице собрания или сената, предназначенного для того, чтобы не допускать злоупотреблений верховной властью, причем этот сенат является, если можно так сказать, своего рода средним пропорциональным между народом и монархом. Таковы функции *представителей* нации. Права представителей нации, которые не могут быть отменены или нарушены верховным правителем, пользуются уважением народов до тех пор, пока эти представители преданно выполняют обязанности, возложенные на них теми, кого они представляют, пока они проявляют заботу об интересах народа, с помощью своих знаний вскрывают причины народных бедствий, находят средства для их искоренения и оказывают сопротивление воле, противоречащей общим желанием подданных.

Но особые права и полномочия представителей общества утрачивают силу, если, вероломно изменив долгу исполнителей воли нации, предав народ, от которого происходят их полномочия, они подвергают его угнетению, содействуют нарушению законов со стороны властей, потворствуют несправедливым намерениям государя и его министров или во всем уступают им и представляют их произволу собственность и свободу граждан.

В таком случае их власть превращается в явную узурпацию, они злоупотребляют этой властью. Нарушая законы, соблюдать и поддерживать которые они призваны, под предлогом особых полномочий присваивая себе право безнаказанно быть несправедливыми, претендуя на привилегии, дорого стоящие их согражданам, которым они должны были бы служить примером бескорыстия, высказывая мысли, не одобряемые избравшими их гражданами, становясь жертвой влияния сословного духа, раздоров и заговоров, заставляя общественные интересы делать уступки своим страстям, своему честолюбию и жадности, они превращаются в вероломных нарушителей воли народа, мятежников

и предателей, полномочия которых вправе отменить избравший их народ.

Представители народа имеют право служить ему и выступать от его имени, притом не так бурно и беспорядочно, как это сделал бы он сам; они имеют право заботиться о его счастье, о котором он сам часто не имеет правильных представлений; но они никогда не имеют права поработать его. Если общество само не может отказаться от своих прав, разве возможно, чтобы кто-то другой сделал это за него? Никто не вправе выступать от имени общества без его согласия, никто не вправе подменять своей волей волю общества.

§ XV. Какими должны быть представители нации

Могут спросить, кто имеет наиболее естественное и несомненное право представлять нацию в государстве с разумной организацией управления? Я отвечаю, что это те граждане, которые в состоянии лучше других понять положение, потребности и права государства, которые больше всех заинтересованы в благополучии и счастье общества. Для того чтобы выступать от имени нации, необходимы способности, знания и безукоризненная честность; чтобы быть преданным представителем своего народа, надо быть связанным с ним общими интересами.

Но что связывает гражданина с родиной? Собственность, от которой зависит его личное благополучие; земля, которой он владеет и которая делает для него дорогим отечество; владения, которые позволяют ему отождествлять себя со своей страной. Именно на земли падает прямо или косвенно бремя налогов; именно на них прежде всего отражаются все радости и бедствия, которые переживает нация; именно для их защиты прибегают к войне; именно для обмена продуктами земли необходима торговля; именно в обеспечении владения землей ее владельцу заключается польза юриспруденции.

Таким образом, владение землей формирует настоящего гражданина, а каждый истинный гражданин дол-

жен быть представлен в государстве, чтобы защищать свои интересы в общественных делах. Пронски, интриги, взяточничество никогда не дадут нации преданных ей представителей; благодаря им нация будет представлена лишь непригодными к такого рода деятельности людьми, у которых просто-напросто хватило денег на то, чтобы купить голоса избирателей, честолюбцами и скупцами, способными продать народ за титулы, почести и богатства, или бунтовщиками, которые растерзают народ в своих распрях.

Коррупция — вот что приводит к гибели правительства с ограниченной властью; народ не может быть представлен преданными ему людьми, если он продает согражданам право говорить от своего имени. Есть люди, которые обыкновенно покупают что-нибудь только для того, чтобы перепродать с прибылью; добродетельный гражданин никогда не унижится до подкупа избирателей; тот же, кто способен на такой низкий поступок, легко согласится продать свой народ. Народ, который продает себя, сам становится соучастником совершаемого по отношению к нему предательства: продавая представителям нации голоса избирателей, он тем самым дает им право в свою очередь продавать свои голоса.

Быть может, скажут, что народ отнюдь не является компетентным, чтобы судить о достоинствах кандидатов, которые благодаря наличию у них собственности могут претендовать на честь его представлять. Я отвечаю, что народ редко ошибается в оценке граждан, жизнь которых он имеет возможность постоянно наблюдать своими глазами; если бы люди всегда избирали своих представителей только из граждан, проживающих в том же городе, в той же местности, в той же провинции, что и они сами, они всегда могли бы здраво судить о них и знали бы, чего можно от них ожидать; просвещенный, честный и добродетельный человек, богатый и добрый гражданин, никогда не останется неизвестным в округе, где он проживает. Уничтожьте коррупцию, и выбор народа будет, как правило, вполне разумным.

§ XVI. Представители нации должны защищать интересы всех сословий

Ни одна группа граждан, ни одно из сословий государства не может справедливо присвоить себе исключительное право представлять нацию; в противном случае форма правления очень скоро переродилась бы в аристократию, гибельную как для монарха, так и для подданных. В хорошо организованном государстве должно поддерживаться равновесие между различными классами граждан с тем, чтобы ни один из них не получил слишком заметного превосходства; если бы это произошло, класс, обеспечивший себе наиболее влиятельное положение, вскоре стал бы хозяином государства и равновесие было бы нарушено.

Мы будем иметь случай показать, как при возникновении почти всех современных правительств войны, или дворяне, решив, что права завоевателей позволяют им навсегда стать исключительными представителями побежденных наций, постепенно дошли до того, что превратили своих государей в марионеток, не обладающих действительной властью, а народ — в рабов. Любое многочисленное сословие, не будучи чем-либо сдерживаемо, заботится только о самом себе, преследует только собственные интересы, становится единственным центром общества и вырождается постепенно в особого рода демократию, где можно наблюдать борьбу между различными группировками, своеволие и беспорядок, свойственные этой очень непрочной форме правления. История показывает нам, что когда влияние в стране захватывало дворянское сословие, последнее объединялось, чтобы поработить короля, заставить умолкнуть законы, задуть поборами земледельца и вымогательствами подчинить себе торговлю. После всего этого мы видим, как члены этого сословия уничтожают друг друга во взаимных распрях.

Когда неограниченную власть берет в свои руки *духовенство*, оно точно так же подчиняет себе монархов и народы, распоряжается коронами, подменяет государя, оказывает влияние на законы, грабит граждан,

делится на враждующие группировки и втягивает народы в свои гибельные распри.

То же самое происходит всякий раз, когда какое-либо сословие захватывает право выступать от имени всех остальных. Сословный дух уничтожает патриотические чувства, благом общества пачинают пренебрегать, преобладающей тенденцией становится умножение привилегий небольшого числа граждан, которые помышляют только о себе самих и часто становятся более жестокими и невыносимыми тиранами, чем самый необузданный деспот. Один деспот все же менее тягостен, чем целое деспотическое сословие; из всех видов тирании такого рода демократическая тирания наиболее жестокая и наименее разумная.

Для того чтобы предотвратить эти неудобства, власть должна быть разделена. Разные классы граждан равным образом приносят пользу государству; следовательно, все они должны пользоваться правом выступать в защиту своих интересов и вырабатывать условия для их обеспечения. Дворянин не должен определять условий труда судейского чиновника, земледельца или торговца, интересы которых чужды ему; чиновник суда не сведущ в вопросах войны, торговли и политики; служитель церкви обыкновенно очень мало заботится об общественном благе, стремясь лишь к господству над умами своих сограждан; падкий до наживы торговец преследует лишь интересы коммерции.

§ XVII. О народе

Народ составляет самую многочисленную часть общества; именно он образует основу нации, именно ему должно больше всего уделять внимания правительство, именно о нем оно должно проявлять заботу. Человек из народа выполняет тяжелые и необходимые работы; если обыкновенно ему и недостает знаний, то зато он обеспечивает средства существования, изобилие, удовольствия и великолепие для всех тех, кто управляет им, кто его защищает, обучает и оказывает ему поддержку в использовании его прав; за доставляемые им блага последние должны заботиться о его безо-

пасности, покое и счастье. Именно народ, которого знать обычно едва достаивает взглядом, создает все богатства общества со времени его возникновения; именно в народе заключена вся сила общества; именно из народа выходят солдаты, которые сохраняют безопасность государства благодаря своему мужеству и получают за это от сограждан средства существования.

В демократическом государстве верховную власть сохраняет в своих руках народ в целом или его представители. При ограниченной монархии народ сохраняет за собой лишь часть власти, которую он с самого начала закрепил за собой в основных законах государства. Народ выражает свои желания через представителей, которые становятся его защитниками и, очевидно, способны с ббольшим успехом осуществлять заботу о его безопасности, чем это мог бы сделать он сам.

Под властью деспота угнетенный народ является предметом презрения властелина, который рассматривает его лишь как жалкий скот, предназначенный работать на него и быть жертвой его честолюбия, насытить которое невозможно. В глазах горделивого султана подданные, которые занимаются трудом, представляют собой лишь толпу рабов, не заслуживающих его забот; презираемые своим повелителем, эти рабы преисполняются все ббольшим и ббольшим презрением к самим себе и впадают в конце концов в состоящие прострации и апатии; ослепленные невежеством и предрассудками — этими главными причинами всякой тирании, они считают себя созданными для оков и не оказывают никакого сопротивления угнетателям, изо дня в день злоупотребляющим их слабостью, чтобы еще больше утяжелить их цепи.

Только правительство, ограниченное соответствующими законами, обеспечивает народу справедливое положение. Народ, без сомнения, не создан для того, чтобы повелевать; он был бы не способен на это: слишком большая свобода не замедлила бы переродиться у него в своеволие. Так пусть же его сдерживают и защищают от собственного безрассудства или неопытности, пусть слишком шумный и взволнованный голос, каким он имеет обыкновение выражать свое мнение, смягчается

представительными органами, которые будут более мудро и осторожно говорить от его имени. Честные представители народа — государственные служащие гораздо вернее позаботятся о его интересах, которых он сам часто либо не знает, либо преувеличивает, либо не умеет выразить и отстоять. Ярмо власти покажется народу легче благодаря доверию к тем, кто его представляет; во всяком случае он сможет утешать себя надеждой на то, что у его представителей общие с ним интересы. Уверенность в свободе личности и безопасности имущества придаст народу активность, поднимет его дух, вдохнет в него мужество, внушит ему разумную привязанность к законам, родине и правительству; силы народа развернутся и проявят себя, как только возникнет угроза для столь дорогих его сердцу предметов.

§ XVIII. Не следует угнетать народ

Принцип, одобренный теми, кто не способен к делу управления, и состоящий в том, чтобы держать народ в нищете, дабы он был сговорчивей, является выдумкой тирании. Правительство, задающееся целью сделать народ бедным и несчастным и стремящееся таким путем добиться от него большей покорности, уподобляется наезднику, который отрезал бы по колени ноги своему коню, чтобы с большей легкостью садиться на него. Народ, несомненно, постоянно должен быть занят трудом, но его нельзя переобременять. Если праздность развращает народ, делает его дерзким и своевольным, то нищета и чрезмерный труд вызывают в нем отвращение, изнуряют его, истощают его силы. Только тираны согласны царствовать с помощью невзгод и несчастий; невежественные и порочные властелины не знают других средств, кроме террора и нищеты, чтобы сдерживать своих подданных.

Какой помощи может ожидать государство от живых трупов, изнуренных усталостью и голодом? Как воодушевить на защиту страны и ее законов людей, для которых жизнь является бременем и которым нечего защищать? Как привить высокие чувства людям, которые,

будучи принижены несправедливыми привилегиями и постыдными предрассудками, опускаются все ниже и ниже?

Именно угнетение, несправедливость, тирания делают народ мятежным; народ ненавидит своих властителей только тогда, когда они достойны ненависти. Даже самые грубые, неотесанные люди стремятся к счастью и ощущают его. Разве землепашец или ремесленник не способен различить, когда ему делают добро, а когда — зло? Разве необходимы знания, чтобы понять разницу между властью, которая угнетает, и властью, которая защищает, чтобы отличить притесняющую и угнетающую силу от поддержки, которую оказывают справедливые законы, чтобы отличить изобилие от нищеты?

Верно, что народ едва ли особенно силен в вопросах внешней политики, но даже самый непросвещенный человек прекрасно понимает, счастлив он или несчастен, заслуживают ли те, кто им управляет, его любви или ненависти. Он отлично различает, являются ли те общественные бедствия, которые он испытывает, следствием естественных причин или несправедливого и небрежного управления. Каким бы слабым ни считали его разум, у него всегда хватит ума, чтобы понять, что он обязан своей любовью тем, кто трудится ради его благополучия, безразличием — тем, кто им пренебрегает, враждебностью — тем, кто его притесняет.

Народ вообще редко ошибается в распознавании заслуг. Его решения в этом деле бывают гораздо более верны, нежели решения тупоумного деспота, одураченного интригами двора. Предоставьте армии выбор генералов, предоставьте народу выбор должностных лиц и представителей, уничтожьте коррупцию — и народ почти всегда будет делать вполне справедливый выбор.

§ XIX. Народом слишком часто пренебрегают

Общий порок всех правительств состоит в том, что наиболее многочисленная часть нации находится обыкновенно в самом большом пренебрежении. Может показаться, что общество возникло только ради монархов, богачей и вельмож и что народ входит в это

объединение лишь для избавления и без того счастливейших людей от необходимости лично трудиться. Таким образом, небольшое число граждан почти всегда достигает превосходства над другими, и, если наиболее привилегированная часть общества довольна своей судьбой, считается, что нацией хорошо управляют.

Справедливое правительство должно преимущественно заниматься благополучием большинства народа. Если государи являются отцами подданных, они обязаны проявлять особую заботу о тех, кого неопытность и недостаток знаний больше всего приближают к положению детей. Когда народом руководят мудро, он составляет могущество, богатство и силу государства. Поскольку труд народа лишает его возможности просвещать свой разум, он имеет наибольшее право на внимание своих правителей. Чем слабее дети, тем больше они требуют неусыпной заботы со стороны тех, кто ими руководит.

По какому праву короли, богачи и вельможи сделали народ предметом презрения? Разве не пришлось бы им самим заниматься тяжелым трудом, если бы народ не работал за них? Презирать народ — значит презирать источник тех преимуществ, которыми пользуются монархи и знать и которыми они не наслаждались бы без народа.

§ XX. О просвещении народа

Стремление нравиться народу, быть ему полезным, удовлетворять его потребности, просвещать его, воспитывать в нем высокие моральные качества — верный признак мудрого управления. Доброжелательно относящееся к народу правительство должно проявлять особую заботу о нравах. Если у народа нет твердых нравственных устоев, это говорит о том, что у него нерадивые и развращенные правители. Праздность, распутство, многочисленные преступления, нищенство являются несомненными признаками того, что нацией плохо управляют. Ничто так глубоко не развращает все классы общества, как пример, подаваемый государями, а также богатыми и знатными людьми, которых каждый гражданин считает образцом для себя,

Нет ничего более удивительного, чем то ничтожное внимание, какое уделяют руководители наций народному просвещению. Повсюду народное образование отдано на попечение служителей церкви, гораздо больше занятых ослеплением умов людей притчами, чудесами, тайнами религии и ее обрядами, чем формированием их душ согласно правилам общественной и естественной человеческой морали.

Повсюду народ набожен и религиозен, но не имеет представления об истинных добродетелях; у него везде есть религия, которую он находит, однако, возможным сочетать с развратом, распутством и мошенничеством. Повсюду народ оставляют в неведении насчет его обязанностей по отношению к обществу. Повсюду боятся, чтобы он не стал образованным, и мешают ему просвещать свой разум. Чем более тяжелой делает деспотизм жизнь людей, тем менее он желает, чтобы их просвещали. Горе тем, кто властвует лишь над лишенными разума и просвещения рабами, чьи нравы всегда будут дикими и преступными!

Просвещение народов должно быть самой важной заботой всякого правительства. Неужели государи никогда не поймут неопценимых преимуществ власти над разумными существами? Только тирания ищет славы в том, чтобы царить над слепцами и варварами. Желать, чтобы люди оставались непросвещенными, — значит, желать, чтобы они были непослушными и злобными. Тираны! Вам нужны невежественные, легковверные и порочные подданные; вам нужны суевверные рабы, которые верили бы, будто небеса посылают им бедствия, вызванные в действительности вашей нерадивостью, вашими безумствами, притеснениями и жестокими поступками. Однако вы напрасно льстите себя надеждой обрести безопасность в их слепоте. Дикари всегда кровожадны; глупцы всегда легковверны, опрометчивы, неосторожны. Опасайтесь поэтому, как бы в них не вызвали возмущения против тех, кто заставляет их носить цепи. Опасайтесь, как бы в один прекрасный день они не стали орудием честолюбия и фанатизма, которые обратят ваших рабов против вас самих.

Для того чтобы любить свое правительство, надо знать, в чем его достоинства или его преимущества; поэтому необходимо просвещать народ, чтобы он был благоразумен и мог понять, какие неприятности ожидают его, если его соблазнят лицемеры, если он послушает советов честолюбцев или высокопарных фанатиков. Знания всегда придают народу сдержанность и умеряют его порывы; если народ погружен в невежество, он становится игрушкой страстей всех недостойных и опасных граждан. Только всеобщее образование может сделать народ благоразумным, помочь ему распознать собственные интересы, внушить ему чувство привязанности, которое он обязан испытывать к своему правительству и своим общественным учреждениям, пробудить в нем чувство долга, заставить его понять преимущества спокойствия и осознать те опасности, которые угрожают ему, если он поддастся внушениям предателей и льстецов, пытающихся сбить его с пути. Просвещение народа дает государству возможность избегать раздоров между партиями, потрясений и волнений, вызываемых честолюбцами и клеветниками.

Одни лишь тираны заинтересованы в том, чтобы народ не имел ни знаний, ни разума, ни воли; несправедливое правительство стремится довести народ до состояния отупевших животных, так как просвещение дало бы ему возможность осознать свое жалкое положение и увидеть всю глубину своих несчастий; препятствия, чинимые народному образованию, являются неоспоримым свидетельством порочности системы управления и полнейшего нежелания властей управлять лучше.

§ XXI. Об армии

Солдаты образуют группу граждан, предназначенных защищать всех остальных от посягательств извне. Общество наделяет их за это средствами существования, а также отличиями и наградами в соответствии с их заслугами. Если бы народы ограничивались теми преимуществами, которые предоставляет им природа, если бы все они взаимно предоставляли друг другу возможность пользоваться выпавшими на их долю блага-

ми, не было бы ничего более бесполезного, чем содержание за счет населения многочисленных армий граждан, гибнущих в сражениях либо ведущих бесполезную и праздную жизнь. С другой стороны, если неблагоприятные обстоятельства заставляют какой-либо народ держать под ружьем большое количество солдат, то его защитники вскоре подчиняют его себе. При господстве деспота так называемые защитники родины являются самыми опасными ее врагами.

Каждая нация нуждается в людях, готовых ее защищать; с этой целью родина должна поддерживать боевой дух тех своих сынов, которые согласны пожертвовать ради нее жизнью; но ни одно правительство не имеет права принуждать их к этому. Чтобы подавить в себе стремление к самосохранению, присущее от природы каждому человеку, необходимо мужество, на которое способен не всякий гражданин; общество, которое только для того и создано, чтобы поддерживать в своих членах способности, которыми они наделены от природы, оказалось бы несправедливым и жестоким по отношению к тем гражданам, которыми оно пожелало бы пожертвовать против их воли. Пусть не говорят, что без принуждения никто не стал бы подвергать опасности свою жизнь, чтобы защитить родину. У правительства, которое обеспечивает своим подданным реальные преимущества, никогда не может быть недостатка в защитниках.

Хорошо организованное государство должны защищать его граждане, являющиеся людьми, заинтересованными в общественном благополучии и подвластными только родине, которой они присягают в верности, а не наемники, заинтересованные лишь в том, чтобы быть угодными несправедливому властелину, использующему их для того, чтобы разрушить счастье общества и поработить собственную страну.

Нации нуждаются в национальной, а не в королевской армии, им нет нужды в янычарах, всегда готовых служить страстям властелина или безумствам его приближенных. Разве могут быть защитниками родины люди, поставленные государством на службу произволу тех, кто часто является заведомым врагом своего отечества.

Каждый гражданин должен быть готов служить счастливой и свободной родине. Он будет бороться за нее гораздо лучше, чем наемный раб, который сражается за своего властелина, а не за самого себя и не за свою страну. Лишь любовь к родине, а не ложная честь погибнуть за тирана может воспитать людей мужественными и благородными. Родина должна воодушевлять их на смелые подвиги ради защиты собственных интересов. Сделайте родину дорогой для людей, и она получит хорошую защиту; нам не потребуется применять насилие, чтобы побудить людей защищать благополучие, которое все они стремятся сохранить.

Таким образом, обществу необходимо, исходя из своих потребностей, посредством разного рода преимуществ возбуждать энтузиазм в людях, которые по доброй воле соглашаются стать его защитниками; если общество должно награждать всех граждан в соответствии с их заслугами, ему в особенности следует вознаграждать тех из них, кто рискует ради него жизнью; все подтверждает необходимость поощрять людей, которые так великодушны, что забывают о самосохранении, когда дело касается независимости родины. Вот почему мужество, сила и военные таланты во всяком обществе являются лучше всего вознаграждаемыми качествами; слава, уважение и честь — вот побудительные мотивы военного человека; он утратит свой энтузиазм, если ему перестанут отдавать дань уважения.

Но воинские доблести тускнеют перед лицом разума, как только они становятся вредны родине: родина признает своими детьми только тех, кто служит ей; тот же, кто служит несправедливому государю, являющемуся противником родины, всего лишь слуга и сообщник тирана.

Следовательно, только предрассудки могут заставить граждан относиться с уважением к тем военным, которые забывают, чем они обязаны обществу, и вступают в заговор с его угнетателями. Можно ли назвать *героями* изменников, малодушно поддерживающих замыслы тиранов? Можно ли назвать гражданами бандитов, ставших орудием капризов одного человека, противостоящего воле и правам всех остальных? Разве имеют

право на уважение неблагодарные люди, отрекающиеся от благодеяний, которые дарует им родина и которые государь лишь распределяет от ее имени? Солдат, сражающийся за свою страну, защищающий ее свободу, ее владения и законы, является гражданином, достойным любви родины, ее уважения и награды; тот же, кто отдает ее на произвол несправедливых властелинов, — предатель и заслуживает лишь презрения, ненависти и наказания со стороны отечества; это сын, в безумии избивающий вскормившую его мать, чтобы угодить врагу своей семьи.

Итак, разве могут люди, предназначенные самим своим положением в обществе защищать родину, приобрести право поработать ее, презирать своих сограждан и нарушать обязательные для всех законы? Политика нации, обстоятельства жизни которой подвергают ее опасности частых войн, должна, без сомнения, поддерживать боевой дух и величие души в тех людях, которые презрели опасности и смерть, — одним словом, она должна поощрять энтузиазм и чувство чести военных.

Итак, пусть государь награждает и чествует перед лицом народов тех людей, доблесть которых служит для них защитой, но пусть он никогда не забывает, что, проявляя к ним чрезмерное пристрастие, он подвергается риску лишить мужества остальные сословия государства и сделать их несчастными. Пусть государь в своей слепой благосклонности к военным не оставляет безнаказанными их жестокости, их злоупотребления силой; законы существуют для того, чтобы повелевать всем гражданам без различий. Пусть преступления военных против общества наказываются обычным судом, в общем судебном порядке; пусть воины не приносят с собой в города военное судопроизводство. Солдат должен лишь защищать землепашца, ремесленника, служащего; он ни при каких обстоятельствах не имеет права заставлять их чувствовать свою власть над ними или свое несправедливое презрение к ним.

Из-за неблагоразумия или личной заинтересованности государей в большинстве государств равновесие между гражданами нарушено; управление цивилизованными

нациями осуществляется все теми же методами, какими управлялись орды кочевников. Почести, богатства, милости — все это предназначается только для военных. Даже те государи, власть которых наиболее прочна, считают, по-видимому, что живут в эпоху завоеваний, и царствуют над большой армией, а не над мирным народом. В большей части обществ, политически оформленных в качестве государств, жизнь всей нации обычно приносится в жертву военному сословию: поистине дикие предрассудки еще полностью господствуют над многими цивилизованными нациями!

§ XXII. Происхождение дворянства

Как мы видели, большая часть правительств установила свою власть насильственно. Не довольствуясь раздачей земель покоренных народов соучастникам своих подвигов, честолюбивые завоеватели пожелали, кроме того, в вознаграждение за ратные труды навсегда сохранить за собой разного рода привилегии, равно как и превосходство над остальными подданными. В завоеванных ими королевствах людьми стали считать одних воинов, со всеми же остальными гражданами обращались как со скотом. Таково происхождение *дворянства*. Нередко государи простирали свои благодеяния не только на тех, кто личным участием помогал им одерживать победы; они давали согласие на то, чтобы собственность, особые права, награды, почести и титулы, которыми общество отличало таких людей, переходили по наследству их потомкам. Этим путем монархи хотели прочнее привязать к себе семьи уже испытанных на службе у них людей. Так дворянство стало наследственным. Благодаря этому монархи обеспечили себе поддержку многочисленных поколений дворян, которые, будучи воодушевлены теми же стремлениями, что и их предки, и воспитаны подобно им в духе нерушимой преданности королевской власти, всегда содействовали осуществлению ее планов и составляли опору ее могущества.

Так почти во всех монархиях дворянство стало верной защитой трона; интересы дворянства обыкновен-

но отождествлялись с интересами государя; судьба государя была неразрывно связана с судьбой дворян.

Равенство, к которому стремятся демократии, совершенно не согласуется со спесью сословия, краснеющего при одной мысли, что его могут смешать с толпою остальных граждан. Если аристократическая форма правления была удобнее, чем демократия, лишь для некоторых отдельных дворян, то при единовластии все дворянство оказалось поистине в своей стихии; оно всегда являлось опорой государей, помогало им советами и содействовало их величию, потому что это величие было для него источником его собственной блестящей жизни, источником привилегий и богатств. Поэтому дворянство стремилось лишь к расширению королевской власти, от которой зависела и его собственная власть; оно почти всегда претендовало на то, чтобы быть единственным представителем всего общества, и высокомерно третировало остальную его часть. В конце концов естественно, что предводители солдат, участвовавшие в завоевании той или иной страны, советом и делом помогавшие своему повелителю в его военных походах, — одним словом, те, чье мужество и благородие основали империи, присвоили себе право быть представителями армии, которая в момент завоевания должна была рассматривать себя как олицетворение нации, в то время как покоренный народ рассматривался ею как враг.

Нам остается только выяснить, должны ли эти первоначальные, основанные на завоевании, грабеже и пассивности права существовать вечно и следует ли считать, что народ был навсегда лишен права сам выражать свою волю и поручать представлять себя тем, кому он доверяет, если его согласие узаконило эту установленную путем насилия форму правления.

Как бы то ни было, военные вожди, т. е. представители армий, являлись в Европе советниками королей, всегда державших оружие наготове. Воинственные нации были постоянно заняты лишь войной, поэтому войны вместе со своими руководителями продолжали решать судьбу народов, принимали участие в создании

законодательства и постепенно приобрели опасную независимость и право угнетать народы, в покорении которых принимали участие они сами или их предки. Таким образом, почти во всех европейских государствах дворяне образовали аристократию, в большей или меньшей степени подчиненную монархии. В результате могущественные вассалы затмили королей, которые потеряли действительную власть и превратились в призраков самих себя; народы же стонали под гнетом многочисленных мелких тиранов, злоупотребления которых не могла обуздать никакая сила. Во многих странах наиболее могущественные вассалы сами выступали в качестве государей и, подчиняясь монарху во время войны, отказывались признавать его власть в мирное время; они имели у себя в подчинении других вассалов, т. е. воинов, которые обязаны были следовать за ними как в войнах, предпринимавшихся королем, так и в войнах, которые вассальные князья беспрестанно вели друг против друга, а то и против своих государей. Таким образом, государства раздирались на части свирепыми и беспокойными гражданами, сдержать которых не могли никакие законы.

§ XXIII. Дворянская аристократия при феодальной форме правления

Таким было, как мы видели, феодальное правление, более или менее заметные следы которого мы находим еще и сегодня почти во всех странах мира. Таково происхождение *ленных*, или феодальных, владений. При рассмотрении форм правления мы уже показали всю нелепость подобной военной аристократии. Но если для народов опасна всякая аристократия, что же надо думать о множестве невежественных и бесчеловечных деспотов, вопреки законам и верховной власти осуществлявших над народами самую безрассудную тиранию, деспотов, чья так называемая свобода состояла лишь в том, чтобы беспрепятственно предаваться распрям и анархии? И все же именно к такой форме правления или, точнее, к этому беспорядку постоянно стремится дворянство и знать!

Будем, однако, надеяться, что народы, наученные горьким опытом несчастий своих предков, никогда не позволят, чтобы их снова заковали в цепи и подвергли гнету, быть может, более тягостному, чем гнет деспота со сколь угодно абсолютной властью. Пусть эта форма правления, вывезенная из Скифии и распространенная в Европе пришедшими с севера варварами, будет навсегда искоренена среди просвещенных народов. Несмотря на ощущаемые уже столько веков неудобства феодальной формы правления, она все еще удерживается даже в странах, где совершенно изменились как задачи управления, так и его цели. Существует даже несколько таких государств, в которых этот строй, именуемый свободой, сохраняется во всей неприкосновенности. Даже и тогда, когда изменения в нравственных устоях наций сделали войну менее необходимой, дворяне почти повсюду продолжали считать себя *единственными представителями народов*, среди которых они жили.

§ XXIV. Падение дворянской власти

Благодаря искусным действиям монархов, распрям дворян или, быть может, усилиям народов, временами доходивших до отчаяния из-за обид и притеснений, — так или иначе феодальная система в большей части государств постепенно ослабла и пришла в упадок; государям в конце концов удалось устранить это препятствие, причинившее так много неудобств как их власти, так и свободе их подданных. Народам была возвращена часть утраченной ими свободы; в некоторых случаях они получили даже право участия в законодательстве, в котором всегда были заинтересованы. В своей политике короли нередко были вынуждены использовать народы против слишком заносчивых и дерзких вассалов; они понимали, что их собственные интересы требуют предоставить гражданам несколько большую свободу. В других случаях народы только сменили тиранов и освободились из-под гнета дворян лишь для того, чтобы попасть под гнет абсолютного монарха и его двора. Но как бы ни была распределена власть, дворянство никогда не переставало составлять класс, заметно

выделявшийся по своему положению в обществе; дворяне оформились как изолированное сословие и совершенно не смешивались с покоренными их предками в давние времена плебеями, к которым они привыкли относиться пренебрежительно в течение целого ряда веков.

Лишившись реальной власти, дворянство возместило для себя эту потерю заимствованным у трона блеском. Когда-то соперничавшее с монархами дворянство было вынуждено теперь служить им и пресмыкаться перед ними, стараясь заслужить государевых милостей; добиваясь благосклонности государей, оно помогало им держать в зависимости остальную часть нации. Хотя дворянство само оказалось покоренным и униженным, оно очень часто объединялось против общественной свободы и сохраняло горделивую надменность даже в условиях своего подчиненного положения. Дворяне связывали теперь свои представления о славе и чести, которую скорее следовало бы назвать тщеславием, только с благосклонностью высокомерных властелинов, задаваясь целью добиваться от них ничего не значащих титулов и отличий, а главным образом преступного права безнаказанно делать людям зло.

§ XXV. Различия между дворянами и простонародьем

Государь обычно выбирал себе придворных, фаворитов и министров из сословия дворян. Дворяне, которые не были отмечены столь явной милостью государя, жили, чаще всего не принося никакой пользы, в поместьях, пожалованных их предкам в былые времена, присвоив себе право быть там судьями и осуществляя над вассалами своего рода судебную расправу, зачастую варварскую и жестокую. Они считали, что их дворянское происхождение дает им право притеснять вассалов. Так возникло множество самых нелепых прав, диковинная судебная практика, в основаниях и источниках которой едва ли в состоянии разобраться разум. Народы беспрестанно подвергались угнетению, в то время как государи и не помышляли прийти им

на помощь, а владельцы земель продолжали обосновывать свои беззакония тем, что много веков тому назад отцы и деды их вассалов были покорены и ограблены их предками — завоевателями.

Дворяне — жили ли они независимо от монарха или были отмечены королевскими милостями — издавна привыкли с пренебрежением относиться к народам, которых сила, страх и традиционное преклонение заставляли им подчиняться; естественно, что они должны были возомнить себя привилегированными людьми, людьми особого рода, более совершенными по природе, чем их сограждане, которые, как они видели, живут в нищете, слабы и покорны. Дворяне стали считать, будто в их жилах течет более чистая кровь, а в их телах живут души с более высокими чувствами. Эти нелепые и смешные предрассудки, в которых были заинтересованы и монархи, передавались даже тем, кого они унижали. *Простолюдины* стали считать себя достойными презрения на том основании, что их презирали дворяне.

Эти идеи установили новый вид неравенства между людьми — неравенство, проявляющееся во взглядах на человека, весьма реальное и осязаемое по своим неизбежным практическим последствиям, которые не могли не представляться тягостными и обременительными для всех, кроме дворян. Граждане оказались вынужденными с уважением относиться к людям, опьяненным гордостью за свое происхождение, выказывавшим к остальным одно только презрение, убежденным, что они могут не трудиться и что общество создано лишь для того, чтобы поддерживать их роскошное и праздное существование.

Профессия военного почти везде считалась единственной, приличествующей дворянину. Дворяне относились с пренебрежением ко всем остальным профессиям; они считали, что не существует других почетных, совместимых с дворянской честью способов служить родине. Тщеславие дворян, поощряемое заинтересованными в поддержании их предрассудков государями, заставляло их считать унижительными и позорными для себя самые полезные профессии даже в том случае, если бедность делала для них необходимым заняться

полезным трудом. Таким образом, глупое тщеславие обрекло дворянство на невежество и праздность; война стала единственным призванием дворян, храбрость — их единственной добродетелью, служба государю — единственным путем к чести.

Особые льготы и привилегии, которыми щедро наделялись дворяне, неизбежно должны были сделать дворянство предметом зависти остальных граждан и заставить их соперничать друг с другом ради получения дворянских титулов; человек из народа чувствовал себя несчастным из-за огромной разницы, которая устанавливалась на его глазах между ним и людьми, которым всегда оказывалось предпочтение перед ним, какие бы заслуги он ни имел и какие бы доблести ни проявлял. Государи, распределяя награды, иногда направляли это соперничество на пользу государству, но гораздо чаще имели в виду собственную пользу: они вознаграждали некоторых подданных за их таланты и заслуги, за службу, наконец, даже просто за богатство тем, что включали их в сословие, возбуждавшее их зависть; они даровали им те же привилегии, которые случайность рождения доставляла тем, кто являлся потомком древних основателей монархии.

Таким образом, эти причисленные к дворянскому сословию граждане пользовались некоторыми особыми правами вместе с другими дворянами. Однако, каковы бы ни были заслуги этих граждан, за которые их желали вознаградить государи, спесь знати и предрассудки народов продолжали сохранять весьма заметное расстояние между ними и потомственными дворянами. Нередко фиктивные заслуги предков брали в глазах народов верх над действительными личными заслугами: происхождение давало гораздо более неоспоримые права, нежели таланты человека или польза, которую он мог принести в настоящее время. Чем отдаленнее и неведомее был источник славы дворянина, тем с большим уважением относились к нему.

Только при справедливом правительстве общественное положение подданных может быть определено со всей точностью: дворяне, выделяемые по владениям, происхождению, заслугам предков и еще более по лич-

ным качествам и заслугам, пользуются уважением сограждан; они имеют возможность служить согражданам, но никогда не приобретают права их притеснять. При феодальном правительстве дворяне являются тиранами, злоупотреблениям которых по отношению к народу нет предела, поскольку монарх не имеет над ними власти. При аристократической форме правления дворянин либо несет государственную службу, либо сам является государем; он очень часто отделяет интересы собственного сословия от интересов народа, которому самым жестоким образом дает почувствовать свое превосходство. Как показывает опыт, дворянское правительство меньше всего стремится благоприятствовать гражданам, не являющимся дворянами, в силу чего оно часто неприятно им настолько же или даже в большей мере, чем абсолютная монархия.

При неограниченной власти почести существуют только для деспота: один его намек превращает в ничто людей с самым высоким положением, его воля вновь низводит их до положения всей массы подданных. При деспоте знатные люди всего лишь несчастные, опорой для которых является только каприз их повелителя.

В самом деле, разве можно назвать благородными людей, которые под влиянием самых низменных интересов вынуждены смиряться с постоянной зависимостью? Можно ли назвать вельможами пресмыкающихся лакеев, оспаривающих друг у друга право оказывать самые низкие услуги надменному королю, лакеев, которые согласны на любую подлость, лишь бы заслужить расположение деспота? Какими же должны быть души этих придворных, которые согласны беспрестанно молча проглатывать оскорбления, смиряться с отказами и несправедливостью? Разве могут обладать возвышенными сердцами эти гнусные попрошайки и презренные льстецы, надеющиеся посредством своих низостей приобрести право презирать сограждан? Разум может обнаружить в этих опустившихся людях лишь рабов, мстящих наглým бесстыдством за бесчестье и позор, в котором они безвозвратно погрязли. Под властью деспота все разумные принципы поставлены с ног на голову:

знатные люди извлекают славу из подлости и низости, их недолговечная слава внушает уважение только людям, еще более низким, чем они сами.

В азиатских государствах, где судьбу всех людей решает воля султана, высокое общественное положение целиком определяется высокой должностью при султана; права и титулы не передаются по наследству, и сын визиря включается в число рабов. У суеверных мусульман потомки их пророка — единственные, кому происхождение дает некоторые особые преимущества. У китайцев лишь род Конфуция рассматривается как благородный, глубокое уважение к этому философу-законодателю все еще чувствуется в отношении к его потомкам. В Китайской империи только знания ведут к высокому положению в обществе; император причисляет к благородному сословию предков каждого человека, отличившегося какой-либо исключительной заслугой. Европейцы, гораздо менее мудрые, чем эти азиаты, из уважения к памяти отцов освобождают детей от обязанности быть полезными другим гражданам и вознаграждают их с колыбели за услуги обществу, которых они никогда ему не окажут.

§ XXVI. О действительных правах дворянства

Если с точки зрения разума одна лишь приносимая обществу польза дает гражданину право занимать определенное общественное положение; если подлинная честь заключается в уважении сограждан, заслуженном оказываемыми обществу услугами и добродетельной жизнью; если просвещенное правительство должно вознаграждать только своих лучших слуг; если на внимание, уважение и благодарность общества имеют право только граждане, которые этого заслуживают как благодаря личным достоинствам, так и благодаря реальным делам на пользу общества, — кого же общество должно считать достойными предпочтения перед остальными?

Что следует думать обо всех этих благородных и знаменитых людях, не заслуживших своих прав ничем,

кроме завоеваний, насилий и мятежей, совершенных когда-то их предками, дикими варварами, нарушителями спокойствия мирных народов? Могут ли пользоваться уважением существа, выделившиеся из числа других благодаря слепой случайности рождения? Будет ли нация уважать бесполезных ей вассалов, которые в течение целого ряда веков поколение за поколением прозябают в поместьях предков, вассалов, геройские подвиги которых состоят лишь в том, чтобы безнаказанно притеснять робких ленников, обеспечивающих им возможность предаваться праздности? Будет ли нация с заслуженной признательностью взирать на потомков нескольких беспокойных воинов, столь часто являвшихся причиной несчастий государства из-за раздоров, стоивших стольких человеческих жизней? Сможет ли нация считать своими действительными защитниками наемные войска, которые становятся орудием насилия, совершаемого ее повелителями, и, вместо того чтобы служить родине, служат лишь угнетающему ее узурпатору? Наконец, какое место в обществе разум отведет всем тем презренным придворным, которые не знают другого отечества, кроме двора своего повелителя, другого закона, кроме его каприза, других уз, кроме заинтересованности и выгоды?

Нет, в глазах мудрого человека велик только тот гражданин, который преданно служит своей стране; он только в том случае достоин быть выделен из числа других, если с большей пользой трудится ради счастья сограждан; он лишь тогда благороден, если имеет достоинства, заслуги, таланты, добродетели.

§ XXVII. Следствия предрассудков, связанных с происхождением

Нельзя не согласиться с тем, что предрассудки, относящиеся к вопросу о происхождении, явились источником самых губительных злоупотреблений в большинстве европейских государств. Когда какое-либо из сословий общества на основании одного лишь факта своего благородного происхождения может претендо-

вать на богатства и почести, это должно неизбежно лишить всякой энергии остальные классы граждан.

Те, кому нечем похвалиться, кроме предков, не имеют никакого права на награды: таланты не переходят к потомкам вместе с именем. Среди низших сословий, среди тех, кто занимает в обществе самое безвестное положение, нередко встречаются люди, «которые сами по себе полны достоинств, хотя их предки ничего собой не представляли»*.

Из народа, к которому с таким пренебрежением относятся надменные монархи и их придворные лакеи, часто выходят люди с более возвышенными, великодушными и благородными сердцами, чем вся эта раззолоченная толпа, окружающая государей. Если люди не будут нуждаться ни в чем, кроме имени, для того чтобы достигнуть объектов своих устремлений, они скоро начнут пренебрегать образованием, презирать науку, и тогда должности в государстве займут невежественные и неспособные фавориты государя.

Просвещенные государи, не спрашивайте у ваших подданных, кем были их предки; интересуйтесь лучше тем, какими достоинствами обладают они сами; поощряйте, чтите, награждайте личные таланты граждан и не обращайтесь на жалобы и недовольство людей, считающих себя задетыми и оскорбленными, когда они обнаруживают достоинства и заслуги у человека с низким происхождением. Пусть человек, который полезен родине, считается благородным вне зависимости от заслуг его предков. А вы, наследственные дворяне, благородные по происхождению, докажите на деле своими возвышенными чувствами, благодеяниями и добродетелями, что вы действительно благородны и достойны положения, которое хотите занимать в обществе.

Не происхождение, а знания делают граждан способными служить государству. Пусть правители проявят заботу о просвещении подданных, о том, чтобы внушить им любовь к общему благу, посеять в их серд-

* Вольтер (подстрочные примечания к тексту принадлежат Гольбаху.— *Ред.*).

цах семеня добродетели, и вскоре нация обретет множество людей, которые будут мыслить благородно, действовать героически и получать отличия за действительные заслуги перед родиной. Пусть высшие должности распределяются на основании конкурса, и пусть никто не будет лишен права содействовать благу общества!

Политика теряет одну из самых могучих движущих сил, когда правительство вознаграждает за случайность рождения и дает неотъемлемые привилегии людям, которые не сделали и не сделают ничего полезного родине. Одним словом, институт наследственного дворянства может быть рассматриваем только как крайне вредное злоупотребление, способное лишь поощрять лень и неспособность в одном из сословий общества в ущерб всем остальным гражданам. Немногие будут стремиться стать действительно заслуженными людьми и выявить свои способности, будучи уверены, что одного их имени достаточно, чтобы привести их к почестям, богатству и уважению общества.

Награждать граждан, ничего не сделавших для государства,— это злоупотребление, безумие! Однако, скажут нам, быть может, предки нынешнего дворянства с пользой служили родине. Но служить государю не всегда означает служить родине. Служить завоевателю, покоряющему страну, или оказывать поддержку угнетающему ее тирану ни в коем случае не значит оказывать услуги родине. Если даже предположить, что прадеды и прапрадеды нынешнего дворянства когда-то действительно оказали услуги обществу, разве вознаграждение за эти услуги не чрезмерно, если оно распространяется на потомство дворян бесконечно долгое время? Если несправедливо было бы наказывать детей за ошибки отцов, то разве более справедливо вознаграждать их за добродетели последних? Вознаграждение становится настоящим злоупотреблением, когда оно распространяется на тех, кто не имеет никаких заслуг.

Даже в республиках есть свое благородное сословие: как бы ни была велика любовь республиканцев к призрачному равенству, они не могут не предоставлять высокого общественного положения тем государственным

деятелям, законодателям и прославленным людям, которые оказали услуги республике. Преклонение перед такими людьми распространяется даже на их потомство, которое как бы напоминает благодарному народу об обязанности быть признательным тем достойным гражданам, память о которых ему так дорога.

Следовательно, всякое благородное сословие первоначально выделяется на основании заслуг, полезных дел и добродетелей; принадлежность к нему представляет собой отличие, даруемое государем некоторым гражданам и утверждаемое обществом за доставляемые этими гражданами преимущества. Порок, бесполезность, праздность не могут быть почтены таким отличием, ибо противоречат ему по своей сущности. Те, кто служит лишь властелину, его капризам и страстям, являются низкими людьми, благожелательно относиться к которым может только заинтересованный в их услугах повелитель. Нация же обязана наказать их презрением. Действительно прославленными и уважаемыми нацией людьми являются лишь те, кто служит родине под властью монарха, занятого только обеспечением народу счастья. Всякое отличие, пожалованное за что-либо другое, является лишь плодом предрассудка, привычки или неразумного преклонения.

§ XXVIII. О придворных

Дворяне, которые в силу своих обязанностей или вследствие благосклонности государя приближены к его персоне, образуют класс людей, известных под названием *придворных*. Государь осыпает этих людей своими милостями, особенно прочно привязывает их к себе, удостоивает их своим доверием, поскольку они пользуются близостью к нему, являясь единственными, с кем он может видаться и кому может открыться. Именно из числа придворных монарх выбирает себе советчиков, фаворитов, министров — одним словом, тех, на кого он возлагает осуществление отдельных функций по управлению государством.

Всем людям свойственно желание господствовать, выделяться среди других, пользоваться почетом и обла-

дать богатством. Поэтому благосклонность государя, которая вела ко всем этим преимуществам, стала предметом зависти и домогательств придворных; каждый из них желал получить свою долю милостей и благоденный властелина или сам стать распорядителем благ и милостей. Придворные ничем не пренебрегали для достижения этой цели: самая низкая лесть, самые постыдные услуги, самое преступное попустительство, самые бесчестные пути — все становилось достойным и законным для завистливых, властолюбивых и ничем не стесняющих себя в выборе средств для достижения желанной цели людей. Все, что вело к власти, представлялось им достаточно благородным. Благополучие общества, его свобода, собственность народов приносились придворными в жертву их повелителям как нечто не имеющее ни малейшей ценности.

Королевский двор можно было бы назвать постоянным союзом, заключенным между несколькими недостойными гражданами с целью развращать государя и угнетать подданных. Именно эти граждане с детства внушают будущим монархам высокомерные представления об их собственном величии и прививают им пренебрежение к народам; они убеждают их, будто короли — боги, а общества существуют только для того, чтобы беспрекословно смиряться перед ними, быть прахом у их ног. Именно придворные вкрадчиво и незаметно внушают государям, будто их подданные обязаны им всем, они же не обязаны подданным ничем; именно придворные подсказывают государям мысль о том, что не существует других законов, кроме монаршей воли; именно придворные поддерживают властелинов в состоянии изнеженности и лени, воспитывают в них равнодушное и бесчеловечное отношение к подданным; именно придворные делают сердца правителей нечувствительными к стонам народов. Одним словом, именно придворные, будучи уверены, что монархи поделятся с ними награбленной у народов добычей, убеждают одурманенных высокомерием государей в том, что личность, имущество и жизнь подданных принадлежат их повелителям и полностью зависят от их капризов,

§ XXIX. О министрах

Власть каких-либо людей в государстве всегда наносит ущерб власти других. Для того чтобы министры, фавориты и придворные были могущественны, государь должен быть слабым. Люди, окружающие государя, обладают наибольшей властью тогда, когда бездеятельный монарх погряз в пороках и забыл о своих обязанностях. При бездарном монархе, пренебрегающем своими обязанностями и ведущем легкомысленный образ жизни, министры становятся деспотами, а народы — рабами и игрушками в руках нескольких фаворитов, противоречивые интересы которых постоянно раздирают государство на части. Без надзора неусыпного ока властелина, предписывающего каждому его обязанности, в управлении не может быть ни системы, ни плана; правительство в таких случаях уподобляется сложной машине, части которой действуют в прямо противоположных направлениях. Министру, которому необходимо сохранение мира для осуществления его мероприятий, будет противоречить другой министр, чьи интересы требуют войны; каждый из них станет стремиться провалить планы своего соперника: ведь слуги одного господина весьма часто являются самыми ожесточенными врагами. Королевский двор превратится в арену открытых или тайных неистовств, и как верховный правитель, так и государство рано или поздно станут жертвами опасной олигархии.

В самом деле, мы наблюдаем, что во многих государствах власть министров утверждается на развалинах власти верховного властелина. Государи являются первыми жертвами могущества высокомерных фаворитов. Используя своих повелителей для порабощения народа, эти министры осуществляют над нацией власть, которая находится в противоречии со всеми законами.

Разве можно считать подлинными государями азиатских султанов, которые, стремясь скрыть свою бездеятельность, запираются в стенах непроницаемого для народа дворца, где от скуки предаются постыдным или легкомысленным забавам, и из-за отсутствия способностей не могут выполнять хоть какие-нибудь из своих

обязанностей? Единственными хозяевами народов, обладающих такими монархами, становятся визири, которые ими управляют; монархи в таких случаях лишь формально являются государями: они носят соответствующий титул, но их существование находится в полной зависимости от их собственных рабов.

Заботы об управлении государством настолько многообразны и сложны, они требуют предусмотрения такого множества мелочей, что почти невозможно, чтобы один человек, пусть даже гениальный, оказался в состоянии полностью справиться с ними. Поэтому государи вынуждены выбирать среди подданных людей, чтобы разделить с ними бремя государственных дел; они передоверяют им часть власти, которую сами получили от общества.

Если государи — представители общественной воли то министры только представители воли государей. Добродетельный монарх знает, что он несет перед народами ответственность за поведение людей, выбранных им, чтобы с их помощью осуществлять свою власть; он не может позволить этим людям злоупотреблять властью от его имени, ибо благоразумие не допускает, чтобы он сам злоупотреблял ею; ведь министры — его подданные, а сам он гражданин своей страны. При деспотизме монарх является богом, а его министры — государями. При тирании чудовище, управляющее страной и само как бы являющееся представителем демона зла, в свою очередь передает право представлять себя подобным ему жестоким и кровожадным животным. Одни только бесчувственные и очерстевшие в пороке люди могут быть советниками тиранов; плохому государю могут служить лишь похожие на него подданные.

Просвещенный, добродетельный и справедливый министр — очень редкое, а может быть и совсем невозможное явление там, где царит тирания; при плохом правительстве достойный человек либо не может выдвигаться, либо скоро попадает в немилость у своего повелителя. Честолюбивый и развращенный министр боится достойных людей. Он предпочитает привести государство к гибели, нежели пригласить на видный государственный пост человека, который способен стать опорой

государства и восстановить его процветание. Ничто не может сравниться с тем страхом или ненавистью, которые внушают стоящему у власти посредственному и невежественному человеку выдающиеся заслуги и таланты других людей.

Если монарх, стремящийся к благу своего народа, не в состоянии лично войти во все детали управления, он может по крайней мере руководить теми, кому доверил это управление. Как только народ сможет заставить государя услышать свой голос, он, безусловно, не замедлит указать ему, правильно или неправильно облекает он людей доверием. При справедливом государе министры не могут долго злоупотреблять властью; они могут безнаказанно подвергать народы тирании только при неспособном управлять властелине и допускающем произвол правительстве, под властью которого поработенная и принужденная к молчанию нация должна безропотно терпеть все виды угнетения, каким только ее пожелают подвергнуть. Тогда нация, вынужденная хранить молчание и утаивать от самой себя переживаемые ею несчастья, как бы отворачивается от грозящей ей гибели и с безразличием смотрит на злоупотребления, средств спасения от которых не видит.

Ничто не может заменить для государства неуспынной заботы государя; его министры являются людьми, которым власть предоставляет возможность дать волю всем своим страстям, а стремление сохранить власть — самая сильная страсть в людях, ею пользующихся. Стоит только слишком доверчивому или слабому государю перестать зорко следить за поведением людей, которым он доверил власть, и вскоре счастье государства оказывается принесенным в жертву интересам этих людей, а королевский двор превращается в арену ожесточенных столкновений противоречивых страстей, жертвой которых всегда является нация. Среди этих распрей и раздоров благо общества оказывается забытым; государство становится игрушкой в руках нескольких честолюбивых интриганов, которые поочередно вырывают друг у друга кормило власти и каждый из которых занят только тем, что измышляет способы уничтожить других. Подобные злоупо-

требления, пресечь которые может только монарх, становятся неустрашимыми, когда во главе государства стоит бездарный или легко поддающийся влиянию окружающих человек.

Какую бы любовь монарх ни питал к своим подданным, они будут несчастны, если он перестанет лично управлять ими. Как сможет он узнать о бедствиях народа, если вероломные министры маскируют их, изображают все в неверном свете, скрывают от него пропасть, в которую готовы низвергнуть его их гнусные поступки, их неблагоразумие и безрассудство?

Чем слабее монарх, тем большей властью обладают его министры. При таких повелителях народы часто еще более несчастны, чем при откровенном тиране. Пороки тирана редко распространяются за пределы круга приближенных к нему лиц; окружающие его придворные, близко стоящие к нему фавориты и министры обыкновенно являются единственными жертвами упрямства и злобы тирана, которого они сами вскормили. Под властью монарха, не обладающего твердостью характера, тирания окружающих его людей все разрастается, и нация в конце концов становится жертвой шайки, заинтересованной в том, чтобы в стране царил беспорядок. Самые гуманные государи становятся угнетателями, когда они допускают, чтобы министры угнетали народ. Разве народы не вправе пенавидеть, как тиранов, государей, которые не считают нужным помочь им и избавить их от тирании? Порочные министры разрывают узы, которые соединяют поданных с государем. Монархи несут ответственность за злоупотребления тех, кто правит от их имени.

«Министры,— говорил один персидский король,— это руки королей, только через них люди могут судить о государе, который ими правит. Необходимо, чтобы государь наблюдал за поведением министров, ни на минуту не ослабляя своего внимания; тщетно будет он пытаться переложить на них вину за свои ошибки в тот день, когда народы поднимутся против него; он будет тогда походить на убийцу, который оправды-

вает себя перед судьями, говоря, что не он, а его меч совершил преступление».

Итак, только твердость и бдительность монарха могут сдерживать страсти его министров. Он не должен допускать, чтобы министры теряли из вида интересы народов. Он должен подавлять заговоры и интриги своих помощников: под властью государя, который крепко держит в руках бразды правления, происки и интриги министров не достигнут цели. Разве нации вручили свои судьбы в руки одного человека для того, чтобы ими правили несколько подданных, превратившихся в тиранов? Разве, подчиняясь монархической власти, народы выражали желание жить под властью опасной олигархии? Да и возможно ли, чтобы сами государи имели намерение сделать проводниками своей власти людей, способных оттолкнуть сердца подданных от монархов и сделать последних ненавистными народам? Разве какой-либо государь хотел оказать доверие людям, способным запечатлеть на его челе печать бесчестия, с которой он вошел бы в историю и стал известен грядущим поколениям? Разве мог кто-либо из государей дать согласие на то, чтобы богатства, почести и отличия, предоставляемые обществом, служили лишь вознаграждением за низость для людей, единственной заслугой которых было умение понравиться некоторым из государевых слуг?

Если пользующиеся абсолютной властью монархи смотрят на свои государства как на родовые вотчины, пусть они по крайней мере заботятся хоть о том, чтобы их собственность не подвергалась разграблению. Как только государь начнет относиться с безразличием к благополучию своего государства, его министры сразу же перестанут заботиться о процветании страны; не считаясь с мнением народа, они будут думать лишь об удовольствиях и развлечениях, о своих личных делах. Что им до того, что гибнет государство! Лишь бы им удалось извлечь для себя пользу из его гибели. Безразличие государя делает безразличными и всех его министров. Занятые только интересами момента, они откажутся думать о будущем, и тогда все скоро придет в упадок. Почести являются для министра

единственным стимулом к деятельности. Если он перестанет бояться общественного мнения и утратит вкус к славе, если ему станут совершенно чужды справедливость и человечность, он сделается бессовестным тираном. Как только чувство чести перестает повелевать сердцем министра, в нем не остается ничего, кроме рабского страха. При лишенном способностей государе министр страшится таких же людей, как и он сам; государь, не заботящийся о своей славе, имеет у себя на службе одних интриганов, которые приносят и самого государя, и народ в жертву своим скоропреходящим интересам.

§ XXX. Обязанности и функции министров

Какова бы ни была форма правления, министры в гораздо большей степени принадлежат нации, чем властелину. У них не может быть более высоких обязанностей, чем обязанность быть посредниками между народами и государями, связующими звеньями между ними. Министры должны осведомлять монарха о нуждах народов, так как его взору недоступны все уголки обширной империи; они должны доводить до него пожелания подданных, услышать которые ему может помешать слишком большое расстояние.

Государь должен быть огорчен, если его народ несчастен; если его народ угнетен, он должен трепетать от тревоги за него. Вместо того чтобы скрывать от государя язвы государства, вместо того чтобы усыплять его, поддерживая в нем убеждение, будто государству не грозит никакая опасность, что обыкновенно является гибельным, преданные министры найдут в себе мужество открыть ему правду. Они своевременно забьют тревогу, а если потребуется, постараются вызвать у государя угрызения совести. Разве, став министром, человек перестает быть гражданином и превращается в раба? Разве он больше не заинтересован в общественном благополучии и в свободе своей страны? Разве ему не страшны немилость и гнев властелина, которого он сам превратил в деспота? Министр, стараниями которого государь становится тираном,

скоро сам оказывается наказан неблагодарным, ибо тиран послушен лишь своим страстям или наветам приближенных.

Имея больше возможностей, чем государь, знать людей и их дарования, прислушиваться к общественному мнению, учитывать потребности народов, преданный министр откроет доступ к трону тем из подданных, которые, не будучи виновны ни в чем, подвергаются притеснениям, тем гражданам, добродетелями которых пренебрегают, тем достойным и скромным людям, заслуги которых остаются в неизвестности. Одним словом, он поддержит требования народов, выступит в их защиту; он защитит их законы и свободу. Такие министры займут в сердцах своих сограждан гораздо более высокое положение, чем то, какое в состоянии дать им или отнять у них воля государя. Разве министр, отстаивая дело своего народа, не защищает тем самым и собственные интересы?

§ XXXI. Испорченность королевских дворов

Дворянство, столь гордое и столь кичащееся своей свободой, когда оно живет в наследственных поместьях, обыкновенно унижается и раболепствует при королевском дворе. Если трон является источником блеска дворянского сословия, то он же скоро становится и орудием его разложения и порабощения. Из одного лишь тщеславия, в надежде на полную удовольствий жизнь, на влияние при дворе и милости государя дворянин покидает тихое имение своих предков, где он мог бы делать людям добро и заслужить их любовь, уважение и почет, и становится приближенным монарха только для того, чтобы стать достойным презрения. Здесь он скоро погружается в праздную жизнь, полную роскоши и расточительства, по примеру толпы остальных придворных, которые его окружают; из свободного человека, каким был до сих пор, он превращается в человека зависимого; его богатства быстро истощаются, но жажда дорогостоящих удовольствий, представляющихся его одурманенному воображению столь необходимыми, и в особенности ненасытное тще-

славию приковывают его как бы цепями к трону деспота, который успешно внушает ему, что быть зависимым и пресмыкаться — дело чести, почетное занятие. Гордиться своим рабским положением — вот вершина унижения.

Политика деспотизма всегда состояла в том, чтобы, пробуждая в дворянах пустое тщеславие, толкать их на разорение и превращать их в нищих. Людей, доведенных до бедности, легче и удобнее обуздывать и поработать. Разве величие души, сила и добродетель могут быть присущи людям, которые вконец разорены, задавлены долгами и трепещут перед нищетой? Им приходится идти на унижение перед теми, кто раздает блага; ради богатств и успеха им приходится отказаться от добродетели.

Государя, которые стремились осуществлять неограниченную власть, разжигали в окружающих их людях чувства тщеславия, соперничества, зависти с помощью таких средств, как предпочтение одних другим, лишенные основания отличия, незаслуженные награды и даже действительные благодеяния. Деспоту трудно смириться с существованием вельмож, которые ни о чем не просят его; он хочет чувствовать, что все зависят от него; тех, кого он не может подчинить с помощью страха, он стремится поработить с помощью заинтересованности; всегда обеспокоенный и подозрительный, он хочет иметь у себя перед глазами заложников, которые отвечали бы за свою преданность жизнью. Впрочем, он убежден, что все соприкасающееся с ним становится священным и достойным почитания народов. Нередко он оказывает предпочтение самому подлому еврею перед храбрым воином, который командует его войсками.

Если личная заинтересованность — тот идол, которому служат придворные, то зависть является их палачом: благосклонность монарха представляет для них настоящее яблоко раздора, становящееся наградой за ловкость хитреца. Отсюда эти вечные интриги; отсюда эти коварные заговоры, предназначенные для устранения тех, кого доверие монарха как бы выделяет из числа остальных; отсюда эти наговоры, предательства и козни, преследующие цель уничтожить людей,

которых хочет возвысить государь, или добиться погибели тех, кому он доверил осуществление власти. Это те опасные происки, которые часто устрашают и заставляют колебаться даже безукоризненно честных государственных деятелей. Такие происки особенно часто имеют место при монархах, не способных самостоятельно судить о людях или чересчур ленивых, чтобы доискиваться правды. Такие монархи слишком часто прислушиваются к клевете и, не разобравшись, уничтожают тех, кто является предметом преследований и зависти, лести и хитрости.

Люди, которые руководствуются только низменными интересами, обыкновенно объединяются против тех, кто имеет действительные заслуги, и стараются вырвать власть из рук. Придворный, привыкший к праздности, беспорядочной жизни и интригам, страшится бдительности, не хочет восстановления порядка, его пугает пронизательный взор мудрости, достойный человек, облеченный властью, всегда внушает ему подозрение и тревогу; для такого придворного, похожего на слугу, извлекающего выгоды из безнравственности, расточительности и пороков своего хозяина, нет ничего внушающего большие опасения, чем честность какого-нибудь министра, который стремится к экономии, хочет установить порядок и сообразуется со справедливостью при распределении благ.

В то же время придворный всегда является хамелеоном: его гибкость и изворотливость позволяют ему с легкостью принимать любой вид, перевоплощаться в любые формы в соответствии с пожеланиями государя. При желании государь мог бы сделать из него даже гражданина. Если бы повелитель взирал на преступления с негодованием и суровостью, придворный по меньшей мере хотя бы притворился, что обладает добродетелями; если бы государь выражал презрение и отвращение к невежеству, легкомыслию и пороку, придворный стремился бы к образованию и притворялся, что питает любовь к безукоризненной честности. Воля государя в мгновение ока может изменить лицо его двора. Двор не может быть растленным, когда у власти стоит добродетельный монарх.

Только при ленивых, любящих праздность монархах придворные и недостойные министры пользуются полной свободой, чтобы составлять заговоры и затевать коварные интриги. В этих условиях и нации, и сами государи становятся жертвами подобных порочных людей, одинаково опасных как для повелителей, которых они развращают, так и для народов, которых они притесняют.

Таковы обыкновенно эти люди, являющиеся предметом почитания народов, зависти дворянства, благосклонности и милостей государя, люди, вызывающие подозрения и опасения у всех остальных. Таковы эти смертные, которых принято называть *вельможами* и которые возвышаются лишь с помощью унижений и пресмыкательств; они стараются укрепить деспотическую власть своего повелителя лишь для того, чтобы безнаказанно предаваться собственным страстям. Они делают из государя божество только для того, чтобы угнетать подданных.

Таковы эти люди с черствыми душами, которые, утопая в изобилии и роскоши, с высоты своего величия оскорбляют бедноту и смеются над слезами и жалобами народов, чьи богатства они делят между собой. Они едва достаивают взглядом пищих тружеников, которые питают их и вскармливают своим трудом их тщеславие. Именно на вознаграждение этих людей за их порочную и бесполезную жизнь растрачивают достояние наций короли, всегда чувствующие себя недостаточно богатыми даже среди изобилия и жаждущие все новых и новых богатств. Народы же трудятся, не зная отдыха, чтобы пригревать на своей груди змей, высасывающих из них всю кровь и не знающих к ним жалости. Придворные и вельможи всегда смотрят на нацию как на покоренную страну, которую они могут по праву грабить.

Таковы «важные услуги», оказываемые придворным обществом, членом которого он является. Он склонен думать, что общество не может достаточно оплатить его усердие на службе государю, которого он так усиленно старается ослепить и развратить. Однако нередко случается, что колосс, вознесенный на слиш-

ком высокий пьедестал, обрушивается на головы поднявших его людей. Будучи всегда игрушкой непостоянства и интриг, придворный часто оказывается раздавленным тем самым идолом, которому он поклоняется. Деспоты, которых лезть придворных приравнивает к божествам, то и дело смещают своих министров и вельмож, и последние таким образом становятся жертвами ими же выпестованной тирании. Попав в немилость, придворный с большим опозданием обнаруживает, что свобода общества, уничтожению которой он всячески способствовал, была оплотом, который мог бы послужить защитой и ему самому. Если бы придворные не были трусами, народы были бы свободны, а тиранов не существовало бы.

§ XXXII. О судейском сословии

Каждый государь — лично или через посредство людей, являющихся исполнителями его воли, — должен от имени общества, вверившего ему власть, осуществлять над подданными правосудие. Во всех обществах судьи образуют сословие граждан, деятельность которых настолько полезна, что их необходимо выделить из общей среды. *Судьями* при любой форме правления называют тех, на кого возложена обязанность осуществлять правосудие над их согражданами, следить за соблюдением законов — одним словом, поддерживать порядок и спокойствие. Не будучи в состоянии — особенно в больших странах — лично осуществлять правосудие над всеми подданными, государи принуждены доверить часть своей власти нескольким более просвещенным и образованным, чем другие, людям, которые, став орудиями закона, разрешают споры и разногласия, обеспечивают неприкосновенность личности и имущества граждан, пресекают насилие, являются выразителями общественной воли и налагают на нарушителей законов наказания, каких они заслуживают.

Таким образом, в каждом государстве авторитет судьи и его власть исходят от власти государя, который в свою очередь является представителем власти

общества. Точно так же как государь не имеет права издавать несправедливые законы, а вправе лишь распространять, применять и истолковывать законы природы, судьи, будучи простыми исполнителями общественной воли, могут только применять законы к частным обстоятельствам и ни в коем случае не имеют права давать законам произвольное истолкование. Им не дано права устанавливать законы, они не обладают законодательной властью, им поручено лишь осуществление некоторых функций исполнительной власти, определяемых обычаем, специальными правилами либо просто здравым смыслом и интересами государства.

Столь благородные обязанности требуют от тех, кто их осуществляет, глубоких познаний, свободного от влияния страстей разума, беспристрастной справедливости. Когда общество очень велико и состоит из огромного количества индивидов, его деятельность значительно усложняется. Обстоятельства жизни граждан могут быть до бесконечности разнообразны. Разнообразие случаев, разбираемых судьей, потребовало бы создания новых законов для каждого сочетания частных обстоятельств; именно для того, чтобы дать судье возможность выйти из такого рода затруднений, общественная власть предоставляет ему право толковать и применять закон, исходя из разумных принципов справедливости и общих интересов.

Только человек с точными и верными суждениями, умеющий глубоко размышлять и, что особенно важно, обладающий душевной прямоотой, может стать служителем и проводником законов. Человек легкомысленный или порочный никогда не может стать честным и неподкупным судьей. Чтобы проникнуть за покровы, которыми люди обыкновенно стремятся скрыть свои страсти, необходимы пронизательность и сообразительность; судье необходимо знание человеческого сердца и естественных прав человека, но их изучение — занятие, требующее много времени и слишком часто пренебрегаемое теми, кто судит людей! Только безукоризненная честность, дополненная жизненным опытом, может указать способы справедливого применения правил, которые даже при самых мудрых правительствах могут

быть лишь самыми общими и неопределенными. Если законодательство требует только приложения к жизни законов нашей природы, важно знать эти первоначальные законы, вытекающие из природы человека.

Под властью справедливого правительства судьи, подчиненные единым законам, постоянным правилам и неизменному порядку судебного разбирательства, без препятствий осуществляют свои полезные обществу функции. Будучи и сами гражданами, они понимают стремления граждан; имея возможность близко соприкасаться с людьми и изучать потребности народов, они при отсутствии представителей нации в правительстве являются теми, из чьих уст добродетельный государь старается услышать правду, которую постоянно либо не знают, либо скрывают честолюбивые министры, льстецы-придворные и вельможи, слишком часто ставящие себя выше закона. Если Основной Закон общества и не связывает рук монарху, последний из осторожности все же будет советоваться с опытными гражданами, которые могут сообщить ему о трудностях и неудобствах, часто вытекающих из мероприятий, продиктованных самыми чистыми намерениями.

В странах, где воля общества специально не резервировала за собой часть верховной власти и где народы не представлены постоянным представительным органом, судьи, пользуясь доверием народов, обыкновенно знают об их потребностях и о злоупотреблениях, которые им приходится терпеть. И само собой получается так, что они совершенно естественным образом становятся своего рода необходимым защитным валом между верховной властью и свободой подданных. Народы воспринимают наиболее приемлемые для них идеи и убеждения от тех, на кого возложена обязанность осуществлять для них правосудие; народы надеются найти в этих людях больше справедливости, чем в государе, его министрах и фаворитах, от которых они слишком часто терпят одни насилия. Голос судьи является последним средством, остающимся у монарха, чтобы узнать желания своего народа, которые он никогда не может подавлять, не совершая преступления и не подвергаясь опасности.

Таким образом, при всяком правительстве судья должен занимать почетное и вместе с тем особое положение в обществе; он должен пользоваться уважением своих сограждан, будучи им полезен; он достоин внимания и уважения также и со стороны государя, который, проявляя уважение к судье, тем самым проявляет его к самому себе, поскольку судья выступает от имени государя и общества в целом.

Но этот почет, это уважение относится не к общественному положению, которое занимает судья. Уважение и награды подобают лишь тем людям, которые служат нации. Нерушимая любовь к справедливости, глубокое знание законов, неусыпная бдительность, непоколебимая преданность общему благу и общим интересам — вот качества, за которые народы согласны дарить свое уважение и любовь людям, возвышающимся над ними благодаря выполняемым ими обязанностям. Было бы проявлением смешного тщеславия требовать особых прав от государства, не будучи достойным их или пренебрегая выполнением неотделимых от этих прав обязанностей.

Для того чтобы судью уважали, надо, чтобы он прежде всего умел уважать себя сам. Как может он охранять чистоту общественных нравов, если его моральный облик и его поведение не безупречны? С каким лицом будет он от имени общества наказывать граждан за злоупотребления, в которых сам замешан? Хватит ли у него смелости выносить решения по вопросам, касающимся жизни, собственности, благополучия сограждан, если его беспутная жизнь отнимает у него то время, которое он должен посвятить глубокому исследованию их прав? Как может он быть справедливым, если сам пресмыкается перед влиятельными людьми и фавориты диктуют ему приговоры в их пользу? Как может он выступать от имени народов, если ему не известны ни потребности, ни стремления, ни права общества?

В условиях деспотизма судьи, будучи подчинены воле и прихотям непостоянных в своих требованиях и испорченных людей, лишены возможности следовать определенным правилам и порядку при ведении судебных

ных дел; изменчивые и непостоянные законы нуждаются для проведения их в жизнь в одних лишь ослепленных, невежественных и услужливых рабах. Для того чтобы быть орудиями и проводниками тирании, не нужны ни знания, ни способности. Изучение законов является излишним и бесполезным в стране, где прихоти и произвол, опирающийся на силу, — единственный известный гражданам закон, где благосклонность — тирана — единственный предмет желаний и стремлений, где чувство страха принуждает всех к молчанию.

Чем большей свободой пользуются народы, тем большим уважением подданных и доверием государей пользуются судьи. Под властью абсолютного властелина все рабы равны между собой; обычно он выделяет из них только тех, кто поддерживает его власть; ему не нравятся законы, как не нравятся и люди, которые проводят их в жизнь; ему неудобны силы, ставящие преграды его необузданным прихотям; суровая справедливость ненавистна его министрам и придворным.

Деспотизм хочет творить суд и расправу как ему вздумается: объявлять людей правыми или виноватыми, решать, что справедливо и что несправедливо, возвышать или уничтожать граждан, спасать преступных любимцев-фаворитов и губить невинных, являющихся его врагами. Деспотизм удовлетворен лишь тогда, когда он нарушает все законы и правила, когда он опрокидывает все алтари справедливости; в своем безумии он не видит, что обрекает самого себя на ужаснейшее возмездие и что под развалинами разрушенного им храма справедливости будут погребены одновременно и сам тиран, и его рабы.

§ XXXIII. О служителях религиозного культа

Среди подданных государства есть еще одно сословие, которое по занимаемому им в обществе положению, согласно воззрению народов и его собственным притязаниям заслуживает особого внимания правительства. Это *духовенство*. Духовное сословие, утверждающее, что его права и привилегии имеют небесное происхож-

дение, нередко управляло самими государями и решало судьбы наций.

Были времена, когда короли противопоставляли силу духовенства непомерному могуществу военных, вельмож и дворян, слишком выросшему и угрожавшему власти государей. Этой политике, а также набожности государей народы обязаны тем, что права священнослужителей расширились, а их доходы и могущество увеличились. Духовные руководители народов превратились в обладателей ленных поместий, стали вассалами государей. Иногда эти руководители сами временно становились государями; они, бесспорно, занимали первое место среди граждан, смешиваться с которыми им не позволяла гордость. В некоторых странах они имели даже свое войско и нередко осуществляли правосудие, т. е. выполняли такие функции и обладали такими правами, которые были несовместимы с их первоначальным назначением. Будучи предназначены самим своим положением к мирной деятельности, к роли наставников, они становились воинами; дав обет жить в бедности, они утопали в богатстве; существуя для того, чтобы заниматься всем, что связано с богом и небесами, они непрестанно вмешивались в земные дела. Короче говоря, эти представители небес являли собой на земле изумительное зрелище множества могущественных князей, выдававших себя за последователей людей, которые из принципа вели жизнь бедняков и были врагами всякого богатства. Возгордившись своей властью, они распространили ее на самих королей и в течение длинного ряда веков безнаказанно затемняли рассудок народов, слепо подчинявшихся их властным повелениям.

Мы вовсе не собираемся подвергать здесь исследованию ни подлинность прав, ни основания притязаний посланников небес. Удовольствуемся лишь указанием на то, что на земле все члены какого-либо общества с необходимостью являются его подданными; все они в равной мере должны подчиняться власти и законам, являющимся выражением общественной воли; все они обязаны соразмерно с предоставляемыми им преимуществами содействовать благополучию, силе,

прочности и процветанию государства, благодеяниями которого пользуются; все они должны быть согласны разделить с обществом не только счастье, но и бедствия, которые выпадают на его долю.

Мы прежде всего люди, а потом уже верующие; человек становится гражданином прежде, чем стать лицом духовного звания. Никакие законы неба не могут дать гражданину право нарушить обязательные для всех общественные законы и противопоставить свои интересы интересам общества, которое оказывает ему защиту, обеспечивает средства существования, безопасность, изобилие и почести. Если нация верит в то, что религиозные догматы или обряды необходимы для ее счастья, она, несомненно, желает, чтобы люди, выполняющие эти обряды и возвещающие эти догматы, получали вознаграждение за оказываемые ими обществу услуги. При этом вознаграждение соответствует представлениям людей об их потребности в священнослужителях, убеждению, которое они составляют себе о преимуществах, обеспечиваемых священниками, — одним словом, степени почитания, проявляемого народами к служителям религии.

Чем люди грубее и неотесаннее, тем они суевернее; чем более грозен бог, тем больше почитаемы его служители. Опыт всех времен показывает нам, что служители религии всегда имели наибольшее влияние в наименее просвещенных обществах. Люди всегда только по причине своего невежества задаривали представителей духовенства деньгами и осыпали их благодеяниями и почестями. Вера в полезность этих священных особ основана лишь на неверных представлениях и страхе народов. Но представления народов подвержены изменениям, что обусловило изменение участи служителей алтаря. Поэтому общества или лица, которым они доверяли осуществление власти, были вправе приводить предоставляемые ими священникам вознаграждения и оказываемые им милости в соответствие с религиозными убеждениями и с потребностью, которую нации имели или считали, что имеют, в поддержании этих убеждений. Нация возымела желание поощрять или вознаграждать праздность лишь после того, как

она вообразила, будто подобная праздность принесет ей какую-то пользу.

Когда, освободившись от предрассудков, нация убеждается в своих ошибках, когда у нее открываются глаза и она отказывается от взглядов, в плену которых находились ее предки, она, несомненно, имеет право лишить своих благоденствий тех, кто вводил ее в заблуждение, и выступить против их деятельности — одним словом, пересмотреть те неразумные мероприятия, которые создают для нее лишь неудобства. Разум не позволяет сомневаться в том, что общество или власть, которая его представляет, имеет право распорядиться собственностью духовенства тем способом, какой она сочтет наиболее полезным для народов, наиболее сообразным с их образом мышления и с их нынешними потребностями. Это имущество было предоставлено церкви лишь при таких обстоятельствах и по таким соображениям, которые должны были со временем исчезнуть; когда соответствующие условия перестают существовать, никакие повеления не в состоянии сохранить эту собственность за людьми, которые злоупотребляют ею, став бесполезными или вредными государству. Нация вступает тогда в свои права и может возратить себе те богатства, уступить которые ее заставило только безумие.

Не менее очевидно, что верховная власть имеет право повелевать всеми гражданами без различия, пресекать их злоупотребления и наказывать их в соответствии с законами. Если бы верховная власть позволила некоторым членам общества безнаказанно наносить ему вред, носить и обирать его, это было бы противно сущности общественного союза. Общество было бы безумно, если бы пригревало на своей груди неблагодарных детей, довольных тем, что они кормятся за его счет, но отказывающихся оказать ему помощь, когда оно в ней нуждается.

Почти во всех европейских странах духовенство образует инородное тело внутри государства, поскольку оно отказывается зависеть от государства и следует своим особым законам, отличным от тех, которым подвластны все остальные граждане. Духовенство ставит

власть главы церкви выше власти государя и власти нации, а законоположения и правила, которых оно придерживается, часто находятся в противоречии с законодательством и правилами общества.

Бесчисленные примеры из всех периодов истории доказывают, как много затруднений создает сословный дух этой антиобщественной касты; однако всепобеждающие предрассудки часто заставляют государей и народы закрывать глаза на свои самые насущные интересы: они считали бы себя совершившими святотатство нечестивцами, посягнув на личную свободу или владения бесполезных людей, которых праздность часто делает порочными, богатство — надменными, безнаказанность — безрассудно дерзкими. Государству следует повелевать духовенством; духовенство же никогда не должно господствовать над государством.

Если подобные правила кажутся возмутительными высокомерным людям, права которых основаны лишь на легковерии народов и праздность которых заставляют вознаграждать одни предрассудки, им следует сказать, что здравая политика никогда не признает их надменных притязаний, что народы, избавившиеся от своих заблуждений, вправе меньшей ценой оплачивать мнимые услуги, оказываемые им священнослужителями. Если бы эти последние отказались признать права общества, благодеяниями которого пользуются, разве общество не было бы вправе отослать их для получения средств существования к тем богам, от которых, по их утверждениям, исходят их права? Почему общество обязано награждать и почитать паразитов, привязанность которых к государству выражается лишь в том, что они объедают его и нарушают его законы.

Какой упадок энергии должно вызвать у трудолюбивых земледельцев и у всех полезных обществу граждан существование множества ленивых обитателей монастырей — монахов, не занятых никаким полезным для нации трудом, но пожирающих пищу, добытую их согражданами, существование бездельников, которые, опираясь на захваченные посредством обмана права, обязывают всех остальных членов общества платить им обременительные подати! Должен ли земле-

делец корчевать и распахивать невозделанные земли для того, чтобы отдавать свой скудный урожай жадным людям, не представляющим никакой ценности ни для государства, ни для него самого?

Подданный, желающий, чтобы его считали гражданином, независимо от его общественного положения должен быть послушным государству и оказывать ему какие-то услуги; он лишь в том случае заслуживает поощрения, когда служит обществу. Общественное положение, уважение, привилегии и богатства являются вознаграждениями, которыми народы, если они разумны, могут одарять кого-либо только за доставляемые им блага, за приносимую им пользу. Привилегии, которыми наделяют граждан, превращаются в злоупотребления, если в них отказывают служащим обществу талантливым людям и наугад раздают их тем, кто занимается вымогательствами или распространением предрассудков. Нация становится жертвой заблуждения, если отдает свое уважение людям или сословиям, не приносящим ей никакой пользы.

Государь является, без сомнения, самым уважаемым из граждан, когда он больше всех содействует счастьем нации. Земледелец, ремесленник, торговец, писатель будут дороги обществу, трудясь ради его блага. Государственный деятель, военный, дворянин, представитель народа будут пользоваться уважением общества, заботясь о его безопасности. Общество будет уважать своих судей, поскольку их деятельность принесет ему пользу. Общество будет уважать и обогащать своих священников лишь в том случае, если его предрассудки сделают этих священников необходимыми для него.

Господство ложных воззрений может продолжаться лишь до тех пор, пока люди остаются невежественными; как только они станут более разумны, они расстанутся со своими пустыми фантазиями. Пока общество переживает период детства, легковерные народы, нуждающиеся в чудесах и сказках, больше всего дорожат сказочниками; но мало-помалу эта ребяческая наивность исчезает, и ее место начинают занимать более серьезные интересы.

Государи, не обладающие ни знаниями, ни добродетелями, полагали, что религиозные верования могут принести им весьма значительную пользу, считая их способными упрочить свою власть в сознании подданных. Более мудрые и справедливые государи будут знать, что ложь не может служить ничему доброму; они убедятся, что хорошие законы и реальные благодеяния, равно как и внимательное отношение к делу управления, сделают их царствование над людьми более прочным, чем все фантазии и домыслы религиозного суеверия. Духовенство, бесчисленное количество раз нарушавшее мирную жизнь империй, полезно только тиранам, ставя их под защиту божества; оно бесполезно для достойных государей, которым нечего страшиться; оно бесполезно для всех здравомыслящих граждан, которые находят в разуме гораздо более верного руководителя, чем в темных и невразумительных учениях, тайнах и загадках служителей религии. Трон, опирающийся на церковь, в любое время может быть поколеблен служителями религии; трон, опорой которого является справедливость, доброта и привязанность народов, не может быть поколеблен.

Государь и его подданные имеют общие интересы, которые никогда не могут быть разделены без опасности для всего политического организма. Счастье и могущество государства зависят от согласия и гармонии между его главой и остальными гражданами. Государь может быть счастлив и могуществен, только властвуя над довольным своей судьбой народом. Подданные могут достигнуть счастья, лишь добровольно объединяя свои усилия, чтобы обеспечить блага, к которым они стремятся, или отразить опасности, которые им угрожают.

Между тем мы видим, что из-за незнания самых очевидных принципов политики государи почти во всех странах изолируют себя, постоянно находясь в кругу приближенных, и живут интересами, совершенно противоположными интересам народов, которыми они управляют. Отсюда проистекают все бедствия стран, в которых царят деспотизм и тирания, рано или поздно хоронящие под развалинами государства

и государей, и их подданных. Большинство государств представляют собой уродливые объединения, члены которых совершенно не связаны с их руководителями и не согласуют между собой ни одно из своих действий. Кажется, будто государи следуют неосуществимому плану найти счастье лишь для себя, превратив подданных в несчастных; последние же, разделившись на различные ненавидящие друг друга классы, питают друг к другу презрение или ненависть, не трудясь совместно, не объединяя своих усилий и не оказывая никакого сопротивления ударам, наносимым им тиранией. Каждый класс граждан образует отдельное обособленное сословие, члены которого находятся в постоянных раздорах. Спесивое дворянство считает постыдным для себя участие в общем деле с народом, которого оно гнушается, относясь к нему свысока. Военные в союзе с государем считают, что они не связаны с согражданами никакими узами. Духовенство, отрешившееся от мира сего, иными словами от связующих его с обществом уз, помышляет только о том, чтобы сохранить свои права, незаконно захваченные у народов и государей. Вследствие этого опасного разделения нации становятся легкой добычей деспотизма, который и поработывает их. Всякое сословие, отделяющее свои интересы от интересов нации, рано или поздно будет поработано. Всякий гражданин, который отделяется от своих сограждан, заслуживает участи раба.

**О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ,
О НЕОГРАНИЧЕННОЙ МОНАРХИИ,
О ДЕСПОТИЗМЕ И ТИРАНИИ**

I. Определение деспотизма

Все люди стремятся к счастью, но лишь немногим дано насладиться им. Ни одно общество не может быть счастливо без свободы; тем не менее в силу печального рока почти все нации стонут в оковах. Обширнейшие страны подчинены произволу небольшого числа смертных, на милость которых словно самой судьбой отданы все остальные люди. Куда бы мы ни устремили свой взор на земле: будь то ледяные просторы севера, зоны умеренного климата или страны, обогреваемые лучами палящего солнца, — повсюду мы видим народы, подчиненные безжалостным чудовищам, которые правят ими железной рукой. Миллионы людей кажутся рожденными лишь для того, чтобы трудиться ради благополучия одного человека, возмнившего себя богом и убежденного в том, что он ничем не обязан ни гражданам, которых считает низшими существами, ни обществу, от которого получил власть. Он воображает, будто ему все дозволено, будто самые священные законы природы созданы лишь затем, чтобы уступать его капризам, — словом, будто ему одному принадлежит право наносить вред всем, в то время как никому не дано даже права роптать на это.

Деспотизм — это узурпированная власть, основанная на абсурдном притязании, будто любая воля государя должна стать законом для общества. Когда эта воля несправедлива, она представляет собой не что иное, как *тиранию*. Тиран — это государь, который силой принуждает общество склониться перед своей волей и подчиниться своим несправедливым прихотям, осуществляя таким образом свои деспотические притязания. Чтобы быть государем, а не тираном, надо лишь взять на себя труд установить определенные законы, и повелители, не делающие этого, просто глупы.

Почти все, кто правит людьми, хотят осуществлять над ними ничем не ограниченную власть; в то же время они приходят в ужас, когда их называют *деспотами* и *тиранами*, будучи не в силах скрыть от самих себя, насколько одиозны подобные «титуты». При самых развращенных государях есть подданные, которые пользуются их благосклонностью, разделяют со своими повелителями выгоды от угнетения граждан, но относятся нетерпимо к тому, что их называют так, как они заслуживают. Даже самая развращенная и порочная власть всегда находит приверженцев и защитников.

С другой стороны, каждый недостойный и злонамеренный человек считает себя вправе быть недовольным правительством, которое сдерживает его страсти или не разделяет его безнравственных взглядов; в этом случае он жалуется на то, что живет при деспотизме. Более того, находятся люди, которые именуют тиранами самых добродетельных государей, стоит только последним с неодобрением отнестись к их идеям, отказаться пойти на уступки их страстям, их фанатизму, их исступленной нетерпимости в вопросах религии или помешать им наносить ущерб обществу. Порочный человек считает законной любую власть, которая покровительствует его распущенности и его заблуждениям, и рассматривает как тирана всякого, кто стремится их пресечь. Чтобы исключить какую бы то ни было двусмысленность, попытаемся раскрыть истинное содержание понятия *тирания*.

§ II. О тирании

Тиран — это государь, злоупотребляющий общественной властью с целью подчинить общество своим страстям, которыми он подменяет законы. Вообще тирания — это несправедливость, опирающаяся на силу. Она не является особенностью какой-либо одной из форм правления. При демократии народ чаще всего превращается в неразумного тирана, не признающего иных законов, кроме прихотей, которые кто-либо сумел ему внушить. В столь восхваляемом народе, изгнавшем Аристида, Мильтиада и Кимона, заставившем отравиться Сократа, предавшем пытке Фокиона, я вижу лишь неблагоприятного, несправедливого и бесчеловечного тирана¹; в спартамцах, которые с такой изощренной жестокостью обращались со своими илотами², — лишь гнусных чудовищ; наконец, в римском сенате, угнетавшем не только граждан Рима, но и жителей всех остальных земель империи, — лишь сборище тиранов, покоривших множество других тиранов.

Аристократия чаще всего представляет собой тиранию нескольких граждан, объединившихся для подчинения всех остальных членов общества своим личным интересам. Венецианские *государственные инквизиторы* являются тиранами, уполномоченными сенатом при малейшем подозрении подвергать обвинению и уничтожать всех, кто мог бы помешать правлению этих недоверчивых правителей. При правительстве смешанного типа тирания может возникнуть, если одно из сословий, между которыми разделена верховная власть, воспользуется этой властью для того, чтобы притеснять другие сословия. Наконец, монархия вырождается в тиранию, как только монарх использует власть, доверенную ему народом, чтобы подчинить законы своим несправедливым прихотям.

Общество оказывается во власти тирании, как только справедливость перестает повелевать им, будучи вынуждена склониться перед человеческими страстями.

§ III. Признаки тирании

Каковы же характерные черты, по которым общество может распознать тиранию? По каким признакам можно определить, что правители злоупотребляют властью? Тирания — это стремление удовлетворять личные страсти, вместо того чтобы следовать законам природы и заботиться об интересах общества. Тирания — это порабощение нации с помощью тех самых сил, которые нация доверила главе государства в интересах собственной безопасности. Тирания — это противозаконное поповзновение стать господином над жизнью, личностью, свободой, имуществом подданных. Тирания — это ничем не оправданное пролитие человеческой крови и расточение народных богатств. Тирания — это покушение на человеческую совесть и насильственное подчинение ее своей религии, своим взглядам, предрассудкам и предубеждениям. Тирания — это принуждение, к которому прибегают для того, чтобы заставлять закон умолкать, когда этого требуют интересы власть имущих, и в то же время использовать его же для удушения всех остальных. Тирания — это лишение добродетельных и заслуженных людей наград, которых они достойны, с тем чтобы предоставить эти награды людям бесполезным и преступным. Наконец, тирания — это стремление властвовать над нацией против ее воли.

Таковы важнейшие общие понятия о тирании, которыми общество в соответствии с требованиями разума и справедливости должно руководствоваться в своих суждениях. Посмотрим теперь, что же порождает эту весьма распространенную страсть, это стремление всех монархов к такой власти над людьми, одно название которой приводит последних в ужас, но которая, несмотря на гибельность ее последствий для самих тиранов, представляется им тем не менее столь заманчивой.

§ IV. О стремлении к господству

Желание стать выше других людей и обеспечить себе господство над ними — естественная, присущая

каждому человеку склонность, которая основана на характерной для всех представителей человеческого рода любви к самим себе, которая побуждает нас постоянно стремиться к тому, чтобы заставить других трудиться ради нашего блага, удовлетворять наши желания, доставлять нам удовольствия. Большинство людей стремится осуществлять всю полноту власти над окружающими. Разве не сплошь и рядом отец семейства заставляет жену, детей, слуг — всех, кто зависит от него, переносить свои самые несправедливые капризы? Всякий человек, не сдерживаемый просвещением и разумом, является врагом свободы других людей; он страшится того, что независимость, если ею пользуются другие, может лишить его самого услуг и помощи, которые он хотел бы от них получить; ему кажется, что сила скорее заставит их служить его целям. Человек, сильнее других влюбленный в собственную свободу, часто является тираном, когда дело касается свободы подчиненных ему людей. Половина человеческого рода вынуждена стонать под гнетом другой половины.

Свойственное каждому человеку стремление господствовать заставляет его выступать против любви к свободе и независимости, воодушевляющей других людей и в равной мере присущей им всем от природы. Поэтому существует постоянный конфликт между различными членами общества. Никто не согласен подчиняться другому, если это ему невыгодно, т. е. если у него нет надежды извлечь пользу из своего подчинения. Таким образом, надежда человека на счастье приводит к тому, что любовь к независимости приносится им в жертву, но это происходит только при определенных условиях: никто безвозмездно не отрекается от прав, дарованных ему природой; никто не соглашается на подчинение без расчета на выгоду. Каждому человеку хотелось бы сохранить свою свободу; каждый человек упорно сопротивляется всякому, кто стремится подчинить его; сила или хитрость решают исход борьбы между страстью к господству и стремлением остаться свободным, причем обе склонности в равной мере присущи людям от природы.

Между нациями и теми, кто ими управляет, происходит такая же борьба, как и между отдельными индивидами. Каждый член общества хочет быть свободен, таково же и стремление общества в целом. Но интересы, страсти, идеи отдельных членов общества, редко согласных между собой, мешают им объединиться, чтобы действовать сообща и противопоставить достаточно мощную преграду прихотям государя, упорно преследующего личные цели и разобщающего подданных для того, чтобы легче заставить их служить этим целям.

Поэтому борьба между народами и их правителями всегда является в высшей степени неравной. В самом деле государям, располагающим по своему усмотрению всеми силами и богатствами государства, без труда удается найти средства для того, чтобы привлечь к участию в своих интригах запуганных или подкупленных людей, чьи продажные услуги помогают властителям подчинить себе и остальных граждан. Личные интересы людей порождают между ними раздоры, заставляющие их забывать об общих интересах, и не дают им возможности сообща предпринять что-либо, чтобы остановить посягательства своих правителей. Вследствие подобного разобщения интересов на земле очень мало стран, в которых добродетельный человек мог бы спокойно наслаждаться жизнью и ее благами, будучи уверенным, что и то и другое принадлежит ему и никогда не станет добычей узурпатора.

§ V. Происхождение деспотизма

Идолопоклонство повергло первого ваятеля к подножию изображения, которое он создал своими руками. Религиозное суеверие повергло народы к стопам их повелителей, которых они также создали сами.

Какие бы усилия ни предпринимали государи и их приближенные, чтобы захватить в свои руки неограниченную власть и лишить свободы остальную часть нации, — они, быть может, никогда не смогли бы полностью поработить ее, если бы им не пришли на помощь невежество и заблуждения. Земная власть получила поддержку со стороны религиозных суеверий, в основе

которых лежит страх народов перед незримыми силами, будто бы управляющими природой. Суеверия затмили человеческий рассудок, притупили в людях способность к мышлению и заставили их привыкнуть к ярму, которое отвергал их разум; религиозные заблуждения закрепили и упрочили то, что было сделано насильем. Таким образом, именно суеверие совершило это чудо; ужас перед сверхъестественным удвоил естественную робость перед силой. Народы, привыкшие трепетать перед жестокостью варваров-вождей, испытывали еще больший страх перед богами, благословлявшими эту жестокость.

§ VI. Причины рабства

Люди являются рабами только потому, что они робки, невежественны и безрассудны. Если в каких-либо странах и царит свобода, это происходит там, где верховная власть принадлежит разуму. Поэтому не следует приписывать одному лишь климату происхождение рабства, под игом которого стонет большая часть народов³. Жители знойных пустынь Ливии, плодородных равнин Азии и лесов морозного Севера одинаково послушны обожеествленным деспотам. Хотя суеверия разных народов сильно различаются между собой, всем этим заблуждениям свойственно усыплять народы, сохраняя их невежество и их оковы. Как можно думать, что климат является единственной причиной порабощения народов? Можно ли утверждать, будто солнце, обогревавшее греков и римлян, в прошлом столь ревностно оберегавших свою свободу, в наше время не бросает все тех же лучей на их выродившихся потомков? Разве их руки не обрабатывают и в наши дни поля, когда-то политые кровью их благородных предков? Не попирают ли эти униженные рабы своими ногами памятники прославленных отцов?

Нет, люди оказываются под гнетом деспотизма не из-за того или другого климата. Деспотизм проникает в общество посредством силы и хитрости, он водворяется и поддерживается насильем, обманом и в особенности суевериями; только религиозные суеверия

могут, преградив людям доступ к знаниям, запретить им следовать велениям разума; только они способны заставить людей отречься от законов собственной природы, от своего достоинства и своих неотъемлемых прав; обманывая людей от имени богов, суеверия заставляют их трепетать у ног королей.

§ VII. Следствия религиозных суеверий

Только освященный религией бред мог внушить существам, любящим свободу и постоянно ищущим счастья, будто носители общественной власти получили от богов право поработить их и сделать несчастными. Потребовались религиозные учения, которые изображали божество в образе тирана, чтобы заставить людей поверить, будто несправедливые тираны являются представителями божества на земле. Надо было совершенно ослепить людей, чтобы они не могли отличить власть от злоупотребления властью, закон — от каприза, насилие — от права, справедливость — от несправедливости. Не может быть сомнений в том, что именно такое опьянение наций религиозным дурманом дало королям возможность обманым путем настоять на обязательствах, столь выгодных для них и столь пагубных для несчастных народов, с которыми, по утверждению государей, эти соглашения были якобы заключены. Короли убедили себя, что ни природа, ни разум, ни время, ни воля народов, ни сама необходимость не в состоянии уничтожить этот коварный договор. Таким образом, короли присвоили себе право безнаказанно быть несправедливыми, не переставая вершить судьбы народов; запуганные народы редко осмеливались прекословить небесным владыкам, которых земные правители использовали для того, чтобы держать народы в ярме.

Голос лжи взывал к людям: «Безропотно подчиняйтесь привилегированным существам, которые поставлены над вами разгневанными богами; заглушите голос непокорной природы, которая призывает вас к самосохранению, разрешает вам защищаться и требует, чтобы вы искали счастья. Отрекийтесь от преступного

разума; пусть он не подвергает сомнению освященные небом права. Ваша кровь, ваше существование, ваша жизнь принадлежат смертному, избранному высшими силами для того, чтобы управлять вами; он будет иметь праго делать вас несчастными; он станет исполнителем божественного мщения и орудием гнева всевышнего; вы же лишитесь даже права сетовать на свою судьбу. Если же вследствие вашей дерзости вы вздумаете усомниться в этих прорицаниях, то в этом мире вас будут преследовать огонь и железо, а в загробном наказании за ваше святотатственное непослушание будут вечные муки».

Подавленный сомнениями, закосневший в предрассудках человек терпеливо нес свои цепи; он заставлял молчать свой разум, противился желанию улучшить свой удел, боялся усугубить свои несчастья, вместо того чтобы их облегчить, и относился к этим несчастьям, являющимся неизбежным следствием страстей и безумств его несправедливых повелителей, как к исходящему от небес наказанию, которому надо со смиренным подчиниться. Когда счастливый случай посылал ему более человечных и разумных государей, он благодарил за это богов; когда судьба ставила над ним тиранов, он принимал это за божий бич, за кару небес, справедливо разгневанных его грехами. Так человек становился все более и более слепым и суеверным. Тирания и суеверие почти всегда поддерживают и питают друг друга.

Вот каким образом почти все народы земли дошли до такой слабости и апатии, до такого оупения и вялости, что стали почти совсем бесчувственны к бедствиям, которые им постоянно приходится испытывать.

§ VIII. Гордыня деспота

Всякий человек, вкусивший власти, склонен считать себя привилегированным существом. Возможность постоянно наслаждаться счастьем делает его нечувствительным к несчастьям других людей, его сердце становится черствым, безнаказанность придает ему смелость, рас-

чищая путь к преступлению, успех его предприятий вселяет в него надменную гордость. В конце концов он убеждает себя в том, что он не таков, как все прочие смертные, пресмыкающиеся у его ног, и начинает презирать их. Что может заставить его заботиться о счастье людей, когда он дошел до того, что стал считать себе подобных ничтожными и достойными презрения существами? Как мог он думать, что чем-то обязан им? Эти надменные чувства укрепляются в нем благодаря тому, что его собственный опыт не дает ему никакого представления о нищете. Всякий смертный, которому никогда не приходилось испытать чашу горя, не может испытывать сострадания к обездоленным: счастливый человек является обычно существом бессердечным. Во что же должен превратиться государь, у которого бессердечное отношение к людям привито воспитанием и закреплено привычкой? Разве уроки окружающих его с детства презренных льстецов, которые на его глазах раболепствуют и пресмыкаются перед ним, способны сдерживать его страсти? С самого нежного детского возраста он окружен развратителями, неустанно твердящими ему, что он — все, а народ — ничто; он слышит только рабов, которые повествуют ему о его собственном величии и о ничтожестве всех других людей; он видит лишь порочных придворных, которые развращают его в надежде извлечь выгоду из его дурных наклонностей; он прислушивается лишь к голосу священников, которые держат его в неведении относительно его обязанностей и отравляют его сознание предрассудками; он не знает иных добродетелей, кроме тех, которые внушают ему фанатики, сами не имеющие о них ни малейшего представления. Он видит вокруг себя лишь людей, разжиревших на крови народа и скрывающих от него картину тех несчастий, причиной которых явились они сами. Какие счастливые наклонности могли бы противостоять натиску такого количества людей, объединившихся, чтобы развратить государя! Было бы чудом, если бы он не превратился в чудовище гордыни и равнодушия. Если бы не существовало льстецов, разве на земле было бы так много тиранов?

Воспитанные своевольными и не знающими каких бы то ни было обязанностей, деспоты становятся законенными врагами своих подданных и приносят им одни бедствия. Стремясь добиться, чтобы преклонение перед ними все время возрастало, они уединяются в своих дворцах и делаются невидимыми, как боги. Вялые и бесчувственные от чрезмерной изнеженности, они даже и не помышляют о необходимости заниматься тяжким трудом управления, предаваясь праздности, лени и разврату. Многие нации были совершенно разорены только для того, чтобы удовлетворить сумасбродные прихоти скучающих тиранов и жадность их министров, поддержать оскорбительную для обездоленного народа роскошь королевских дворов. Из всех атрибутов божества, право представлять которое приписали себе эти недостойные властелины, они забыли проявить только доброту, гуманность и справедливость. Привыкнув с детства гнушаться людьми и считать себя сверхъестественными существами, они не обращали внимания на презренную толпу. В каждом обществе существовал, казалось, лишь один человек; общество работало только на него, в то время как он ничего не делал для общества. Если такой тиран и вспоминал об обществе, то лишь затем, чтобы отягчить его несчастья, сделать его цепи еще более тяжелыми, изобрести хитрые способы усиления его страданий.

Ожесточившись под влиянием гордости и лести, деспот не щадил ни жизни своих подданных, ни их владений; будучи узурпатором, которого ничто не могло сдерживать, он рассматривал людей как простые ступеньки, созданные для того, чтобы вести туда, куда влечет его честолюбие. Под самыми ничтожными предложениями он без каких бы то ни было угрызений совести предпринимал столь же бесцельные, сколь и жестокие войны. Для подданных абсолютного властелина нет ничего более святого, чем его самые сумасбродные прихоти. Они считают за честь погибнуть по приказанию деспота, им кажется высшей славой возможность посвятить свою жизнь служению деспоту, все их действия преследуют только одну цель — удовлетворение его желаний; граждане униженной и обещен-

ной нации отличаются тем, что проявляют особое усердие в стремлении нравиться своему господину или повиноваться ему. Единственным источником удовлетворения честолюбия подвергнутого унижению народа является возможность стать соучастником пустой и суетной славы тирана. Этот последний, увенчанный лаврами, равно окропленными кровью его врагов и его подданных, правит еще более дерзко и беззастенчиво в своих владениях, обезлюдевших, истощенных и несчастных, несмотря на его победы.

§ IX. Слабость деспота

Доброта деспота часто еще более пагубна для народов, чем его злонамеренность. Подданные не станут более счастливы от того, что неограниченная власть окажется в руках беспечного и лишённого твердости монарха, хотя бы сам он и был справедлив, добр и отзывчив. В этом случае нация без ведома своего правителя стонет под гнетом подвластных ему мелких тиранов, которым доверено управление. Безволие и бездеятельность, обыкновенно прививаемые монархам воспитанием, обрекают их на подчинение власти нескольких фаворитов, которые делают бесполезными добродетели государей и используют их слабости только в своих личных интересах. Заботясь о том, чтобы обеспечить себе благосклонность владык и подчинить их своему влиянию, а также стремясь одновременно держать народы в ярме, эти министры заняты в сущности только самими собой; нации становятся жертвами их заговоров и интриг, целью которых является лишь возрастание их собственного значения. При таком деспоте истина и добродетель далеки от трона; богатства общества расходуются лишь на удовлетворение алчности царедворцев и награждение льстецов, бездельников и любовниц тех, кто распоряжается милостями и наградами. Силы государства непрерывно истощаются легкомысленными и недалекими людьми, которых ежеминутно то возвышает, то ниспровергает благосклонность монарха. Кто возьмет на себя тягостную заботу об отборе талантов, когда лишь невежество и интриги

решают вопрос о заслугах и распределяют выгодные места? Войны затеваются лишь для удовлетворения капризов и тщеславия нескольких великих мира сего; в управлении не существует никакой системы, в планах — никакой последовательности, в руководстве — никакой логики; нация ежеминутно становится игрушкой заговоров министров и беспечности государя. К чему все его добродетели, если ничто не сдерживает несправедливости и неистовства тех, кто его представляет?

§ X. Абсурдные принципы деспотизма

Деспотизм принимает за правило, что его приказы не только не должны встречать сопротивления ни при каких обстоятельствах, но что *власть вообще никогда не должна идти на уступки*. Однако разве уступка разуму является слабостью или может быть постыдной? Разве признать свои ошибки не более благородно и достойно славы, чем глупо упорствовать в заведомых безумствах? Существует ли такой государь, который при условии чистосердечного признания своих случайных ошибок не стал бы во сто крат более уважаемым в глазах народа, чем в том случае, когда он упорствует в несправедливости? Но, опасаясь заслужить презрение людей, деспоты заслуживают их ненависть; по примеру непогрешимых служителей религиозного культа они никогда не хотят признаться в том, что могли ошибиться; они боятся, как бы их повеления не потеряли характер непогрешимых, исходящих от самих богов прорицаний.

И хотя эти повеления являются обычно лишь продуктом страстей, интриг и личного расположения, какие бы последствия они ни имели, сколь бы тягостны для народов, возмутительны и противоречивы они ни были, их всегда выполняют, считая их непреложными. Власть деспота никогда не склоняется и не отступает перед справедливостью; при ней всякий действующий от имени деспота должен получить поддержку; всякий, кто его представляет, должен, как и сам деспот, считаться озаренным свыше; как только подданные осмеливаются роптать, их объявляют пре-

ступными и мятежными. В силу такой чудовищной политики народы беспрестанно стонут под игом тех, кто облечен властью; последние же всегда уверены в том, что найдут поддержку, каким бы притеснениям они ни подвергали граждан. При несправедливом правительстве слабые и угнетенные всегда оказываются неправы. Всю нацию объявляют мятежной, если считают необходимым оказать поддержку преступлению или безрассудству даже мелкого тирана.

§ XI. Безумства деспотизма

Таковы результаты господства деспотизма, таковы последствия власти, совершенно несдерживаемой законами. Чего же можно ожидать, если государем является лишенный всякой человечности свирепый тиран, если он сознательно заставляет народы страдать из-за своих дурных склонностей, будучи согласен стать предметом ненависти подданных, лишь бы внушить им страх,— одним словом, если его бесстыдство доходит до того, что он не краснеет ни перед каким злодеянием! Чего другого можно ожидать, если верховная власть находится в руках последовательно осуществляющих тиранию людей, которые вознамерились превратить своих подданных в несчастных, чтобы сделать их более податливыми и покорными! Чего можно ожидать, если эта власть досталась честолюбивому завоевателю, которому кровь его рабов нужна только для приобретения лавров триумфатора и покорения новых государств! Все эти последствия деспотизма оказываются еще более губительными, когда косность и продолжительное рабство ослабляют государство. Ибо не следует заблуждаться: деспотическая власть не может обладать ни реальной силой, ни могуществом, ни внутренним единством; во всех своих действиях она руководствуется лишь запальчивостью, капризом и невежеством. Когда власть находится в руках жестокого правительства, то все, что совершается последним, отмечено жестокостью. Законы, нравы, обычаи изменяются почти мгновенно. Нет ничего устойчивого и постоянного под властью человека,

воля которого всегда изменчива и которому нельзя не подчиняться. Его воля постоянно направлена на то, чтобы разрушать, а затем восстанавливать то, что неблагоприятно разрушено. Наследующим друг другу государям никогда не бывают свойственны одни и те же устремления; смерть неограниченного монарха в одно мгновение изменяет судьбу народа; народ вынужден изменять образ жизни под влиянием следующих друг за другом внезапных потрясений, совершающихся по прихоти его нового правителя; он принужден следовать указанным ему властелином путем. При воинственном монархе все служат войне; если монарх — раб суеверия, все становятся или делают вид, что становятся благочестивыми. Если монарху свойственно пристрастие к роскоши и парадности, народ вынужден оплачивать их своим потом. Если случайно окажется, что монарх — человек просвещенный или что ему помогает искусный министр, то невежественный преемник, завистливые или бесталанные министры сочтут за честь сделать бесполезным его труд и действовать во всем наперекор своему предшественнику. Если он надменен, все трепещут. Если он слаб, все становятся жертвами анархии. Одним словом, государство, находящееся под властью деспота, никогда не займет положения, которое может дать ему правительство со стабильными законами.

§ XII. Могущество деспота непрочное

Как бы широко ни простирались границы деспотического государства, как бы ни были многочисленны его армии, велики его богатства и плодородны его земли, все эти преимущества, как показывает опыт времен, становятся бесполезными для народов из-за безумия тех, кто стоит у власти. Кратковременные успехи такого государства можно сравнить с пролетающими метеорами, ибо деспот всегда кончает тем, что терпит неудачу во всех своих начинаниях. Армиями, состоящими из рабов, командуют его бездарные фавориты. Военные, не пользующиеся никаким уважением, в своих действиях не знают иных побудительных

мотивов, кроме мнимой чести, основанной в действительности лишь на тщеславии. Государственные богатства расхищаются расточительными министрами и используются лишь для удовлетворения жажды роскоши и обеспечения легкомысленного образа жизни нескольких куртизанок и царедворцев. Награды не достаются тем, кто их действительно заслуживает. Они становятся платой низким угодникам за то, что последние не стыдятся оказывать уважение и почести порочным, развращенным властелинам и их приближенным. Талантливых, просвещенных и добродетельных людей не замечают, их обходят или подвергают карам, потому что их достоинства неведомы деспоту и тем, на кого он опирается. Одаренные люди только стесняют приспешников деспота и кажутся им беспокорными. Разве может ревнивая бездарность оказывать покровительство талантам, которые набрасывают на нее тень. Разве может клеветник доискиваться истины, которая раскрыла бы его интриги? Разве подлые души и закоснелые в преступлениях сердца способны справедливо оценить величие души и другие добродетели, которые могли бы заставить их краснеть? Истинные таланты находят поддержку только у таких государей, которые сами обладают талантами и умеют распознавать их в других. Только эти государи могут оказать талантливому человеку содействие и приблизить его к трону.

§ XIII. Патриотизм несовместим с деспотизмом

При господстве деспота подданные не имеют отечества. Такой повелитель, естественно, склонен только препятствовать проявлению энергии людей, величия души, стремления к истинной славе, любви к общественному благу. Подданным поработенной деспотом страны неизвестно высокое горение, которым охвачены сердца граждан свободного народа. Да и какие интересы могли бы воодушевить подданных деспота? Быть может, они стали бы бороться за свои владения? Но им ничего не принадлежит: все принадлежит повелителю. Быть может, они стали бы защищать свое счастье?

Но существует ли счастье под властью тирана? Быть может, их воодушевит стремление к славе? Но для рабов не существует славы. Быть может, они пожелают вооружиться для обеспечения своей безопасности? Но ее нет при тиранах. Раб, существование которого всегда ненадежно, с детства приучает свое жалкое потомство к унижениям; он трепещет при виде любого человека, облеченного доверием и властью. Он знает, что перед властью даже законы принуждены хранить молчание, что правосудие бессильно защитить слабого и что справедливость не может восторжествовать в стране, где лишь воля повелителя всегда решает вопрос о правом и неправом и может отменять законы. Таким образом, раб деспота, с рождения привыкший к самоунижению, никогда не ощутит порывов благородной гордости, которая одушевляет граждан, делая нацию великой, могущественной и грозной для врагов.

§ XIV. Влияние деспотизма на сельское хозяйство и торговлю

Тщетно было бы льстить себя надеждой увидеть цветущим сельское хозяйство в странах, подчиненных абсолютным властелинам. Деревни, изнемогающие под бременем непосильных налогов, становятся еще более обезлюдившимися, когда следующие друг за другом войны отрывают от сохи лучших земледельцев. Нищета вынуждает пахаря покидать поля, он ищет в городах убежища от притеснений и бедности, поскольку там ему легче поддержать свое существование и избежать вынужденной праздности, неизбежной при тирании. Будет ли подданный деспота стремиться к приумножению своего потомства? Увы, нет! Он предвидит, что его дети будут подобно ему самому обречены на бесконечные несчастья. Он вынужден довольствоваться жалким существованием, обеспечить которое можно лишь тяжелым трудом; поэтому, увеличивая семью, он только умножил бы свои потребности, не имея возможности их удовлетворить. Большая семья погубила бы его, так как на его голову свалились бы новые трудности. Автор труда «О духе законов» утверждает,

что «степень развития земледелия в стране зависит не от ее плодородия, а от ее свободы. Люди никогда не трудятся так хорошо, как в условиях полной свободы»⁴.

Может ли торговля, дитя свободы, процветать под властью тирании? Нет, при тирании она превращается в монополию или в предмет вымогательства. Несправедливые государи пренебрегают торговлей, отличая только тех из своих рабов, которые помогают им заковать в цепи остальных людей. Разве развитие торговли может получить поощрение в стране, где все определяется случаем, интригой и пристрастием, где благоговееют только перед властью и положением, где великие мира сего пренебрегают торговлей, притесняют и ограничивают ее, вынуждают ее терпеть вымогательства со стороны откупщиков податей. Если счастливая судьба дает какому-нибудь коммерсанту возможность разбогатеть, он без особых колебаний спешит покинуть государство. Под влиянием сложившегося у него предубеждения против занятия торговлей он вскоре отказывается от профессии отцов и переходит к состоянию, в котором надеется наслаждаться спесивой праздностью, делающей его бесполезным для государства. Если деспотизм ничем не будет сдерживать свою жестокость, если притеснения окажутся чрезмерными, разбогатевший человек спрячет принадлежащее ему золото, не будет им пользоваться, позаботится о том, чтобы скрыть достаток и богатство, вызывающие лишь зависть людей, стоящих у власти, которым все дозволено.

§ XV. Дворянство при деспотизме

Что представляет собой дворянство при деспотической форме правления? Может ли оно пользоваться какими-нибудь преимуществами, иметь какие-либо привилегии, занимать сколько-нибудь устойчивое положение у такой нации, для которой султан — все, а подданные — ничто или, точнее, то, что пожелает из них сделать султан. Высокое положение существует лишь для тех, кого возвеличивает деспот; преимущественными правами пользуются люди с низкими

душами, которым он покровительствует; защита и поддержка оказываются им только тем, кто согласен пресмыкаться и унижаться перед ним. Люди, облеченные властью, добившиеся избрания посредством клеветы и интриг, редко обладают талантами, которые необходимы для управления государством. Они заняты лишь происками, стремятся сохранить благосклонность деспота и меньше всего интересуются одобрением нации, которая бессильна противостоять им: им ничего не стоит заглушить ее стоны. У таких людей не существует стремления соперничать друг с другом в добрых делах; они стремятся лишь к одному: нравиться беспечному, равнодушному и легко впадающему в заблуждение властелину или тем, кто пользуется его доверием и имеет на него влияние. При деспоте министры часто меняются, а фавориты впадают в немилость, как правило, не из-за их бездарности, не из-за возмущения общества их поведением и не в наказание за совершенные ими преступления; визирей и сатрапов смещают обычно по капризу властелина или из-за козней тех, чьей игрушкой он является. Султан, лишенный рассудка, сам не знает, должен ли он быть доволен или недоволен людьми, которые ему служат; ему не принадлежат даже его собственные чувства привязанности и ненависти. Можно ли преданно служить подобным правителям? Их министры, которые никогда не чувствуют себя прочно, живут лишь сегодняшним днем; как только они лишаются благосклонности и поддержки властелинов, о них тут же забывают, и лишь возможность пользоваться богатствами, награбленными у нации, презрение и ненависть которой они на себя навлекли, остается слабым утешением для их честолюбия; власть же, которой они пользовались, переходит в руки столь же бездарных людей. Общество становится жертвой последовательно сменяющих друг друга растленных и невежественных министров, каждый из которых терзает его и наносит ему глубокие раны. Деспоту не суждено иметь усердных и добродетельных слуг. Добродетель, таланты и заслуги не приближают человека к трону; к милостям деспота ведут лишь интриги, низость и порок. Будучи бездарен сам, деспот при-

ближает к себе только недостойных людей; для рабов, предназначенных жить в унижении и пресмыкаться, такие черты, как величие души и гордость — благородные свойства достойного человека, оказались бы лишь признаками, выделяющими их из окружающей среды и свидетельствующими об их непригодности для деспота.

§ XVI. Деспотизм уничтожает всякую справедливость

Как можно ждать справедливости от власти, основанной на беззаконии, насилии и безрассудстве. Законы постоянно обходят с помощью хитрости или открыто нарушают; они составлены достаточно неясно для того, чтобы воображение всегда могло толковать их по своему усмотрению; они противоречивы и многочисленны, потому что всякие преходящие обстоятельства, всякая прихоть властелина или его всесильных министров, всякая их заинтересованность в чем-либо рождает новые законы. Вызванные к жизни страстями одного человека или небольшого числа людей, эти законы обычно губельны для нации в целом; чуждые человеческой природе, они увеличивают число преступников; продиктованные личной выгодой, они жестоко наказывают провинившихся безо всякой соразмерности с преступлением. Жизненные устои, которые под влиянием обычаев и привычки завоевали уважение народов, остаются единственными препятствиями, сдерживающими действие этих законов, но и эти ограничения часто нарушаются по воле властелина, для которого не существует ничего святого.

Никто в этих условиях не может быть уверен в прочности каких бы то ни было прав, прерогатив и привилегий сословий, знати или отдельных лиц; все устойчивое явилось бы помехой для властелина; вечно изменчивый деспотизм предпочитает легко приспособляющихся людей, готовых примениться к любому его действию. Уподобляясь своенравным детям, которые раздражаются, когда их сдерживают, деспоты стремятся все сломать или перевернуть по своей прихоти;

продажные, жаждущие милостей вельмож и трепещущие перед влиятельными людьми судьи, которых деспот подбирает с целью губить всех, кто ему неугоден, выносят только заранее продиктованные им приговоры. Величие законов, глубокое уважение к учреждениям, проводящим эти законы в жизнь, не существуют в странах, где почитается лишь сила. Дворянские титулы, положение в обществе, звания являются здесь только ничего не значащими словами, которыми властелин льстит пустому тщеславию некоторых рабов, не обеспечивая их ни безопасностью, ни реальными правами. Абсолютная власть ежеминутно смешивает с грязью самых гордых людей. Пока знать сохраняет благосклонность деспота, она ослепляет раболепный народ своим недолговечным блеском; когда же она лишается этой благосклонности, люди попирают ногами и высмеивают то, перед чем еще совсем недавно преклонялись. Нет ни одного сословия, которому не приходилось бы терпеть унижения под властью правителя, верховная воля которого решает судьбы, определяет положение и права всех подданных. Знать при деспотизме имеет лишь то роковое преимущество, что она находится ближе всего к молнии и сильнее других ощущает ее удары. Самый безвестный гражданин нации в действительности пользуется большей безопасностью, большими привилегиями, более высоким положением в обществе, чем все эти украшенные орденами и званиями люди, которые по капризу абсолютного монарха могут быть обращены в ничто.

§ XVII. Большие государства особенно подвержены деспотизму

Чем обширнее государство, чем многочисленнее и богаче его подданные, тем легче оно может оказаться в оковах деспотизма. Объединить стремления людей, которые хотели бы противостоять угнетению, в обширном государстве становится почти невозможным. Более того, если властелин и был бы расположен удовлетворить требования своих народов, стоны, исходящие из

отдельных провинций, редко могут достигнуть слуха того, кто находится на троне; потребности этих провинций почти всегда остаются неизвестны властелину. К тому же силы власти должны возрастать с ростом страстей, которые приходится сдерживать этой власти. Очень трудно хорошо управлять большой страной. Если бы правители повелевали только таким количеством подданных, которым они в состоянии руководить непосредственно, на земле не было бы так много деспотов и тиранов. Люди обыкновенно оставляют без внимания то, что превышает их силы; жизненный опыт показывает, что способности королей не превышают средних способностей других людей, поэтому естественные возможности властелинов подкрепляются терпением и силой.

§ XVIII. Власть военного сословия ведет к деспотизму

Власть военщины рано или поздно перерождается в деспотизм. Всякая нация, которая в силу своего положения или по воле главы государства вынуждена держать в боевой готовности большие армии, неизбежно кончит тем, что будет полностью поработана. Всякое государство, которое покоряет другие государства, недалеко от собственной гибели. Легкомысленная военщина накрепко связывает свою судьбу с судьбой своего повелителя; она не признает ничего, кроме его приказов. Деспотизм — это заговор против народов, подготавливаемый властелином в союзе с небольшой частью подданных, чтобы заковать в цепи всех остальных. Жесткая дисциплина, которой подчиняется солдат, воспитывает его в духе рабства, и он становится врагом свободы всех других людей. Солдат вообще не знает иной власти, кроме непосредственно осязаемой и распоряжающейся им; он презирает закон — эту скрытую волю, повелевающую остальными гражданами. Люди, приобщившиеся к разбою и насилию, привыкли рассматривать силу как право. Поэтому военщина, подчиненная деспоту, принуждает общество безропотно носить

цепи угнетения. Но деспотизм, всегда чрезвычайно непоследовательный в своих действиях, часто вызывает отвращение даже у тех людей, которых он должен щадить в собственных интересах; никогда не считаясь ни с чем, кроме своих капризов, он подчас проявляет неблагодарность даже по отношению к тем, кто укрепляет его могущество. Совершая несправедливости, обходя чинами достойных, предпочитая им людей, лишенных заслуг, присуждая награды лишь на основании случайной благосклонности, деспотизм отнимает у воинов мужество. Абсолютная власть сочла бы нежелательным ограничением своих действий обязанность быть справедливой хотя бы по отношению к своим приверженцам. Неосмотрительный деспот не замечает, что сам он очень далек от независимости и подлинно неограниченной власти, что в действительности он зависит от своих янычар, от запальчивой и легко возбуждаемой солдатни. Он зачастую не понимает, что разбойники должны, хотя бы в своей среде, быть справедливы друг к другу.

Таким образом, под властью деспота даже наемник, т. е. оплачиваемый раб, служба которого заключается в содействии закабалению сограждан, не уверен, что получит награду, которую он рассчитывает заслужить, встав на путь предательства своего народа. Наемник также становится жертвой капризной и несправедливой власти, опорой которой он является; деспот наказывает его даже за верную службу, не зирая на оказанные им услуги. Бывает, конечно, что солдаты абсолютного властелина проявляют слепую храбрость, а их командирам может быть свойственна безрассудная горячность и условное понятие о чести; но действительную ценность имеет лишь разумное чувство, внушенное заботой об истинном благе отечества. Гражданин свободной страны, сражаясь под командованием своих начальников, защищает самого себя; солдат деспота — это жалкий наемник, защищающий в бою лишь честолюбие своего властелина, возможность обеспечить себе бесполезные предметы, служащие удовлетворению тщеславия, и сомнительные вознаграждения.

§ XIX. Священнослужители — друзья деспотизма

Во все времена деспоты с успехом использовали влияние духовенства для порабощения народов и удержания их в цепях. На служителей богов была возложена обязанность удерживать народы в невежестве и поддерживать заблуждения, затемняющие их рассудок. Деспотизм всегда заинтересован в том, чтобы ладить с теми из подданных, почтение к которым религия внушает всем остальным. Чем менее справедливо правительство, тем более оно нуждается в содействии духовенства для поддержания предпринимаемых им усилий и сдерживания народов, способных предаться отчаянию в несчастье. Чем больше людей становится несчастными по вине тиранов, тем усиленнее служители культа должны обращать к небесам взоры народов, чтобы помешать им думать об их земных бедствиях. Являясь в равной степени враждебными разуму и свободе человека, тираны и священнослужители созданы для того, чтобы образовать союз, цель которого — увековечение земных несчастий.

Страдания человеческого рода были бы по меньшей мере облегчены, если бы духовенство пользовалось влиянием, которое дают ему религиозные верования общества, для сдерживания страстей великих мира сего и защиты прав угнетенной свободы; но власть духовенства, основанная на запугивании, клевете и ослеплении, подобно власти деспотов требует, чтобы люди стали рабами и навсегда отреклись от разума. Поэтому священнослужители вошли в союз со светскими владыками. Пользуясь независимостью, богатством и уважением, они дают властям дополнительные, сверхъестественные средства порабощения общества. Во многих государствах эта мрачная политика привела к самым ужасным опустошениям, поскольку единство интересов государей и священнослужителей почти всегда побуждало светских владык поддерживать церковников в их расприх. Целью этого союза было искоренение разума, свободы, науки. Люди, которые сами не руководствуются разумом, всегда являются его заклятыми врагами.

§ XX. Влияние деспотизма на убеждения

Таково происхождение массовых изгнаний, равно как и кровавых преследований, которые деспоты зачастую обрушивали на тех, кто являлся объектом мести священников. Тираны всегда стремились осуществлять тиранию даже над мыслью; люди, думавшие иначе, чем они, казались им не имеющими права жить бунтовщиками. Вследствие подобной безрассудной политики и трусливого потворства служителям богов государи часто сами распатывали свои государства и наносили себе неизлечимые раны. Тем не менее благочестивые тираны и лжеучители-священники считают, что у них нет подданных, если последние не являются тупоумными рабами или живыми куклами; они предпочитают царствовать над забитыми и отупевшими, а не над разумными существами. Всякая свободная мысль вызывает у деспота отвращение, и он с яростью душист ее, считая, что люди, предназначенные влачить несчастную жизнь рабов, не созданы ни для познания, ни для поисков истины.

§ XXI. Влияние деспотизма на науки

Науки, искусства, ремесла, таланты, являющиеся детьми свободы, будучи направляемы в условиях деспотизма лишь на пустые и легкомысленные цели, чахнут и деградируют. Их используют для создания достойных презрения памятников, прославляющих честолюбие властелина, тщеславие его фаворитов и кричащую роскошь нескольких людей, разжиревших ценой страдания целых народов. Когда угнетатели опустошают государство, те, кто занимается искусством и ремеслом, вынуждены покидать его. Мудрость и разум, которыми должны руководствоваться правители и народы, неуютны тем, чья власть держится лишь на обмане и ослеплении. Посмеют ли мудрость и разум, находясь под пятой тирании и суеверий, заставить кого-либо в империи тиранов услышать свои жалобные голоса? Люди, которые не признают ценности истины, питают к ней ненависть, боятся, как бы она не пробудила

умы и не призвала граждан возвратиться к присущему им благородству, и всегда подвергают ее гонению. Знания бесполезны или даже опасны для несчастных, чьи страдания никто не хочет облегчить. Поэзия, доведенная до нравственного опустошения, становится продажной и посвящает свои творения лишь легкомысленным темам или лести; ей чуждо чистое вдохновение, способное воодушевить народы на подвиг во имя родины, славы и добродетели. Язык настоящей поэзии был бы непонятен людям, утратившим духовную силу, оступившим от постоянного запугивания и вызванного им страха и малодушия. Гений, которого постоянно удерживают в оковах, лишен свободного полета мысли, его крылья прикованы к земле. Угнетаемый тираном народ не свободен даже в выборе развлечений; ему разрешены только те забавы, которые находятся в согласии с правилами, предписанными прихотью власти; то, что не нравится султану, султаншам и их приближенным, не может нравиться и подданным, вкусы которых должны быть подчинены вкусам тех, кто стоит у власти. При абсолютной власти все чахнет и деградирует; в царстве свободы все набирает сил и бодрости.

§ XXII. Влияние деспотизма на нравы

О какой же нравственности можно говорить в стране, подчиненной несправедливым, бесчеловечным, жадным и безнравственным тиранам, которые окружены толпой приспешников, мошенников и доносчиков, разделяющих страсти господ и заинтересованных в том, чтобы последние погрязли в пороках и преступлениях? Можно ли в такой стране внушить молодежи любовь к родине? Увы! Слова «патриотизм» и «восстание» звучали бы здесь синонимами. Кто имел бы в таких условиях достаточно мужества для того, чтобы отделить родину или народ от государя? Его двор — это центр, к которому все должно стремиться; развратникам могут нравиться только люди с развращенными нравами: добрые нравы казались бы злой насмешкой над самыми влиятельными лицами. Деспот и его

приспешники очень мало заботятся о нравственности своих рабов; они требуют от них только угодничества, низости, неограниченного подчинения их распутным прихотям. Они предпочитают, чтобы их подданные имели извращенные нравы, так как это увеличивает зависимость рабов от господ. Порочные, легкомысленные, прожигающие жизнь и ни над чем не задумывающиеся подданные гораздо удобнее для деспота, чем граждане, которые ведут правильный образ жизни и думают о своих обязанностях. В стране, где царит деспотизм, всякий честный человек является чужеродным телом. Вынужденный прозябать в одиночестве, он показался бы здесь смешным и заслуживающим презрения; строгие нравы, полезные добродетели, любовь к общественному благу сделали бы его объектом ненависти или подозрений. Стремление к деятельности, энергия, величие души в условиях деспотизма превратились бы в преступления. Угождать деспотам и людям, которые распоряжаются всем в стране, приносить им в жертву свою честь, свои чувства и способности, интригами и низостью стремиться подняться достаточно высоко, чтобы иметь возможность без опасений предаваться страстям, стараться разбогатеть, чтобы покупать себе защитников и сообщников, — такова единственная мораль, приличествующая рабам, которые по самому своему положению должны быть существами подлыми и злыми.

§ XXIII. Равнодушие деспотов

Абсолютный властелин неизбежно становится равнодушным. Монархи, как и все другие люди, должны иметь какие-то побудительные мотивы для того, чтобы действовать, какую-то заинтересованность, чтобы делать добро, какой-то стимул, который заставлял бы их стремиться к славе. Существует ли что-либо подобное для деспота, привыкшего пренебрегать народом; с презрением относиться к его гневу, ставить себя выше общественного мнения или принуждать общественное мнение к молчанию? Прочно утвердившаяся власть легко впадает в апатию; ее оцепенение сообщает-

ся всем тем, кому правитель поручил от своего имени руководить государством. Как только монарх перестает следить за ними и тем самым побуждать их к деятельности, они предаются лени, развлечениям, наслаждениям и считают полезным для общества безразличие, часто столь же опасное, как и угнетение. Как только правитель выпускает из поля зрения государственные дела, его слуги начинают пренебрегать обязанностями, бедствия нарастают, все приходит в упадок. Когда государь не выражает признательности за услуги, оказанные его стране, никто не утруждает себя заботой служить ей; прислужники деспота, живущие только сегодняшним днем, совершенно не задумываются о будущем. Небрежные, легкомысленные и расточительные министры часто вредят государству не меньше, чем самые злонамеренные люди. Бедствия, укоренившиеся из-за пренебрежительного отношения правителей к своим обязанностям, так же верно наносят смертельные раны, как и стальной клинок. Непросвещенные монархи выбирают себе помощников, оказывая им предпочтение из-за личной благосклонности или вследствие интриг; плохие государи находят достоинства только в низких и лишенных добродетелей людях; они делают своими советниками лишь тех, кого считают способным найти более удобные способы притеснения подданных ради удовлетворения своей жадности. Нет ничего более неуместного, чем честный и добросовестный визирь при развращенном государе.

§ XXIV. Влияние деспотизма на характер народов

Деспотизм оказывает весьма заметное влияние на характер подданных. Принимая крайние формы, он приводит их в состояние вялости, бездействия, апатии — одним словом, в состояние, близкое к смерти. Чтобы убедиться в этой истине, достаточно познакомиться с положением несчастных азиатов, постоянно погруженных в меланхолическое бездействие, мешающее им пользоваться всеми преимуществами, которыми природа так щедро наделила их страны. Они прибегают к *опиуму*, чтобы забыться от неприятностей

и забот своего тягостного существования. А если деспотизм более мягок? Тогда он создает тщеславных, ветреных и безрассудных подданных, не уверенных в правах на то, чем они владеют, и поэтому совсем не задумывающихся о завтрашнем дне. Они, словно дети, рады удовлетворить свои мимолетные прихоти, никогда не обращая взоры к будущему, которое не могли бы себе представить без огорчения; они одурманивают себя удовольствиями и легкомысленными развлечениями, пытаясь отвлечься от преследующих их назойливых мыслей. Подданные деспота постоянно находятся в состоянии летаргического сна или психоза. И то и другое в равной степени делает их неспособными думать о своих действительных интересах.

§ XXV. Действия деспотизма ведут к его собственной гибели

Итак, деспот — это безумец, выбивающий ежедневно по несколько кирпичей из стен здания, служащего ему укрытием. Методы его господства представляют собой не что иное, как самое ужасное ограбление населения. Деспот кончает тем, что приносит все в жертву своим пустым фантазиям. Ведь не может же безумие приглашать себе в советники разум? И тем не менее именно к такому губительному деспотизму постоянно стремятся все те, кто правит людьми! Когда государи обнаруживают, что им далеко не все дозволено, они считают себя глубоко несчастными, жалкими, заслуживающими презрения. Когда при помощи злодеяний и хитрости им в конце концов удается добиться покорности подданных, они убеждаются, что своими недостойными победами достигли лишь непрочной и неустойчивой власти и поставили себя под защиту силы, которая одна только и поддерживает их. Они живут в страхе, мучимые постоянными подозрениями; служить им соглашаются только бесталанные рабы, не имеющие ни мужества, ни привязанностей, ни добродетелей. Они сами испытывают на себе последствия истощения сил подданных, которых угнетали в течение столь продолжительного времени. Деспот всегда кон-

чает тем, что царствует над руинами, над пустыней и над слабыми, отупевшими, обнищавшими и неискренними в труде людьми. Он уподобляется голодному льву, прожорливость которого опустошила обширный край вокруг его логова; поблизости от его грозной пещеры можно найти лишь обглоданные кости.

Ну, а что происходит, если у подданных осталась еще некоторая сила и энергия? В этом случае они, как дикие звери, всегда готовы разорвать связывающие их путы и броситься на ненавистного им стража. Если тирания давно захватила трон в стране, то следствиями ее господства являются обезлюдение, войны, бедность, голод, эпидемии и болезни. При тирании плодородная земля становится бесполезной, так как люди не могут извлечь никакой пользы из ее плодородия; пренебрежение обязанностями или жадность властелина уничтожают в государстве условия, благоприятные для здоровья населения; бесконечные вымогательства деспота изгоняют из его владений торговлю и промышленность, поскольку они не могут развиваться в стране, обреченной на нищету.

Во что превратились плодородные долины Азии, расположенные под самым благодатным небом и некогда столь цветущие? Не является ли просто сказкой то, что рассказывает нам история об удивительном изобилии Древнего Египта? В настоящее время на эту страну тщетно трудится самая щедрая природа: она не в силах противостоять разрушительной деятельности свирепой тирании. Тщетно Нил удобряет почву своих берегов для их жителей, доведенных до отчаяния произволом властей; его воды, застаиваясь среди покинутых земель, порождают лишь чуму и смерть, более желанные, чем жизнь, для существ, которые под гнетом тирании становятся все более несчастными. Как выглядят окрестности Рима, этой древней столицы мира? В наши дни ими управляют корыстные священнослужители, малопригодные для того, чтобы заботиться о будущих поколениях; они бесстыдно попирают прах таких людей, как *Эмилий* и *Сципион*, и совершенно не задумываются над тем, что окружающие их поля отравляют воздух и распространяют смерть.

Так деспотизму удается подчинить природу и сделать ее жестокой. Беспольные войны, кровавые революции, длительный гнет породили бедствия, которые были неизвестны при более разумных формах правления. Народы, когда-то жившие в условиях изобилия, ныне ввергнуты в нищету; над ними сгустились мрачные сумерки; лишенные радостей жизни и даже самого необходимого, они влчат жалкое существование в тупом безразличии; наводящие ужас варвары-властелины давно уже заставили исчезнуть из подвластных им стран искусство, науки, ремесла, добрые нравы, относясь ко всему этому с презрением, поскольку суеверие побуждает их считать невежество достоинством.

§ XXVI. О восточном деспотизме

Вот уже много веков как в Азии деспотизм воздвиг свой железный трон среди моря крови, и именно для Азии он более всего характерен. При помощи религиозных суеверий он имеет там возможность осуществлять свои неистовства с открытым забралом. В Европе где деспотизм оказался более упорядоченным, осмотрительным и сдержанным в своем развитии, он обычно проявляет свои черты в менее ярко выраженной форме. Мы не найдем здесь королей, купающихся в крови своих братьев; они не посылают роковой шелковый шнур попавшим в немилость фаворитам⁵ и не пятнают себя так часто преступлениями и убийствами. Однако и здесь мы почти повсюду видим монархов, которые под самыми вздорными предлогами и без всяких угрызений совести приносят миллионы подданных в жертву своим жестоким сумасбродствам. И здесь можно встретить тиранов, которые ссылают, пытаются и преследуют людей за убеждения. И здесь встречаются тираны, которые стремятся распространить тиранию на все стороны жизни человека, вплоть до мышления. И здесь есть недостойные короли, которые, стремясь угодить священнослужителям, не краснея, исполняют обязанности палача и предают самым ужасным пыткам граждан, осужденных судилищами, действующими всегда

предвзято и исходя из собственных интересов. Правда, мы не найдем в Европе государей, которые, уподобляясь некоторым азиатским завоевателям, доводили бы презрение к человеку до такой степени, чтобы приказывать душить людей только для того, чтобы пройти по их трупам. Но мы найдем там дворцы и памятники, фундаментом которых являются несчастья общества, а камни которых сцементированы кровью и потом народов, ослепленных настолько, чтобы рукоплескать тщеславию своих надменных монархов. Мы увидим там государей, которые заставляют умолкнуть законы, беспрерывно свершают насилия над личностью и имуществом подданных и, используя подчиненных им более мелких тиранов, вынуждают народы стонать и не желают слышать их стоны. Мы увидим там безрассудных политиков, которые, приводя население в отчаяние тяжестью налогов, препятствуют развитию земледелия и промышленности. Несмотря на такое обилие злоупотреблений, эти монархи были бы глубоко оскорблены, если бы их считали тиранами, а их подданные были бы возмущены, если бы их назвали рабами. Названия иногда больше тревожат человеческий ум, чем сами факты и поступки людей.

§ XXVII. О смягченном деспотизме

Неограниченная власть не всегда приводит к столь пагубным последствиям. Нередко она смягчает свою жестокость; самый неограниченный властелин иногда дает своим подданным возможность вздохнуть свободнее. Это случается, впрочем, лишь тогда, когда волею судьбы последние оказываются под властью добродетельного и отзывчивого монарха, который сдерживает собственные дурные побуждения и подчиняется долгу; по монарх, следующий законам природы и справедливости, перестает быть деспотом. Когда подданный получает возможность пользоваться своими правами, он становится свободным. И все-таки, каково бы ни было благополучие народов, оно не может быть прочным и продолжительным, если только твердо установленные и не подлежащие изменениям законы не свя-

зывают рук правителей. Без этого неосторожные или несправедливые наследники или их бездарные министры смогут в одно мгновение уничтожить все преимущества, доставляемые самым разумным правлением. Нельзя допускать, чтобы короли злоупотребляли своим правом применять силу; тревога за свою судьбу пробуждает их и делает бдительными, а безопасность их усыпляет. *Преимущества, которые может дать народам правление неограниченных государей, столь же изменчивы, как и показания барометра,* пишет Гордон⁶.

Есть страны, в которых мягкость нравов мешает верховной власти проявлять всю свою силу; следствия деспотизма сказываются в них более медленно; стремление к сохранению благопристойности и страх перед возмущением общества сдерживают государей и их министров, мешают им дать волю страстям; народы, усыпленные торжественными обещаниями или введенные в заблуждение внешней формой правления, забывают о неограниченной власти своих правителей, считая, что последние подчиняются законам, поскольку они не всегда решаются беззастенчиво нарушать их. Сдерживаемые нравственными узами и общественным мнением, правители не позволяют себе использовать всю полноту власти. В этом состоит различие между монархией и деспотизмом, которые представляют собой одно и то же в тех случаях, когда нация не имеет достаточных гарантий против посягательств чрезмерно активной и сильной власти. Всякий раз, когда монарх становится полновластным хозяином армии и располагает по собственному усмотрению доходами государства, когда он один имеет право устанавливать и взимать налоги и не подотчетен своему народу в расходовании государственных средств, монархия вырождается в деспотизм, а последний — в тиранию.

Под властью правительств, исходящих в своих действиях из этих принципов, подданные напрасно стали бы льстить себя мыслью, будто они не рабы, потому что не ощущают своих оков; добродушные с виду деспоты начинают с того, что усыпляют их, а затем незаметно ведут к гибели. Правда, этот обманчивый покой никогда не нарушается грозами и потрясениями, как

при необузданном деспотизме, но зато он ведет к тому, что подданные в глубине души постепенно свыкаются со своими несчастьями и обнаруживают это слишком поздно; если же их и охватывает гнев, когда они начинают понимать это, то такой гнев напоминает мимолетное возмущение детей, которое проходит, как только они получают какую-либо игрушку. Несколько бесплодных побед, призрачная честь, которую, как представляется подданным, они разделяют со своими повелителями, всякого рода зрелища оказываются совершенно достаточными для того, чтобы утешить их в самых тяжелых несчастьях. Этот смягченный деспотизм столь же губителен для наций, как и любой другой. Вяло протекающие, постепенно изнуряющие человека болезни ведут его к смерти так же, как и острые заболевания.

§ XXVIII. Истинные признаки деспотизма

Если среди государей никто, за исключением давно опустившихся азиатских правителей, не соглашается носить имя тирана, то и среди подданных найдется мало таких, которые согласились, чтобы их считали рабами. К тому же не существует деспотизма, который в равной степени заставлял бы страдать от своей жестокости всех подданных. Привычка делает человека менее чувствительным к гнету; люди постепенно свыкаются с несправедливостью и примиряются с притеснениями; преступления, постоянно совершаемые у них на глазах, в конце концов перестают их возмущать и кажутся им совершенно естественными. Такое положение, усугубляемое тем, что люди не задумываются над ним, приводит к тому, что даже безукоризненно честные души не ощущают всего ужаса несправедливейших и незаконнейших действий, ежеминутно совершаемых монархом и вельможами. При деспотическом правительстве сила незаметно превращается в право, незаконные, становясь привычным, перестают внушать людям ужас и неравенство положения людей в обществе в конце концов убеждает их, что великим мира сего все дозволено, в то время как маленьким людям запрещено все, вплоть

до права жаловаться на свой удел. В Европе мало людей, которых возмущали бы постоянно сопутствующие охоте притеснения крестьян. Находят вполне законным, чтобы земледелец лишился части своего урожая, способствуя удовольствиям нескольких могущественных бездельников. Дорожная повинность становится законным правом; земледельца отрывают от уборки урожая лишь затем, чтобы проложить дорогу и сделать более легким путь для нескольких слишком изнеженных и чувствительных путешественников.

Деспотизм не менее опасен и тогда, когда он может прикрываться заботой об общественном благе. В этом случае ему удастся одурачить людей, у него появляются свои защитники. «Какое значение,— скажет праздный житель богатого города,— имеет то, что мы живем, подчиняясь неограниченной власти? Чем плохи наши удовольствия? Разве бывает беседа свободнее и веселее нашей? Разве кто-нибудь врывается в наши дома, чтобы лишить нас имущества? Где вы видели дороги красивее наших? Более бдительную полицию? Большую тишину и спокойствие? Пусть нам оставят наши окопы, они не делают нас несчастными в такой мере, как несчастны те, кто похваляется своей мнимой свободой. Обладание счастьем и убежденность в его наличии равнозначны: как только сочтешь себя счастливым, тебе нечего больше желать».

Я отвечу этому довольному своим положением и бесчувственному к несчастиям родины рабу, что обществом управляют хорошо лишь тогда, когда большинство его членов счастливо. Что нужно для того, чтобы сделать их счастливыми? Для этого надо, чтобы они могли без чрезмерного труда удовлетворять свои основные потребности. Такова ли судьба большей части ваших сограждан? Обработаны ли их поля так, как они должны быть обработаны? Наслаждаются ли ваши крепкие и здоровые земледельцы таким счастьем, которое соответствовало бы приносимой ими пользе? Богаты ли населением провинции вашей страны? Стремятся ли их жители умножить свое потомство? Не вынуждают ли их нередко произвольные сборы отречься от наследия отцов? Не приходится ли им,

выполняя бесполезные работы, совершенно отказываться от выполнения необходимых работ? Всегда ли могут они легко и быстро продать произведенные ими продукты? Имеют ли они жилища и одежду для защиты их от холода в суровое время года? Распространяется ли действие беспристрастных законов в равной степени как на малых, так и на великих мира сего? Не приносятся ли невинные в жертву фаворитам и влиятельным людям? Имеет ли бедняк возможность добиться быстрого осуществления правосудия по отношению к богатому человеку или человеку, находящемуся в милости у государя? Защищен ли гражданин от инквизиции и тайных доносов в святилище своей семьи и в кругу друзей? Не могут ли месть, каприз или выгода какого-либо вельможи, его наложницы или слуги в любую минуту привести порядочного человека к заточению в темницу? Укрыт ли сам вельможа от неожиданных несправедливостей взыскательного властелина и клеветы его двора? Имеет ли богатый человек твердую уверенность в том, что богатства, доставшиеся ему благодаря трудолюбию, будут переданы его детям? Не создает ли жадность преград для торговли? И наконец, проявляется ли разумная терпимость, дающая каждому гражданину возможность мыслить так, как ему заблагорассудится, лишь бы он действовал в соответствии с законами? Вы мне ответите, что у вас нет ничего подобного! В таком случае я вам скажу, что вы рабы!

Деспот несправедлив, а тиран преступен лишь постольку, поскольку они делают несчастными большинство своих подданных. Как бы сурово ни было их правление, всегда находятся люди, которые умеют избежать их гнева, пользуются их благосклонностью и извлекают выгоды из их преступлений. Именно такие люди и считают себя вправе восхвалять и оправдывать тиранию. Пусть они превозносят собственное счастье; им никогда не удастся обольстить своими речами добродетельных граждан, чувствительных к несчастиям ближних и бедствиям, которые, как они предвидят, придется пережить в будущем их потомкам. Никогда мнимые преимущества тирании не ослепят людей с благородными сердцами, в которых насилие

и несправедливость вызывают справедливое негодование. Благородный человек постоянно испытывает соблазн покинуть угнетаемую деспотом родину, и его удерживают лишь узы дружбы и родства. Только тающиеся в глубине человеческого сердца добродетели могут утешить честного гражданина в несчастьях его страны.

Повсюду, где воля одного человека ставится выше законов, люди — рабы. Они рабы повсюду, где необходимо обладать властью, влиянием или богатством, чтобы добиться правосудия. Они рабы повсюду, где стоящий у власти могущественный человек, будучи освобожден от необходимости подчиняться законам, может заглушить стоны ни в чем не повинной жертвы его притеснений. Они рабы повсюду, где закону может быть дано произвольное толкование, так как в этих условиях закон всегда становится благоприятным для власть имущих и губительным для обездоленных.

§ XXIX. Деспотизм нельзя назвать формой правления

В каком бы виде ни проявлялся деспотизм, он не заслуживает того, чтобы его определяли как одну из форм правления. Он является не чем иным, как произволом монархов по отношению к несчастным народам. Как можно даже из самых честных побуждений обольщать себя мыслью, будто один или несколько человек со всеми присущими им слабостями способны безошибочно разобраться в сложном механизме управления целой нацией. Что случится, если судьбы народов будут отданы в руки порочного властелина — простого смертного, обожествленного лестью, испорченного воспитанием, расслабленного изнеженностью? Как можно рассчитывать на то, что окруженный толпой презренных, корыстных и невежественных людей государь будет руководствоваться советами справедливости, человечности и разума? Нужно быть богом, существом, обладающим бесконечными совершенствами, чтобы никогда не злоупотреблять неограниченной властью. Только самая крайняя самонадеянность способна претендовать на неограниченную власть. Нации не могли доверить

такую власть ни одному человеку, ни нескольким людям, так как люди по самой своей природе не способны ею пользоваться, неизбежным следствием чего является несчастье общества. Чем в большей мере задача, которую люди ставят перед собой, превышает человеческие силы, тем хуже они с нею справляются. Если разумное использование власти исключается, остается только злоупотреблять ею.

§ XXX. Деспотизм создает предпосылки собственной гибели

Деспотизм, следовательно, можно рассматривать лишь как неравную борьбу между одним или несколькими вооруженными разбойниками и беззащитным обществом. Деспотизм основывает свои права на том, что государь обладает силой, а его подданные слабы; он обуславливает такую расстановку сил в обществе, при которой, с одной стороны, выступают обман, хитрость, коварство, а с другой — религиозные предубеждения, ослепленность, глупость.

Таким образом, этот ненавистный гнет, тяжесть которого в большей или меньшей степени испытывают почти все обитатели земли, есть не что иное, как возмутительное злоупотребление властью, против которого всеми силами восстают природа и разум, даже если связанные в своих действиях и словно дремлющие нации как будто безропотно подчиняются ему. Деспотизм одинаково губителен как для государей, так и для подданных. Когда один человек поставлен выше закона, он неизбежно становится дурным. Когда он развращен страстями, его государство, вынужденное следовать путем, указанным государем, подвергается такому же развращению. И тогда тиран правит народами, как хищными зверями, чьей ярости он страшится: он всячески озлобляет их, стремится их раздражить и разъярить, а затем наказывает их за все то злое, что они сделали. Чем больше он боится их, тем хуже обращается с ними, считая, что ему удастся обеспечить свою безопасность только с помощью все новых многочисленных преступлений. Тиранов всегда окружают одни враги.

Нации, с желаниями которых никогда не считаются их правители, не имеют с последними ничего общего и могут проявлять по отношению к ним только безразличие. Если же правители угнетают нации, то последние должны питать к ним лишь ненависть. В этом случае единственное средство, которое остается нациям в борьбе против тирании, — это сила; восставая против законов, тираны дают своим подданным сигнал к восстанию против них самих. Притесняя римский народ, сенат проявил себя в качестве сборища тиранов и справедливо вызвал народный гнев. Нарушая законы и свободу англичан, Карл I и его сын навлекли на себя несчастье, в результате которого один из них лишился жизни, а другой — трона⁷.

Бесчеловечные деспоты, тщетно вы стремитесь запугать народы вашими цепями, застенками, пытками! Тщетно ужас, который охватывает их при одном вашем имени, принуждает их к молчанию! Тщетно вы принуждаете их трепетать и ползать у ваших ног! Тщетно вы наделяете своих приспешников опасной для общества властью: у вас никогда не будет искренних друзей, у вас никогда не будет преданных подданных. Своими благодеяниями вы подкупите только льстецов, приспешников, предателей и подлых советников, которые под предлогом утверждения вашей власти помогут вам уничтожить законы, свободу и добродетель, препятствующие вашему произволу. Они утаят от вас ненавистную вам истину; они скроют яму, которую сами роют под вашими ногами; но они никогда не дадут мира вашим душам, не навеют на вас благодетельный сон, не принесут покоя вашему государству. Никогда они не оградят вас от проявлений все возрастающей ненависти, вызванной вашими несправедливыми капризами. Самый последний из подданных свободного государства пользуется большей безопасностью, чем тиран, окруженный всеми своими когортами.

Для того чтобы правительство чувствовало себя прочно, оно должно определить справедливые границы своей власти и строго соблюдать их. Чем больше власти хотят сосредоточить в своих руках монархи, тем слабее они становятся; чем больше они проявляют свою силу,

тем инертнее делаются их народы. Истинное могущество повелителя зависит от благосостояния подданных. Тиранин одинок; он живет как бы на чужой земле; только для короля-гражданина существует родина. Непрочность неограниченного правления, революции, которым оно всегда подвержено, должны были бы внушить каждому разумному человеку отвращение к абсолютной власти; царствовать приятно, но еще более приятно царствовать в безопасности, находясь под сенью законов и повелевая счастливыми, любящими своего монарха и послушными народами. Деспот может умереть без ведома своих подданных, так как никого из них не интересует его судьба; нередко о его смерти просто объявляет мятежник, занявший после него трон. В стране, находящейся под властью деспота, рабы сражаются только для того, чтобы узнать имя тиранина, который должен их поработить. Неограниченные монархи напоминают неосторожных детей, которым грозит опасность ранить себя и которые сердятся на тех, кто не допускает этого. Деспота можно сравнить с игроком или развратником, который растратил богатства и здоровье ради минутных наслаждений, а потом всю свою жизнь предается сожалению по поводу когда-то полученных им удовольствий.

Ослепленный тиранин никогда не предвидит последствий своих насильственных действий; нередко тирания осуществляется без ведома государя, а плоды злоупотреблений властью пожинаят лишь министры. Самый неограниченный монарх редко действует по собственной воле; он лишь прикрывает своим именем страсти слуг, и часто покой его государства бывает нарушен, а весь мир охватывает пламя войны по причинам, которые заставили бы его краснеть, если бы ему удалось в них разобраться.

§ XXXI. Противоречия деспотизма

Было бы ошибкой думать, что неограниченные монархи или те, чьиими советами они руководствуются, всегда осуществляют какой-либо последовательный план или сознательно стремятся предать интересы

государства и привести его к гибели. Деспоту более присуще легкомыслие, нежели жестокость, глупость — нежели злоба. Иногда ради собственной выгоды ему даже свойственно заботиться об общественном благе; часто он бывает вынужден изыскивать средства для устранения зла, которое сам причинил себе; он убеждается, правда почти всегда слишком поздно, что государь не может быть богат, если его подданные бедны, войска не могут быть многочисленны, если провинции государства обезлюдели, торговля не может процветать, не пользуясь покровительством и поддержкой, а народы не могут содействовать его целям, когда их мужество сломлено и их силы подавлены. Но деспот, не привыкший встречать сопротивления, хотел бы иметь возможность по своему усмотрению ниспровергать законы природы и попирает необходимость. Он хочет, чтобы земли его провинций были возделаны, но не соглашается облегчить существование земледельца. Он хочет, чтобы его государство было густо населено, но жестокость его правления принуждает подданных эмигрировать. Он хочет процветания торговли, но его жадность не перестает оказывать ей помехи. Он хочет пользоваться доверием, но постоянно нарушает свои самые торжественные обязательства. Он хочет иметь искусных и благородных воинов, но его генералы добиваются назначения с помощью коварства и интриг, которые заменяют им и способности, и заслуги. Он хочет, чтобы его окружали люди, чуткие к вопросам чести, и в то же время терпит вокруг себя только рабские души. Он хочет иметь преданных подданных и в то же время делает все, чтобы создать себе одних лишь врагов. Он хочет порою узнать истину, но всегда наказывает тех, кто сообщает ему о ней. Он хочет быть окружен талантами, но награждает только невежество или посредственность. Он хочет, чтобы процветала промышленность, но изгоняет свободу. Словом, деспот хотел бы пользоваться всеми теми преимуществами, которые не могут быть совмещены с пороками его управления. Усилия, предпринимаемые правительством, обладающим неограниченной властью, для улучшения своей участи, почти всегда бесплодны. Потрясения

и внезапные изменения, вызванные неблагоразумными действиями деспотизма, часто служат лишь для того, чтобы ускорить падение государства, которое он ослабил.

§ XXXII. Народы никогда не могут искренне примириться с деспотизмом

Отбросим поэтому предположение, будто разумные существа могут когда-либо примириться с неограниченной властью; не будем верить тому, что они добровольно дали заковать себя в цепи, и предполагать, что большинство обитателей нашей планеты пожелало жить, трудиться, поливать землю своим потом лишь ради счастья нескольких людей, не предоставивших им в обмен за их труды ни одного из тех преимуществ, на которые они имеют право.

Можем ли мы чистосердечно поверить, что народы когда-либо могли сказать тем, кого они избрали монархами: «Управляйте нами так, как вы найдете это нужным; располагайте, следуя вашим прихотям, нами, нашими женами и детьми, нашей собственностью и свободой; мы согласны работать только на вас и на тех, кого вы отметите своей благосклонностью; каковы бы ни были те излишества, к которым приведет растленность ваших сердец или безумие ваших умов, мы заранее подписываемся под всем этим и навеки отрекаемся от права выражать недовольство вами и сдерживать вашу ярость».

Народы должны были сказать: «Мы доверяем вам так же, как наши предки доверяли вашим; вы царствуете потому, что мы хотим этого; мы вручили вам власть, которая может стать источником злоупотреблений; вы будете пользоваться ею на благо нам; но мы никогда не согласимся со злом, которое вы пожелали бы нам причинить. Если вы превратитесь в угнетателей, мы станем вашими врагами».

Если нас убеждают в том, что могущество королей ниспослано самим небом, то у кого хватит дерзости утверждать, будто доброе и справедливое божество, каким мы должны представлять его себе, могло бы заявить всем обитателям земли: «Народы! Я создаю

вас лишь для того, чтобы вы стали игрушкой привилегированного человека; я объединяю вас в общество только затем, чтобы вы стали рабами, более несчастными, чем дикари, живущие в пустыне. Ваша жизнь, ваша земля, ваш труд, ваша свобода безраздельно принадлежат одному из вас, и вы никогда не будете иметь права сопротивляться творимому им злу».

Как дерзко оскорбляют бога, когда приписывают ему создание, защиту и поддержку тиранов, опустошающих землю!

Как бы ни были высоки и недостижимы основы, на которых зиждется абсолютная власть; каковы бы ни были так называемые божественные права, относительно которых высказывается лживое утверждение, будто они ниспосланы самим небом; каковы бы ни были те несправедливые боги, которые, как полагают, являются творцами тиранов, — ни сила, ни ложь, ни время никогда не могут совершенно заглушить голос природы. Это она каждое мгновение пробуждает протест в душе несчастного раба; это она твердит детям земли, что самый могущественный монарх является таким же слабым смертным, как и они. Это она показывает каждому разумному человеку, что власть досталась монарху лишь с согласия народа; что власть, доверенную правителям ради счастья общества, нельзя использовать для разрушения этого общества, не совершая преступления; что, подчиняясь королям, общество не превратилось в их пленника; что всякий человек, отрекаясь от бесполезной ему независимости, не мог отречься от необходимой для его благополучия свободы; что нации не могли стать игрушкой в руках людей, власть которых предоставлена им самими нациями.

§ XXXIII. Опасности, угрожающие тем, кто является носителем деспотизма

Разум обращается к повелителям народов столь же энергично, как и к самим народам. Он говорит им: «О повелители людей! Стремитесь сделать их счастливыми. Соглашаясь поставить вас над собой, люди делают это для собственной пользы, а не для того,

чтобы утолить ваше тщеславие. Будьте орудием справедливости, если хотите, чтобы вам повиновались. Пусть всеобщая польза диктует вам законы, которые обеспечивают как безопасность народов, так и вашу собственную безопасность. Не прислушивайтесь к словам недостойных льстецов, убеждающих вас, будто вы боги. Вы такие же люди, как и самые последние из граждан; вы подвержены человеческим слабостям; нуждаясь в помощи, вы обязаны, как и все другие, заслужить привязанность себе подобных. Если вы являете собой на земле образ бога, то выступайте как божества, дарующие благо, а не как злобные демоны, несущие горе человеческому роду. Перестаньте льстить себя безрассудной надеждой стать великими, могущественными и счастливыми, в то время как ваши подданные страдают от невзгод. Осознайте свое нелепое высокомерие, которое заставляет вас думать, будто все народы предназначены пристрастным провидением обеспечивать вам роскошь, быть орудием вашего величия, жертвами вашего честолюбия, игрушкой ваших страстей. Вы — управляющие владениями народов и защитники их прав. Так подумайте же о том, что вы принадлежите народам, но они вовсе не принадлежат вам. Если ваши усыпленные сознанием своего могущества, сбитые с истинного пути лестью и расслабленные бездеятельностью души еще способны отозваться на зов добродетели; если в ваших чуждых скорби сердцах еще осталось место для жалости, откажитесь от варварской силы, которая утяжеляет оковы угнетенных масс. Отдайте предпочтение высокой чести повелевать людьми перед пустым тщеславием, которое вы испытываете, обладая возможностью притеснять отупевших рабов. Наслаждайтесь царствованием над плодородными провинциями, довольными народами, богатыми городами и оставьте черствым тиранам варварское преимущество господствовать над пустыней, скелетами и развалинами».

Если язык гуманности недоступен этим бесчувственным сердцам, то пусть история покажет им поражающие своими ужасами картины опасностей, которым деспотизм и тирания подвергают государей. Она пока-

жет им грозное зрелище многочисленных восстаний, вызванных угнетением, заговоров, к которым так часто прибегает доведенная до отчаяния добродетель, мечей, нависших над головами врагов человечества. Одним словом, она покажет им низвергнутые троны, ввергнутых в нищету деспотов и умерщвленных тиранов, кровь которых смешалась с кровью жертв их ярости. Они с трепетом узнают, что силу уничтожает сила и что жизнь тирана находится в руках любого раба, достаточно честолюбивого, чтобы презреть смерть. Они увидят, что измученные страданиями тупые животные, которыми повелевает деспот, рвут, наконец, свои цепи и уничтожают виновника своей неволи. Они увидят, что государства, ослабленные безрассудным управлением, в конце концов совершенно лишаются всякой реальной силы и рано или поздно становятся добычей завоевателей.

Таков неизбежный конец губельного и для народов, и для самих правителей деспотизма, к которому ошибочная политика заставляет тем не менее стремиться всех государей мира. Но для себя ли самого опустошает деспот свои владения, достигая предела своих желаний? Пожинает ли он по крайней мере плоды тех жестокостей и насилий, которые испытывает народ от его несправедливостей? Удалившись в глубь недоступного сераля, отданный на растерзание скуке усыпляющего безделья, пресытившись удовольствиями и наслаждениями, расслабившими его тело, он прозябает, будучи в тягость сам себе, и апатия лишает его возможности взять в свои немощные руки бразды правления. Обожещенный султан является лишь рабом визирей, игрушкой придворных, орудием фаворитов. Он вынужден смотреть на все их глазами; для них он истощает свое государство; для того чтобы развлечь их, он втягивает народы в бойню!

§ XXXIV. Деспот страшится добродетели

Самое понятие об общественном благе исключено из обихода в странах, где господствует неограниченная власть. Нация перестает что-либо представлять

собой, как только монарх становится для нее всем. Разве могут великие люди выдвинуться при повелителях, которые распределяют свои милости, исходя из личной благосклонности, и не имеют ни малейшего понятия о подлинных достоинствах и заслугах подданных? Разве можно внушить любовь к отечеству придворным, которые стремятся лишь растерзать это отечество ради достижения своих корыстных целей? Что может пробудить в вельможах желание заслужить уважение народа, которым они пренебрегают, или вызвать у них стремление понравиться рабам, которых они могут безнаказанно угнетать? Что побудит министров к добрым делам, если они убеждены, что результаты тех добрых дел, которые они могли бы совершить, не сохранятся после них? В атмосфере подозрительности, свойственной всякой тирании, становится недопустимым, чтобы какой-либо подданный пользовался любовью своих сограждан. Стать популярным здесь большое преступление, говорить от имени родины — посягательство, достойное наказания. Деспот желает, чтобы все взоры были обращены лишь на него одного; он ревнует всех и ко всем; для него нет ничего более ненавистного, чем человек, желающий иметь заслуги перед своим народом. Человек, прославившийся в какой бы то ни было области, должен опасаться, как бы его не наказали за достигнутые им успехи, так как эти успехи пугают властелина, вызывая в нем и в его недостойных фаворитах ревность. Будучи сами лишены добродетелей, они страшатся добродетельного человека и не признают его заслуг. Низость, лесть, доносы, самая подлая угодливость — вот качества, которые по душе порочной и завистливой власти; только давая ей возможность усилить общественные невзгоды, можно убедить ее в своей преданности и верности, в своих способностях.

Чтобы нравиться тиранам, надо самому быть тираном. При несправедливом монархе любовь к отечеству становится невозможной; сострадание к согражданам является бесполезным чувством, страсть к общественному благу — вредной склонностью, преданность долгу — проявлением глупости. Только лгуны могут

утверждать, будто любят страну, которой свойственно подобное отношение к вещам; только мошенникам и негодяям выгодно отсутствие в ней моральных устоев.

Итак, не ищите добродетелей в странах, где деспотизм утвердил свое могущество. Государь, лишенный справедливости и добросердечия, предающийся от скуки пороку, окруженный растленными, свыкшимися с преступлением людьми, дает народам пример, подражать которому побуждает восхищение, внушаемое его высоким положением. Гражданин, перенимая пороки и сумасбродства тех, кто стоит выше его на общественной лестнице, мнит себя возвеличенным, почитаемым и имеющим вес. Подданный деспота не может иметь ни малейшего представления о благородстве и величии; он движим только честолюбием. Чванливый и тщеславный двор распространяет любовь к роскоши. Чтобы утвердить собственную власть, каждый тиран считает выгодным для себя развращать своих подданных; он находит более надежным царствовать над предающимися пороку, изнеженности и беспорядочной жизни, чем над сдержанными в своих желаниях людьми. Добродетель возвышает душу человека, порок принижает и опошляет ее. Добродетель объединяет подданных, порок их разъединяет. Заслуженный человек полон величия, он дорожит общественным уважением; человек без заслуг труслив, низок и вынужден сам себя презирать.

Корыстолюбивым придворным свойственны лишь низкие склонности, присущие рабам и паразитам, которые привязываются к кому-либо только ради презренной выгоды. Их души мельчают, им чуждо истинное величие, они становятся малодушными и ведут легкомысленный образ жизни. Государством в целом овладевает тупое безразличие; ничто не способно согреть сердца, застывшие в апатии; их не трогают больше судьбы нации; они не страшатся и не предвидят революций. Если какое-либо внезапное изменение приводит к гибели деспота, деспотизм продолжает существовать. Он может изменить свою форму, но он необходим испорченным людям, которые в силу долгой привычки лишены честных и возвышенных чувств.

§ XXXV. Деспотизм не требует никаких способностей

Нас могут спросить, почему большинство народов стонет под игом деспотизма? Почему столько монархов всегда стремится осуществлять неограниченную власть? Мы ответим: потому, что из всех способов управления деспотизм является самым легким. Когда не обладаешь ни талантами, ни способностями, ни добродетелями, проще всего господствовать с помощью террора. Гораздо легче подчинять себе слепцов, чем прозорливых людей. Лабрюйер⁸ говорит, что для осуществления тирании не нужны ни искусство, ни знания. Гораздо легче справиться с толпой подданных, разобщенных пороком, разделенных подозрительностью, подавленных страхом, чем с добродетельной и разумной нацией.

Несмотря на то что деспотизм представляет собой описанное выше отвратительное зрелище, он может иногда доставить народу преходящее благополучие. Дайте миру траянов, антониев, марков аврелиев, и тогда не будет необходимости ограничивать их власть: чем большим будет их авторитет, тем счастливее будут их подданные; чем сильнее они будут, тем лучше смогут бороться с укоренившимися злоупотреблениями и невзгодами, так часто заставляющими страдать народы; чем большим будет их могущество, тем больше благ доставят их подданным производимые ими изменения.

Но история каждой своей страницей убеждает нас в том, что добрые деспоты встречаются очень редко, а тиранов можно увидеть повсюду; на смену мудрейшим государям чаще всего приходят чудовища; неограниченная власть развращает разум и сердце и в конце концов портит даже людей с самыми лучшими задатками. Известно, что Нерон был чудом добродетели в начале своего правления. Нам не преминут, конечно, заметить, что часто можно было наблюдать, как народы, подвластные деспотизму, творили великие дела и играли выдающуюся роль на мировой арене. В ответ нам придется повторить, что преходящее могущество, кровавые победы, несправедливые завоевания нисколько не свидетельствуют об истинном счастье народов,

которое должно быть единственной заботой всякого правительства. Все это, напротив, свидетельствует о том, что оступевшие от жестокости народы оказывались жертвами своих честолюбивых правителей. Мусульмане в свое время завоевали и Азию, и Африку, и часть Европы, ни на один миг не переставая при этом оставаться весьма несчастными⁹.

С какой бы точки зрения мы ни рассматривали деспотизм, все свидетельствует о том, что он является самым большим бедствием человеческого рода и неисчерпаемым источником несчастий, преследующих народы. Все убеждает нас в том, что деспотизм никому не приносит пользы и, вместо того чтобы давать преимущества тем, кто его осуществляет, лишает их привязанности подданных, действительного могущества, истинного величия, личной безопасности и в конце концов ведет к гибели народа и самих деспотов.

Наконец, если на свете существует истина, наглядно доказанная политической жизнью общества, то эта истина заключается в том, что *без свободы ни государи, ни их подданные не могут наслаждаться прочным счастьем.*

О СВОБОДЕ

§ I. О любви к свободе

Любовь к свободе — самая сильная из страстей человека; она вызвана его стремлением к самосохранению и беспрепятственному использованию личных способностей для того, чтобы сделать свою жизнь счастливой. Природа запечатлела это чувство во всех сердцах; она пожелала, чтобы каждый индивид дорожил собственным существованием; насилие, привычка, невежество, религиозные предубеждения могут на время притупить или ослабить привязанность человека к самому себе, но ничто никогда не может совсем уничтожить ее; этот иногда притупленный огонь всегда будет возрождаться из собственного пепла.

Хотя все человеческие страсти естественны, а целью всех движений человеческого сердца является самосохранение и благополучие, тем не менее человек должен руководствоваться в своих страстях разумом. Без разума любовь к самому себе, личный интерес, стремление к счастью часто являются лишь слепыми побуждениями, следствия которых вредно отражаются и на нас самих и на других людях; когда любовь к самому себе разумна, она ведет к добродетели; когда же ею руководит лишь расстроенное воображение, когда слишком взволнованная душа лишена способности судить о предмете своей страсти и о тех следствиях, к которым она может привести, любовь к самому себе становится

пороком. Свобода приносит вред, когда она ведет к отказу от подчинения законам, устанавливаемым справедливостью, разумом и обществом. Как только человек нарушает границы, установленные законами, использование им свободы превращается в несправедливость. Подобное применение свободы запрещено, поскольку оно выходит за пределы общественного договора. Действительно, общество, цель которого — обеспечение благосостояния и сохранение жизни всех его членов, приобретает законные права на каждого из тех, кто пользуется предоставляемыми им преимуществами; исходя из этого, оно может справедливо ограничивать свободу граждан или определять условия, на основании которых им можно пользоваться свободой.

Если бы каждый член общества пользовался свободой неограниченно и притом ценой нарушения законов своей природы, природы общественного существа, он сделал бы несчастными окружающих, а вскоре стал бы несчастен и сам. Следовательно, природа общественного существа налагает на человека обязанность искать свое счастье с помощью лишь таких средств, которые не наносят вреда ему подобным; она позволяет каждому стать счастливым, не допуская, однако, чтобы это нанесло ущерб счастью других.

Когда говорят, что природа создает всех людей свободными, этим вовсе не хотят сказать, что люди рождаются независимыми друг от друга. Как только между людьми устанавливаются определенные взаимоотношения, они подчиняются твердым нормам, или регламентации; всю свою жизнь они подвластны законам, предписываемым им природой и разумом; наконец, на них распространяются законы общества, которые, если они справедливы, являются не чем иным, как верным истолкованием законов природы и разума.

Правительство, являясь исполнительным органом общества, уполномоченным последним определять границы свободы граждан, объясняется с людьми посредством законов. Когда эти законы справедливы, они предоставляют гражданам возможность наслаждаться настолько полной свободой, насколько это могут допустить природа и разум в соответствии с потребностями

и условиями жизни общества. При несправедливом правительстве законы, продиктованные прихотью, насилием и личными интересами, почти всегда лишают граждан самых разумных прав и единственным мерилом свободы становится выгода законодателя.

§ II. Что такое любовь к свободе?

Итак, свобода — это возможность делать для своего счастья все, что допускает природа человека, живущего в обществе. Это определение позволяет нам отличать действительную свободу от той полной, но неосуществимой независимости, которая никогда не была уделом человека; оно показывает нам, насколько свобода отличается от безрассудного своеволия, проявление которого может принести только вред нам самим и другим людям. Когда свобода заставляет нас совершать действия, противоречащие законам природы и разума и, следовательно, враждебные целям общества, она является лишь безумством, которого не могут допустить наши сограждане, которое они должны пресечь и покарать в интересах всех людей. Но с другой стороны, когда закон мешает нам делать то, что требуют или разрешают нам природа, разум, благо общества, он несправедлив и тираничен, а его создатели превышают власть. Гражданские законы могут лишь применять законы природы или толковать их таким образом, чтобы это в наибольшей степени соответствовало благу данного общества.

Следовательно, мерилом свободы членов общества должно быть благо общества в целом. Объединяясь, люди подчиняют обществу свои действия; они берут на себя обязательство не пользоваться безграничной независимостью, потому что она нарушила бы объединяющие их связи. С другой стороны, жертвуя этой вредной независимостью, каждый из них не отказывается от права делать то, что, не принося вреда другим людям, могло бы способствовать его собственному благополучию и безопасности. Итак, ни общество, ни отдельные его члены никогда не могли отказаться от свободы.

§ III. Свободу нельзя смешивать со своеволением или распущенностью

Знаменитый автор произведения «О духе законов» сказал, что быть свободным — значит делать не то, что пожелаешь, а то, что должно желать¹. Руководствуясь этим неопровержимым принципом, легко понять, что ни один человек на земле не может притязать на полную независимость. Чему бы ни приписывали люди происхождение человеческого рода, человек даже в полном одиночестве всегда будет вынужден соотноситься с обязанностями, предписанными ему его природой; он не сможет нарушить их, не нанеся вреда собственному благополучию. Но человек никогда не был совершенно одинок; он всегда зависел от родителей, от семьи — словом, от общества, в котором находился с момента рождения. Каковы бы ни были человеческие институты и правила общежития, они никогда не могли предоставить никакому члену общества абсолютной независимости или права делать все, что он пожелает. Для того чтобы человек стал независим, ему нужно освободиться от самой своей природы, отказаться от своего существования в качестве человеческого индивида. Законы необходимости руководят всеми существами в природе и выступают для них в качестве сущности мирового порядка; в равной степени необходимые естественные законы управляют людьми и поддерживают порядок в обществе. Государь, которому нация доверила неограниченную власть, вынужден признавать законы этой природы, повелевающей им так же суверенно, как и наиболее слабым из его подданных. В силу вечного и неизбежного положения вещей нарушение этих законов не может быть безопасным. Если их нарушает отдельный человек, он рано или поздно будет наказан ухудшением своей участи или крушением своего благополучия; если эти законы попирает общественный деятель, его покарает ненависть сограждан, мысль о которой вызывает у него страх и угрызения совести. Все общество в целом за несоблюдение законов природы бывает наказано беспорядками, пороками и преступлениями,

которые нарушают его покой. Нации, не соблюдающие эти законы, сами переносят бесконечные несчастья и заставляют друг друга испытывать их. Тираны и деспоты, пренебрегающие этими высокими, требующими уважения законами или отвергающие их, предающиеся необузданному разгулу страстей, терпят жестокое наказание, будучи вынуждены постоянно испытывать страх, подозрения, тревогу и, наконец, пережить крушение собственной власти.

Своевольные тираны! В своем безумстве вы рассчитываете подчинить природу вашим несправедливым прихотям! Но природа сильнее вас и ваших армий; она рано или поздно наказывает вас за ваши преступления против нее.

Поэтому остережемся смешивать призрачную, несбыточную, совершенно несовместимую с порядком вещей независимость, или разрушительное своеволие, с истинной свободой, которая должна быть уделом всякого разумного общественного существа, которая является неотъемлемым правом его природы и лишить которой его могут лишь несправедливость и насилие.

§ IV. Причины потери свободы народами

Несмотря на любовь, питаемую всеми людьми к свободе, несмотря на подлинность актов, подтверждающих их право быть свободными, вся земля заселена несчастными народами, которых надменные властелины лишили самого дорогого для всех сердец блага. Эта загадка, несомненно, казалась бы неразрешимой, если бы история не предоставила нам возможности убедиться в том, что во все времена правительства утверждались большей частью путем насилия, а затем опирались на силу и хитрость. Привычка, лень, страх и невежество ослабили пружины человеческого сердца; можно сказать, что им удалось исказить естественные человеческие свойства и принизить человека в его собственных глазах. Всегда нераздельная, деятельная, решительная воля государей непрестанно делала бесполезным и бесплодным сопротивление общества, обычно расколотого, доведенного до состояния оцепенения

и лишенного сил, необходимых для поддержания своих прав или для их восстановления. Интересы тех, кто обладает властью, почти всегда отличные от интересов народа, превращали обыкновенно правителей в самых жестоких врагов свободы нации. Привыкнув смотреть на своих подданных как на стадо рабов, которыми можно располагать по собственному усмотрению, деспот считает, что действия подданных и даже их мысли должны быть постоянно подчинены его высочайшей воле.

Неограниченные властелины, не привыкшие встречать сопротивления, поощряемые лестью, глухие к голосу рассудка и считающие себя стоящими выше всяких законов, полагают, будто природа, более благосклонная к ним, чем к прочим людям, желает, чтобы в силу особой привилегии они одни пользовались правом проявлять своеволие, в то время как их подданные будут томиться в цепях. Порабощение подданных и надменность повелителей достигают апогея, когда суеверие обожествляет деспотизм и запрещает людям стремиться улучшить свою судьбу в этом мире.

§ V. Опасности своеволия

Таковы могучие преграды, которые противостоят свободе народов. Слишком хитрые для того, чтобы открыто нападать на благо, любовь к которому неизгладимо запечатлена в глубине человеческих сердец, люди, стремящиеся к установлению тирании, делают вид, будто постоянно путают естественную и разумную свободу с анархией и своеволием — словом, со злоупотреблением свободой. Члены общества могут быть свободны только в той мере, в какой это допускается законами разума. Подчиняться лишь справедливым законам — это и означает пользоваться самой полной свободой, какой только может пожелать гражданин. Если верховной власти следует установить справедливые границы своего могущества, то в интересах общества — установить границы также и для свободы. В противном случае каждый человек, ощутив в себе

достаточно сил, начал бы проявлять по отношению к другим самую жестокую тиранию. Нередко при демократии народ не имеет ни малейшего представления о свободе и его власть оказывается более суровой, нежели власть самого жестокого тирана. Если злоупотребление властью приводит к деспотизму, то слепой энтузиазм ведет к беспорядку, при котором каждый гражданин зависит от произвола его сограждан, и к анархии, которая делает общество более несчастным, чем при деспотическом правлении, в конечном счете приводя его к деспотизму. Если деспотизм повипен в несчастьях очень многих людей, то демократия подвергает невзгодам всех членов общества. Если те, кто правит людьми, могут злоупотреблять только властью, то народ, когда он перестает руководствоваться разумом или своими истинными интересами, может злоупотреблять только свободой. Как мы уже видели выше, именно в объятиях тирании расслабленные своеволием и анархией нации ищут утешения от печальных результатов беспорядков. Свобода без разума — гибельное оружие. Только добродетельный народ имеет понятие о правах истинной свободы. История большинства республик постоянно восстанавливает перед нашим взором возмутительные картины анархии, из-за которой народы купаются в собственной крови.

§ VI. Средства против своеволия

Только мудрые и основанные на разуме законы способны защитить общество от посягательств деспотизма и несчастных последствий своеволия. Поэтому мы не должны заблуждаться: действительная свобода не является чем-то исключительно присущим какой-либо одной форме проявления. При демократии народ, только по видимости осуществляющий суверенную власть, слишком часто является лишь рабом развращенных демагогов, которые льстят ему и разжигают его страсти; народ сам становится тираном. Личная заинтересованность и страсти превращают иногда наиболее ревностных по отношению к собственной

свободе республиканцев в самых несправедливых притеснителей свободы других людей.

Неопытный и неразумный ребенок может лишь злоупотреблять предоставляемой ему свободой во вред самому себе; воспитание, развивая его способности, учит его отличать те страсти, которым он должен следовать, от тех, которые он должен подавлять. Здравая политика призвана воспитывать народы; она должна учить их, формировать их разум и сердце, делать их человечными и справедливыми, воспитывать их в качестве общественных существ. Но ошибочная политика либо пренебрегает воспитанием граждан, либо решительно противится ему. Слишком часто те, кто правит народами, подают им лишь пример несправедливостей, насилий и коварства, что способно перепутать в головах людей все представления о нравственности; политика монархов нередко представляет собой сплошное сплетение преступлений. От распущенных государей распущенность передается их подданным. Священнослужители — лгуны или фанатики, далекие от того, чтобы просвещать народы, — делают их необщительными и беспокойными. Введенные в заблуждение подобными руководителями, люди редко обладают здоровыми представлениями о свободе и, решившись завоевать или защитить ее, ведут себя как дикие звери.

Часто благодаря удивительному злоупотреблению громкими словами свобода служит личиной для самой явной тирании. Разве польский шляхтич или немецкий князь не называют свободой право заставлять своих рабов и подданных страдать от жесточайшего гнета, лишая их поддержки авторитетной власти монарха? При феодальном правлении вооруженные и буйные сеньоры именовали свободой насилие, которое они безнаказанно осуществляли на глазах государя, не обладавшего реальной властью и слишком слабого для того, чтобы их обуздать. В некоторых аристократических республиках свобода состоит лишь в том, что высшие чиновники и дворяне присваивают себе право властвовать над народом, которым они управляют, как истинные деспоты. Положение некоторых

современных республик свидетельствует о том, что при господстве высшего чиновничества народ часто притесняют так же, как и при самом явном тиране. Наконец, те, кто правит государствами, нередко называют свободой возможность угнетать своих подданных. Вообще каждый человек воображает, будто быть свободным — значит иметь возможность, не задумываясь, делать все, что ему захочется. Но для того чтобы иметь право делать все, что захочется, необходимо желать только того, что полезно нам самим и не приносит вреда другим людям. Отсюда следует, что каждый из нас должен быть честным и порядочным, общительным, проникнутым глубоким и разумным чувством справедливости и человечности, для того чтобы сдерживать страсти, которые слишком часто влекут нас к преступному и опасному злоупотреблению свободой.

§ VII. Свобода должна быть основана на разуме и добродетели

Если на свете так мало хороших людей, так это потому, что лишь очень немногие обладают твердыми моральными устоями. Если в народах так много дурного, так это потому, что им показывают дурной пример те, кто руководит ими; правители, будучи лишены чувства справедливости, разума и способности заглядывать в будущее, побуждают народы к распущенности и нарушению порядка, что как бы возмещает последним отсутствие истинной свободы, которую им не дают познать и испытать. Мнимая свобода, которой пользуются те или иные народы, приводит к стольким волнениям лишь потому, что ее надежной опорой еще не стали здоровые нравы, просвещение, добродетель, т. е. все то, что одно лишь учит людей удерживать свои страсти в определенных границах. Нравственность является истинной основой всякого достойного правления.

Человек свободен повсюду, где правит закон; человек — раб там, где кто-либо господствует над законом; человек подвластен тирании там, где государь безна-

казанно может быть несправедливым. Даже при самом неограниченном правлении гражданин останется свободным, пока монарх будет справедлив; гражданин станет несчастным повсюду, где он будет вынужден подчиниться чьим-либо прихотям. Во времена Тита Рим был свободнее, чем во времена Сената; в эпоху Домициана он снова был поработчен.

Свобода может быть долговечной только при условии, что она подкреплена силой, способной заставить всех членов общества придерживаться справедливости и выполнять законы, устанавливающие определенные границы свободы как для подданных, так и для тех, кто ими управляет. В этом случае законы, связанные с основами государства и с самой его структурой, нельзя нарушить, не подвергая опасности нарушителей, стремиться поколебать эти ограничения значило бы подвергнуть себя таким опасностям, которые устрашат даже самого упорного и неустрашимого честолюбца.

§ VIII. Правильное понимание свободы

В счастливых обществах, которые оказались бы подчиненными справедливым или вынужденным быть справедливыми из-за самой структуры правления монархам, далеким от завистливых посягательств на выгоды и преимущества своих народов, даруемые им природой, за государем осталась бы одна только лестная и почетная обязанность обеспечивать людям те блага, в которых могла им отказать природа. Предоставляя свободу действительно просвещенным относительно своих общих интересов и объединившим свои усилия людям, природа и общество тем самым сделали бы для них все возможное. Ясное и беспристрастное законодательство, свободное от проявления вспышек своеволия и своекорыстной заинтересованности правителей, одинаково повелевало бы всеми сословиями государства; правосудие удерживало бы между ними равновесие; оно закрывало бы глаза на различия, определяемые происхождением, богатством, милостями правителя; оно ограждало бы слабого от посягательств силь-

ного. Признанная священной, собственность гражданина безнаказанно не подвергалась бы посягательствам со стороны более сильных и жадных членов общества. Собственность была бы прочно закреплена за ее законными владельцами, уверенными в том, что они смогут передать ее своему потомству. Закон защищал бы личность каждого подданного, и право распоряжаться его свободой принадлежало бы только государству и самому подданному; для верховной власти личность гражданина была бы священна и неприкосновенна. Бедняк, находясь под защитой общества, нашел бы в его лице поддержку против влиятельных людей, власть имущих и пристрастных защитников их интересов. Законы, твердо установленные формы правосудия и безупречные суды, даже наказывая за проступки, напоминали бы совершившему преступление гражданину о свободе, которой он стал недостойн, злоупотребив ею.

§ IX. Преимущества, обеспечиваемые свободой государю

Если бы монархи были более справедливы, если бы они действительно заботились о счастье своих государств, если бы разум имел право взывать к ним, то вместо того, чтобы объявлять войну свободе подданных, они видели бы свое счастье в том, чтобы дать им возможность наслаждаться столь драгоценным благом. Они радовались бы как величайшему счастьем тому, что закон лишает их возможности наносить вред людям, которых они обязаны защищать; они считали бы за честь стать исполнителями велений разума, проводниками мудрых законов, созданных на благо всем людям; и тогда все безропотно повиновались бы им. Нет никакой необходимости в неограниченной власти, когда у властелина отсутствуют прихоти, которые надо удовлетворять; законы, ограпичивающие власть государей, сами являются залогом послушания подданных. Подчинение подданных вернее всего обеспечено тогда, когда они подчиняются разумной и благодетельной власти.

Не будем думать поэтому, что свобода ослабляет действительное могущество государей и уменьшает уважение народов к ним. Монарх велик только тогда, когда он властвует над людьми с возвышенными сердцами; он могуществен лишь тогда, когда его приказы выполняются гражданами, стремящимися способствовать благу родины. При таком властелине дворянству или вельможам, выделенным самими гражданами, нет необходимости основывать свое высокое положение на благосклонности правителя; они не игрушки капризов непостоянного деспота. Не располагая, как это бывает при деспотизме, отвратительной привилегией терзать слабых и несчастных, они вместе с тем и сами не могут стать жертвами подозрений, интриг, клеветы и зависти; их общественное положение зависит не от происхождения или богатства: они обязаны им своей справедливости, своим благородным поступкам и заслугам, которые одни приносят человеку уважение в стране, где царствует разум и свобода. Звания, милости государя, роскошь импонируют лишь суетным и легкомысленным рабам, не имеющим истинного представления о величии. В действительности деспотизм уничтожает все ранги, он низводит все слои общества до положения рабов, сохраняя между ними лишь кажущиеся различия. Деспотизм разделяет все сословия государства для того, чтобы одно за другим ввергать их в рабство. Знатные люди при деспотизме лишь жалкие однодневные бабочки, великолепие и блеск которых всегда недолговечны.

§ X. Свобода выгодна всем гражданам

Таким образом, мы видим, что все члены государства равно заинтересованы в том, чтобы в нем царила свобода; охраняя наиболее слабых граждан, она в то же время обеспечивает величие дворянства, укрепляет трон монарха, объединяет устремления и силы всех подданных и, наконец, дает государству могущество и энергию, которые необходимы ему для отражения посягательств его врагов.

Не следует думать тем не менее, что свобода способна установить то несбыточное, фантастическое равенство, в котором природа отказала человеку; каждый гражданин свободной нации пользуется преимуществами, которые доставляют ему его способности, труд, мастерство, а иногда и простая случайность; но ему, безусловно, не дозволено пользоваться всем этим для подчинения себе тех, кто не обладает такими же возможностями, как и он. Беспристрастные и непреложные законы в равной степени повелевают всеми; этим они устанавливают вполне реальное равенство — единственное, на которое люди имеют право притязать. Народ свободен только там, где закон выполняется в прямом и точном смысле; как только кто-либо присваивает себе право толковать его, он оказывается вскоре вынужденным склониться перед волей великих мира сего; его используют для угнетения слабых; он становится орудием произвола; он уничтожает свободу и безопасность, являющиеся общим достоянием. Законы никогда не создаются для того, чтобы служить интересам сословий, отдельных лиц или тех, кто правит государством. Государство в действительности вовсе не свободно там, где правосудия можно добиться, только опираясь на богатство, общественное положение, протекцию; правосудие должно быть обеспечено посредством права, а не воли тех или иных людей. Повсюду, где некоторые граждане пользуются несправедливыми привилегиями или особыми преимуществами, не существует свободы; всякие привилегии несправедливы, поскольку они в тягость остальным и осуществляются за счет большинства членов общества; действительная привилегия свободного человека заключается в том, что его права гарантированы всеми его согражданами.

§ XI. О безопасности

Из всех преимуществ, делающих свободу дорогой сердцу граждан, самым ценным является то, что она обеспечивает им безопасность, неприкосновенность личности, нерушимость справедливых прав и незаб-

лемость собственности. Живя в обществе и подчиняясь правительству, люди, естественно, ставят перед собой цель не только гарантировать себе личное существование, но и обеспечить защиту всех тех благ, которые доставили им их труд, знания и личные способности или способности их отцов; предметы, необходимые для удовлетворения их потребностей, служат для того, чтобы сделать их жизнь приятной.

Собственность всегда была яблоком раздора между людьми; во все времена и во всяком обществе она вызывала непрерывную борьбу между государем и его подданными. Те, кто обладал властью, предназначенной служить опорой прав людей на их имущество, стремились лишь к тому, чтобы расширить эту власть и удушить свободу народов с целью завладеть их имуществом и плодами их труда; государи, подстрекаемые несправедливыми и лживыми министрами, преследуемые домогательствами докучливых, исполненных жадности придворных и ненасытных фаворитов, а еще более своими собственными страстями, чаще всего превращались в захватчиков, которых не могла обуздать никакая сила. Вследствие этого помощь, которую каждый гражданин должен был оказывать поддержанию государства, направлялась обычно не на эту основную цель, а служила наградой пороку и шла на удовлетворение тщеславия и роскоши королевских дворов. Монарх, часто доведенный до нищеты, несмотря на богатства, которыми он располагал, оказывался вынужденным прибегать к тысячам вымогательств, чтобы вырвать у подданных часть их средств, всегда отдаваемых ими с сожалением, особенно если они видели, как недостойно используются эти средства.

§ XII. О добровольном налоге

Одно из самых важных преимуществ свободного народа состоит в праве брать на себя такие обязательства, которые он считает необходимыми для нужд государства; в этом случае беспристрастные законы обязывают каждого гражданина по мере сил способствовать поддержанию общества как единого целого; произ-

вольные налоги свидетельствуют о несправедливости правительства, присваивающего себе право ограждать от поборов своих ставленников и разорять остальных граждан. При таком правлении часто случается, что богатого и могущественного человека освобождают от обложения, в то время как все налоги обрушиваются на слабого и несчастного, до которого никому нет дела.

У народа, пользующегося истинной свободой, распределение налогов не может быть произвольным; ему должно быть известно, на что расходуются вносимые им средства; те, в чьих руках находится власть, обязаны давать ему отчет, являясь лишь распорядителями, а не собственниками общественных средств. Если же в этом отношении имеют место злоупотребления, значит, закон не предусмотрел достаточных мер для предотвращения таковых. Законы должны создавать ограничения, которые заинтересованность и жадность не смогли бы переступить, даже употребив хитрость. Общество обязуется с помощью той части богатств своих членов, право на которую оно оставило за собой, обеспечить защиту всей остальной собственности граждан. Только при этом условии подданный может согласиться верить государству часть плодов своего труда. Нас могут спросить, какова же та справедливая доля богатства, которую нация должна выделить для собственного сохранения? Эта доля должна определяться действительными потребностями нации и обстоятельствами ее жизни, а не фантазиями ее руководителей или жадностью королевского двора.

§ XIII. Свобода способствует развитию промышленности

О процветании народа нельзя судить ни по обширности занимаемой им территории, ни по многочисленности армий, ни по блестящим победам, ни по роскоши городов, ни по пышности королевского двора, ни по великолепным памятникам его королям. О процветании народа надо судить по степени развития хозяйства, и в особенности земледелия. Только у свободной нации есть способствующие ее экономическому процветанию

уверенность в безопасности и свобода передвижения, смелость и энергия в труде. Не испытывая беспокойства за свою собственность, гражданин горячо отдается работе и хорошо возделывает ниву, которую несправедливость не может отнять у него. Если рост семьи умножит потребности гражданина, он добьется от земли более обильных урожаев, и рождение детей будет вызывать у него не огорчение, а радость; дети же его при умеренной работе, распределенной между большим числом рук, будут столь же счастливы, как и он сам. Гражданин охотно платит налоги, зная, что они необходимы для поддержания дарующей ему свою защиту родины; ему не приходится страдать от того, что плоды его трудов служат для насыщения жадности или удовлетворения стремления к роскоши тех, кто им управляет. Он любит свою страну, потому что живет в ней счастливо; он дорожит своими руководителями, потому что видит, как они заботятся о нем; его привязанность к ним, основанная на привязанности к самому себе, не беспричинный восторг и не пустое изумление перед величием — чувства, подчас испытываемые подданными деспота под влиянием привычки или молвы и всегда сопровождаемые сознанием собственного ничтожества.

Привязанность свободного человека к своей стране, основанная на законной любви к самому себе, более прочна и обоснована более разумно; он сознает, что у него есть родина, потому что родина там, где граждане пользуются благополучием. Подвергнется ли родина нападению несправедливых врагов? Будут ли ей угрожать честолюбивые завоеватели? Вздумает ли кто-нибудь лишить ее преимуществ, которыми она пользуется? Тотчас же сердце гражданина воспламенится энтузиазмом; он окажет родине поддержку во всех ее усилиях. Ведь он знает, что ее враги — это его враги и что, защищая государство, он защищает самого себя; всякие изменения противоречат его интересам, поскольку они могут быть только неблагоприятны для него.

Когда жители городов отдают всю свою энергию ремеслам и промышленности, их желание разбогатеть

обращается на пользу обществу. Страсти граждан могут быть полезны или вредны в зависимости от того, что достигается благодаря им; будучи направляемы соответствующим образом, они всегда приносят обществу выгоду. Так, страсть к обогащению, ищущая удовлетворения в торговле, обеспечивает гражданину достаток, благотворные последствия которого ощущает и государство. Освобождение вызванных стремлением обеспечить свое благосостояние начинаний гражданина от пут тирании, обременительных налогов и деспотических притеснений дает ему возможность осуществить все задуманное. Если он жертвует частью извлекаемых им доходов, то разум подсказывает ему, что он приносит эту жертву в собственных интересах, что он должен платить обществу за заботы и помощь, без которых он не мог бы ни приобретать, ни пользоваться приобретенным.

§ XIV. О религиозной свободе

Для того чтобы человек был свободен, недостаточно оградить от притеснений его личность и его собственность; необходимо также, чтобы, освободив свой ум от пут тирании, он мог свободно следовать убеждениям, которые считает истинными, полезными, необходимыми для собственного благополучия. Люди обычно религиозны, но они придерживаются различных убеждений. Все народы преклоняются перед богом или богами, по-разному представляя и почитая их. Если привычка, воспитание и общественное мнение приучили человека постоянно рассматривать все под определенным углом зрения, верить в незримую силу, от которой он будто бы зависит, и почитать ее как вершителя своей судьбы, эти воззрения отождествляются для него с ним самим и становятся необходимыми ему; тщетны были бы попытки заставить его отказаться от них; его непокорный ум будет всеми силами сопротивляться насилью; он станет еще больше дорожить своими убеждениями в силу препятствий, которые они встречают; он будет придерживаться их с особым упорством, считая их угодными существу, почитаемому им в качестве самого высшего в природе.

Убеждения людей относительно сущности бога, перед которым все преклоняются с равным невежеством, не являются и не могут являться одинаковыми; не может быть согласия ни в характере представлений о божестве, ни в том, как служить ему или как удостоиться его благосклонности. Религиозные представления основаны на верованиях, обычаях, откровениях, которые всегда несходны между собой и по-разному преломляются в сознании людей, причем каждый из них убеждает себя, что его понимание является наилучшим, т. е. наиболее полезным для его благополучия.

Поэтому применить насилие по отношению к религии, т. е. к тому, что люди считают для себя самым дорогим, помешать им выполнять их обряды значило бы сделать их несчастными. Их самолюбие и религиозная экзальтация разгорятся, и они при любых обстоятельствах встанут на защиту своих убеждений, упорство в которых будут ставить себе в заслугу. Каждый из них будет думать, что отречься от разделяемых им убеждений было бы величайшей опасностью, а это приведет к расколу общества, причем одна часть его членов под предлогом религиозного рвення займется преследованием другой его части, одержимой таким же рвением. Подобное положение породит ядовитую ненависть, являющуюся, как свидетельствует опыт всех времен, самой страшной из тех сил, которые могут разобщить нацию и вызвать беспорядки. Религиозные распри приводят к особенно тяжелым последствиям в тех случаях, когда верховная власть имеет глупость стремиться к установлению несвойственного людям единства мнений. Последствия такого насильственного выравнивания мнений особенно ужасны, когда власть стремится привести отношение подданных к предмету, почитаемому ими больше, чем все человеческие законы, чем королевская власть и их собственная жизнь, в соответствие со своим отношением к нему.

§ XV. Тирания нетерпимости

Если лишать гражданина благ, которыми он обладает, — значит становиться на путь тирании, то лишать

человека его убеждений о боге, которые ему зачастую дороже всей собственности и даже жизни, равносильно проявлению еще более вопиющей тирании и жестокости. Здравая политика допускает существование всех религий и верований, которых придерживаются граждане, относится к ним совершенно одинаково и никогда не мирится с тем, чтобы одна из них притесняла все остальные или нарушала их покой. Как только правительство встает на сторону одной из них, оно теряет право быть судьей между ними.

Представляется достойным удивления тот факт, что именно страна с деспотической властью дает нам самый разительный пример религиозной терпимости. Китайская империя, управляемая мудрецами, которым мораль заменяет религию², позволяет народам — вечным детям, всегда жадным ко всему чудесному, — быть свободными последователями избранных ими вероучений. Лишь в недавние времена правительство Китая сделало исключение для христианской религии. Дух нетерпимости, свойственный этой религии, независимость, которой хотят пользоваться ее служители по отношению к земной власти, и, наконец, ущерб, который наносит росту народонаселения безбрачие, явились причинами, убедившими китайских императоров в необходимости изгнания христианства из их владений.

Стремление заставить людей отказаться от культа, который они считают угодным своему богу, ради другого культа, который представляется им ненавистным для их божества, является несправедливым насилием над свободой и посягательством на права людей. Верховная власть вырождается в безрассудную тиранию, когда она стремится предписать людям то, что они должны думать. Уполномоченная обществом руководить его деятельностью, верховная власть, не будучи безумной, никогда не может присваивать себе абсурдное право направлять или сдерживать скрытое движение умов своих подданных. Сердце человека — неприкосновенное святилище, доступное лишь вдохновению или страсти; здесь одно только собственное суждение имеет власть и право что-либо решать. Человек испыты-

ваает влечение только к тем убеждениям, которые он считает сообразными со своим благополучием; он поклоняется такому богу, образ которого и форму служения которому считает для себя наиболее подходящими; государь, если он не потерял рассудок, никогда не должен претендовать на варварское право смущать человеческую совесть. Если государь обладает разумом и чувством справедливости, он воздержится от поддержки фанатиков и корыстолюбцев, считающих недостойными жить в обществе или пользоваться доставляемыми им преимуществами тех, кто отказывается подчиниться их надуманным идеям или высокомерным решениям.

Не следует преувеличивать опасности, с которой связана свобода мысли; те, кто обладает властью, должны понимать, что для государства не существует более реальной опасности, чем опасность посеять волнения и довести до отчаяния какую-либо часть граждан ради того, чтобы навязать всем не имеющие значения убеждения, произвольные обряды и непостижимые таинства. Религиозные системы вызывают смуты в обществе только в том случае, когда несправедливость и тирания стремятся их задушить. Законодателя должны интересовать только поступки людей; если они приносят пользу и исполнены добродетели, то люди должны быть свободны думать, как им заблагорассудится. Для человека гораздо лучше от природы быть совершенно лишенным способности мыслить, чем оказаться вынужденным приспособлять свои суждения к прихотям других людей. Мудрое правление управляет даже самым суеверием: оно терпимо относится к его сумасбродствам, поскольку последние стали необходимы людям, но пресекает их, если их следствия приносят людям вред. Задача любого правления состоит в том, чтобы заставить все религиозные секты способствовать счастью общества. Свобода мыслить и письменно и устно выражать свои мысли является опорой всякого достойного правительства; такая свобода кажется опасной только тому, кто считает себя заинтересованным в уничтожении справедливости и разума.

§ XVI. О свободе печати

Только что сказанное может послужить основой для определения линии поведения, которой должно придерживаться просвещенное правительство по отношению ко всему тому, что говорят и о чем пишут граждане. Будучи врагом всякой свободы, тирания во все времена ожесточенно преследовала тех, кто своими произведениями или речами просвещал себе подобных о самых важных предметах. «По какому праву, — спрашивают нас приверженцы тирании, — какой-то презренный подданный *будет вмешиваться в дела управления?*» По тому же самому праву, по которому путешествующий по морю человек, если он не спит, может иногда дать спасительный совет задремавшему кормчему, стоящему у штурвала корабля. Разве государи и их министры являются единственными смертными, для которых советы бесполезны? Что интересного останется людям, если им запретят заниматься вопросами религии, от которой, согласно убеждениям большинства из них, зависит их вечное блаженство, и проявлять интерес к государственному управлению, которое определяет их благополучие в этом мире? Разве лишать человеческий разум возможности заниматься серьезными вопросами не значит низводить людей до положения детей? Эта истина может послужить нам для того, чтобы понять источник ребячества, легкомыслия, нелепостей, которые можно обнаружить в творениях писателей некоторых наций, писателей, которые не имеют обыкновения заниматься полезными и важными предметами. Долговечные и представляющие действительный интерес произведения могут появиться только в странах, где человеку разрешено быть человеком и гражданином.

§ XVII. О чрезмерной вольности в печатных произведениях

Другой крайностью является скрывающаяся под маской свободы распущенность, защитники которой утверждают, что было бы несправедливо ограничи-

вать какие бы то ни было злоупотребления печатным словом. Разум указывает нам золотую середину между этими крайностями. Когда речи или печатные произведения, не обеспечивая обществу ничего положительного, вносят тревогу и смуту в сердца его справедливых руководителей или честных граждан, они заслуживают строгого порицания; но когда писатели обрушиваются на испорченных людей, рассчитывающих спокойно и без всяких угрызений совести извлекать пользу из общественной нищеты, что за презренный раб тот человек, который решится осудить таких писателей? Долг каждого честного гражданина — раскрыть перед родиной ее явных или тайных врагов, которым она дает приют. Но нас могут спросить: разве разоблачитель не может быть ослеплен духом борьбы между партийными группировками, страстью или личной заинтересованностью? Конечно, может! Но тогда он — отвратительный клеветник или подлый убийца, заслуживающий презрения своих сограждан.

Однако разве из того факта, что поджигатель пользуется огнем для совершения поджога, власть должна заключить, что необходимо лишить огня всех граждан? Вправе ли она, для того чтобы на больших дорогах не было грабителей, разрушить эти дороги и сделать их непроезжими?

Каждый гражданин обязан служить родине по мере своих способностей; каждый мыслящий человек должен отдавать отечеству плоды своих размышлений. Можно ли считать вредным произведение, в котором автор, движимый преклонением перед добродетелью и чувством патриотизма, безо всякой злонамеренности или враждебности укажет средства, которые, по его мнению, должны принести его родине счастье? Можно ли считать достойным наказания посягательством действия гражданина, разоблачающего перед обществом и теми, кто им управляет, опасные злоупотребления, которые основаны лишь на клевете, предрассудках, несправедливости и за которые целые нации платят своим благополучием? Разве произведение достойно осуждения, если оно стремится убедить монархов вернуться на путь подчинения законам природы и разу-

ма, с которого их так часто совращают неосторожные поступки? Достоянным государям и их мудрым министрам нечего бояться сатирических сочинений и пасквилей. Разве такие правители, как Тит или Марк Аврелий, менее прочно чувствовали бы себя на троне, если бы какой-нибудь безрассудный писака высказал недовольство их правлением? Только недостойные люди должны страшиться истины; очевидная для всех клевета бесцельна опорочить людей, в чьих добродетелях общество имеет возможность убедиться на собственном опыте. Враги же нации заслуживают того, чтобы быть покрытыми позором и бесчестьем. Тот, кто нарушает законы, заслуживает, чтобы каждый боролся с ним самым верным и самым действенным образом, стем чтобы обуздать его и заставить стыдиться своих действий. Распушенность и несправедливость могущественных людей дают гражданам право осуществлять по отношению к ним правосудие, предавая их суду общества, интересы которого они попирают. Когда законы вынуждены молчать, каждый гражданин имеет право по-своему толковать нужды отечества и мстить за его поругание. Сочинение может быть признано злонамеренным лишь в том случае, если оно действительно вредит обществу, а не тогда, когда оно не нравится его наиболее заклятым врагам.

Но нас могут спросить, где предел свободы печати? Разве автор не заслуживает наказания, если его произведение продиктовано личной враждой, стремлением к мести, желанием вызвать беспорядки? Всякому автору недостойного сочинения не придется долго ждать наказания. Общественное возмущение очень скоро отомстит за оскорбление добродетели и заслуг; презрение, угрызения совести, бесчестье становятся обычно уделом писателей, пером которых руководили только личные страсти и ярость.

Несомненно, что возможность пользоваться неограниченной свободой может создать неудобства для отдельных лиц, но общество как целое, интересам которого должны быть подчинены интересы его отдельных членов, всегда получит от этого только неценные преимущества. Если сатира будет обращена против

тех, кто справедливо управляет обществом, если клевета будет чернить их, то позор падает не на них, а на тех, кто хотел бы им повредить. Что же касается угнетателей человеческого рода, то пусть они пытаются, если смогут, заглушить голос разума, пусть стесняют свободу печати, пусть запугивают глашатаев человечности, пусть преследуют свободу,— их тщетные усилия явятся лишь еще одним свидетельством их позора и навлекут на них вполне заслуженную ненависть.

Нет ничего более несправедливого, чем лишение граждан права свободно высказываться устно или письменно о том, что важно для их благополучия; на каком основании можно лишать их возможности заниматься предметами, которые единственно достойны их внимания? Истина всегда лишь выигрывает от открытого обсуждения; только ложь и преступление заинтересованы в том, чтобы скрываться в тени таинственности. Истина, которая всегда приносит людям пользу, может иногда оскорблять тиранов, но она могущественнее, чем тираны; рано или поздно она восторжествует над их темными замыслами, и тогда народы пожнут то, что ею посеяно. Когда безрассудные и дерзкие люди выступают против истины, она выходит победительницей из сражений, которые ей навязывают; только несправедливость и ложь страшатся испытаний и боятся быть разоблаченными. Поэтому пусть ревностно оберегающая свою свободу нация остерегается под легковесными предложениями наказывать и лишать энергии людей, помогающих ей осознать ее действительные интересы; пусть она остерегается, как бы в руках власти, которой неприятна истина, законы не превратились в орудие неразумной мести.

Граждане, обладающие способностью мыслить, стремитесь к истине! Думайте о благополучии вашей родины! Вы обязаны поставить ей на службу свои знания; так раскройте же перед ней козни ее врагов, боритесь против вредных для нее предрассудков, укажите ей на бедствия, которые тайно ее подтачивают, укажите ей средства для искоренения этих бедствий, чтобы при благоприятных обстоятельствах она смогла применить их. Воля общества имеет право определять и исправ-

лять деятельность его руководителей и законодателей; предназначение последних как раз и состоит в том, чтобы следовать по пути, указанному этой волей. Только с помощью знаний народ может облегчить свою участь. Народ очень легко впадает в ослепление и проявляет слабость, если угнетение лишает его той помощи, которую могут оказать ему знания; он неизбежно становится в таком случае жертвой тирании, фанатизма и клеветы. Нередко увлеченный обманчивыми религиозными предрассудками, народ сам с презрением отвергает предлагаемую ему помощь; он рассматривает врагов своих тиранов как собственных врагов. Но в конце концов семена истины дают всходы, и тогда он заливаётся краской стыда за то, что отвергал своих самых преданных сынов. Тирания, которая слепа сама, стремится, чтобы те, кем она повелевает, были тоже слепыми; всегда подозрительная и несправедливая, она не терпит просвещения подданных. Беспорным свидетельством порочности системы управления является запрещение обсуждать действия правительства и просвещать людей. Разве не представляется исключительно странной политика, состоящая в том, чтобы с самыми просвещенными гражданами поступать как с врагами государства?

§ XVIII. Проявление смелости в печатных произведениях

Какое произведение можно назвать смелым? Произведение, дающее согражданам автора возможность познать истины, которые им неизвестны, и раскрывающее перед ними принципы, которые автор считает полезными, хотя бы они и противоречили установившимся предрассудкам и страстям тех, от кого зависит судьба членов общества. Отважный автор делится со своими согражданами мыслями для того, чтобы они могли вынести о них суждение: принять их, если они истинны, отвергнуть, если они ложны. Принято возмущаться дерзостью тех, кто открыто нападает на убеждения, освященные невежеством, временем или авторитетом; но большинство людей обыкновенно лишь

очень слабо воспринимает новые истины, когда их раскрывают перед ними впервые; только потомки собирают обыкновенно запоздалые плоды просвещения, семена которого посеяны их отцами; они оценивают силу разумных доводов и применяют их на практике, когда для этого представляется возможность. Те, кто преследует свободу, своим поведением не доказывают ничего другого, кроме того, что истина их тревожит.

При неограниченной власти всякое словесное выражение законного беспокойства или нетерпения граждан в связи с очевидной неспособностью какого-либо деятеля или явными злоупотреблениями тирании рассматривается как дерзость или мятеж. Цель всякого правительства — процветание управляемой им нации, но в силу какого-то удивительного рока не существует почти ни одной страны, где народ имел бы право проверять, как им управляют. Когда лица, уполномоченные обществом осуществлять управление, отказываются прислушаться к голосу истины, разве они тем самым фактически не признают, что поступают плохо в настоящем и не имеют желания поступать лучше в будущем?

Может быть, наука об управлении государством является единственной областью знаний, где нет необходимости ни в плодах человеческого размышления, ни в обобщении опыта всех людей? Может быть, те, в чьих руках находится власть, в своем сомнении вознеслись настолько, что считают силу своего гения, свою проницательность и свои возможности непогрешимыми и достаточными для того, чтобы найти выход из самых трудных обстоятельств? Быть может, они льстят себя надеждой, что их законодательство настолько совершенно, что не нуждается ни в каких улучшениях? Но достаточно беглого взгляда, чтобы рассеять эти заблуждения. Искусство управлять людьми находится еще в младенческом возрасте. Правительство — это такая машина, которая требует постоянного улучшения, ее необходимо беспрестанно исправлять и держать в порядке. Говорят, что в былые времена гуси спасли Капитолий. Самый незначительный из граждан может иногда дать такой полезный совет, от которого будет зависеть спасение государства. Печатное произве-

дение, представленное на суд общества, вскоре оценивается по заслугам, и общественное мнение может обычно стать надежным мерилom для тех, кто управляет обществом. На книгу надо отвечать книгой, а не тюрьмами и пытками, которые уничтожают человека, не опровергая его доводов. Правительства, карающие смелых писателей, напоминают своеправных детей, недовольных предупреждением об опасности, которой они сами себя подвергают.

Справедливое правительство стремится руководить разумными и способными осознать свое счастье людьми, оно знает, что его подданные будут тем добродетельнее, чем они просвещеннее. Правительство, допускающее произвол, стремится руководить лишь неразумными животными.

§ XIX. Все народы имеют право на свободу

Если все народы стремятся стать счастливыми и вправе заботиться о своем счастье, то все они имеют право на свободу, хотя в действительности часто являются рабами. Только безумие может привести к отказу от этого права; только невежество может стать причиной его непризнания; только несправедливость может его отнять; наконец, лишь полнейшее отупение и самая безнадежная глупость могут сделать человека нечувствительным к благу, предназначенному природой для всех обитателей земли.

Между тем известно, что существуют народы, которые в силу привычки считают почти естественным пребывание в цепях. Вследствие продолжительной пассивности, длительного физического и духовного оцепенения, они безразличны к радостям свободы. Внушенные воспитанием предрассудки, отсутствие привычки к самостоятельному мышлению, леность, легкомыслие и страх — вот что подавляет у целых народов желание сбросить цепи рабства ради более счастливой судьбы. Само слово «свобода» неизвестно тем восточным народам, которых в течение тысячелетий, из поколения в поколение, религия, невежество и ставшее традиционным унижение делают рабами любой при-

хоти их султанов. Как могли бы эти несчастные желать блага, о котором они не имеют ни малейшего представления? Если бы это желание и возникло в их душе, оно казалось бы им бунтом против неба, требующего, чтобы в этом мире люди были несчастны.

У расслабленных роскошью народов, которых усыпляет в рабстве более умеренный деспотизм, люди считают себя свободными потому, что могут иногда предаваться буйству, минутным прихотям своей природы или пустому злословию, которым правительство не придает никакого значения, так как оно достаточно могущественно для того, чтобы не страшиться недовольных; они обольщаются, полагая, что у них нет цепей, поскольку об этих цепях разрешено говорить. Тщетно было бы искать в этих бессильных душах то глубокое возмущение угнетением, которое должно пылать в груди каждого справедливого человека; тщетно было бы искать в них то воодушевление, которое испытывает гражданин, заглядывающий в будущее и заботящийся о грядущих поколениях; тщетно было бы рассчитывать найти в них благородный пыл, которым воодушевлены люди, способные размышлять о сладости свободы; это слишком великие страсти для слабых и мелких душ.

Найдется ли человек, который объяснит этим поверхностным и бесчувственным людям, что взимаемые с такой суровостью налоги делают большинство их сограждан несчастными и приводят к обезлюдению деревень, вследствие чего поля остаются невозделанными? Откроют ли им глаза на то, что их богатства, вместо того чтобы служить удовлетворению потребностей государства, укреплению его безопасности и вознаграждению тех, кто приносит ему пользу, недостойно растрачиваются на прихоти распутного двора, на утоление жадности нескольких бесчестных фаворитов, творящих лишь вред, на оплату низостей и преступлений? Заставят ли этих людей подумать о несчастных детях, отцы которых не уверены в том, что смогут передать им свое состояние, так как люди, пользующиеся покровительством властей и влиянием в обществе, могут в любую минуту лишиться их собственности,

всегда ненадежной, коль скоро она не ограждена законами? Даст ли им кто-либо возможность понять те трудности и неудобства, которые испытывает торговля, страдающая от жадности властей и налагаемых на нее ограничений, лишенная покровительства и защиты? Укажет ли им кто-либо на ужасные последствия постоянно возобновляемых войн, которые предпринимаются не для защиты государства, а для истребления бесчисленных жертв тщеславия кровожадного монарха и его министров или гордости и ненасытности нескольких вельмож?

Такая широта взглядов недоступна тем, кто привык обращать внимание лишь на незначительные предметы; подобные размышления слишком серьезны для младенцев, либо неспособных рассуждать, либо постоянно отвлекаемых пустыми забавами; они довольствуются возможностью наслаждаться доступными им благами, испытывая удовлетворение от одного разрешения лепетать о своих недугах и не задумываясь над необходимостью искать средств, чтобы от них избавиться. Достаточно безумные для того, чтобы смеяться над собственными бедствиями, гордые мнимым равенством, на каждом шагу развенчиваемым жизнью, эти рабы считают себя вознагражденными за все испытываемые ими действительные бедствия призраком свободы. Горячность человека, влюбленного в подлинную свободу, кажется смешной этим бесстрастным существам. Во всем покорные деспоту и, как эхо, вторящие ему, они принимают свободу за своеволие и рассматривают ее как мятеж; они преувеличивают бедствия, с которыми связана борьба за свободу.

«Взгляните, — говорят они, — на страны, где царит столь хваленая свобода; их разрывают на части раздоры партий, их опустошают революции. И разве купленная ценою крови свобода не приводит рано или поздно к тому, что страна все равно становится добычей какого-нибудь хитроумного и властолюбивого государя?»

Бесчувственные или самодовольные рабы! Если таково ваше желание, с радостью носите ваши цепи; предпочитайте роковую беспечность деятельности,

направленной на воодушевление граждан; бесстыдно целуйте путы, удерживающие вас в темницах; будьте настолько малодушны, чтобы чувствовать себя хорошо в этих темницах, поскольку в них вам живется спокойно. Если ваши порочные и тупые души находят прелесть в невольничестве, то в знакомых с его плачевными последствиями честных и разумных душах рабство вызывает ужас и отвращение.

§ XX. О борьбе политических группировок в свободных странах

Следует признать, что свобода очень часто была результатом революции и очень редко разума; для того чтобы подавить какие-либо страсти, нужны другие страсти; именно чрезмерная тяжесть бедствий вынуждала людей искать в революции средство против них. Невежество и лень побуждают людей мириться со своей участью; люди терпят свою горькую долю до тех пор, пока они в состоянии переносить ее тяжесть. Но в конце концов ожесточившись в своем несчастье, отчаявшийся раб рвет цепи; измученный гнетом власти, он пытается освободиться от нее любыми средствами. Таким образом, сам деспотизм заставляет рабов искать в революциях жестокое и опасное, но ставшее необходимым средство спасения. В политической жизни общества революции играют такую же роль, как бури и грозы в природе; они очищают воздух, восстанавливают мир и покой. Деспотизм, уподобляясь раскаленным лучам слишком горячего солнца, накапливает тучи, которые в один прекрасный день неизбежно должны разразиться сотрясающей землю грозой.

Если борьба политических группировок нарушает мир в обществах, где царит свобода, то лишь потому, что основы свободы там еще недостаточно прочны. Нас могут спросить, являются ли жители свободной страны более счастливыми, чем граждане других стран? Лучше ли выполняются их пожелания? Ощущают ли они свое счастье?

К обладанию большим благом всегда примешивается доля беспокойства; тем, кому нечего терять, не

о чем и тревожиться. К тому же человеку свойственно никогда не испытывать полного удовлетворения; исполнение желаний ввергает его в бездействие, которое всегда сопровождают слабость и апатия. Любовь к свободе, которая постоянно вступает в непримиримую борьбу со своекорыстными интересами стольких могущественных или хитрых людей, — страсть всегда бодрствующая и ревнивая. Покой, которым подчас наслаждаются подданные деспота, напоминает вынужденное бездействие людей, содержащихся в тюрьме; даже их веселье — это веселье несчастных, опьяняющих себя, чтобы хоть на время забыться и уйти от своих горестей; их отдых подобен отдыху больного, которого тяготит его слабость.

Деятельность политических партий приносит нации пользу лишь постольку, поскольку она обеспечивает народу все большую и большую свободу. Политический организм, так же как и организм человека, требует движения и упражнений для сохранения сил и поддержания жизнедеятельности. Здоровье нашего тела зависит от умеренных упражнений, которые, не переутомляя его, развивают его способности; политический организм также должен находиться в действии; необходимо, чтобы различные сословия государства вели между собой борьбу, которая становится опасной только тогда, когда нарушается равновесие. Спокойствие деспотического государства подобно неподвижности трупа, который шевелится только оттого, что его подтачивают черви или пожирают звери. Один из великих людей сказал, что рабство всегда начинается с состояния усиленности³. Для того чтобы защитить свободу, которую постоянно пытаются уничтожить ее многочисленные враги внутри самого общества, граждане должны быть деятельными и бдительными. Свобода негодна главе государства, который всегда стремится быть абсолютным властелином; она не нравится его министрам, желающим угнетать народ от его имени. Свобода задевает честолюбие вельмож, которые хотят, чтобы их выделяли из общей среды несправедливыми привилегиями; она кажется опасной откупщикам палатов, стремящимся безнаказанно гра-

бить и народы, и их государей; она вызывает подозрения у служителей церкви, которым пужны лишь легковверные и покорные рабы; всякий человек, которому свойственны жадность, суетность, легкомыслие, порочность, чувства которого притуплены чрезмерным богатством, является врагом свободы.

§ XXI. О всенародном счастье

Народ можно считать счастливым, когда большинство граждан обеспечено всем необходимым. Благополучие народа состоит в поддерживаемом законами равновесии и порядке, в личной безопасности граждан, сохранности их собственности, в возможности для всех граждан удовлетворять свои потребности без чрезмерного труда. Осуществление всего этого возможно только в условиях свободы.

Представим себе на минуту, как выглядит свободная нация в отличие от государства, народ которого подчинен неограниченным властелинам. Прежде всего перед нашими взорами предстанет приятнейшее зрелище плодородных и хорошо обработанных полей; мы увидим земледельца, не изнуренного чрезмерным трудом, окруженного многочисленным семейством, все члены которого пышут здоровьем, свидетельствующим о том, что их потребности удовлетворены. Мы увидим города, которые имеют возможность широко развивать свою деятельность благодаря поощрению торговли и ремесла, города, которые радуют глаз таким разнообразием, что душа испытывает приятное волнение. Мы увидим, как распределенное должным образом богатство придает самым скромным жилищам такой вид, который свидетельствует о зажиточности их обитателей.

Совсем иначе обстоит дело в странах, которые подвергает опустошению деспотизм. Мы увидим здесь плохо обработанные поля; нас ужаснет картина жизни изнуренного земледельца, которому преждевременная старость уже приготовила могилу. В этих странах слабые, исхудалые, с колыбели обреченные на нищету дети напрасно просят хлеба у изнуренной нуждой матери;

жалкая хижина едва защищает здесь от холода и зноя земледельца, страдания которого усугубляет зрелище оскорбляющих его взор роскошных домов угнетателей, обладающих преимуществами власти, и богачей, нажившихся за счет его нищеты. Фабрики, изготовляющие только предметы роскоши, служат лишь небольшому числу привилегированных людей, обладающих достаточной дерзостью, чтобы выставлять напоказ свое величие среди умирающего от голода народа.

§ XXII. Где нет свободы, там нет и отечества

В стране, где свобода уничтожена произволом неограниченной власти, для большинства людей не существует ни отдыха, ни безопасности, ни счастья. Только общество, где царит свобода, может быть могущественным, и только там у людей есть отечество.

«Что же привязывает нас к отечеству,— спросит раб, чей разум вследствие унижений потерял способность размышлять,— не глупа ли любовь к земле, на которой мы родились?» Нет, это разумная любовь к самим себе, которая учит нас высоко ценить и любить правительство, охраняющее нас, законы, стоящие на страже неприкосновенности нашей личности и собственности, общество, труд которого составляет основу нашего благополучия. Только свобода может обеспечить гражданину эти преимущества, следовательно, без нее не может быть и отечества; любовь к своей стране всегда представляет собой не что иное, как любовь к самому себе.

Может ли раб испытывать нежность к проклятой земле, политой его горькими слезами, подчиненной бесчеловечным властителям, которые лишают ее обитателей всех благ, предназначенных им самой природой? Какими узами может быть связан раб с равнодушными или растленными государями, которые, думая лишь о самих себе, заботясь лишь об удовлетворении собственных страстей, забывают или не хотят знать, что власть доверена им только для того, чтобы сделать своих подданных счастливыми? Может ли в такой стране любовь к властелину быть чем-нибудь иным,

кроме бессознательного побуждения, ни на чем не основанной привычки, настоящего безумия или, быть может, трусливого и малодушного лицемерия? Говорить о любви к тиранам — значит лгать безо всякого стыда.

В свободном обществе счастливый отец пользуется миром и довольством вместе со своей семьей; он с юных лет внушает детям любовь к правительству, под сенью которого их существование будет счастливым; он разъясняет семье, что принадлежащие ей поля не могут стать добычей несправедливого похитителя; он воспитывает в сыновьях мужественную гордость и великодушие, которые порождаются уверенностью в собственных правах и сознанием безопасности. При деспотизме все бывает как раз наоборот. Сердце отца становится беспокойным, он мрачнеет при виде тех, кому дал жизнь, упрекает себя в их рождении, опасается, как бы несправедливость не лишила их или его самого плодов его труда, трепещет, как бы новые налоги не наказали его за трудолюбие. Деспотизм внушает отвращение, робость и малодушие, приниженность или неумное восхищение своим величием родившимся для рабства существам, которых гордость сделала бы лишь еще более несчастными. Тщетно было бы ожидать проявления энергии от этих униженных в собственных глазах людей: несчастный невольник, презираемый своими повелителями, кончает тем, что начинает презирать самого себя.

Итак, там, где нет свободы, не может быть и родины. Границы государства являются для подданных деспота загоном, в котором он запирает робкое стадо для того, чтобы по собственному усмотрению выбирать в нем жертвы своей ненасытности. Здесь можно защищать только счастье властелина и тех, с кем он делит плоть и кровь своих рабов. У этих несчастных или беспечных рабов нет ни смелости, ни величия души, ни воинственного духа; им можно внушить лишь вспышку гнева, кратковременный порыв возмущения, который сразу же рассеивается, как только они начинают думать о том, как прочны их цепи.

Для того чтобы общество было могущественным, необходимо, чтобы его защищали отважные люди с возвышенными душами, чьи силы и устремления объеди-

няет сознание общих интересов и чье благополучие связано с осуществлением целей общества. Разве существуют подобные связи для неспособных взглянуть в будущее без содрогания людей, которым безразлично любое правление и которым нечего терять при любых изменениях, потому что им совершенно чуждо счастье. Монтескье говорит, что у свободной нации может быть освободитель, у порабощенной же нации может быть только угнетатель⁴.

Деспот осуществляет завоевания лишь в собственных интересах; урон, который он несет, не может интересовать его несчастных подданных; возрастание его силы дает ему лишь возможность сделать свою тиранию еще более свирепой; его самые блестящие успехи лишь усугубляют для народа тяжесть поборов и нищеты. Тиранин может приобрести новую провинцию, но его прежние земли станут от этого лишь еще беднее и безлюднее. Возмещает ли потери от этих зол мнимая слава или, вернее, пустое национальное тщеславие, которым упиивается достаточно безумный и легкомысленный для этого народ?

Война всегда является бедствием для народов, которые ведут ее; веселиться или торжествовать по поводу побед тирана — значит приветствовать реальные потери своей страны, радоваться новым цепям, которые не заставят себя долго ждать. Гражданин должен был бы рыдать над лаврами, столь обильно политыми слезами и кровью его сограждан. Разве не должен он радоваться при виде унижения своих властелинов, которые чаще всего являются жесточайшими врагами его нации?

§ XXIII. Никакое могущество не может быть устойчивым без свободы

Если народу не обеспечены свобода, собственность и безопасность, государство не может долго сохранять подлинное могущество. Действительно, в чем в конечном счете состоит сила государства по сравнению с соседними странами. Как может оно заставить уважать себя? Чем ему оградиться от окружающих его

врагов? Могущество государства зависит от количества подданных; численность населения зависит от условий жизни, т. е. от того, насколько хорошо живет людям; мужество же людей зависит от состояния их духа. Все эти условия имеют место только тогда, когда правительство, заботясь о счастье подданных, обеспечивает им необходимую свободу. Многочисленное население составляет, несомненно, основную силу государства; оно дает рабочие руки для его земледелия, промышленности, судоходства, торговли и, наконец, для отражения нападений внешних врагов. Чего можно ожидать от самого многочисленного сброся тупых невольников или толпы легкомысленных рабов? Свободного человека не пугает мысль о приумножении потомства: увеличивая его, он укрепляет свое благополучие; порабощенный человек боится, что рождением детей доставит угнетающим его тиранам еще новые жертвы. Население является источником силы государства, оно растет в соответствии с тем благополучием, которое обеспечивает ему разумное управление. Народ может быть счастлив лишь тогда, когда те, кто им руководит, умеют направлять страсти граждан к общему благу. В своем безумстве деспот стремится лишь к собственному счастью; он не сознает, что его несправедливые прихоти, сковывая деятельность всех членов общества, тем самым постоянно лишают его самого возможности достигнуть поставленной им цели.

Разве не удивительно поведение большинства тех, кто правит народами! Неужели они никогда не поймут, что государь не может быть богат в бедном государстве и что никто не может трудиться со связанными руками или без уверенности в будущем, в возможности спокойно наслаждаться плодами своих трудов в условиях мира? Если правительству, признающему священные права свободы, оказывается необходима помощь, оно может с уверенностью ожидать ее от своих подданных, ибо, будучи справедливым и добросовестно относясь к своим обязанностям, оно вызывает к себе доверие, которое служит основой его влияния. Будучи убежден, что его руководители не пользуются никакими приви-

легиями, опираясь на которые они могли бы не выполнить взятых на себя обязательств, богатый гражданин без опасения доверяет им излишки своих богатств; добросовестность представителей общества, гарантией которой служит общественная мораль, не вызывает у него никаких подозрений; если он и подвергается какой-то опасности, то это может быть только опасность, вызванная превратностями судьбы, от которых никто не застрахован.

Итак, мы видим, что без свободы не может быть ни достаточного населения, ни процветающего сельского хозяйства, ни торговли, ни авторитета, ни доверия. Между тем именно от всего этого зависит могущество государства. Неравенство по отношению к свободе влечет за собой неравенство народов по их силе. Опыт всех веков доказывает нам, что грозные силы самых свирепых деспотов сотни и тысячи раз были вынуждены отступить перед могуществом тех народов, которые пользовались наибольшей свободой. Бесчисленные армии Ксеркса были рассеяны горсточкой афинян⁵. Все силы Испании, подкрепленные богатствами Нового Света, оказались беспомощными перед мужественными батавцами⁶.

Государи всех стран мира! Откажитесь наконец от разрушительных принципов безумной политики; возвратите подданным свободу, без которой в государстве все замирает. Свобода является основой благополучия ваших подданных, а следовательно, также и вашего; станьте гражданами, чтобы царствовать над гражданами. Желаете ли вы повелевать многочисленными народами? Дайте отцам семейств возможность стать счастливыми; они увеличат количество граждан вашей страны, умножат население ее провинций. Желаете ли вы, чтобы в ваших государствах царило изобилие? Сделайте так, чтобы зажиточный земледелец дорожил делом своих отцов. Желаете ли вы, чтобы отважные воины способствовали успеху ваших справедливых мероприятий? Сделайте так, чтобы все подданные были заинтересованы в защите родины; сделайте так, чтобы любовь граждан к родине была настолько сильна, что они готовы были бы пролить за нее свою кровь.

Желаете ли вы, чтобы в ваших владениях расцвели торговля, ремесло, промышленность? Не допускайте, чтобы откупщики налогов и погрязшие во взяточничестве чиновники притесняли их и лишали энергии. Желаете ли вы, чтобы ваши подданные были добродетельны, вели себя мирно и спокойно? Предоставьте разуму возможность просвещать их относительно их истинных интересов, всегда связанных с вашими. Оставьте тупоумным тиранам и недалёковидным деспотам пагубное преимущество повелевать глупыми, презренными и лишенными добродетелей людьми. Подумайте о том, что действительной силой может обладать только народ, достигший тесного единения со своими руководителями.

§ XXIV. Без свободы нет добродетели

Если добродетель заключается в заботе о пользе общества, что вне всяких сомнений, то истинные добродетели не могут существовать без свободы. Раб может быть полезен лишь тиранам.

Только у свободного народа можно встретить любовь к общему благу, желание приносить всем пользу, воодушевление подлинной честью, всегда основанной на добродетели. Для действительно благородных душ подлинное наслаждение — возбудить благодарность своих сограждан, заслужить их уважение, любовь и искреннее одобрение, которые должны принадлежать лишь тем, кто заботится об общем благополучии. Именно эти чувства вызывали у греков и римлян ту горячую любовь к родине, которая представляется рабам произвола неограниченной власти каким-то фантастическим вымыслом или приступом безумия. Именно эта благородная страсть, привитая воспитанием и примером, поддерживаемая почитанием народов, зажженная стремлением к славе, создавала в этих странах в прошлом так много непобедимых героев, творящих добро граждан, мучеников и подвижников свободы.

У раба нет ни малейшего представления ни о чести, ни о славе; он движим лишь презренным тщеславием, питаемым нелепыми предрассудками. часто принося-

щими стране вред и насаждаемыми в интересах ее повелителей. Между тем нередко именно этому тщеславию так много достойных людей безрассудно приносит в жертву и славу, и добродетель, без которой не существует истинной чести, и счастье родины, и собственную свободу. Действительная слава может состоять лишь во всеобщем уважении сограждан; истинная честь не может быть ничем иным, кроме чувства собственного достоинства, основанного на заслуженном уважении других людей. Говоря по совести, разве униженные рабским служением деспотам, кующие цепи своим согражданам люди имеют законное право на общественное уважение или самоуважение? Итак, мы можем заключить, что во многих странах честь и слава являются словами, лишенными смысла, хотя они и применяются там по всякому поводу.

Существуют народы, словно созданные для рабства. Нации, с давних времен привыкшие к гнету, напоминают узников, привыкших к мраку, для которых сияние дня представляется неприятным, когда их неожиданно выпускают на свет. Свобода слишком значительное благо, чтобы поручать ее охрану младенцам, не знающим ей цены. В их руках она неизбежно приведет к роковым последствиям из-за злоупотреблений, от которых они не смогут удержаться, или просто будет вскоре утеряна из-за недостаточной заботы о ее сохранении. Каппадокийцы отказались от предложенной им римлянами свободы, они попросили, чтобы ими, так же как и их отцами, правили неограниченные монархи⁷. Богатый, преданный роскоши народ, который тратит свое время лишь на легкомысленные развлечения, не создан для свободы. Чтобы уметь ценить свободу, необходимо иметь возвышенную душу; чтобы завоевать свободу, необходимо мужество; чтобы ее защищать, необходимо уметь жертвовать всем ради нее. Богатый человек, придворный, вельможа всегда и везде предрасположены к рабству. Воображаемые потребности и все растущие пороки испорченных роскошью существ ставят их в зависимость от повелителя, который может их обогатить или удовлетворить их тщеславные стремления. Богатый человек очень скоро впадает в гибель-

ную апатию; он занят одними наслаждениями, не задумываясь о будущем. Очень тщеславные люди никогда не бывают довольны, они постоянно хотят чего-то еще большего и всегда пребывают в зависимости. Разве можно встретить величие души, любовь к свободе, возвышенные чувства и добродетели у живущих в подчинении существ, которым эти достоинства только мешали бы преуспевать и которых они лишили бы милостей фортуны? Добродетель превратилась бы для жадного и легкомысленного придворного в мучительное приношение в жертву всего, к чему он стремится; она вскоре стала бы для него пустым звуком, высокопарным и громким словом, смешным и ненавистным предметом. Добродетель не создана для того, чтобы пользоваться успехом у деспотов и тиранов.

Страсть к богатству одурманивает народы и предаёт их рабству. Самым свободным человеком является тот, у которого меньше всего потребностей; чрезмерные потребности закабаляют душу и лишают ее всякой энергии. Чтобы быть действительно свободным, нужно зависеть только от законов. Свобода создана лишь для положительных людей и великодушных сердец. Сибарит не знает ей цены, купец предпочитает ей деньги, растленный человек продает ее, чтобы приобрести все то, что может послужить его распутству.

§ XXV. Об общественном мнении

В свободной стране считаются с настроениями народа; только здесь люди имеют понятие о том, что такое мнение общества, что такое благородное стремление заслужить одобрение своих сограждан. Человек здесь получает наслаждение от сознания своей полезности; он ревностно стремится заслужить уважение общества, потому что это в его интересах. В этих условиях общество становится предметом внимания и забот своих руководителей. Следуя их примеру, выделяющиеся своим богатством или общественным положением граждане также стараются заслужить расположение народа. Взгляните на все эти памятники римлян, на их общественные бани, акведуки, цирки, амфитеатры, дороги —

даже их развалины все еще изумляют наше воображение и волнуют наши сердца.

Но какие мотивы могут побудить монарха, вельмож и богачей в стране, подчиненной абсолютной власти, заботиться о той части общества, которую они презирают, считают недостойной своего внимания и умеют только угнетать, с безразличием относясь к ее благополучию? Если в такой стране воздвигают какое-нибудь общественное здание, то лишь для того, чтобы надругаться над нищетой народа, принужденного оплачивать роскошь тех, кто его разоряет. Если сооружают какие-либо постройки, то это непременно горделивые памятники в честь побед надменного монарха, воздвигаемые за счет народных средств. Самые бесполезные и дорогие памятники обыкновенно поглощают внимание народа и его богатства, становясь предметом наивного восхищения впавшей в рабство нации, достаточно безумной для того, чтобы видеть свою славу в этих памятниках, напоминающих ей о несчастьях и гибели отцов из-за гордости и тщеславия королей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то что все люди стремятся к свободе и никто не может быть совершенно равнодушен к ее радостям, большинство народов земли, как мы видели, стонет в оковах деспотизма; почти повсюду интересы всего общества приносятся в жертву страстям нескольких отдельных лиц. На земле очень мало стран, где гражданин мог бы сказать: «Я сам себе хозяин, я могу по собственному усмотрению распорядиться своим полем; никакая сила не может лишить меня плодов моего трудолюбия; никакая сила не может отнять у меня благодеяний, самой природой предоставляемых своим детям в их общее пользование».

Даже в странах, где граждане пользуются наибольшей свободой, существует бесконечное количество ограничений, введенных для того, чтобы удовлетворять потребности жадного и нуждающегося в средствах правительства, и не дающих людям возможности самым

законным и естественным образом трудиться для своего счастья. Существуют тысячи притеснений, которые стали почти неприметными вследствие привычки к ним, предубеждений и общественного мнения. Законы, обычаи, традиции, предрассудки народов, очень часто находящиеся в противоречии с общественным благом, также подвергают людей, считающих себя свободными, тысячам притеснений, сетуя на которые, они не ищут, однако, средств, чтобы избавиться от них. Люди нашли бы эти средства с помощью разума, если бы сообразовали обратиться за советом к нему, вместо того чтобы искать выход в древних обычаях, а нередко и просто во вредных привычках, в устаревших законах, в плохо понятых установлениях, которые почти во всех странах все еще приносят мучения даже самым просвещенным народам, так дорожающим своей свободой.

Но не будем заключать из того, что истинная свобода еще не познана, будто она представляет собой лишь призрачную мечту; она явится желанным плодом все более совершенствуемой благодаря накапливаемому опыту, познанию нужд народа и его интересов политики, руководствующейся нравственностью и добродетелью, без которых люди не могут быть ни действительно свободными, ни счастливыми. Если политика, как и благополучие, не может быть совершенной, люди тем не менее не должны отказываться от усилий сделать ее лучше; их благосостояние повысится в той же степени, в какой возрастут их познания, усовершенствуется их разум и упрочится их свобода.

Счастливая свобода! Желанная цель всех великодушных сердец, дитя справедливости и законов! Приди и утверди свою обитель среди жителей земли! Разорви цепи народов! Изгони отвратительный деспотизм, который делает бесполезными для народов все дары природы! Разожги в наших душах огонь, который горел в сердцах стольких героев прошлого! Пусть их достойные имена вызовут в нас самую нежную любовь и самое горячее поклонение! Воспитай среди нас подобных им людей! Пусть униженный раб краснеет за свои цепи; пусть сердце гражданина согревается и трепещет

при звуке твоего призыва! Вдохновляй мудреца в его раздумье; дай ему мужество требовать осуществления обусловленных свободой прав! Вдохни в война тот благородный пыл, которым он должен быть воодушевлен в битве за свою родину, но не за своих притеснителей! Будь на устах служащего государства, и пусть он защищает твои права против врагов, которые хотели бы их уничтожить! Наконец, пусть разум, излечивая предрассудки преследующих тебя государей, покажет им, что без тебя их государства не могут быть ни могущественными, ни богатыми, а их власть не может быть установлена на незыблемой основе!

О ПОЛИТИКЕ ВООБЩЕ

§ I. Определение политики

Политика — это искусство управлять людьми или заставлять их содействовать сохранению и благополучию общества. Можно не сомневаться в том, что искусство делать народы счастливыми является самым благородным, полезным и достойным занятием для человека с добродетельной душой; оно всегда было предметом размышлений философов, разумных граждан и государей, проникнутых сознанием своего долга. Мы можем определить политику как опыт, которым руководствуются при управлении государством и определении его потребностей.

В частной жизни гражданин должен лишь следить за самим собой и упорядочивать собственное поведение, чтобы выполнять свои обязанности и трудиться над обеспечением своего счастья; люди же, поставленные судьбой во главе государства, должны следить как за самими собой, имея в виду, что их личное поведение существенным образом влияет на общество в целом, так и за тем, чтобы сдерживать или направлять различные интересы, противоречивые страсти множества людей, слишком часто лишенных опыта и разума; наконец, они должны стремиться объединить интересы народов и государей, управляя ими посредством убеждения, а при недостаточности последнего — посредством силы.

Ничто не представляется более трудным, чем умение заставить членов одного и того же общества действо-

вать сообща. Кажется, ничто не требует такой проницательности, прозорливости и силы воли, как искусство направлять противоречивые страсти множества людей к единой цели и к общему центру, от которого они беспрестанно отклоняются. Способность заставлять все частные устремления человеческих волей содействовать осуществлению общего плана, часто противоречащего склонностям, личным интересам и предрассудкам людей, умение подчинять их общественной воле, определяемой законом, — поистине высшее проявление мудрости, наученной жизненным опытом или просвещенной философией. Лишь самая совершенная мудрость способна обеспечить различным пружинам государственного механизма ту степень напряжения, какую они могут выдержать; лишь самый глубокий разум может изобрести новые пружины, которыми время от времени необходимо заменять старые, когда последние в силу тех или иных обстоятельств перестают действовать эффективно.

Таковы задачи политики. Но это еще не все. Не удовлетворяясь наблюдением за внутренним положением общества, политика вынуждена устремлять свои взоры и за его пределы; она должна зорким оком следить за действиями соседних народов и направлением их интересов, останавливать их посягательства, предупреждать последствия их страстей, их властолюбия и жадности, не давать им возможности покушаться на преимущества, обеспечиваемые обществу природными условиями или трудолюбием граждан; наконец, побуждать другие независимые общества способствовать собственным планам.

§ II. Одно и то же законодательство не может быть пригодным для всех народов

Править народом — значит удерживать в равновесии его страсти, подавлять те из них, которые могут привести к опасным последствиям, и направлять на пользу государству те, которые могут быть ему полезны. Но страсти народов, как и страсти отдельных инди-

видов, бесконечно разнообразны; причиной их возникновения, сохранения и видоизменения являются законы, обычаи и в особенности убеждения людей, нередко более сильные, чем природа, разум и законы, и подчас создающие непреодолимые препятствия для самой мудрой политики. Эти страсти, равно как и соответствующие им склонности, укоренившиеся благодаря привычке в душах индивидов, составляют, так сказать, темперамент народа; этот темперамент не может быть одинаков для всех обществ: на его формирование и воспитание оказывают влияние свойственные данному обществу потребности и обстоятельства его жизни, климат соответствующей страны и ее почва, характер производства народа, его обеспеченность продуктами питания и т. д. Все это почти до бесконечности разнообразит образ жизни и мышления народов.

Поэтому просто смешной и легкомысленной была бы попытка управлять всеми человеческими обществами с помощью одних и тех же законов; безумием было бы предписывать политике что-либо, кроме самых общих правил; в практической деятельности регламентация всех частных дел управления сплошь и рядом вела бы к ошибкам и приносила бы вред, а непредвиденные обстоятельства постоянно делали бы соответствующие предписания бесполезными. Управлять всеми людьми исходя из одних и тех же правил было бы столь же неразумно, как лечить все болезни, пользуясь одним методом, или предписывать всем людям один и тот же жизненный план.

В самом деле, существуют государства, которые в силу особенностей развития и географического положения склонны к воинственности; другим же более необходим покой и мир. Одни, будучи окружены несправедливыми и могущественными соседями, должны быть всегда готовы дать отпор любому, кто нарушит их благополучие; другие вынуждены из-за бесплодности своих земель искать в мирной торговле источники обеспеченности, в которых им отказала природа, и соседние государства снабжают их плодами своей более плодородной земли. Народы различаются также

по протяженности занимаемой их странами территории: у одних она обширна, другие сжаты в тесных границах; одни занимают морское побережье, другие не имеют водных пространств; одни защищены естественными укреплениями, другим оплотом могут служить только собственные силы; одни, будучи вынуждены трудиться в суровых климатических условиях, ведут борьбу с природой и в силу этого становятся крепче, активнее, предприимчивее; другие живут в условиях благоприятного климата и, удовлетворяя свои потребности с большей легкостью, предаются расслабляющей изнеженности и бездействию; одни трудятся, чтобы улучшить свой удел, другие дремлют, наслаждаются и теряют всякую энергию. Одним народам свойственны мужество, гордость, любовь к свободе, другие нерешительны, бессильны и кажутся созданными для рабства. Одни лишены торговли и погружены в нищету, другие купаются в богатствах и развращают себя роскошью. Наконец, каждый народ руководствуется определенными законами, обычаями, предрассудками и религией, а все другие подвластны иным институтам, иным заблуждениям и воззрениям.

Следовательно, одно и то же законодательство не может подходить всем народам, которых природа и обстоятельства сделали столь несходными, потребности которых столь различны, а убеждения столь далеки друг от друга. Политика должна управлять такими людьми, какими они бывают в действительности; законы должны иметь в виду те обстоятельства, в которых люди находятся в настоящее время. Самая просвещенная мудрость может лишь возвратить народы к природе, когда растленность нравов, убеждений и обычаев отдалила их от нее. Целые нации, эти индивиды огромного мирового общества, совершают ошибки и впадают в заблуждение так же, как и составляющие отдельные общества индивиды. Подобно живым организмам общества переживают кризисы, моменты безумия, копвульсии, революции, изменения форм своей жизни; они рождаются, растут, умирают, переходят от здоровья к болезни, а от болезни — к здоровью, наконец, как и все существа человеческого рода, они

имеют детство, юность, зрелый возраст, дряхлость и смерть, вмещааясь в пределах, установленных природой для всех ее творений.

**§ III. Одно и то же законодательство
не может быть пригодным на вечные времена
ни для одного народа**

Таким образом, легко понять, что в различных государствах и в различные периоды истории политика не может состоять ни в управлении народами по раз установленному неизменному методу, ни в предписании им законов, которые всегда были бы для них в равной степени полезны. Если бы нации всегда пребывали в одном и том же состоянии, их потребности не были бы подвержены изменениям, а их пронципальность могла бы предусмотреть события, которые им придется пережить; если бы действия их страстей не были противоречивыми, можно было бы предписать им неизменные законы, пригодные для всех времен. Но законодатель никогда не может исходить из чего-либо иного, кроме современного ему положения своего народа. Бедный малочисленный народ, не имеющий развитой торговли и лишенный свободы, не может принять те же законы, что и народ богатый, многочисленный, свободный. При зарождении политических обществ народы обыкновенно представляли собой лишь сборища диких и нищих воинов, у которых еще не было ни сельского хозяйства, ни постоянного места жительства, ни ремесел, ни торговли; они не чувствовали особой привязанности к какому-либо определенному краю и вели бродячий образ жизни, беспрестанно меняя место проживания. Постепенно эти кочевники закреплялись в каком-либо определенном месте, привыкали к нему, вкушали сладость покоя и менее тревожной жизни; став оседлыми, они начинали заниматься сельским хозяйством, ремеслом и торговлей. Легко понять, что законы этих народов должны были изменяться по мере их развития и совершенствования. Законы, которые когда-то были им очень полезны, в дальнейшем становились крайне вредными; те, что годились для воин-

ственных кочевников, оказывались непригодными для торговцев и земледельцев. Первые законы народов всегда были просты и немногочисленны; но по мере роста потребностей эти законы должны были усложняться и расти количественно. Наконец, когда богатство развращало нравы, законодательство, которое должно изменяться в соответствии с изменением положения народа в различные периоды его развития, было вынуждено воздвигать более сильные преграды человеческим страстям, которые становились все утонченнее и многочисленнее.

§ IV. Законы не могут быть вечными

Даже самые мудрые мыслители и законодатели постоянно заблуждались, не принимая во внимание все изменяющиеся обстоятельства общественной жизни. Они полагали, что достаточно выработать неизменные законы, чтобы сделать людей счастливыми, а их правительства — устойчивыми; они надеялись, что и после их смерти народы останутся в том же состоянии, в каком они их застали; они не думали о том, что время может вызвать непредвиденные события и изменить представления и потребности тех обществ, которым они предписывали правила поведения. Да и как могли они предвидеть события, скрытые в глубинах природы и в предназначениях судьбы? Как правило, только опыт истории мог научить их тому, что привычки, предрассудки и обычаи постоянно оказываются гораздо сильнее разума.

§ V. О предрассудках, благоприятствующих институтам древности

Таким образом, мы видим, насколько опасны предрассудки, которые заставляют нас, не вдумываясь в существо дела, считать законы, установленные нашими предками, неизменными правилами руководства государством в настоящее время. Древность так тяготеет над людьми, что они боятся совершить святотатство, отступив от ее установлений. Создается впечат-

ление, будто освященная веками давность исключает возможность всякого пересмотра: то, что долго живет, всегда считается нерушимым и священным. Когда в силу изменившихся обстоятельств народы и те, кто ими управляет, попадают в бедственное положение, они обычно опять обращаются к первоначальным законам как к целительным средствам. Люди льстят себя надеждой, будто станут счастливее, как только начнут следовать тому, что практиковалось в древние времена, но не замечают, что законы, установленные до возникновения новых обстоятельств, не способны устранить затруднения, вызванные этими обстоятельствами. Неужели люди никогда не поймут, что время, изменяя человеческие убеждения, потребности, страсти и предрассудки, с необходимостью приводит к противоречию между их нынешним положением и законами, бывшими в силе в прежние времена? Устанавливая законы для американского штата Джорджия, Локк считал, что эти законы смогут просуществовать не свыше ста лет¹.

Современный разум непременно должен исправлять, изменять, уничтожать те древние институты, ошибочность, опасность и бесполезность которых показал нам жизненный опыт. Большая часть европейских наций до сих пор подвергается тирании старинных законов, которые не отвечают современным условиям жизни этих народов; эти законы все еще пользуются уважением только потому, что их уважали прежде; привычки и несправедливые обычаи, когда-то сложившиеся у варваров, поныне держат в подчинении цивилизованные народы. Военные законы, установленные дикими завоевателями, и сейчас в силе в мирных странах, народы которых добывают средства существования с помощью торговли. Римские законы составляют основу законодательства многих наций, ничего общего не имеющих с Древним Римом. Законы, привычки, обычаи отличаются друг от друга даже в разных провинциях какаго-либо государства; однако каждой из частей одной и той же нации управляют на основе правил, установленных для нее правившими когда-то в древности, при давно уже больше не существующих обстоятельствах, государями. Каждая из провинций упорствует

в стремлении сохранить свои старинные установления, именуемые ею привилегиями и правами, хотя они зачастую весьма вредны, бессмысленны и несправедливы.

§ VI. Пороки законодательств

Эта пестрая смесь законов и обычаев приводит к тому, что у современных народов запутанное, абсурдное и противоречивое законоведение почти всегда находится не в ладах со здравым рассудком. Самые просвещенные судебные органы настолько стеснены различными формальностями, обычаями, предрассудками и безрассудными правилами, что не знают, какие решения им следует принимать. Хаос невразумительных законов приводит к тому, что защитники справедливости не знают, чью сторону им следует принять, и отдаются в своих решениях на волю случая. Таинственные, сложные и неясные законы свидетельствуют о преднамеренном стремлении устанавливать западни и ловить в них граждан. Законы должны быть ясны и понятны для тех, кто обязан их соблюдать; законы, количество которых постоянно увеличивается, свидетельствуют о плохом правлении. В силу какого-то странного рока в государствах, похваляющихся наибольшей свободой, законы и работа над их улучшением предаются полному забвению. До сих пор у людей все еще не существует сносного законодательства; общественная молва, устарелый авторитет, чуждая всяким размышлениям рутина — вот что руководит даже самыми просвещенными народами. Часто гражданин был бы более счастлив, совсем не имея законов и предоставив управлять собой естественному здравому смыслу, чем подчиняясь множеству предписаний, которые мешают ему осознать свои права. Это приводит к тому, что судебный процесс ведется произвольно, понятия о справедливом и несправедливом смешиваются и в решениях, которые принимают суды, нет ничего определенного и твердо установленного. Судья бывает иногда вынужден отказаться от справедливости ради буквы закона. Это ведет к отсрочкам и бесконечным затяжкам гражданских процессов. Страна полна

людьми, специально занимающимися комментированием и разъяснением остальным гражданам таинственной науки — юриспруденции. Никто не может обольщать себя мыслью, что он ясно разбирается в собственных делах; никто не может быть уверен в том, что право на его стороне. *Юридические формальности существуют для защиты народов* — такова аксиома нашего века. Однако очень мало людей обладает достаточным опытом для того, чтобы не запутаться в законах и не попасть в тюрьму за несоблюдение каких-нибудь формальностей; в то же время среди нас вполне достаточно людей, умеющих попираť самые очевидные права и дать возможность восторжествовать самой явной несправедливости. Средства существования граждан проедают люди, которые обязаны были бы обеспечить гражданам возможность пользоваться их собственностью; эти средства служат добычей для множества жадных пиявок, единственным занятием которых является затемнение, извращение и маскировка истины, хотя они и похваляются, будто защищают правду и выставляют вещи в их подлинном свете. Семьи, разоренные алчностью, недобросовестностью или бездарностью этих людей, нередко считают закон бедствием; граждане иногда принуждены предпочесть произвольные и поспешные решения, принимаемые в самых деспотических странах, мнимому правосудию и мнимой справедливости, которыми кичатся многие свободные и просвещенные государства.

§ VII. Законы должны изменяться в зависимости от потребностей государства

Таким образом, если нации или те, кто ими управляет, в силу каких-либо обстоятельств окажутся в тяжелом положении, пусть они изучат принципы объединения людей и законы человеческой природы, пусть прибегнут к советам опыта и разума, пусть взвесят пользу того или иного мероприятия. Пусть они заинтересуются не тем, что было в прошлом или что есть в настоящем, а тем, что им необходимо сделать в будущем. Им следует перестать равняться на нелепые,

варварские обычаи, установления и законы, которые основаны лишь на невежестве и предрассудках, происхождение и сущность которых никогда не подвергались тщательному изучению и уважение к которым сохраняется только из-за глупой и бессмысленной привычки преклоняться перед стариной.

Пусть нации поймут, наконец, что законы созданы для них, а не они для законов.

Утверждать, что древние законы не могут быть отменены, столь же абсурдно, как и требовать, чтобы взрослые люди продолжали пользоваться одеждой, которую носили в детстве, или пеленками, которыми их укутывали в колыбели.

По мере того как общественная жизнь совершенствуется, становится более просвещенной или еще каким-либо образом изменяется, должны изменяться также ее законы и правила. Почти все народы становятся жертвой суеверных предрассудков и политики, прямо противоположной их самым дорогим и близким интересам. Монархи почти никогда не призывают в качестве советников опыт и разум. Людьми должны руководить природа и потребности, которым следует оказывать предпочтение перед любыми законами, обычаями и учреждениями, поскольку их власть предшествует всем человеческим институтам. Общественный разум, как и разум отдельных индивидов, исходит из опыта. Я повторяю, что политика является не чем иным, как опытом или разумом, приложенным к потребностям государства; как только закон начинает приносить вред, он должен быть изменен или отменен. Разум должен постоянно устранять порочность законов, которые слишком часто оказывались следствием силы или предрассудков.

§ VIII. Философия приносит пользу политике

Иногда народам устанавливали законы философы, что видно на примере таких мудрецов, как *Солон* или *Ликург*². Только люди, много размышлявшие о человеческой природе, в состоянии понять и исправить пороки, постепенно проникающие в практику

общественной жизни и часто приводящие государства к упадку и гибели. Поэтому не будем прислушиваться к утверждениям пустых фразеров, будто философия делает человека неспособным заниматься практическими делами. Платон считал, что народы будут счастливы лишь тогда, когда философы станут королями или когда короли будут философами³. В самом деле, разве философия не является наукой, изучающей связь причин и следствий, подвергающей анализу проблему того, что приносит обществу пользу и что наносит ему ущерб? Итак, утверждать, что философия бесполезна для политического деятеля или даже мешает ему проводить правильную политику,— значит утверждать, что бесполезно или опасно думать, что бесполезно серьезно размышлять о самых важных для счастья народов предметах, что народами должны управлять лишь безумие, рутинна, неосторожность и прихоть. По словам Тацита, Агриппина отвлекла своего сына Нерона от философии и вскоре он стал самым жестоким и безрассудным из тиранов⁴.

Разве знание человеческого сердца и его разнообразных побуждений безразлично для политики, обязанность которой состоит именно в том, чтобы давать направление таким побуждениям? Разве слепая косность в состоянии находить средства, применимые к новым непредвиденным событиям и обстоятельствам, которые меняются, можно сказать, каждое мгновение? Не удивительно, что самые мудрые по своему замыслу законы не всегда приносили ожидаемые результаты, что самые благоразумные установления оказывались непрочными, что принципы, которые считали неопровержимыми, часто получали опровержение в ходе практической жизни.

Существуют вещи, которые благоразумие, размышление и опыт могут предвидеть и предотвратить. Но никогда даже самый проницательный взгляд не раскроет тайных побуждений людей, их скрытых, едва зарождающихся настроений, влияния тех политических элементов, которые в конце концов делают массы способными изменить облик наций, внести раскол между ними, привести их к гибели.

Философию упрекают в том, будто она воспитывает в гражданах равнодушие и ослабляет их способность служить родине; но при просвещенном правительстве, у свободного народа, в стране, подчиняющейся разумным законам, философ всегда будет активным гражданином, который думает о благе сограждан, воспламенен любовью к своей стране, трудится ради увеличения ее счастья. В хорошо управляемой стране просвещенный человек обладает значительным влиянием и может воздействовать на остальных граждан; в Афинах прислушивались к таким людям, как Солон, Платон, Ксенофонт, и они пользовались величайшим уважением у своих соотечественников. Иначе обстоит дело в деспотическом государстве. Просвещенный человек находится там на подозрении и считается плохим гражданином; для безрассудной администрации он лишь неудобный критик; он осужден размышлять втайне, принужден скрывать свои мысли и в глубине души оплакивать судьбу народа, управляемого людьми, столь безумными и неосторожными, чтобы наказывать всякого, кто осмелился бы служить своей родине.

§ IX. В политике следует предвидеть будущее

Самое мудрое законодательство в состоянии лишь стремиться предугадать благоприятные или неблагоприятные результаты, к которым могут привести известные обстоятельства; тогда оно предохраняет себя от гибельных последствий, которые могут вызвать эти обстоятельства, подготавливая события и заранее закладывая основы грядущего счастья. Наблюдая преступную лень и беспечность тех, кто управляет миром, равно как и легкость, с какой они расточают человеческие жизни и богатства общества в бесполезных и бесконечных войнах; наблюдая бездарность, глупость и опрометчивость, с которыми создаются законы, так часто определяющие как настоящее народов, так и их будущую судьбу, — можно подумать, что людьми управляет один лишь случай, что благоразумие не имеет ничего общего с политикой, что те, кто определяет человеческие судьбы, не думают о завтрашнем

дне. Политика, направленная на обеспечение благополучия лишь в настоящем, является очень слабой и легкомысленной. В политике следует предвидеть и предупреждать ход событий. Политическая мудрость должна помогать правителям во время внезапных и неожиданных происшествий, которые угрожают существованию управляемых ими государств.

§ X. Законы должны видоизменяться в зависимости от размеров территории стран

Различия в протяженности территории стран и в численности их населения должны приводить к существенным различиям в законах. Нам известны маленькие государства, ограниченные пределами одного города; все подданные в них близки между собой, знают друг друга и находятся в какой-то степени на глазах у государя, которому всегда известны их потребности и затруднения. Жители подобного государства не нуждаются в таких же строгих, сложных и многочисленных законах, какие необходимы в империи, просторы которой так необъятны, что движение, сообщенное центру, постепенно ослабевает, приближаясь к окраинам. Вот почему большие государства в конце концов попадают обыкновенно в цепи деспотизма. Люди были бы гораздо счастливее, если бы размеры их политических обществ больше соответствовали естественным силам тех, кто ими управляет. Вероятно, было бы очень полезно разделить большие государства на области или провинции, создав конфедерацию, объединенную под властью одного руководителя или общего собрания народных представителей; такое собрание состояло бы из депутатов, избранных особыми собраниями представителей каждой области или провинции; участники же этих последних в свою очередь избирались бы гражданами каждой области или провинции. Есть основания думать, что подобная организация предотвратила бы неудобства, связанные как с непомерной обширностью, так и с крайней ограниченностью территорий государств. Войдя в общее объединение, или конфедерацию, малые государства обрели бы силы; в то же

время народы были бы избавлены от бесчисленных несчастий и от наводящего ужас деспотизма, которому подвержены крупные державы. Для того чтобы привести в движение большие массы людей, необходимо обладать значительной силой. Ничто не встречается так редко, как устойчивое и мудро управляемое большое государство.

§ XI. Задачи законодательства

Законодательство достигло бы совершенства, если бы оно могло охватить и учесть все связи и взаимные отношения таких факторов, как географическое положение, размеры территории, почва и климат страны, темперамент, дарования, нравы и убеждения населяющих ее народов. Нередко все эти факторы очень далеки от взаимного соответствия, поэтому только неутомимое и напряженное внимание со стороны тех, кто управляет государством, может поддерживать в стране справедливое равновесие в условиях столкновений различных сил, находящихся в постоянной борьбе между собой. Поскольку законы общества не могут всегда оставаться неизменными, а его потребности также изменяются, правительство должно без промедлений заботиться об исправлении механизма, пружины которого износились; оно должно заменять новыми те пружины, которые потеряли способность действовать.

Один из древних мудрецов сказал, что *тот, кто повелевает всем, должен быть самым умным из них*⁵. Знания, которыми располагает человек с большим жизненным опытом, дают ему возможность оказывать необходимое влияние на народ. Можно сказать, что это превосходство дает право самым опытным и добродетельным гражданам в интересах всего общества руководить теми, кто обладает меньшими знаниями. В таком случае управлять — значит совершать доброе дело, значит направлять шаги слепых и слабых. Общество не может согласиться доверить каким-либо правителям руководство государством, не обретая при этом никаких преимуществ.

Итак, в тех, кто посвящает себя политической деятельности, предполагается мышление более глубокое, знания более обширные, опыт более прочно и ясно осознанный, чем мышление, знания и опыт простого человека, занятого работой, обыкновенно лишаящей его возможности предаваться размышлениям. Поскольку, как мы видели, народам свойственны заблуждения и порывы ложного воодушевления, поскольку их разум затемнен предрассудками, что часто приводит их к гибели, судьба их, без сомнения, плачевна и достойна жалости, когда те, кто ими управляет, сами охвачены дурманом ослепляющих их ложных понятий. Политика должна быть уравновешенна, чужда пристрастности и свободна от предрассудков. В противном случае во главе ослепленного народа будут шествовать слепцы, ведущие его навстречу гибели.

§ XII. Плохими и злобными людей делают плохие законы

Говорят, будто законодательство должно исходить из того, что все люди плохи и непослушны; но разве не правильнее было бы сказать, что такими их делает плохое правление, что именно оно вызывает расцвет большинства пороков, страстей и ложных убеждений, которыми они заражены.

Люди были бы и счастливее, и лучше, если бы ими управляли более разумно; они плохи только потому, что заблуждаются, и притом заблуждаются по поводу тех объектов, в которых, как они сами считают, заключено их счастье, а также по поводу средств, с помощью которых они могли бы достигнуть этого счастья.

Политика должна не заглушать личную заинтересованность, не гасить любовь к самому себе, которая одушевляет каждого человека, а уметь обращать их на пользу обществу. Для этого правителям при проведении политики следует сообразоваться с духом управляемого ими народа и приспособлять законы к его характеру, темпераменту и особенностям. Гордыми, мужественными и свободолюбивыми народами надо руководить, внушая им чувство чести, оказывая

достойным гражданам уважение и почести; просвещенными народами надо руководить с помощью убеждения и разумных доводов. Политика должна сдерживать и облагораживать страсти, направлять взгляды и политические суждения народов; было бы крайне опасно, если бы она сама стала рабыней страстей и ложных понятий. Всякое заблуждение приносит людям вред, тем не менее люди часто дорожат своими заблуждениями, к которым их привязывает привычка; насильно отнять у них то, что они привыкли уважать и чем дорожат, значило бы вызвать их гнев и раздражение.

Особую осторожность правители должны проявлять к религиозным предрассудкам народов, касаться их небезопасно, — это кровоточащие раны, лечить которые можно только легкой и осторожной рукой. Народ — это такой больной, которого всегда возмущают слишком сильные средства; их можно предлагать ему только после того, как паллиативные и слабодействующие лекарства уже исчерпаны и не дали результатов. Когда вызываемые предрассудками бедствия достигают своего апогея и угрожают близкой гибелью всему политическому организму, те, в чьих руках находится власть, иногда вынуждены заставить народы быть счастливыми наперекор им самим. Так же как больные, неистово протестующие против спасительной для них операции, народы в конце концов будут благодарить своих спасителей за необходимую суровость, которая предотвратила их гибель.

§ XIII. Средства, которые должна применять политика. О воспитании

Нас могут спросить, каковы же те средства, которые, действуя незаметно, не приостанавливая и не нарушая развития общественного организма, помогают ему избавиться от всего, что наносит ему вред? Для этого не существует более верных средств, чем воспитание и образование.

Если власти позволят подданным получать образование, если те, кто призваны стать государственными

деятелями и чье назначение состоит в заботе о народе, сами освободятся от предрассудков и поймут всю опасность их последствий, они смогут сдерживать буйную горячность слепой и неосторожной толпы, свет разума начнет распространяться все шире и шире, и постепенно все части нации получают соответствующие их призванию и достаточно обширные познания.

Воспитание и образование являются в руках политических деятелей самым верным средством для внушения народам чувств и взглядов, необходимых для развития их способностей и добродетелей. В раннем возрасте человек восприимчивее всего к тому влиянию, которое желают на него оказать, поэтому для правительства важно с юности сформировать из граждан своих будущих помощников.

Вместо отвлеченных идей и утомительных наставлений, которыми обычно занимают умы молодых людей, необходимо привить им знание их естественных обязанностей, понятие о справедливости, чувство общности, или любовь к обществу, преданность родине, преклонение перед добродетелью, благородное стремление быть полезными. Все это, несомненно, представляет гораздо больший интерес, нежели пустые спекулятивные понятия и множество бесплодных знаний, которые невозможно применить к потребностям общества.

Люди несчастны, злы и не умеют жить в обществе только потому, что их руководители пренебрегают своей обязанностью просвещать их относительно их истинных интересов. Плохое правительство лишь разобщает людей, запугивает их, притупляет в них нравственное чувство и чувство общности, отделяет их личные интересы от интересов общества — одним словом, это правительство сеет порок, так что не следует удивляться тому, что оно не пожинает добродетели. Плохие законы, несправедливые правительства, порочные учреждения, нелепые обычаи, фанатичные, полные бесчеловечности и нетерпимости, препятствующие всякому естественному человеческому общению суеверия — все это никогда не может сформировать хороших граждан.

§ XIV. Политика должна заботиться о нравах граждан

Именно политика призвана формировать нравы народов; она должна воспитывать в них склонности, необходимые для поддержания их жизни и безопасности, для процветания страны. Если численность народонаселения имеет для государства важнейшее значение, законодательство сделает брачные узы священными и дорогими для людей. Оно заинтересует добродетельных отцов в воспитании преданных государству подданных и сделает обязанностью детей подчинение, необходимое для того, чтобы они могли получить то образование, которое им пожелают дать. Законодательство должно побуждать гражданина быть признательным и наказывать его за неблагодарность, потому что неблагодарность может погасить в сердцах людей доброжелательное отношение друг к другу — чувство, объединяющее членов общества столь приятными узами. Справедливое законодательство будет поощрять науки, искусства и все те знания, которые приносят действительную пользу; оно внушит подданным любовь к справедливости, которая изгонит из их среды подлог, обман, ложь и другие пороки, порождающие недоверие между людьми. Для правительств важно повелевать добродетельными гражданами; нет ничего более трудного, чем управлять обществом, члены которого развращены.

Чтобы воспитывать граждан, необходимо очищать и облагораживать их представления; невежество и предрассудки всегда будут создавать одних только порочных людей. Законодательство должно направлять общественное мнение и не допускать, чтобы последнее господствовало над законом, если оно не сообразуется со справедливостью, разумом или благом общества. Будучи правильным, общественное мнение будет справедливым, карая зло и уважая все, что служит пользе и добру; на долю же закона останется лишь подтверждение его суждений, и это весьма сильно побудит граждан следовать добродетели и внушит им отвращение к пороку.

Одним словом, правительство должно думать о том, чтобы выращивать физически крепких и здоровых людей. Оно достигнет этого, обеспечивая изобилие и достаток, приучая граждан к физическим упражнениям, оздоравливая условия их жизни. Оно воспитает сердца своих подданных, преподавая им здоровую нравственность, создавая у них привычку поступать добродетельно, вызывая ужас перед пороками и вознаграждая за похвальные действия. Наконец, правительство воспитает разум граждан, обеспечив им образование и знания, необходимые для того, чтобы они служили опорой государства.

Ничто не достойно большего удивления, чем постыдное безразличие, которое проявляет большинство современных правительств по отношению к столь важным предметам; нет ни одной, я повторяю, ни одной страны в Европе, в которой политика серьезно занималась бы воспитанием граждан. Мы не видим нигде, чтобы была введена гимнастика для упражнения тела, чтобы людям прививалась истинная нравственность, которая формировала бы их сердца. Что же касается наук, то они словно отданы на откуп нескольким малоизвестным гражданам, которых государство никогда не призывает к себе на совет. Поэтому нет ничего удивительного, что среди современников повсюду видишь лишь бессильных, необразованных и лишенных добродетели людей. Несмотря на познания, которыми мы похваляемся, наука об управлении государством стоит еще на очень низком уровне.

§ XV. Политика должна воспитывать государственных деятелей

Если великое искусство политики состоит в том, чтобы осуществлять заботу об удовлетворении потребностей государства, то только воспитание может явиться школой, способной сформировать таких граждан, какими желала бы их видеть политика. Сообразуясь с условиями жизни общества, воспитание может обращать внимание молодых граждан то на сельское хозяйство, то на торговлю, то на военное искусство. Один из вызы-

вающих наибольшую досаду пороков большинства правительств состоит в пренебрежительном отношении к воспитанию людей, способных оказывать им помощь в управлении страной.

Создается впечатление, что достаточно бездарному монарху по своему выбору назначить подданных на государственные посты, требующие исполнения самых трудных обязанностей, как эти подданные каким-то чудом обретут таланты и знания, необходимые для работы на столь высоких постах.

Совершенно неудивительно поэтому, что руководство народами осуществляется наугад, по воле случая. Во многих государствах самые высокие посты заняты людьми, в пользу которых говорит лишь их происхождение, прославленное имя, которого они недостойны, благосклонность какого-либо государя, неспособного здраво судить о чем бы то ни было, интриги и происки двора, который опасается и ненавидит граждан, имеющих действительные заслуги.

Было бы ошибкой думать, что достаточно быть умным человеком, чтобы стать министром или государственным деятелем. Без благоразумия, опыта и честности ум часто становится опасным оружием. Когда воображение берет верх над рассудком, легко совершить роковые промахи. Ум порочного человека — это ум разрушительный. Государственный деятель должен обладать умом, соответствующим его профессии, — последовательным, мудрым и справедливым.

Но увы! Слишком часто те, кто правит, выбирают себе в сотрудники граждан, для которых искусство управления — *terra incognita*⁶ и которые абсолютно лишены качеств, необходимых для занимаемых ими постов. Народы гораздо чаще становятся жертвами бездарности тех, кому монархи поручают ведение дел государства, чем жертвами судьбы. Школы предназначены повсюду самое большее для того, чтобы воспитывать воинов или давать поверхностные знания из области малопонятной науки, которую украсили именем *юриспруденции*; нет ни одной школы для граждан, которые хотят изучить искусство вести переговоры и заключать договоры, науку ведения торговых дел, управления финансами, опреде-

ления истинных потребностей народов — одним словом, политику. Бесталанные министры, обычно руководствующиеся слепой косностью и рутиной, передают друг другу власть, которой ни один из них никогда не умел пользоваться разумно; в своих действиях они исходят из древних, священных для них предрассудков, причем каждый из них совершенно произвольно отклоняется от плана, которому следовали его предшественники. У них нет никакой последовательности в управлении и планах, никакого предвидения, никаких попыток обеспечить средства, которые могли бы предупредить неожиданные события.

Предоставьте гражданам возможность добиваться успеха в жизни различными путями! Пусть каждый из них с юных лет вступит на путь, который ему предназначен или который он предпочитает; пусть всякий, кто на своем поприще отличается способностями, честностью и порядочностью, будет уверен в том, что в один прекрасный день он достигнет цели, к которой заслуженно должно привести его трудолюбие. Пусть дух, который внушают будущему воину, будет отличен от духа, в котором воспитывают судью или государственного служащего; пусть образование человека, избравшего своей профессией торговлю, отличается от образования ремесленника; пусть воспитание светского человека будет иным, чем воспитание какого-нибудь отшельника или священника. Пусть все учатся служить родине, но пусть каждый научится служить ей по-своему.

Если могущество государства зависит от духа, которым воодушевлено его население, если государство обязано своей силой единству воли своих граждан, никогда не может быть слишком рано для того, чтобы внушить подданным чувства, каких требуют интересы и потребности нации. Ведь именно в юности легче всего воспламенить души и воспитать в них вкус к великому, горячую любовь к общественному благу и свободе. Именно в этом возрасте легче всего научить людей бояться презрения больше, чем нищеты, стыда — больше, чем опасности, позора — больше, чем смерти. Именно в эти годы можно научить их предпочитать

достоинства и заслуги богатству, способности — происхождению, добродетели — почестям. Молодежь, воспитанная таким образом, в зрелом возрасте станет непреодолимой преградой для врагов ее родины.

§ XVI. Политическое равновесие

Политика должна сохранять равновесие между всеми видами общественной деятельности, необходимыми для сохранения государства; она должна разумно оказывать поддержку тому, что особенно важно для общества в современных условиях. Но поскольку потребности общества многообразны и подвержены изменениям, разумная политика не допустит, чтобы, нарушая равновесие, одна сторона деятельности общества поглотила все остальные стороны. Таким образом, воспитание граждан должно применяться к условиям времени и обстоятельствам общественной жизни.

Забвение этих истин стало причиной множества злоупотреблений и бедствий, постигших государства. Именно отсутствие равновесия приводит к тому, что некоторые нации приходят в упадок и в конце концов гибнут. Правительство военных заботится только об обучении солдат, вследствие такой политики население страны сокращается, сельское хозяйство находится в запущенном состоянии, торговлю презирают или подвергают притеснениям. А что происходит, если излюбленными видами деятельности нации становятся мореплавание и торговля? В таком случае военная мощь государства слабеет и нередко его безопасность приносится в жертву страсти к приобретению богатств; страсть же к обогащению, если ее не удерживать в справедливых границах, притупляет и развращает сердца граждан.

Рассмотрим же различные стороны жизни общества.

§ XVII. О народонаселении

По свидетельству всех политиков, население должно быть основным объектом забот всякого правительства. Между тем из-за безрассудства государей правительства

часто беспокоятся о нем меньше всего. Перечитывая анналы истории человеческого рода, поражаешься, насколько сократилась численность людей в большинстве государств. Мы с трудом можем верить переписям, произведенным во времена наших предков, но во всяком случае не вызывает никаких сомнений тот факт, что Малая Азия и Египет, столь населенные в прошлом, Греция, Италия, Галлия, Испания и страны Севера, который назывался когда-то кузницей народов⁷, в наше время мало населены, в результате чего их земли плохо обработаны. При взгляде на эту горестную картину испытываешь искушение подумать, что в один прекрасный день человеческий род вынужден будет исчезнуть не из-за катаклизмов в природе, а из-за катастроф, причиной которых является безумство властителей народов. Из всех врагов человека самым опасным является человек. Властолюбие монархов становится в руках судьбы самым действенным орудием истребления народов.

§ XVIII. Причины обезлюдения

Уменьшению численности населения земли способствовали многие причины; они действовали почти везде одновременно и совместно, как будто стремясь вернее опустошить и разорить народы. Деспотизм последовательно установил свое губительное господство во всех частях земного шара; делая народы несчастными, он часто заглушал в людях голос природы, призывающий их размножаться. Народ, подвергающийся угнетению, не занимается земледелием, а когда народ не занимается земледелием, он не умножает своего потомства. Жестокое и пренебрегающее своими обязанностями правительство не может вызвать у людей энтузиазма к труду, оно не стремится оградить своих подданных от болезней, голода, вымирания — обычных явлений в стране, где земли запущены и не обработаны, где много стоячих вод и опасных испарений, поскольку жгучие пустыни и чрезмерно разросшиеся леса не дают свободно циркулировать воздуху. Плохое правительство уничтожает и население, и земледелие, и все

условия, благоприятствующие здоровью народа и государства.

Жестокие и непрерывные войны, в которые тщеславные монархи втягивали народы, были и всегда будут для народов источником огромных разрушений. Нет ничего более губительного для людей, чем то злосчастное легкомыслие, с которым они всегда принимают участие в пустых раздорах государей.

Землю непрерывно заливали кровью ради утоления буйных страстей нескольких достойных ненависти «героев», которые во все эпохи словно давали клятву вести народы к гибели. Короли считали себя могущественными только тогда, когда держали в состоянии боевой готовности бесчисленные армии. Между тем подвижная и ненадежная жизнь, бедность и бесконечные походы лишают солдата возможности связывать себя узами брака. Брак часто просто запрещается солдату приказом военачальников, которые боятся, как бы солдат не стал гражданином.

Слишком многочисленные армии не только являются причиной сокращения населения, они становятся бесполезны и даже вредны для своей страны. Как только война окончена, солдат предается безделью. Он умеет только сражаться и, гордясь своей профессией военного, счел бы себя обесчещенным, если бы ему пришлось заниматься полезным трудом.

Религиозные суеверия — более сильные, чем природа, политика и короли — должны быть также отнесены к числу причин, которые привели к падению численности народонаселения многих государств. Римская католическая церковь, являющаяся злейшим врагом общественного благополучия, самой большой противницей здоровой политики, словно специально задалась целью истребить население земного шара. Католицизм приписывает лицам, соблюдающим обет *безбрачия*, вряд ли кому-нибудь понятное превосходство над людьми, состоящими в браке; католицизм объявляет достоинством отказ человека от удовольствия создать себе подобного и нередко при поощрении благочестивых монархов наполняет страну праздными и бесполезными людьми, которые, как говорит народ, «родились в сороч-

ке»; последние, не трудясь, проедают богатства государства и ставят себе в заслугу то, что, умирая, не оставляют потомства. Мы не будем говорить здесь о религиозных войнах, самых жестоких из всех войн, в которых подданные одного и того же государства, подстрекаемые своими государями и священниками, истребляют друг друга во имя нелепых и бессмысленных верований. Вот уже много веков миллионы людей приносятся в жертву суевериям монархов и тщеславным притязаниям духовенства.

Торговля, первоначально предназначенная для удовлетворения действительных потребностей наций, мало-помалу зажгла в коммерсантах безграничную жажду богатств и создала искусственные потребности, которые можно удовлетворить только за счет населения. Мореплавание и торговля, превратившись в преобладающие страсти европейских народов, стали ежегодно приносить в жертву идолу стяжательства тысячи матросов; и государствам приходилось терять в далеких странах с нездоровым климатом множество подданных, чья гибель обеспечивала лишь возможность доставлять их согражданам товары, без которых они вполне могли бы обойтись. Неужели для государства трудолюбивые люди не дороже всех редчайших товаров обеих Индий?!⁸

§ XIX. Заметки на ту же тему

Мудрая политика должна обеспечивать разумные пропорции даже в росте народонаселения. Численность населения должна соответствовать плодородию почвы, уровню развития земледелия в стране, трудовой активности ее жителей. Какая польза заселять людьми, если бы даже это и было возможно, неспособную их прокормить бесплодную землю? Только деспотизм столь сумасброден, что хочет иметь многочисленное население на земле, которую он сам делает бесплодной; люди нужны ему только для того, чтобы превращать их в нищих, в тягость обществу. Деспотизм не знает ни цены людям, ни того, как их надо использовать. Тиран считает, что его владения хорошо заселены, в то время как в них живет большое количество праздных и несчаст-

ных людей, которым он не может найти применения и которые обыкновенно не имеют других источников существования, кроме преступлений.

Заселение городов всегда происходит за счет деревень. Поля должны кормить государство, города же являются рынками и складами товаров, предназначенными поставлять земледельцам предметы, в которых они нуждаются. Нет ничего более чуждого мудрой политике, чем огромные города, которые в конце концов поглощают почти все богатства и почти всех жителей государства. В Константинополе живет неисчислимое количество людей, вынужденных суровым правительством искать в столице убежища от тирании, опустошающей деревню; как и все города Османской империи, Константинополь почти непрерывно страдает от голода и чумы, его неотъемлемой спутницы.

В хорошо организованном государстве людей не следует перемещать с места на место, зато богатства должны здесь свободно циркулировать по всей территории страны. Слишком большие города представляют собой как бы места засорения или закупорки сосудов государственного организма, порождающие злокачественные опухоли, которые, распространяя заражение и преграждая путь циркулирующей крови, в конце концов приводят к гибели всего организма. Жизнь деревенского жителя, полная забот, меньше подвергает его опасностям пороков, являющихся уделом многочисленных обществ. Уединение, скромные потребности, тихая и мирная жизнь делают человека честным и порядочным, создают в нем привязанность к своей деревне, заставляют его способствовать росту населения и заботиться о своем потомстве.

В городах непрерывно растут и множатся потребности, страсти, пороки, т. е. все то, что разделяет людей, отталкивает их друг от друга; праздные люди оказываются с непреодолимой силой вовлечены в беспорядочную, порочную жизнь, отчего их ум и тело подвергаются расстройству. Разумная политика должна сделать деревенскую жизнь приятной для подданных; они будут счастливы и удовлетворены, если смягченная форма правления даст им возможность спокойно наслаж-

даться плодами умеренного труда; такой труд всегда будет достаточен для тех, чьи желания умеренны и разумны, для тех, кто не подвергался обессиливающей заразе городов, делающей людей ненасытными. Благодаря этим мерам правительства земля будет обработана; личная заинтересованность заставит земледельца удвоить свою энергию; правительство будет способствовать его усилиям созданием хороших дорог, общественными работами, строительством каналов, полезными для хозяйства изобретениями и в особенности справедливыми вознаграждениями. Какие бы средства ни применялись для подъема сельского хозяйства, оно останется очень слабым, пока правительство будет допускать, чтобы притеснения вельмож, произвольные налоги и оскорбительное презрение лишали земледельцев необходимого мужества; угнетение заставляет крестьян покидать поля, которые обрабатывали их отцы.

§ XX. О сельском хозяйстве

В государстве все взаимосвязано. Для сельскохозяйственных работ необходимо большое количество скота; земля нуждается в обработке и удобрениях; удобрения способствуют образованию лугов; луга кормят стада животных; все это предполагает наличие торговли, фабричного производства и расходов на потребление, но торговля и расходы на потребление предполагают, что у земледельца есть достаток; крестьянин привязан к своей земле лишь в силу преимуществ, которые она ему обеспечивает; раб всегда будет обрабатывать землю небрежно.

Этого достаточно, чтобы убедиться, сколь безумными тиранами являются правительства, которые под предлогом стремления сделать крестьянина более послушным обременяют его такими налогами, что он не может обеспечить себе средств существования, не может питаться здоровой пищей, с трудом находит во что одеться и в конце концов начинает небрежно обрабатывать землю, видя, что его труд никогда не даст ему возможности выбраться из нищеты. Вся страна оказывается в положении человека, который питается

лишь хлебом и водой, спит на голой земле, не одет, не укрыт, не сыт; именно тяжесть налогов разрушает сельское хозяйство и вселяет в крестьянина отвращение к труду; от человека, который сам ничего не имеет, ничего нельзя и получить. Отчаявшийся земледелец становится нищим. Но наличие большого числа нищих свидетельствует о жестокости правительства, пренебрегающего своими обязанностями; когда здоровые люди, работая, не могут обеспечить себе средств существования, это является неопровержимым доказательством порочности системы управления.

Как мы уже видели, рост населения приводит к возникновению и развитию сельского хозяйства; чем больше подданных у государства, тем более щедрой они должны сделать свою землю. Между тем возможности роста населения имеют свои пределы, так же как и возможности земледелия. Чем счастливее народ, тем быстрее растет его численность; население страны может в конце концов увеличиться до такой степени, что земля не будет в состоянии обеспечивать его потребности; в таком случае можно подумать об образовании колоний, которые, будучи подчинены государству и не отделяясь от него, способствовали бы росту его сил.

§ XXI. О колониях

Основание колоний явилось у европейцев следствием необузданной страсти к богатствам, которая часто лишала населения цветущие монархии. Нет ничего более безрассудного, чем образование колоний в то время, когда сама метрополия нуждается в подданных. Испания, уже обезлюдевшая вследствие многочисленных войн, религиозных суеверий, нетерпимости и порочности своего правительства, оказалась доведенной до бессилия, до самой постыдной бездеятельности, даже до нищеты только из-за того, что стала на путь завоеваний и создания поселений в Новом Свете, где она сначала истребила местных жителей, лишившись своих будущих граждан. Запрещая всем своим подданным выезд за пределы империи, Китай впал в противоположную крайность; несмотря на необыкновенное трудо-

любие китайцев, голод производит неслыханные опустошения в этой слишком перенаселенной стране; но, будучи слепо преданной заветам и обычаям отцов, она вынуждена прибегать к варварским средствам по отношению к населению, чрезмерный рост которого часто становится для нее гибельным. Швейцарцы, несмотря на их умеренное правительство, вынуждены продавать своих сограждан в солдаты воинственным державам Европы, чтобы освободиться от подданных, избыток которых принес бы голод в их горную и бесплодную страну. Эта политика напоминает политику тех командующих осажденными крепостями, которые принуждают свои войска к вылазкам для того, чтобы уменьшить число едоков.

Колонии полезны, когда в стране-метрополии больше граждан, чем она могла бы прокормить и сделать счастливыми. Основывая колонии, нации должны задаваться целью образовать новые народы, которые могли бы стать союзниками и согражданами народов метрополии. Но для достижения этой цели надо, чтобы интересы колоний и метрополии сообразовались между собой: необходимо, чтобы колонии пользовались теми же преимуществами, что и метрополия; необходимо, чтобы метрополия твердо помнила, что население колоний трудится ради обеспечения собственного благополучия и что оно не согласится работать на нее, если она не обеспечит ему со своей стороны реальных преимуществ. Необходимость поддерживать гармонию между народом метрополии и населением колоний требует величайшей осторожности.

Создается впечатление, что европейские народы и по сей день не создали себе отчетливого представления о природе и правах своих колоний. Они рассматривают их население как отщепенцев, недостойных забот и помощи. Однако движимые жадностью метрополии, как только они замечают, что жители колоний благодаря своему трудолюбию начали процветать, оперились и встали на ноги, обыкновенно требуют от них подчинения, настаивают на своих особых правах, подвергают их бесчисленным стеснениям, создают трудности и препятствия их деятельности, вызывающие

в колониях возмущение или во всяком случае принуждающие их население умерить свою активность. Этого упрека не могут избежать даже самые свободные нации, которые должны были бы лучше других понимать права народов на свободу и свои собственные интересы⁹. Метрополии считают, будто материнство дает им право угнетать, стеснять или по крайней мере продолжать водить на помочах детей, ставших взрослыми и способными передвигаться самостоятельно. Пока колония слаба и малочисленна, она легче переносит свою зависимость от метрополии; когда же колония разрастается и начинает ощущать свои силы, она познает цену свободы, необходимой для ее счастья. Процесс отделения колонии значительно ускоряется, когда метрополия стремится пресекать ее торговлю и промышленность; это отделение происходит особенно быстро, если колония очень удалена от метрополии, если она обширна и способна обойтись безо всякой посторонней помощи. Чем больше власти проявляют родители по отношению к своим детям, тем больше дети стремятся освободиться из-под их опеки. Метрополия, которая ведет себя как злая мачеха, должна ожидать, что жители колоний станут для нее непослушными детьми. Всякая колония превращается в самостоятельную нацию и отрывается от метрополии, с которой связано ее происхождение, как только она начинает испытывать недовольство метрополией и становится достаточно сильной, чтобы обеспечить себе независимость.

Пусть же государи земли дадут своим народам возможность наслаждаться миром, пусть они сделают их счастливыми! Сельское хозяйство и промышленность в их государствах будут постоянно расти. Но настанет время, когда политика, которая всегда должна применяться к обстоятельствам, будет вынуждена уступить силе необходимости; излишняя тучность может быть столь же вредной для наций, как и для отдельных индивидов. Только при таком положении есть основания подумать о создании колоний. Свободные и мирные народы, если ими управляют справедливо, скоро разрастутся, станут деятельными, будут горячо трудиться, создадут промышленность и восстаноят

потери, понесенные ими из-за неистовства войн — этих испытаний, которым их подвергла судьба.

Пусть же государи познают наконец цену человека; пусть они перестанут проливать человеческую кровь; пусть они содействуют усилиям, предпринимаемым человеком, чтобы улучшить свое благосостояние, как только свобода предоставляет ему эту возможность; и пусть они ничего не ждут от человека, которому связывают руки. Свобода необходима человеку; не пользуясь свободой, он трудится неохотно и испытывает лишь сожаление, умножая свое потомство; он не решается быть предприимчивым и трудолюбивым; одним словом, без свободы он не может воспользоваться ни одним из благодеяний природы. Вправе ли несправедливое и не выполняющее своих обязанностей правительство сетовать на недостаточное развитие сельского хозяйства и слабый прирост населения? Разве не само правительство опустошает страну и превращает ее в пустыню? Разве не оно заглушает в человеке стремление к умножению своего потомства?

§ XXII. О налогах

Вопрос о налогах является одним из самых важных вопросов, которыми должна заниматься политика; налоги постоянно становятся причиной раздоров между государем и подданными. Руководители народов, занятые лишь удовлетворением собственных страстей или подчиняющиеся безрассудной алчности тех, кто дает им советы, считают, что достигли всего, как только им удастся силой или хитростью захватить в свои руки большую часть богатств своих народов. Секрет управления, заключающийся в беспрепятственном увеличении налогов, представляется большинству из них шедевром политической мудрости. С другой стороны, народы лишь с сожалением лишают себя результатов своего труда; каждому человеку от природы свойственно оказывать себе предпочтение перед всеми остальными; ему гораздо больше хотелось бы использовать для себя блага, которыми он обладает, чем жертвовать часть этих благ в пользу общества, членом которого он является.

ся; связь своих интересов с общественными гражданин обыкновенно представляет себе очень смутно и неопределенно; нередко он совсем не понимает, чем обязан родине.

Политика, руководствующаяся справедливостью, может сделать для подданных менее тяжелой необходимостью жертвовать частью собственности. Чем больше народы будут любить свое правительство, тем большее доверие они будут питать к нему; чем больше преимуществ обеспечит правительство гражданам, тем более они будут расположены приносить ему жертвы. В стране, где царят справедливость и разумная свобода, где у монарха нет иных интересов, кроме интересов его подданных, где средства, взимаемые с народа, расходуются лишь на поддержание нации и обеспечение ее безопасности, граждане, не жалея, жертвуют своими средствами ради достижения целей, польза которых им вполне очевидна. Тогда желание гражданина удержать при себе свои деньги уступает в нем стремлению к самосохранению, связанному с сохранением общества. Налоги всегда оказываются соразмерными с добротой правительства по отношению к гражданам, с богатством народа и с выгодами и преимуществами, которыми он пользуется. Если и существуют страны, где граждане платят очень небольшие налоги, это объясняется, несомненно, либо недостаточным плодородием почвы, либо нерадивостью или жестокостью правительства, которое не обеспечивает своим подданным никаких выгод и преимуществ. В большинстве свободных государств налоги очень значительны; торговля привлекает в эти страны богатства, которые распределяются здесь более равномерно, а свобода, которой пользуются подданные, по доброй воле и без всякого принуждения настраивает их на то, чтобы содействовать общему благу.

§ XXIII. Об условиях налогового обложения

Необходимо, чтобы налог был всеобщим; это бремя должны нести все подданные; освобождение от налогов создает между гражданами столь же несправедливое, сколь и обидное неравенство, которое обычно благо-

приятствует лишь тем, кто больше других в состоянии оказывать помощь стране. Но свойственная всякой тирании несообразность заключается в том, что при ней налог падает главным образом самых богатых людей государства, а основное его бремя падает на несчастных бедняков. Земледелец, трудами которого живет общество, — при плохом правлении обыкновенно очень бедный — чаще всего облагается совершенно произвольными ставками налога, от которого знатный богач совсем освобожден! Сколь же позорны и гнусны эти привилегии, с такой бессердечной жестокостью приносящие интересы бедняков в жертву интересам самых богатых и обеспеченных людей.

Ставки налога должны быть твердыми; каждый гражданин должен точно знать, в какой степени он обязан способствовать поддержанию общества; произвольные налоги являются источником притеснений и злоупотреблений; они предоставляют необъятный простор для несправедливости, мести, зависти, жадности и других страстей.

Налог должен соответствовать средствам каждого гражданина, преимуществам, пользоваться которыми дает ему возможность государство, а главное, действительным потребностям государства. Если налог зависит от прихотей и жадности находящихся у власти людей, он не знает никаких границ. Когда же налог переступает границы справедливости, подданный лишается энергии; он стремится обойти законы или перестает трудиться, а нередко и совсем покидает родину.

Налог должен взиматься простым и понятным гражданину образом, и облагаться им должны только значительные богатства. Усложненный сбор является бесполезным притеснением; он только увеличивает тяжесть налога, не давая никаких преимуществ правительству; он лишь позволяет обогащаться за счет народа людям, которые ненавистны народу, поскольку последний видит в них причину своих бедствий.

Может быть, налог на продукты, производимые землей, должен взиматься натурой, а не деньгами. Ленивые и жадные правители признают только деньги; но разве правительства не нуждаются в продуктах для

снабжения армий? Разве излишек хлеба нельзя продать и перевести в деньги? Наконец, разве натуральный налог не может быть отдан на откуп, если правительство считает для себя трудным взимать его самому? Во всяком случае представляется несомненным, что натуральный налог взимать было бы легче, чем налог деньгами, собирая его без какого-либо обмана прямо на поле. Надо иметь в виду, что земледelec не всегда может быстро найти сбыт своим продуктам; если он беден, необходимость платить налоги в деньгах принуждает его продавать продукты за любую цену, лишает его возможности дожидаться более благоприятного случая и таким образом выйти из нищеты.

Налог на потребляемые гражданами блага не должен затрагивать предметы первой необходимости, служащие для поддержания жизни людей; он всей своей тяжестью должен падать на предметы, предназначенные для удовлетворения искусственных потребностей суетных и тщеславных богачей, фантазии и прихоти которых множатся с каждым часом.

С особыми предосторожностями надо устанавливать налог на торговлю; торговля — это своевольное дитя, которое легко спугнуть; стоит только стеснить ее свободу, как она исчезает. Слишком большие налоги на предметы первой необходимости превращают большинство подданных в нарушителей законов, и государство совершенно лишается тех средств, на которые рассчитывала его жадность.

Никогда не следует облагать налогом ту продукцию, которая предназначена для отправки за границу; такой налог лишает сельское хозяйство и фабричное производство стимулов к развитию, а также вредит осуществлению тех целей, которым всегда должна благоприятствовать разумная политика.

§ XXIV. О богатстве государства

Для того чтобы народы могли платить налоги своему государю, он должен обеспечить им возможность жить в достатке и приобретать богатства. Ни одно правительство не может быть богатым, пока его подданные

прозябают в бедности; подданные будут бедны и лишены всякого стимула к труду до тех пор, пока те, кто ими управляет, будут ставить преграды их предприимчивости или как бы в наказание за их труд взимать с них произвольные, несправедливые и чрезмерные налоги. Свобода является самым существенным из условий, необходимых для того, чтобы государство могло стать богатым. Но в богатой стране быстро растут пороки; если деньги представляют собой жизненный нерв державы, то в руках неразумного правительства они часто становятся орудием разрушения государства. Народы, как и отдельные лица, злоупотребляют своим богатством; зачастую они легкомысленно и без всякой пользы растрачивают его ради единственной цели — удовлетворить пустое тщеславие своих правителей. Наконец, эти богатства становятся единственной силой, которой может пользоваться государство, чтобы приводить в действие человеческие страсти. Тогда в государство проникает роскошь, которая более или менее быстро ведет его к распаду.

Следовательно, политика должна быть разумной и сдерживать в сердцах граждан страсть к богатствам. Только чрезвычайная бдительность способна предупредить или хотя бы отсрочить бедствия, которые влечет за собой эта страсть.

§ XXV. О богатстве, приобретенном войной

Общества, как и индивиды, с трудом переносят бедность; как и индивиды, они находят ее еще более ужасной и непереносимой, когда сравнивают собственную нищету с богатством, благоустройством и блеском, в условиях которых живут окружающие их нации; тогда их охватывает зависть, ревность, желание сравняться с ними; эти страсти, следуя естественной склонности, разгораются все больше и больше, и в конце концов народы забывают о сдержанности и необходимости держать себя в границах. Народы могут достигнуть богатства лишь двумя путями: завоеваниями и торговлей. Богатые народы никогда не могут устоять перед

натиском бедных и воинственных. Азия стала добычей македонцев. Рим, разбогатевший посредством ограбления разоренных им земель, был в свою очередь разграблен нищими и дикими воинами, извергнутыми Севером из его ледяных просторов. Китай и Индия пали под ударами кочевников-татар¹⁰. Завоевание всегда имело для людей огромную притягательную силу; оно благоприятствовало их лени и давало им возможность быстро, или в результате внезапного натиска, захватить богатства, накопленные заботами и трудами других людей в течение долгих веков. Действия завоевателя обычно были направлены на удовлетворение его властолюбия и стремления к славе; его же солдат воодушевляла и влекла к себе добыча. Бог богатства обладает над воинами по крайней мере такой же властью, как и бог войны.

§ XXVI. О торговле

Торговля является другим путем обогащения народов; она подразделяется на внутреннюю и внешнюю, причем первая имеет место между подданными одного и того же государства, которые обмениваются произведенными ими продуктами. Нередко бывает, что под властью одного и того же правительства в какой-то из областей государства наблюдается голод, в то время как в другой все продукты имеются в изобилии и даже в избытке. Объектом равно внимательной ко всем подданным политики должно быть облегчение обмена между такими областями, столь необходимого для сохранения всего общества и обеспечения его благосостояния; одна лишь безрассудная или преступная политика может запрещать подданным одного и того же государства свободную торговлю с их согражданами. Такое ведение дел способно уничтожить всякий стимул для развития сельского хозяйства; оно может быть основано только на возмутительных привилегиях и монопольных правах; оно лишает членов одного и того же общества возможности удовлетворения потребностей; оно обогащает нескольких отдельных лиц за счет большинства. Политика превращается в тиранию, когда она обеспечивает сча-

стве несколькими подданным за счет несчастья всех остальных.

Внешняя торговля — это обмен, который один народ производит с другими. Народ, владеющий обширной территорией либо землями, которые природа и трудолюбие сделали весьма плодородными, — словом, обеспеченный сверх его потребностей, в состоянии направить часть продуктов своих земель другим народам, живущим в менее благоприятных условиях или менее предприимчивым. Такая торговля известна под названием экспорта. В обмен народ получает либо полезные изделия, которых ему недостает, что называется импортом, либо драгоценные металлы, которые люди условились рассматривать как знаки богатства. То же самое неравенство, которое природа установила среди индивидов человеческого рода, наблюдается и между человеческими обществами. Народы живут в странах, климат которых не одинаков, а почва различна по степени плодородия; они владеют разными ремеслами и выпускают разную продукцию. Следовательно, в силу своих потребностей народы находятся в реальной зависимости друг от друга, что делает их взаимно полезными и необходимыми. Отсюда ясно, что торговля является связующим звеном, которое сближает самые отдаленные друг от друга нации, устанавливает между ними взаимоотношения и налагает на них обязанности. Впрочем, жадные и вооруженные купцы слишком часто отрекаются от последних.

Судя по отношению европейцев к народам открытых ими далеких земель, можно подумать, что они гораздо безрассуднее и бесчеловечнее самых нецивилизованных дикарей. Они смотрят на людей, живущих в далеких странах, как на животных, которых можно обманывать, обирать, истреблять без зазрения совести. Достоверно известно, что европейцы очень редко стремились превратить эти народы в своих друзей или союзников. В мире нет существа более жестокого, чем алчный купец, когда сила на его стороне и когда он уверен в том, что его преступления, из которых его страна может извлечь выгоду, будут с восторгом одобрены ею.

§ XXVII. О могуществе, которое дает богатство

Богатство нации растет по мере увеличения количества излишней продукции, возрастания плодородия ее земель и совершенствования способа их обработки, в особенности если другие народы нуждаются в продукции этой нации, в то время как она сама не испытывает большой потребности в продуктах других народов. В руках народа, ведущего выгодную торговлю или обмен, сосредоточивается большее количество знаков богатства, т. е. денежных средств, чем у народов, с которыми он торгует; поскольку эти денежные знаки представляют собой для всех наций мерило богатства, могущества и благополучия, такой народ неизбежно берет верх над другими. Все нуждаются в нем, попадают в зависимость от него или испытывают к нему чувство зависти.

Я утверждаю, что это превосходство становится неизбежным потому, что денежные знаки, являющиеся выражением богатства, также дают власть. Деньги позволяют нанимать армии, состоящие из солдат бедных наций, которые продают богатым народам кровь и жизнь своих подданных; деньги покрывают моря кораблями; они сглаживают разногласия во время переговоров и облегчают заключение договоров. Но деньги также развращают государей и их министров; часто блеск золота делает повелителей народов слепыми относительно их наиболее важных интересов. Наконец, потребность в золоте, которую испытывают или считают, что испытывают, все народы, ставит их в зависимость от тех, кто в состоянии удовлетворить их страсть к деньгам.

§ XXVIII. Торговля должна быть свободной

Все только что сказанное доказывает, что для ведения выгодной торговли нация прежде всего должна подумать о том, как извлечь пользу из продуктов своих земель. Она не может достигнуть этого, не обладая многочисленным населением, которое, как нами было

показано, может расти только при наличии свободы и разумной организации государственной власти.

Если свобода является условием развития торговли, то торговля в свою очередь не менее необходима для поддержания свободы: основой торговли является страстное желание людей сделать свою жизнь более счастливой, и потому она не должна быть стеснена в выборе средств. Разумная политика разрешает подданным обогащаться тем способом, какой они сочтут наиболее соответствующим их интересам; для исправления ошибок в этой области совершенно достаточно иметь жизненный опыт. Нация в целом, если она пользуется свободой, не будет долгое время вести невыгодную торговлю; благоразумие большинства народа вскоре поможет устранить ошибки отдельных лиц. Нет ничего, что требовало бы большей осторожности, чем торговля; как только власть пытается создать ей какие-либо препятствия, она исчезает совершенно; ее можно сравнить с рекой, которую с помощью плотины заставляют проложить для себя новое русло; редко случается, чтобы река возвратилась в русло, которое принуждена была однажды покинуть. Лишите торговлю свободы, обложите ее произвольными налогами, и скоро вы либо совершенно задушите ее, либо превратите всех подданных в нарушителей законов; вы будете вынуждены сдерживать их столь дорогостоящими средствами, что они поглотят доходы, на которые рассчитывала ваша жадность.

Одним словом, торговля требует самой полной свободы; чем свободнее будет торговля, тем шире она разовьется. Правительство ничего не должно делать за коммерсанта, оно должно лишь предоставлять ему возможность делать то, что он сочтет необходимым. Его выгода лучше всяких правил будет руководить им в его предприятиях; тот, кто потерпит неудачу, предупредит тем самым всех остальных об опасностях, которых они должны избегать. Государство должно лишь оказывать торговле покровительство. И те торговые нации, которые предоставят своим подданным самую неограниченную свободу, могут быть твердо уверены, что возьмут верх над всеми остальными.

§ XXIX. О пределах торговли

Тем не менее совершенно естественно, что государство должно получать от других народов только самые необходимые товары и продукты, в которых ему отказала природа его страны или которые не может обеспечить производство его подданных. Эта столь доступная пониманию истина отвергается большинством тех, кто управляет людьми. При прочих равных обстоятельствах всегда необходимо предпочитать продукцию собственной страны; если же предпочтение отдается иностранной продукции, то мы вправе предположить, что либо заграничные товары лучше, либо правительство сознательно стесняет производство своих подданных и препятствует развитию отечественного земледелия и торговли.

Чем больше у народа потребностей, тем сильнее он зависит от тех, кто может эти потребности удовлетворить. Следовательно, политика должна по возможности ограничивать излишний рост потребностей подданных: если благоразумие не установит для них границ, они в конце концов станут совершенно неутолимыми; постепенно самые диковинные прихоти и фантазии превратятся в потребности, и тогда богатство, в котором народ надеялся обрести силу, послужит лишь для порождения надуманных запросов, для снабжения нации продуктами и предметами, в которых она не нуждается и ценность которых существует только в воображении. Если не считать перца и селитры, поставляет ли Индустан Европе что-либо такое, что возмещало бы ей те реальные суммы, которые она тратит ежегодно, чтобы удовлетворять потребность в роскоши, изнеженности и тщеславии своих жителей? К счастью, в вопросах торговли все нации в равной мере проявляют безумие, и это вредит им всем одинаково.

§ XXX. О распределении богатства

Руководители государства заинтересованы в том, чтобы все подданные были достаточно богаты и по уровню обеспеченности между ними было наибольшее

равенство, какое вообще осуществимо. Богатства, доставляемые торговлей, распределяются среди большого числа людей, тем или иным образом принимающих в ней участие посредством плодов своего труда, своего мастерства и своих способностей. Земледелец, фабрикант, матрос, даже ученый — все так или иначе испытывают на себе ее воздействие. Таким образом, торговля распространяет в стране достаток и доставляет средства к жизни во все уголки государства.

Для мудрого правления важно, чтобы богатства не сосредоточивались в руках небольшого числа граждан. Канцлер Бэкон сравнивает богатство государства с навозом: если собрать его в большую кучу, он не принесет никакой пользы и даже повредит плодородию почвы; но распределите его хотя бы самым тонким слоем по поверхности земли, и он оплодотворит все поле¹¹.

Можно подумать, что правительства предали полному забвению эту важную истину. Почти во всех государствах более трех четвертей населения не обладает ничем, в то время как огромные богатства и владения сосредоточены в руках небольшого количества людей, на которых словно простираются все заботы правительства. Более справедливые и здравые политические деятели должны были бы понять, что именно собственность привязывает гражданина к родине, что человек, который ничем не владеет, ничем и не дорожит, что в стране, населенной нищими и бродягами, преступление скоро станет настолько распространенным, что ничто не сможет его искоренить. Интересы общества требуют, чтобы большинство его членов пользовалось каким-то достатком. Когда все граждане имеют возможность умеренным трудом обеспечить себе зажиточную жизнь, государство может требовать от них помощи и для себя; когда вся земельная собственность и все богатства страны принадлежат небольшому числу людей, эти люди становятся хозяевами государства, которое не может без крайне тяжелых усилий вырвать у них накопленные ими состояния. Кроме того, более равномерное размещение богатств побуждает всех членов общества к активной деятельности, вселяет в них энергию и предприимчивость, в то время как

неравномерное распределение богатств порождает в людях лень, отчаяние, бесплодные желания и склонность к преступлениям.

§ XXXI. Исключительные привилегии

Нет ничего более чуждого здоровой политике, чем исключительные привилегии и особые права на ведение торговли, предоставляемые некоторым сословиям; присвоение подобных прав приводит к тому, что отдельные, пользующиеся покровительством люди обогащаются, не принося государству всех тех благ, которых оно вправе от них ожидать. При таких порядках монарх, ничего не выигрывая, несет одни потери. Лица, разбогатевшие благодаря особым привилегиям, никогда не дадут государству столько, сколько дали бы ему все граждане, если бы они равномерно обогащались в условиях свободной торговли. Государь должен от имени государства награждать тех, кто делает полезные открытия; ему никогда не следует создавать препятствий предприимчивости и энергии своих подданных в области производства.

Торговля и промышленность благоприятствуют росту народонаселения; они не только дают земледельцу возможность быстро сбыть свои продукты и, следовательно, обеспечить свое благосостояние, но, кроме того, привлекают иностранцев, покидающих свои страны в поисках лучшей доли.

§ XXXII. Опасность лишения ограничений торговли

Несмотря на обеспечиваемые торговлей преимущества, она не должна целиком поглощать внимание хорошего правительства. Самая здоровая пища превращается в яд, если принимать ее в излишестве. Просвещенным политикам следует предвидеть, что, если не предотвратить чрезмерного роста торговли, она вызовет погоню за роскошью, которая приводит самые цветущие

империи к верной гибели. Неудержимая жажда богатства охватывает тогда всех граждан. Нация, опьяненная страстью к наживе, не помышляет больше ни о чем, кроме торговли; она обольщает себя тем, что достаточно богата, чтобы посредством торговли обеспечить себе все блага мира; такая торговля становится яблоком раздора между народами и их государями; она порождает соперничество, зависть и бесконечные столкновения. Отсюда возникает безумное стремление ко все новым и новым видам торговли; земной шар перестает быть достаточно обширным для потерявшего разум коммерсанта; даже пустынный остров становится предметом, имеющим значение; народы готовы истребить друг друга, чтобы знать, кому из них будут принадлежать несколько клочков песчаной земли, в недрах которой человеческой жадности мерещатся сокровища.

Согласно ограниченным взглядам, порожденным современной политикой, деньги рассматриваются и как движущая сила войны, и как опора мира; люди убеждают себя, будто держава, обладающая наибольшим количеством денег, всегда сможет подавить всех остальных или по меньшей мере побудить их поддерживать ее планы. Целые нации, равно как и те, кто ими управляет, становятся простодушными жертвами жадности небольшого числа ловких и ненасытных коммерсантов, которым удается ослепить народы надеждой на приобретение богатств, в действительности приобретаемых лишь ими самими. Нередко только для удовлетворения жадности нескольких граждан опустошается целое государство, с населения взимают большие налоги, и весь народ фактически беднеет, предаваясь бесплодной погоне за богатствами, которые переходят в руки небольшого числа лиц, сумевших воспользоваться безумием своих сограждан.

Именно подобные ложные принципы заставили некоторые народы обратить свои взоры исключительно в сторону торговли. Люди только и думают о том, какими путями раздобыть богатства, и это становится поводом для войн между державами. Существует народ, который в приливе жадности словно задумал захватить

в свои руки торговлю всего мира и стать собственником морей¹² — план несправедливый и безумный, осуществление которого, если бы оно и было возможно, очень скоро привело бы руководствующуюся этим планом нацию к верной гибели.

§ XXXIII. О естественных пределах торговли

Итак, в торговле, как и во всех человеческих делах, существуют какие-то пределы; они даны самой природой. Торговля должна находиться в соответствии с размерами территории страны, с качеством и плодородием ее земель, с количеством ее жителей. Если бы мы могли прочесть в книге будущего, к чему может привести безумная страсть к торговле, разделяющая пынче народы, мы, вероятно, увидели бы, как после взаимного истребления, поводом для которого явилась эта страсть, каждый из народов счел правильным ограничиться извлечением пользы только из своих земель и вести только ту торговлю, которая ему действительно необходима. Наиболее гуманные, справедливые и разумные правительства поймут, что деньги не составляют истинного счастья народов, как и счастья отдельных индивидов. Эти правительства потеряют желание ежегодно посылать целые армии своих граждан на смерть в знойные страны, в сражения, в далекие морские походы. Наконец, быть может, в один прекрасный день индийцы, самими европейцами обученные военному делу и приученные к войне, изгонят со своих берегов людей, жадность которых сделала их ненавистными для жителей Индии.

Есть предел и для богатства; становясь чрезмерным, оно начинает приносить вред даже торговле и промышленности. Изделия фабрик и плоды земли при превышении указанного предела настолько возрастают в цене, что бедные народы несут меньшие расходы, чем богатые. Народ навсегда останется бедным, не производя в своей стране продуктов, без которых не может обойтись; народ всегда достаточно богат, если земля его страны снабжает его в изобилии всем, что ему действи-

тельно необходимо. Народ, граждане которого пользуются свободой и обеспечены всем необходимым, всегда будет богаче, счастливее и могущественнее народа, который не имеет ничего. В хорошо организованном государстве не должно быть ни одного фабриканта, производящего предметы роскоши, пока в стране есть хоть одна десятина нераспаханной земли.

§ XXXIV. Непрочность процветания торговых наций

Бедная нация считает себя несчастной, поскольку она вынуждена, как уже говорилось выше, зависеть от других наций; чтобы выйти из этого положения, ей приходится прибегнуть к силе или проявить ловкость и изворотливость; поэтому она стремится посредством завоеваний, грабежа или торговли обеспечить себя золотом — этим символом богатства, чтобы с согласия других наций обменивать его на необходимые ей предметы и продукты, которых ее лишила природа. Эта изворотливость нередко приводит по сути дела бедную и не владеющую природными богатствами, но разбогатевшую благодаря торговле нацию к возможности играть некоторое время значительную роль среди держав, обладающих более реальным могуществом. Тирийцы, сидонийцы и карфагеняне в древности, венецианцы и голландцы в современном мире дают нам изумительные примеры того, каких результатов могут достигнуть нации, живущие в неблагоприятных природных условиях, с помощью одной только искусной торговли. Но история упадка и гибели этих наций свидетельствует о том, что могущество, опирающееся исключительно на богатство, состоящее из денег, не может быть надежным и долговечным; оно становится предметом зависти других народов; разбогатевшую нацию обычно грабит какой-нибудь ненасытный завоеватель, который вторгается в ее страну со своими разбойниками. Богатый народ грабят одновременно с двух сторон: союзники поглощают дань, которую он им выплачивает за помощь, враги обирают его, применяя силу и хитрость.

§ XXXV. О субсидиях

Богатства подобно воде всегда имеют тенденцию равномерно распределяться на одном уровне; экономическими мерами можно некоторое время удерживать их в руках одной нации, и тогда они никому не будут приносить пользы; но рано или поздно необходимость удовлетворения реальных или вымышленных потребностей заставит пустить их в обращение.

Мы не подвергнемся риску ошибиться, если будем судить о политических обществах так же, как мы судим об отдельных индивидах человеческого рода. Мы обнаружим, что они ведут себя одинаково и что у них одни и те же страсти. Скупой отец благодаря продолжительной мелочной экономии собирает богатства, которые его расточительные дети рано или поздно растратят в обществе друзей. Богатый человек становится гордым, избегает труда и забот, заставляет служить своим страстям и обеспечивать себе удовольствия бедняков, которые окружают его в надежде избавиться от нищеты; когда же им удастся разбогатеть за его счет, они покидают его и в свою очередь предаются тщеславию, лени, расточительности и увлечению роскошью.

Точно так же обстоит дело и с нациями: богатство их усыпляет, оно обеспечивает им помощь, содействие, преданность других народов; оно часто толкает их на безрассудные авантюры, которые их в конце концов разоряют и приводят к гибели. Им не поможет и обладание исключительными правами в области торговли; богатства, за которыми они отправляются на край земли, всегда будут доставаться другим; мало-помалу обездоленные, нищие народы начнут разделять с ними плоды их предприимчивой жадности. Субсидии, уплачиваемые богатыми нациями народам, которые бедны; наемные войска, которых они заставляют сражаться за себя; войны, которые они ведут в отдаленных странах, — все это рано или поздно истощает богатства, добытые посредством обширной торговли, и всегда оказывается, что богатая нация трудилась не на себя, а на других.

§ XXXVI. Об истинном счастье государства

Таким образом, мнимые богатства, которые приносит торговля, должны рассматриваться лишь как пустая видимость величия и могущества. Не богатство определяет силу человека. Рассчитывать на богатство в деле защиты своей страны — вершина безумия; это равносильно уподоблению финикийцам, у которых эмблемой могущества служило изображение мешка с деньгами. Государство нуждается в более реальном и не так легко переходящем из одних рук в другие богатстве, которое подобно имуществу, накопленному в очень богатых семьях, способно выдержать натиск беспутства, сумасбродства и безумств расточительных наследников.

Нация всегда будет могущественна, если ею управляют разумно и если ее население соответствует занимаемой им территории. Нация достаточно богата, если ее земли обеспечивают ее граждан всеми необходимыми для существования продуктами, не требуя от них чрезмерного труда; нация вполне счастлива, если ее граждане мужественны и добродетельны. Прежде чем думать о внешней торговле, надо упорядочить положение внутри государства. Внешняя торговля государства выполняет свои задачи, если она доставляет народу полезные и необходимые для него предметы, которых недостает в стране.

Однако редко бывает, чтобы государство удовлетворилось этими выгодами. Как и отдельные люди, постоянно стремящиеся превзойти друг друга, нации соперничают между собой в накоплении богатств и считают себя достойными презрения, если не могут сравняться в этом отношении со своими соседями или превзойти их. Драгоценные металлы, ставшие символами могущества, являются единственным предметом вожделений презренной и ограниченной политики; в погоне за призраками она отказывается от реальных возможностей; она хочет украсить здание, не укрепив предварительно его фундамент.

§ XXXVII. О государственном займе

У жадных народов бывают обыкновенно столь же жадные правители; если они и хотят, чтобы их подданные обогащались, то лишь потому, что рассчитывают легче получать с них налоги. Но эти легко получаемые богатства скоро становятся вредными для правителей, заставляя их втягиваться в бесполезные траты, вступать в опустошительные войны, пускаться в рискованные предприятия, о которых они никогда и не подумали бы, если бы не легкость, с какой богатство их подданных дает им возможность удовлетворять их капризы. Разучившись экономить и мало заботясь о необходимости соразмерять свои расходы с доходами, которые можно обеспечить посредством налогов, правители вынуждены прибегать к крайне тягостным и обременительным для народа методам. Они начинают увеличивать налоги, но это увеличение в конце концов имеет свои пределы: нации всегда платят большие налоги с негодованием; поэтому государи вынуждены применять средства, с помощью которых они без ведома подданных постоянно увеличивают тяжесть налогов, меняющих лишь свое название.

Таково происхождение явления, название которого — общественный заем. С помощью соблазнительной возможности дохода, более легкого, чем доход от труда и возделывания земли, государь склоняет своих подданных или подданных соседних наций сдавать ему на хранение излишки их богатств. Правительство располагает взятыми в долг денежными фондами и употребляет их на цели, диктуемые ему обстоятельствами, или же, что бывает гораздо чаще, расхищает эти средства и использует их в своих личных целях; подданные же государства вынуждены платить долги, которые правительство часто делает очень неосторожно и безо всяких выгод для нации.

Следовательно, по существу заем является лишь замаскированным налогом, тем более несправедливым, что он падает на бедняков, хлебопашцев и владельцев земли, которые принуждены платить проценты по долгам, сделанным правительством. И это еще не все:

заем в силу своих последствий становится причиной разращения значительного числа граждан; он благоприятствует их беспечности и лени, давая им возможность существовать, не трудясь и не принося пользы государству, за счет тех деятельных и предприимчивых граждан, которые трудятся ради поддержания бездельников — рантье. Всякий ничем не занятый человек становится плохим гражданином, порочным распутником. Общество становится тем несчастнее, чем большее количество бесполезных граждан ему приходится кормить. Всякий рантье живет за счет трудолюбивого человека. Всякий заем является злом и предполагает расходы, превосходящие естественные возможности нации. Если бы делать займы было не столь легко, то государства, как и частные лица, не столь часто оказывались бы совсем запутавшимися в долгах. Чем больше государство платит процентов, тем больше угнетена вся нация.

§ XXXVIII. Об основах займа

Кредитоспособность государства, осуществляющего заем, пропорциональна его богатству, его ресурсам, прочности его правительства, добросовестности тех, кто им управляет, их личной заинтересованности или мотивам, которые побуждают их выполнять свои обязательства. При абсолютной власти государство не может пользоваться настоящим кредитом; невозможно, чтобы подданный или иностранец доверился деспоту, который может, когда ему вздумается, безнаказанно нарушить свои самые торжественные обязательства; недоверчивый азиат скорее запрячет принадлежащее ему золото, чем покажет его своим тиранам. При господстве менее откровенного деспотизма существует нечто подобное займу; государь, сдерживаемый стремлением сохранить благопристойность, может в какой-то мере пользоваться доверием у своих подданных; тем не менее, поскольку власть, которой он располагает, всегда приводит его к нарушению принятых им обязательств, он вынужден прибегать к соблазну, чтобы возместить с его помощью недостаток доверия; он ослепляет тех,

у кого хочет выманить деньги, надеждой на огромные прибыли и таким способом ловит жадных людей в свои сети.

§ XXXIX. О финансах

Деспотизм, во всем руководствующийся лишь своими капризами, всегда стремится располагать средствами, которые он может использовать в любую минуту; часто ему недостает кредитов и его не обслуживают с такой быстротой, какая необходима для удовлетворения его ненасытных потребностей. Тогда подобно юноше, запутавшемуся в долгах и прибегающему к услугам ростовщика, чтобы получить деньги, в которых ему отказывает экономный отец, знающий, что эти деньги пойдут на безрассудные фантазии, деспот обращается к гражданам определенного типа, готовым оказать необходимую алчному властелину помощь в обмен на право безнаказанно заниматься вымогательством по отношению ко всем другим гражданам.

Таково происхождение того губительного для народа искусства, которое известно под названием финансовой политики. Государь отдает своих подданных на растерзание нескольким тиранам помельче — ловким хищникам, которые, прикрываясь его властью, безнаказанно грабят нацию и под предлогом сбора средств для поддержания государства ослабляют это государство, разрушают его, лишают стимулов к деятельности его торговлю и промышленность, заставляют земледельцев покидать свои поля и с каждым днем изобретают все новые, замаскированные способы угнетать и обирать народ. Так разве удивительно, что в государствах, руководствующихся такими принципами, учение о финансах стало загадочной, непроницаемой наукой, в хитросплетениях которой едва ли может разобраться даже самая просвещенная мудрость? Жадный государь или его министры, соблазненные возможностью быстрого обогащения, скрытые пружины которого им неизвестны, жертвуют всем ради минутных выгод и доверяют гибельную власть грабителям, предающим государство огню и мечу.

Таким образом, с согласия государя его народ облагается контрибуцией; государь допускает, чтобы кучка алчных и порочных граждан наживалась за счет всех остальных; в своем ослеплении он не замечает, что налоги взимаются с его подданных иногда даже в двойном размере, что суммы, идущие на обогащение сборщиков налогов, потеряны для него самого, что целая армия откупщиков податей всегда подкуплена и ведет войну против народа, принося тем самым чистый убыток монарху, тогда как более разумное управление, освободив нацию от этих мелких тиранов, доставило бы ему гораздо больше богатства. Но всегда безрассудный и неосторожный деспот, довольный тем, что может удовлетворять свои прихоти, позволяет наносить государству смертельные удары и подрубать самые глубокие, поддерживающие его жизнь корни; впоследствии он бывает крайне изумлен, когда дерево, лишенное всех своих соков, перестает давать какие бы то ни было плоды.

В стране, где государь пользуется неограниченной властью, он почти всегда приносит благополучие государству в жертву своим минутным капризам и фантазиям.

В результате такого поведения государя, столь же несправедливого, сколь и безрассудного, богатства государства сосредоточиваются в руках небольшого числа недостойных граждан, которые, разбогатев за счет крови народа, вскоре начинают повелевать и самим государем, с презрением третируют суд, который должен был бы их обуздать, осуществляют над подданными темную, коварную и произвольную юрисдикцию и, утоная в богатствах, посылают проклятия и оскорбления обществу, на нищете которого зиждется их процветание.

Вместо того чтобы стать предметом заслуженных ими чувств презрения и ненависти, эти разбогатевшие грабители вызывают зависть дворянства и своих сограждан. Каждый мечтает лишь о богатстве, богатство становится для людей единственной побудительной силой, жажда золота, ненасытная жадность овладевают всеми сердцами. Все страдают, будучи недовольны

своей судьбой и испытывая горечь при сравнении своей участи с участью более богатых граждан. Богатство, являющееся не результатом труда, мастерства или торговли, а лишь следствием прислужничества, случая, ловкости и мошенничества, приводит к тому, что все подданные падают духом и теряют всякое желание честно трудиться.

Одним словом, операции финансовых дельцов приводят к сокращению населения, расстройству сельского хозяйства, торговли и вообще всех важнейших сторон жизни государства. Государь, слишком занятый своими удовольствиями, ежеминутно приносит им в жертву интересы своих подданных. Источник налогов истощается, кредит исчезает, состояния расстраиваются, деревни пустеют; купец не решается ничего предпринять, фабрикант сидит сложа руки, промышленность вынуждена искать возможности приложения сил за пределами родины, подданные все чаще эмигрируют в другие страны — короче говоря, с каждым днем государство все быстрее устремляется к своей гибели.

§ XL. Политические руководители должны заботиться о всестороннем развитии общества

Действительной целью политики должно быть достижение равновесия между различными видами деятельности граждан, производящих всевозможные предметы для удовлетворения потребностей государства; только такое равновесие может сделать нацию могущественной, обеспечить ее благополучие и безопасность. Различные части дерева должны получать питание в справедливой пропорции; без этого слишком сильная ветвь привлекла бы к себе соки, предназначенные для равномерного распределения. Сельское хозяйство не должно занимать все руки в государстве; развитие торговли и промышленного производства должно соответствовать размерам продукции сельского хозяйства и давать возможность земледельцу реализовать собираемые им с полей продукты своего труда. Слишком большое народонаселение может стать обременительным для

нации, если оно не будет соответствовать размерам территории страны и производимой в стране продукции.

Вовсе не достаточно обладать руками, надо еще уметь их приложить; в политике, как и в нравственности, праздность — мать порока. Если бы общество обратило все свое внимание на одну торговлю, то накопленные богатства дали бы большому числу граждан возможность предаваться лени, в то время как у других это вызвало бы упадок духа. Эти богатства привели бы в конце концов к роскоши, жадности, изнеженности и пороку, которые были и всегда будут провозвестниками гибели наций.

Все граждане государства должны быть заняты, но не одним и тем же; если бы все стали заниматься одним и тем же, политические руководители были бы обязаны отвратить их от этого. Сельское хозяйство должно кормить всех подданных государства; торговля должна снабжать их всем необходимым, в чем отказала им природа; фабрикант должен их одевать; воин должен их защищать.

Если обязанностью политики является поддержание равновесия между различными видами деятельности, то ей следует поддерживать равновесие также и между различными людьми и сословиями, на которые разделены граждане государства. Ни один человек, какое бы высокое положение он ни занимал, не должен обладать правом притеснять стоящих ниже его людей, которые, так же как и он, должны находиться под защитой закона; ни один человек, на какой бы пост ни вознесла его судьба, не имеет права презирать и попирать ногами полезного родине гражданина. Государь обязан уважать, защищать и вознаграждать всякого подданного в меру его заслуг и приносимой им пользы. Просвещенная политика направлена на то, чтобы всякий благоразумный гражданин был удовлетворен тем общественным положением, которое отведено ему в соответствии с его происхождением. Счастье существует для всех классов общества; когда государство хорошо организовано, устанавливается целая цепь благоденствия, простирающаяся от монарха до земледельца. Удовлетворенный человек редко думает о том, чтобы выйти

из сферы своей деятельности; он любит профессию своих отцов, к которой привыкает с детства благодаря воспитанию. Народ обычно удовлетворен и спокоен, если он не страдает; ограниченный простыми и естественными потребностями, он не устремляет своих взоров за их пределы. Более образованный или занимающий более высокое положение человек имеет основание быть довольным, когда он достигает всего того, что может ему обещать его профессия, его жизненное поприще. Если всем подданным какого-либо государства перестает нравиться жить в нем, это свидетельствует о том, что в управлении этим государством есть какой-то изъян. Несмотря на непостоянство людей, каждого человека связывает с его судьбой некая сила инерции; люди только тогда стремятся изменить свой удел, когда их принуждает к этому чувство тревоги и отсутствие благополучия.

Истинная политика умеет сочетать в государстве свободу, значительный рост населения, изобилие, согласие и безопасность; но ни одна из этих задач не будет осуществлена, если политические деятели не следят за тем, как ведут себя подданные, и не воодушевляют их к деятельности. Основой всякого хорошо организованного общества должны быть добродетель и любовь к благу общества; как только члены общества начинают угнетать и презирать друг друга, как только они перестают понимать общность своих интересов, сдерживать свои страсти и уважать законы, объединения больше не существует, движения общественного механизма больше не согласуются между собой, начинают затруднять его работу, и он останавливается.

XLI. О полиции

Полицией называют орудие политики, предназначенное для поддержания законов, созданных ради внутренней безопасности государства. Именно полиция принуждает граждан жить, следуя требованиям общества и правилам, которые предписывает природа человека; именно полиция должна заботиться о том, что граждане упускают из своего поля зрения, охранять

их покой и удобства, постоянно устранять препятствия, которые воздвигают для деятельности людей их собственные страсти. Полиция подчинена законам и не должна допускать в своих действиях никакого произвола; она существует не для того, чтобы стеснять справедливую свободу граждан, без которой общественная жизнь стала бы для них невыносимой; она должна обуздывать своеволие отдельных индивидов, следя за тем, чтобы последние не нарушали общественный порядок.

Известно несколько наций, враждебных рабству, которые оказались совершенно лишенными полиции, так как безрассудно смешали право на своеволие с правом на свободу. Но разве пользоваться истинной свободой означает подвергаться оскорблениям, глупым выходкам, эксцессам необузданной толпы, считающей, что своими бесчинствами она осуществляет свободу? Что это за странная организация общества, где законодатели, всегда столь ревностные и подозрительные, не смогли найти средств для ограждения подданных от взаимных безумств и не сумели создать для них условий безопасности от посягательств дурных людей? Старательная полицейская охрана является опорой свободы, страшиться ее должны только своеволие и распущенность. Так же как и законы, полиция должна сообразовываться с обстоятельствами, в которых находится общество; она должна усиливать бдительность и строгость по мере того, как растут пороки, преступления и вымышленные потребности, потому что все это уменьшает безопасность граждан. Чем порочнее и безнравственнее люди, тем решительнее должны общественные силы сдерживать их устрашающими мерами.

При деспотизме полиция является лишь отвратительным орудием страстей деспотов, их министров и вельмож, орудием, предназначенным для удовлетворения их мстительности и постоянных преследований подданных; повелители, которые сознают свою несправедливость или неспособность править государством, пользуются полицией, чтобы притеснять тех, кто возбуждает в гражданах недоверие к ним; по их милости

полиция вырождается в тиранию. Она поощряет доносы, причиняет гражданам всяческие неудобства, устанавливает за ними слежку, не стесняясь даже нарушать покой и вносить тревогу в святилище семьи. Такая полиция действует по произволу и пресекает лишь поступки, оскорбляющие власть; в то же время она часто становится опасной для заслуженных и способных людей; она поддерживает неуравновешенность между подданными, проявляет неодинаковое отношение к ним; ее приговоры определяются влиятельными лицами и служат тому, чтобы укрывать преступников и притеснять достойных, ни в чем не повинных граждан, чаще всего вызывающих неодобрение знатных особ, и миловать тех, кто пользуется их расположением.

Полиция, произвольно расправляющаяся с гражданами и не руководствующаяся законами, превращается в ужасное бедствие для народа, стесняет его и доставляет ему гораздо больше неудобств, чем сама анархия. Далекая от того, чтобы облагораживать и очищать нравы, она, напротив, развращает их, поощряет доносчиков, мошенников, мелких притеснителей, наводняя ими общество и позволяя им угнетать граждан. Вынужденная использовать в своих гнусных преследованиях невинных только низкие и продажные души, такая полиция становится пугалом честных людей.

§ XLII. О наказаниях

Для того чтобы быть полезной, полиция должна подчиняться только законам, руководствоваться только законами, следить за их выполнением и поддержанием добрых нравов, заботиться о безопасности подданных. Без ее помощи общество оказалось бы во власти анархии. Что произошло бы, если бы общество превратилось в сборище распущенных, развращенных, не признающих никаких правил и разобщенных людей, которые заставляли бы друг друга страдать от своих разнузданных страстей? Какую безопасность, какие преимущества можно было бы найти в обществе, все члены которого были бы порочны, делали бы что им

вздумается, занимались бы только самими собой и покупали бы свои мимолетные наслаждения ценою несчастья других?

Для того чтобы сдерживать дурных людей, необходима сила; по мере того как общество становится более многочисленным, эта сила должна возрастать. Необходимо, чтобы те, над кем разум потерял всякое влияние, боялись наказания. Но справедливость требует, чтобы эти наказания соответствовали действительному ущербу, который наносит обществу преступление. Политика несправедлива и неразумна, если не стремится налагать наказания в соответствии с вредными последствиями совершенных поступков.

При правительстве, для которого законом является произвол, тяжесть преступления и наказание за него определяются капризом или выгодой государя и влиятельных особ. При каком-нибудь Тиберии самые невинные речи, самые пустячные оплошности оборачиваются преступлениями, расцениваются как оскорбление величества, и льстецы с варварской жестокостью наказывают виновного. При плохом правительстве тюрьмы всегда переполнены, а палачи всегда мучают и уничтожают людей либо совершенно невинных, либо виновных, которые всегда появляются во множестве при несправедливой администрации. Притеснения, пороки, невыполнение деспотической властью своих обязанностей увеличивают в обществе количество несчастных, а также праздных людей, которые скоро становятся порочными и преступными. Тщетно несправедливое правительство пыталось бы искоренить преступления, которые оно само постоянно порождает; лишь добродетельная политика, бдительно стоящая на страже общественных интересов, может сделать подданных добродетельными. Ни мучения, ни жесточайшие пытки не переделают плохих людей; только с помощью хороших законов и образования можно воспитать достойных граждан.

Существует очень мало преступлений, виновники которых достойны смерти. Страх смерти производил бы гораздо большее впечатление, если бы смертная казнь применялась не так часто. Разве потери обще-

ства от преступлений не были бы полнее возмещены работой преступников, чем пытками, посредством которых их уничтожают? Тяжелый труд с большей пользой, чем смерть, наказывал бы преступника, которого именно лень обыкновенно толкает на преступление; после же своей смерти он потерян для общества. Тем не менее существуют такие мрачные преступления, пример которых настолько пагубен, что наказание за них должно вселять ужас. В таких случаях наказание идет на пользу не преступнику: целью этого наказания является устрашение тех безрассудных существ, которые могли бы ему подражать.

Чем деспотичнее правительство, тем ужаснее применяемые им пытки; жестокой администрации свойственны жестокие карательные законы; мера наказания определяется здесь лишь гневом тех, кто управляет государством; будучи не способны исправить людей, приспешники деспота считают, что гораздо проще их истреблять. Гуманное и справедливое правительство должно проявлять милосердие и справедливость даже по отношению к преступникам; ему следует отменить жестокие пытки, которые редко вырывают признание в преступлении, но зато часто приводят невинного к смерти от непереносимых мучений. Существует ли что-либо более ужасное и отвратительное, чем варварский обычай, требующий, чтобы судья с железным, бесчувственным сердцем и сухими глазами наблюдал за конвульсиями несчастного, которого он приказал пытать. Разве могут людоедские законы служить руководством для правосудия народов, которые считают себя цивилизованными. Разве не достаточно лишать преступников жизни, не сопровождая их смерть страданиями, возмущающими чувство гуманности?

§ XLIII. О наградах

Если политика пользуется наказаниями для того, чтобы воздействовать на людей и заставить их отказаться от преступлений, то в ее руках награды являются могущественным средством поощрения добродетели. Люди будут добродетельны там, где правительство

станет побуждать граждан к добродетели; талантливые люди будут появляться там, где граждане смогут быть уверены в том, что за таланты их будут почитать и вознаграждать. Правительство проявляет безумие, лишая подданных того, что они стремились заслужить и ради чего прилагали все свои усилия. Никто не станет интересоваться благом государства, если государство будет пренебрегать усилиями людей или не сочтет нужным оценить их труд. Награждать людей по заслугам — значит подливать в огонь масла; награждать, не имея на то оснований, — значит лить на огонь воду; совсем не награждать — значит допускать, чтобы огонь погас сам по себе. Из-за губельного ослепления государя обычно оказывают несправедливое предпочтение людям, вся заслуга которых состоит в том, что они имеют доступ к монарху. Не затрачивая труда, не подвергаясь опасности, а часто и не проявляя никакого мужества, эти люди собирают жатву там, где посеяли другие; они с рождения достигают чинов, которые должны были бы явиться только платой за опыт, достоинства и труды. Известное имя в сочетании с благосклонностью монарха и кое-какими интригами заменяет любую заслугу; армию страны постепенно наводняют изнеженные, неблагодарные и легкомысленные командиры, невежество которых приводит государство к краю губельной пропасти.

Как мы уже видели, правительство заинтересовано в том, чтобы повелевать добродетельными подданными: никто не будет служить государству лучше, чем граждане, стремящиеся заслужить общее уважение. Однако почти все законодательства пренебрегали необходимостью побуждать граждан к выполнению их долга. Каких только благ не последовало бы для нации, если бы ее правители умели склонять граждан к соревнованию в добродетели! Если самые трогательные черты людей — доброжелательность, человечность, великодушие, бескорыстие, честность, благодарность — приводили бы к почестям и всенародному уважению, эти качества встречались бы гораздо чаще. Если бы, напротив, пороки неминуемо навлекали бы на тех, кому они присущи, презрение, стыд, позор и бесчестие, они не были бы так

широко распространены. Какой человек посмел бы предаваться постыдным порокам и проявлять несправедливость, будучи твердо уверен, что тем самым он станет предметом сильнейшей ненависти государя и своих сограждан? Подлог, вероломство, неблагодарность, распущенность нравов стали бы очень редкими явлениями, если бы право на почести и высокие должности имели только те граждане, у которых нет этих пороков.

Пусть воспитание сделает людей способными остро ощущать стыд, пусть они страшатся презрения своих сограждан, пусть правительство отличает только честных граждан, пусть во всех обществах порочный человек будет изгнан отовсюду, — и тогда мы скоро окажемся свидетелями нравов, достойных уважения. Можно считать нацию погибшей, если зрелище человеческих пороков не оскорбляет более ее взоров.

§ XLIV. Политические руководители должны проявлять заботу о нравах

Поэтому не будем прислушиваться к сумасбродным политикам, которые утверждают, будто повелители земли заинтересованы в растлении своих подданных; не будем унижать самое понятие «политика», понимая его как преступное искусство господствовать, опираясь на беспорядок. Только порочные властители заинтересованы в том, чтобы иметь испорченных и разобщенных подданных; только тиранам может быть выгодно рвать узы, связывающие граждан; только злобные или бездарные монархи могут опасаться добродетельных и согласных друг с другом граждан. Взаимная помощь, польза — словом, то, что называется добродетелью, объединяет членов общества и заставляет их сообща трудиться ради достижения счастья для всех. Только такое объединение стремлений делает нацию сильной и могущественной, вливая в нее энергию. Поэтому ошибочной и губительной является политика государей, которые отделяют свои интересы от интересов народа и с помощью хитрости стремятся тайно обойти законы, чтобы сохранить право на трон. Не будем называть политикой несправедливый образ правления тех опас-

ных монархов, мрачному властолюбию которых удалось посеять рознь между сословиями своих государств. Возненавидим же, как разбойников, этих ловких узурпаторов общественной свободы, чьи подлые и трусливые сердца привыкают к использованию скорее измены, чем силы, ради того, чтобы надеть на народы оковы.

Несправедливые государи, терзаемые жаждой абсолютной власти! Развращайте нравы людей, которых вы стремитесь поработить, ослепляйте и обманывайте их, вводите их в заблуждение, разобщайте их, награждайте только пороки, которые будут вам полезны, объявляйте добродетельных людей низкими и презренными. Скоро люди оденут на себя изготовленные вами цепи, и вы будете царствовать над рабами, пороки и страсти которых завладеют и вами.

Но к чему приведет ваша чудовищная политика? Вы будете повелевать слабыми, разобщенными людьми, злобу которых вы сами разожгли. Вы, правда, уничтожите их свободу; но рано или поздно убедитесь, что без нее зачахнут все отрасли управления и ваши надежды на безопасное царствование над развращенным вами обществом окажутся тщетными.

§ XLV. О силе примера

Ничто не имеет такого непосредственного влияния на нравы людей, как правительство. Обыкновенно именно от государя зависит, сделает ли он своих подданных добродетельными или порочными. Народы подражают образу жизни тех, кто ими повелевает. Нация это семья, характер которой определяется ее главой. Подданный всегда уважает то, к чему на его глазах с уважением относятся его повелители; их пример вводит в заблуждение простого человека, и он расписывается под заблуждениями и мнениями людей, которых считает важными особами, просвещенными более его самого. Такое настроение, полезное при добродетельных государях, при тиранах становится источником несчастья. Если бы государи и вельможи почитали добродетель, прислушивались к мнению талантливых людей, относились с уважением к заслугам своих под-

данных, то все эти заслуги вне зависимости от присваиваемых за них наград были бы уважаемы и народом. Когда же, наоборот, монарх притесняет и наказывает тех подданных, которых он должен ценить и уважать, либо не замечает их полезных дел, суждения народа извращаются, ибо он усваивает взгляды и заблуждения тех, кто им управляет. Именно в этом смысле можно сказать, что люди, стоящие у власти, тем или иным путем определяют, как следует понимать «справедливое» и «несправедливое» в их государствах. Тот, кто повелевает народами, слишком часто заставляет умолкнуть голос человеческой природы. Предрассудки монарха чаще всего являются законом, которому подчинены суждения нации; поэтому даже несправедливость, если ее совершает государь, может казаться нации законной. Люди будут рукоплескать удачливому пороку; благосклонность тех, кто стоит у власти, заменит подданным заслуги и решит вопрос о награждениях. Самый порок облагораживается при аморальных государях, вкусы которых, как известно, всегда получают одобрение и вызывают подражание льстивых и низких придворных, слишком часто задающих тон всей нации. Таким путем разврат, бесчестность и недобросовестность, хищения и вымогательства становятся иногда хорошим тоном или по меньшей мере перестают вызывать возмущение народа, на глазах которого они совершаются. Народ начинает думать, что распущенность — признак величия и благородства, а честные нравы свидетельствуют о слабости. Простонародье довольно быстро приспособляется к нравам богатых и именитых людей, которыми оно обыкновенно восторгается, нуждаясь в их защите. Таким образом, разложение постепенно отравляет все сословия дурно управляемого государства. Мало-помалу добродетель изгоняется из страны, народная толпа слепо следует примеру безумствующего королевского двора, аплодирует его порокам и одобряет их, не предвидя всех их ужасных последствий.

Государь может обыкновенно в соответствии со своим желанием направить подданных в дурную или хорошую сторону, причем чем более абсолютный

характер носит его власть, тем легче ему осуществить желаемые изменения. Политика — самая могущественная из сил, способных воздействовать на граждан, но, к несчастью, государи чаще всего используют эту силу во вред обществу.

§ XLVI. Влияние религии на политику

Во все времена религия считалась одной из самых могущественных сил политики, самой прочной преградой, которую можно противопоставить человеческим страстям и злоупотреблениям королей. Однако опыт показывает, что представления о сверхъестественном, а также обещания наград и наказаний в потустороннем мире являются довольно слабым оружием против пороков как монархов, так и народов, которых пример монархов нередко побуждает ко злу. Самые несправедливые государи часто были исключительно благочестивы. У очень религиозных и фанатичных народов были сильно развиты пороки и злоба. Всеми признанные тираны часто объединялись со служителями церкви, чтобы вести борьбу против своих подданных. Почти всегда ссылались на волю неба, чтобы оправдать междоусобицы, раздоры и преступления на земле. Священнослужители, ссылаясь на волю всевышнего, то побуждали монархов превращаться в преследователей и палачей какой-либо части граждан, то подстрекали подданных к мятежу и цареубийству. Когда тиранами овладевал тот же фанатизм, что и духовенством, народы оказывались раздавленными под тяжестью этих двух объединившихся могущественных сил. Когда же монархи оказывались менее послушными воле священнослужителей, их нередко свергали с престола или умерщвляли. Однако тираны обыкновенно считали целесообразным ради обеспечения своих интересов действовать заодно с духовенством, преследовавшим собственные выгоды и благословлявшим карающую десницу государей на вооруженную расправу с теми подданными, которые отказывались склониться перед авторитетом духовных отцов. Такая безрассудная политика приводила к ты-

сячам самых ужасных опустошений в обществе; полезные граждане приносились в жертву мстительности духовенства, его страсти к господству и предрассудкам королей. Именно этому слепому усердию некоторые нации обязаны своим упадком и возвышением своих врагов.

Здравая политика не считает себя вправе вмешаться в то, что является делом совести подданных; она позволяет им мыслить так, как им представляется нужным, лишь бы они не забывали о своих гражданских обязанностях. Она лишь не допускает, чтобы те, кто выступает в качестве толкователей божественной воли на земле, оказывали на народы влияние, которое мешало бы осуществлению ее самых честных намерений. Однако государи, побуждаемые честолюбием, вследствие слабости или малодушия кончают тем, что сами подобно своим подданным подчиняются всеми почитаемым людям, слишком часто склонным забывать о том, что они тоже являются гражданами государства. Хорошие законы, разумное воспитание, усвоение истин общественной морали, справедливые награды и наказания — вот действительные средства для того, чтобы сформировать достойных граждан.

Быть может, нас спросят, на основе каких признаков можно убедиться в том, что религиозные предрассудки паносуд обществу вред и что необходимо ограничить их влияние. Я отвечу: если отправления религиозного культа слишком часто нарушают трудовую жизнь общества, если религия ставит в заслугу деятельность, не приносящую никакой пользы, если суеверия создают препятствия росту народонаселения, если они порождают враждебность и раздоры между людьми, если они призывают к бунтам и мятежам во имя бога, если они ведут к ограблению трудящихся для того, чтобы обогащать за их счет опасных бездельников, если служители церкви уклоняются от повиновения законам и отказываются подчиняться общественной власти под тем предлогом, что они следуют велениям власти божественной, — то подобные религиозные предрассудки могут отражаться на обществе только пагубным образом. Вот почему политика, вместо того

чтобы поддерживать их, должна их ослаблять и уменьшать их влияние на умы граждан.

Каковы бы ни были убеждения государей, руководствуясь просвещенным разумом и не будучи чужды человечности, они поймут, что божественная воля никогда не может требовать того, что явно противоречит благу общества. Если эти монархи действительно религиозны, т. е. подчинены в высшей степени справедливому и доброму богу, дорожающему счастьем смертных, их никогда нельзя будет убедить в том, что этот бог способен одобрять мучения, насилия, преследования, жестокости, бесчеловечность и преступления; ведь все это должно бы вызывать божий гнев гораздо более, нежели колебания людей в религиозных вопросах. Всякий последовательный государь будет рассматривать кроважидные, полные нетерпимости принципы священнослужителей и их губительные советы как богохульство, поношение божества, измышление злобной клеветы и заговор против общества; если он и не накажет по всей строгости нарушителей согласия и гармонии, от которых зависит счастье людей, объединившихся в общество, то во всяком случае отнесется к ним с презрением и будет сдерживать их.

§ XLVII. Средства против религиозного фанатизма

Хотя нет оснований считать, будто религиозные убеждения обеспечивают истинной политике какие-либо преимущества, тем не менее она должна относиться к ним с терпимостью, не давая им вместе с тем возможности наносить вред. Идти напрямик, применять силу в борьбе против свойственных народам заблуждений было бы делом столь же бессмысленным, сколь и безрассудным. Просвещенный государь не может поставить себе цель сразу вылечить своих подданных от всех их сумасбродств. Люди дорожат своими предрассудками, особенно если считают, что с ними связано их счастье. Попытка искоренить суеверия с помощью силы оказалась бы тщетной; это болезнь, зародыши которой в среде людей невежественных и боязливых впиты-

ваются с молоком матери. Тщетно стремились бы посредством проведения определенной политики уничтожить религиозные предрассудки одним ударом.

Лишь с помощью осязаемых благодеяний, воспитания действительных добродетелей и разумных доводов просвещения можно заставить народы отказаться от их опасных предубеждений; только отеческой заботой государь может завоевать доверие, которое его подданные отдают пастырям, вводящим их в заблуждение и препятствующим их просвещению. Достойного монарха, который докажет своим поведением, что он стремится лишь к благу народа, вскоре будут слушаться больше, чем священников. Земные и осязаемые награды государя в этом мире всегда будут действовать сильнее, чем обещания наград в мире потустороннем; необходимые наказания, налагаемые в соответствии с законами, произведут гораздо более сильное впечатление, чем пытки потустороннего мира, которых можно избежать с помощью благочестивых дел.

С другой стороны, религиозные суеверия и религиозный фанатизм лишь тогда представляют собой действительную опасность, когда ими одурманены люди, стоящие у власти. Они становятся фанатичными преследователями упорных и мятежных инакомыслящих. Разумное правительство позволяет всем подданным думать или заблуждаться по-своему. Если охваченные фанатическим иступлением люди чернят друг друга, государь никогда не должен принимать участия в их пустых раздорах, которые приобретают значение и становятся опасными лишь тогда, когда он пожелает в них вмешаться. Проведение правильной политики даст разуму возможность вести борьбу против религиозных предрассудков оружием здравого смысла и этим ослабит неистовство подданных.

§ XLVIII. О гражданской терпимости

Гражданская терпимость является следствием разумной политики, которая, подвергая надзору действия граждан, не присваивает себе права регламентировать или ограничивать их мысли. Навязать всем

людям одни и те же религиозные убеждения было бы планом столь же сумасбродным, сколь и тираническим. Пусть праздные теологи занимаются своими гипотезами о чудесах; пусть ученые схоласты, доктора богословия спорят на досуге о хитроумных проблемах, в которых не разбираются сами; эти глубокомысленные и в то же время детски наивные споры не должны нарушать покой наций и отвлекать внимание правительств от важных предметов, которыми им надлежит заниматься. Всякий государь, позволяющий себе вмешиваться в богословские споры, унижает себя и становится достойным презрения, превращаясь в сообщника и раба нескольких смешных фанатиков или честолюбивых обманщиков, как только он начинает религиозные преследования. Как недостойно для короля быть трубадуром нескольких безумцев или орудием мести нескольких шарлатанов! Государственный человек в гораздо большей степени предназначен для того, чтобы действовать, чем для того, чтобы размышлять; если он приносит пользу своей стране, она должна дорожить им; в политике следует предпочитать всякого гражданина, который служит делу своей родины, тому, кто хотя и благочестив, но бесполезен обществу.

Таким образом, ничто не может сравниться со слепотой и безумием так называемых политиков, которые, будучи одурачены суеверием, допускают в своей стране тиранию духовенства; суд, который это последнее вершит во имя неба, всегда приносил земле лишь вред; служа удовлетворению самых грязных интересов, этот суд всегда был невыносимо жесток. Разве судьба граждан должна зависеть от нескольких фанатиков, мечтателей или просто обманщиков, всегда глухих к стонам человечества? Подозрительный и беспоконный священнослужитель, творящий суд над людьми ради собственной выгоды, всегда жесток. Если наводившей ужас инквизиции удавалось сохранить в некоторых странах единую религиозную доктрину, то вместе с тем эта же инквизиция уничтожала здоровую нравственность, науку, добродетели. Везде, где сохранился этот отвратительный институт, нравы людей таковы, что приносят пользу только священникам, а об-

ществу в целом наносят лишь ущерб. Португальцы и испанцы были самыми недостойными, самыми жестокими и наиболее подчиненными духовенству народами Европы. Правила их морали ограничиваются соблюдением религиозных обрядов, что они считают достаточным для искупления самых больших преступлений. Их повиновение монарху всегда может исчезнуть по первому велению священнослужителя. У невежественной и легковверной нации не существует власти, которая могла бы сравниться с властью служителей церкви, посланников небес; у суеверного народа духовенство является подлинным хозяином государства; оно располагает государем и подданными по своему усмотрению.

Действие религии сказывается не только на внутреннем положении общества; различия в религиозных убеждениях иногда порождают между независимыми друг от друга народами ненависть, презрение и чрезвычайно длительную вражду; в то же время торжество религиозных убеждений нередко становится единственным звеном, связывающим одни народы с другими. Политика в таком случае до смешного подчинена теологии, цели которой не могут иметь ничего общего с целями политики. Слишком преданные духовенству монархи действуют лишь в его интересах; полагая, что служат всевышнему, они в действительности служат только устремлениям его представителей на земле.

§ XLIX. Резюме

Подытожим в нескольких словах принципы, установленные в этой беседе. Дух нации всегда составляет ее силу; он представляет собой не что иное, как стремление граждан объединить все свои способности. Чем больше людей, движимых присущим нации духом, объединит государство, тем могущественнее оно будет. Но для того чтобы люди были расположены действовать таким образом, необходимо, чтобы они получили соответствующее воспитание и чтобы правительство сделало их счастливыми. Люди не могут жить без счастья; счастье невозможно там, где нет свободы; свобода

возможна только там, где соблюдаются законы. Законы не будут соблюдаться там, где отсутствуют хорошие нравы и добродетель; без правосудия не может существовать собственность; без полиции не может быть безопасности; без наказаний ничто не устрашает людей, способных на преступления; без наград ничто не поощряет граждан к служению обществу.

Внешняя безопасность государства основана на силе оружия, его внутренняя безопасность — на силе законов. Все виды деятельности граждан в государстве должны взаимно поддерживать друг друга; рост народонаселения приводит к развитию сельского хозяйства; развитие сельского хозяйства влечет за собой развитие торговли, ремесла и фабричной промышленности; все это доставляет стране богатства; когда эти богатства разумно распределяются, они представляют собой благо; но злоупотребление ими становится опаснейшим из бедствий. Политика безрассудна, если она допускает, чтобы все эти стороны жизни общества оказывались в столкновении, противоречили и препятствовали друг другу, или если она сама подчинена религиозным суевериям и позволяет им мешать осуществлению ее наиболее благотворных и спасительных для общества планов.

**О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ, О ВОЙНЕ,
МИРЕ, ДОГОВОРАХ и т. д.**

**§ I. Во взаимоотношениях народов должны
иметь место те же нормы морали и долга,
что и во взаимоотношениях отдельных индивидов**

Рассмотрев основные цели и принципы, которых должны придерживаться просвещенные политические деятели во внутренней жизни государства и в своем отношении к подданным, исследуем теперь задачи, которые им следует ставить перед собой в отношениях с другими государствами, связи с которыми они поддерживают. Все свидетельствует о том, что общества, на которые разделен человеческий род, можно рассматривать как большое количество индивидов, объединенных в великое всемирное общество. Те же обязанности, какие природа возлагает на каждое разумное общественное существо, она возлагает и на каждый народ. Природа установила такое же неравенство между нациями, как и между членами отдельного общества. Народы имеют между собой такие же взаимоотношения, как и эти последние, они так же испытывают потребность друг в друге и, следовательно, должны быть подчинены тем же законам. Наконец, во всемирном обществе рода человеческого существуют связи, посредством которых один народ оказывается объединенным с другим, так же как гражданин отдельного общества со своими согражданами. Если отдельный человек имеет определенные обязанности по отношению к другому, то и нация имеет таковые по отношению к другим нациям; если природа налагает обязанности на отдельного человека, то она налагает их также и на нацию. Жизненный опыт и

разум дают возможность понять правила, которые вытекают из такого рода обязанностей, а собрание этих правил составляет универсальный кодекс законов, которым должны руководствоваться все нации мира без исключения. Но, к несчастью, этот кодекс находится в забвении, отвергается или произвольно истолковывается большинством государей, которые определяют поведение народов.

Итак, не будем подчиняться извращенным правилам бесчеловечной политики, внушающей нациям и их правителям, будто законы существуют отнюдь не для государей, будто верховных правителей не связывают никакие обязанности, будто единственным правилом их поведения является соблюдение собственных интересов, а единственным мерилom их прав должна быть только сила. Такие отвергаемые природой и разумом взгляды, опорой которых являются страсти, мимолетные выгоды и ограниченные убеждения, приемлемы только для развращенных корыстью умов, постоянно смешивающих факты с правами, существующее — с тем, что должно существовать, силу — со справедливостью. Таких взглядов могут придерживаться только государи с развращенными сердцами, которые до такой степени ослеплены безграничным честолюбием, что совершенно не признают каких бы то ни было обязанностей также и по отношению к соседним обществам, властелинами которых они не являются. Если несправедливый человек порывает нити, связывающие его с обществом, в котором он живет, то несправедливый политический деятель порывает узы, объединяющие его со всемирным обществом.

Если кто-нибудь усомнится в этой истине, пусть он подумает о том, какие чувства вызывают у соседних наций те вероломные государи, те неугомонные воители, те честолюбивые завоеватели, которых судьба слишком часто ставит во главе империй. Не возбуждают ли они у окружающих государств такие же чувства тревоги и подозрения, то же недоверие, тот же ужас, какие внушают к себе преступники гражданам отдельного общества? Разве народы не предпринимают усилий, чтобы обуздать и удержать в определенных гра-

ницах власть, вызвавшую их недоверие, чтобы пресечь злоупотребления, которые их волнуют, чтобы предупредить намерения, возбуждающие их справедливые опасения. Разве народам, управляемым несправедливыми политиками, не приходится постоянно искупать кровью преступления своих развращенных государей?

§ II. Источник политического разложения

В силу роковой естественной склонности народы подвластны страстям и порою впадают в более или менее продолжительное буйство, становясь глухими к голосу долга и вечным законам природы человека, закрывая глаза на потребности, интересы и права, присущие всем другим народам, так же как и им; таким же образом поступают и их правители; отличаясь невежеством или не имея жизненного опыта, эти люди думают только о текущих интересах; будучи не способны обратить свои взоры в будущее, они считают, что проще всего уступить преследующей их страсти; чтобы их сдержать, необходима либо сила, которая заставила бы их подчиниться, либо искушенный разум, который указал бы им на те опасности, каким подвергают их страсти.

Разум народов, как и разум управляющих ими государей, часто недостаточно развит; они безрассудно предаются стремительным порывам своих желаний, возбуждаемым предполагаемыми выгодами, честолюбием, а нередко и глупым тщеславием, которого иногда достаточно для того, чтобы предать сожжению весь мир. В таких случаях они перестают прислушиваться к голосу справедливости, твердящему им, что, наслаждаясь, им следует дать возможность наслаждаться и другим, что, имея потребности, им подобает предоставить иметь их и другим. Они перестают замечать, что государства необходимы друг другу из-за совместно обеспечиваемых ими взаимных выгод и преимуществ; они отрекаются от являющейся всеобщим оплотом справедливости, которая должна обеспечивать всем людям безопасность и разграничивать их владения.

Слишком часто своекорыстие отвергает эти истины: сила и ловкость становятся единственными судьями

при разрешении споров государей; все представляется оправданным из-за выгод, которые должны явиться результатом их поступков; насилие, обман, вероломство, следуя друг за другом, превращаются в законные права; наиболее могущественные нации с жестокостью и безо всякого стыда пользуются слабостью других народов, чтобы безнаказанно угнетать их. За несправедливыми войнами следуют договоры, нарушаемые немедленно после их заключения; победитель навязывает побежденному самые суровые законы; этот последний восстает — часто с полным основанием — против обязательств, которые были вырваны у него силой. Сила становится единственной уздой для наций, которые словно соревнуются между собой в несправедливости.

В чем же тогда состоит различие между народом-победителем и бандитом, грабящим граждан отдельного общества и наводящим на них ужас? Разве завоеватель не действует совершенно так же, как и убийца, который уничтожает себе подобных, похищает их собственность и нарушает их спокойствие?

Пусть не говорят, что добродетель несовместима с особенностями управления государством, что, будучи необходима отдельным индивидам, она бесполезна для целых народов, что справедливость и законность, поддерживающие порядок в каждом отдельном обществе, были бы вредны и неуместны во взаимоотношениях наций¹. Нет, вечные законы природы и морали имеют обязательную силу для всех народов, и нарушение их требований рано или поздно неизбежно влечет за собой кару.

§ III. Безукоризненная честность не может приносить вреда в политике

Нас могут спросить, однако, не обернется ли добросовестность, честная политика и строгая справедливость против интересов нации, которая окружена другими нациями, не признающими этих добродетелей? Такое государство, став жертвой своего чистосердечия и прямоты, неминуемо погибло бы под напором силы, беззакония и преступности более могуществен-

ной державы, не гнушающейся ни хитрости, ни иных аморальных средств.

Не следует верить, однако, будто государи всегда становятся жертвами своих добродетелей. Редко бывает, чтобы руководствующийся мудрой политикой в управлении внутренними делами государства добродетельный и справедливый во внешней политике государь не заслужил уважения, доверия и поддержки со стороны иностранных государств. Чаще всего эти государства не ограничиваются бесплодным восхищением; будучи заинтересованы в защите своей безопасности и в отстаивании своих прав, они присоединяются к такому государю, чтобы дать отпор силе, которая попыталась бы нанести им вред. Честолюбие такого монарха будет удовлетворено тем превосходством, которое он приобретает над другими благодаря своему поведению; он превратится в их третейского судью, в их арбитра, ибо уважение добродетели оказывают даже те, кто сами отвергают ее.

IV. О нравственности государей

Эти столь справедливые нормы морали предаются полному забвению со стороны большинства государей, очень редко понимающих, как полезна была бы добродетель их действительным интересам и длительному процветанию их государств, с которым связано их собственное счастье. Все говорит о том, что невежество является единственным источником морального зла; люди злы лишь потому, что не знают, что проявление доброты не расходится с их интересами и что с практическим осуществлением добродетели связаны неопределимые преимущества.

Государи, назначение которых состоит в том, чтобы требовать от других граждан выполнения их обязанностей перед обществом, сами превратились в антиобщественные существа под влиянием страстей, необходимость сдерживать которые им почти никогда не внушают ни путем воспитания, ни с помощью разума, ни посредством усилий общества; очертя голову они предаются этим страстям, приносят им в жертву народы,

губят самих себя ради расширения границ своей власти и совсем не думают о своих подлинных интересах. Вследствие этого губительного невежества политика стала не чем иным, как самым низким вероломством: монархи постоянно заняты тем, что захватывают хитростью или вырывают друг у друга силой какие-нибудь выгоды или преимущества, которым они завидуют. В отношениях между народами, так же как и между отдельными людьми, возникают зависть и ненависть, которые часто перерастают в войну. Процветание, благополучие, преуспевание одних вызывают недоверие и подозрение других. Будучи не в состоянии нанести друг другу вред посредством силы, нации прибегают к хитрости и коварству. Увлеченные приносимыми властью преимуществами, не имеющими никакой действительной ценности, своими воображаемыми особыми правами и нередко роковыми для них богатствами, они стремятся действовать наперекор друг другу и думают, что их фактические силы возрастут настолько же, насколько им удастся ослабить своих соседей. Отсюда эти войны, эти коварные и часто нарушаемые договоры, эта опасная и нелепая враждебность, которая постоянно отравляет взаимоотношения обитателей нашей планеты; отсюда эта злоба, вспышки безумной ненависти наций друг к другу, передающиеся, если можно так сказать, по наследству, из поколения в поколение, до тех пор, пока вражда не прекратится вследствие гибели враждующих сторон.

Можно подумать, что монархи повелевают своими подданными только для того, чтобы иметь возможность наносить вред подданным других монархов; внешняя политика целиком поглощает все их внимание, становясь предметом забот, которые они должны были бы посвящать политике внутренней. Опьяненные ложным стремлением играть великую роль перед изумленным миром, государи больше всего заняты тем, чтобы подавить свой народ с целью иметь возможность после этого подавлять другие народы и государства или защищаться от их нападений. Они поддерживают между собой отношения, совокупность которых именуют естественным состоянием; в действительности, однако, подобное со-

стояние противоречит человеческой природе, будучи выражением дикости, антиобщественных тенденций и неуживчивости, тревожным и плачевным положением, выбраться из которого можно только с помощью разума. До сих пор разум народов не смог наглядно убедить их в том, что, будучи членами одной семьи, они должны жить в содружестве, что к этому их побуждают их собственные интересы, что, стремясь нанести вред другим, они вредят самим себе. Эти истины кажутся им надуманными и нелепыми.

Введенные в заблуждение честолюбием и ограниченностью тех, кто ими управляет, нации считают своей обязанностью ненавидеть друг друга. Их государи используют эти губительные настроения в своих целях; они служат им для того, чтобы добиваться осуществления их мелких своекорыстных намерений, почти никогда не совпадающих с интересами государства. Таким образом, по неизвестным ему самому причинам человек ненавидит человека, отделенного от него какой-либо рекой; подданный одного государя с первых дней своей жизни становится врагом подданного другого государя; глухой народ превращается в борца за бредовые затеи и беззакония, творимые его повелителями; он и сам становится несправедливым, вероломным и буйным, потому что те, кто властвует над ним, заслужили эти ненавидные эпитеты.

§ V. О войне

Итак, война — это состояние насилий и тревог, совершенно противоположное счастью всего общества, — часто разгорается между нациями безо всякой причины и вследствие безрассудства королей становится главной целью их политики. Без сомнения, именно это ожесточенное неистовство взаимного уничтожения привело одного желчного философа к предположению, что первоначальным состоянием человека была *война всех против всех**. И кто мог бы устоять против искушения

* Томас Гоббс².

поверить ему при виде того иступления, которое все вновь и вновь воодушевляет народы на взаимное истребление? Как не предположить, наблюдая безрассудную легкость, с которой государи проливают кровь своих подданных под самыми пустыми предлогами и часто ради воистину ребяческих затей, что люди только для того и рождены, чтобы уничтожать друг друга? Всякому разумному существу достаточно лишь заглянуть в анналы истории человеческого рода, чтобы почувствовать себя потрясенным при виде зверских продолжительных войн, этой бесполезной резни, которая во все времена заставляла землю-мать плавать в крови своих детей. Если это — ужасное преступление, то оно, без сомнения, на совести тех государей, которые ради самых ничтожных целей вступают в войны и приносят в жертву минутной фантазии жизнь своих подданных — реальнейшее и надежнейшее богатство государства. И что за бесстыдство прославлять этих честолюбивых монархов, этих кровожадных завоевателей, которые, совершенно не заботясь о том, чтобы сделать счастливыми народы государств, отданных судьбой под их власть, предпочитают нести в другие страны опустошение и смерть. Как смеют льстивые поэты воспевать этих лишенных человечности вояк, покупающих ценою жизни лучших людей нации бесчеловечную славу, против которой должна была бы обратить все стрелы своего красноречия сатира поэтов! Разве не следовало бы истории покрыть их имена позором и бесчестьем, вместо того чтобы льстить и потворствовать свирепым чудовищам, являющимся бичом человеческого рода? Пусть навсегда исчезнет память об этих вызывающих отвращение завоевателях, превративших в игру истребление людей! Пусть погибнут те вероломные министры, которые советуют своим повелителям истреблять в военных затеях население собственного государства! предадим забвению славу тех генералов, которые за минутную радость победы безжалостно пожертвовали тысячами человеческих жизней! Даже в самых удачных войнах не бывает лавров без траура; кровь гражданина родной страны всегда смешивается с кровью врага; земли, захваченные в ходе войны, обыкновенно оплачиваются ценою жиз-

ней такого количества людей, которое превышает число новых подданных, доставленных победой.

Возможно ли что-либо более позорное для существ человеческого рода, чем постыдное торжество, которому предаются народы после кровавых побед?! Чему вы радуетесь, безрассудные народы? За что благодарите вы ваших богов? Не за то ли, что в битвах нашли свою гибель тысячи ваших сограждан?! Или, быть может, вы радуетесь тому, что ваш монарх присоединил к своей несчастной державе еще один разрушенный город? Станете ли вы от этого сами богаче и счастливее? Упрочится ли от этого ваша безопасность? Будете ли вы более спокойно пользоваться плодами своего труда? Будет ли для вас облегчена тяжесть налогов? Вы говорите: нет. Так что же? Значит, вы радуетесь подобно безумцу при виде возрастания ваших бедствий.

§ VI. Безумие завоеваний

Если мы без предубеждений рассмотрим поведение большинства государей, нам придется поддаться искушению поверить, что их цель заключается в том, чтобы царствовать над опустошенными полями. Постоянно занятые расширением границ своих владений, они почти никогда не помышляют о том, чтобы сделать своих подданных более счастливыми. Можно подумать, что государи стремятся только иметь как можно больше территорий и сделать как можно больше людей несчастными. Завоеватель приносит в жертву своему слепому неистовству как победителей, так и побежденных. Для чего может быть нужна необработанная и необитаемая земля? Какая польза быть хозяином пустыни? Какая польза в том, чтобы обладать опустошенными владениями, далеко отстоящими друг от друга и находящимися в плачевном состоянии, делающем их скорее тягостным бременем, чем источником полезных преимуществ? Разве разбросанные повсюду владения Испанской монархии не оказались причиной разорительных войн, вконец истощивших ее человеческие и денежные ресурсы?³

Короли всегда стремятся обладать гораздо большим количеством подданных, чем то, каким они в состоянии

управлять. Сделав несчастными людей, живущих под их властью, и не удовлетворившись этим, короли путем завоеваний несут несчастье и обездоленность также и тем, кто был избавлен судьбой от подчинения их законам. Лень, неспособность, невежество в вопросах управления наряду с непомерным честолюбием — таковы побудительные мотивы завоевателей; справедливый, трудолюбивый и рачительный государь приводит свое государство в цветущее состояние; кровожадный завоеватель, будучи сам не способен к созданию, находит, что легче и быстрее завладеть плодами чужого труда.

Военный захват, как и всякое крупное преступление, импонирует людям, вводит их в заблуждение и в конце концов вызывает у них восхищение; короли, проявившие себя как самые большие разрушители, являются предметом наивысшего восхищения. Зато у мудреца и гражданина эти герои, победы которых воспевают поэты, вызывают возмущение и ненависть.

Будучи далека от здоровой политики, эта преступная запальчивость наносит огромный вред государствам. Государя, заботящегося о счастье наций, которыми они управляют, должны иметь в виду, что ничто так не препятствует достижению поставленных ими целей, как многочисленные армии, отрывающие пахаря от его нивы и превращающие его в разрушителя. Результатом содержания больших армий государством является то, что люди, чья храбрость полезна в период войны, после восстановления мира предаются пороку и безделью, принося один лишь вред своему народу. Распушенность, нарушение законов, испорченность нравов являются неизбежными последствиями, испытывать которые обречена воинственная нация. Большие армии всегда были губительны для свободы и нравов граждан.

§ VII. О справедливой войне

Несмотря на эти ужасные последствия, даже самая мудрая политика все же часто вынуждена прибегать к войне. Это последнее средство, которое остается ей,

чтобы отразить посягательства несправедливых и без рассудных народов; но разумный политик всегда с сожалением вооружает своих подданных; он всегда с готовностью и поспешностью разоружает их, чтобы возвратить родине; ему известно, что война для подданных — то же, что тяжелая болезнь, которая изнуряет больного и ведет его к смерти.

Война является справедливой и неизбежной только в том случае, если ее ведут, чтобы отразить нападение несправедливого захватчика, обуздать ярость какой-нибудь безумствующей нации, остановить кровожадного и жестокого грабителя, стремящегося к завоеваниям, или подавить заговор завистников-соседей. Таким образом, война справедлива лишь в том случае, если ее целью является оборона государства или сохранение тех преимуществ, которыми оно пользуется благодаря своим природным условиям и своей промышленности; война вполне законна, если ее ведут против сильного соседа, чье чрезмерное могущество вызывает опасения и чьи насилия народы уже испытали на себе, — словом, если ее ведут для того, чтобы лишить такого соседа возможности добиться опасного превосходства, угрожающего независимости других государств.

Если мы подвергнем беспристрастному изучению мотивы большей части происходящих на наших глазах войн, мы убедимся, что целью этих войн в действительности почти никогда не бывает благополучие и безопасность наций, ведущих между собой борьбу; обе стороны проливают кровь народов, чтобы увеличить могущество монарха, который и без того уже не в состоянии управлять принадлежащими ему владениями; Европу предают огню войны из-за интересов неспособного государственного деятеля, из-за глупости невежественного коммерсанта, ради карьеры не имеющего заслуг придворного, ради удовлетворения алчности нескольких жадных торговцев. Действительные враги нации находятся обыкновенно внутри государства. Именно повелители наций, прислушивающиеся к советам нескольких недостойных граждан, вовлекают народы в борьбу, ничего общего не имеющую ни с безопасностью, ни с благополучием общества.

Как бы то ни было, все государи претендуют на то, что ведут войну по справедливым мотивам, хотя в действительности, несомненно, руководствуются только явным честолюбием или самой постыдной жадностью. Кто же может разрешить их спор? Поскольку разум отсутствует, не остается ничего, кроме силы. Одним словом, ни одна нация не имеет права прибегать к войне, за исключением случаев, когда ей самой угрожает опасность; нация обязана прекращать войну тотчас же, как только эта опасность минует и под угрозой попадает безопасность ее противника. Таково требование справедливости в вопросах международной жизни.

§ VIII. Международное право ставит границы безумию войны

Нас могут спросить, существуют ли какие-то права, которые дает война, и до каких пределов дозволено ей доводить свое неистовство? Устанавливать законы разрушения, определять пределы ярости завоевателя и разнузданного вояки-солдата, несомненно, значило бы желать подчинить безумие разуму, а страсть — рассудку. И все-таки существуют границы, которые природа предписывает буйству людей; разум устанавливает эти границы на основе жизненного опыта, и даже безудержная горячность привыкает распознавать эти границы в пылу разрушения. Не отрекаясь от своего безумия, люди чувствуют его недопустимость и соглашаются умерить его отрицательные последствия. Таково происхождение международного права, основанного на взаимных соглашениях, по которым народы в обоюдных интересах дают обязательство использовать с некоторой умеренностью и в каких-то определенных границах ту власть, которую дает им могущество.

Как видим, голос, взывающий к человечности и к интересам людей, иногда заставляет услышать себя даже в разгар битвы! Он дает понять даже самым кровожадным победителям, что их противники — люди, что если справедливо остановить их, когда они нападают, то несправедливо уничтожать их после того, как они перестали быть опасными; международное право и чувство

гуманности указывают победителям, что их победы становятся бесплодными для них самих, если, продолжая бесполезную резню, они истребляют тех, кого хотели сделать своими подданными. Наконец, все напоминает победителю о том, что военный успех изменчив и что солдат, являющийся победителем сегодня, может завтра стать жертвой такой же жестокости, какую сам проявляет.

Вот почему вопреки желаниям самых опрометчивых людей, не взвешивающих последствия своих поступков, их личные интересы и потребности всегда приводят их к необходимости соблюдать обязанности, предписываемые нравственностью и справедливостью. Международное право является для безумных и жестоких людей нравственностью, которая ставит границы их безумию. К сожалению, эта нравственность несовершенна и недостаточно надежна, потому что она часто зависит от капризов безрассудных людей, не умеющих заглядывать в будущее и предвидеть возможные события.

Разумная политика не является ни разрушительной, ни жестокой. Удовлетворяясь тем, что враги ослаблены и унижены, их заговоры расстроены и их нападения отражены, справедливый политик вовсе не стремится раздавить побежденных колесницей победы; он всегда помнит, что довести врагов до полного отчаяния — значит рисковать самому потерять все. Если успехи не соответствуют его ожиданиям и мудрости его мероприятий, он вовремя уступает и предпочитает скорее управлять менее многочисленными подданными и менее обширными владениями, чем совершенно бесполезным упорством обречь свою нацию на полное разорение и гибель.

Для просвещенного правительства война всегда является лишь путем к миру. Мудрое правительство предпочитает даже невыгодный мир самой удачной войне, которая всегда приносит государству потерю богатств и подданных — самого ценного, чем оно владеет. Оружие существует лишь для того, чтобы сохранить для наций то, что они успели приобрести своим трудом в мирное время; размеры государства всегда достаточны, если помышлять только о том, чтобы сделать свой народ как можно более счастливым.

§ IX. Причины частых войн

Ничто не встречается так редко, как короли, служащие своему государству, или короли-граждане. Почти все империи были основаны силой оружия; есть нации, которые стали воинственными под влиянием постоянно повторявшихся войн; у таких наций привычка создает потребность в раздорах; состояние бездействия, отдых от войны кажутся для таких держав насилием и не устраивают их воинственных правительств, стихией которых является беспорядок; здесь только с оружием в руках можно заслужить уважение, награды и почести. Даже если государь и не любит воевать, его постоянно вовлекают в войны господствующие предрассудки; он редко может удержать справедливое равновесие между различными группами своих подданных; он забывает, что является прежде всего государем земледельцев, ремесленников, коммерсантов, которые все одинаково нуждаются в мире; он не задумывается над тем, что должен вести войну только в их интересах. Голос окружающих его военных оказывается для него сильнее, чем голоса всех других граждан, вместе взятых; этот голос обыкновенно заглушает мольбы всей нации, всегда заинтересованной в мире, если только ей не угрожает действительная опасность. Опустошающие мир войны были бы значительно более редкими, если бы государи брались за оружие только в тех случаях, когда суровая необходимость и требования безопасности народов вынуждают их прибегать к этому гибельному средству. Войны были бы менее затяжными, чем сейчас, если бы, довольствуясь устранением опасности, государи прекращали творить зло, как только оно становится бесполезным. Война, начатая без разумного повода и не дающая плодотворных результатов, является двойным бедствием для нации. Если мир воспитывает в подданных размягченность и изнеженность, то война ведет их к верной гибели. Мудрая политика сохраняет мир, будучи всегда готовой к войне. Слишком воинственная нация уподобляется раненому, который постоянно вскрывает свои раны, прежде чем они успевают зарубцеваться; такая нация сама

наносит себе ущерб и истребляет собственных граждан с большей быстротой, чем природа в состоянии их восстанавливать; из-за безумия государей мир обыкновенно является для такой нации лишь состоянием болезненной вялости, периодом выздоровления, слишком кратковременным, чтобы она имела возможность восстановить свои силы.

Не должна ли предусмотрительная и разумная нация установить для себя закон, запрещающий ей когда бы то ни было расширять пределы своей страны за счет новых территориальных приобретений? Расширяя путем войны территорию государства, нации увеличивают скорее свою нищету, чем свое благополучие. Неужели народы никогда не устанут проливать кровь и распылять богатства, которыми они владеют, ради ненадежных и дорогостоящих завоеваний или ради удовлетворения сомнительных претензий их ненасытных правителей? Какими же душами должны обладать безжалостные завоеватели, всегда приносящие жизнь граждан в жертву своим начинаниям, продиктованным сомнительной надеждой на приобретение новых подданных? Разве и без войны не достаточно занятий для всякого государя, который хочет разумно править своей страной?

§ X. О воинском духе

Поскольку неблагоприятные обстоятельства и положение государства часто принуждают его прибегать к войне, важно, чтобы его учреждения, законы и общественное воспитание развивали и поддерживали в подданных чувство чести, преклонение перед славой, уважение к доблести, любовь к родине; посредством специального воспитания необходимо с детства обучить военной профессии тех граждан, чья судьба предназначила направлять солдат, обладающих одной лишь храбростью; такое воспитание создает генералов, гораздо более необходимых нации, чем самые многочисленные армии. Опыт всех веков свидетельствует о том, что не армии, а опытные полководцы одерживают победы. Глупейшим беотийцам потребовался только

один Эпаминонд для того, чтобы выйти из мрака неизвестности и победить самих спартанцев⁴. Генерал — это душа армии; армия, какова бы ни была ее сила, представляет собой лишь инертную массу, пока ее вождь не приведет ее в действие и не вдохнет в нее жизнь.

Если в какой-либо области и следует предоставлять неограниченную власть, то это прежде всего относится к командованию армией. Как только государь передал руководство своими войсками одному из подданных, доверие к нему должно быть полным и ничто не должно связывать руки генерала. Государь, который оставляет за собой право руководить боевыми операциями из кабинета, проводит ребяческую политику. На войне все решает момент; генерал обязан не упустить его, и в этом случае он является единственным судьей в выборе образа действий, которого следует придерживаться.

Но для того чтобы руководители армий могли проводить военные операции, необходимо строжайшее повиновение генералу как солдат, так и тех, кто осуществляет непосредственное руководство над ними при выполнении его приказов. Во время войны нет ничего более необходимого, чем суровая дисциплина. Только в армии деспотизм может в какой-то степени быть полезен. Он гораздо менее опасен, чем та своевольная анархия, которая, можно сказать, каждому солдату дает право обсуждать приказания его командиров. У римлян полагалось наказание даже за успешную военную операцию, если она была совершена без приказа. Без железной дисциплины в армию проникают беспорядок и своеволие, свойственные демократии, порывы которой всегда губельны для республики. В делах войны даже храбрость часто вынуждена уступать дисциплине; доблесть, когда ее не направляют в нужную сторону, может привести лишь к беспорядку; горячность может иногда обеспечить успех, но при первом же столкновении с сопротивлением она приходит в замешательство; при надлежащем отпоре ее смелый порыв сразу же исчезает, сменяясь упадком духа. Одна лишь дисциплина способна приучить солдат держаться сплоченно, хлад-

нокровно встречать опасность, стоять насмерть. Воин, который руководствуется одной только доблестью, способен лишь бесцельно умереть; дисциплинированный же воин не погибает без пользы для отечества. Римляне стали властителями мира лишь благодаря дисциплине.

§ XI. О военно-морских силах

Существуют нации, географическое положение которых обязывает их наряду с наземными армиями содержать также и военно-морские силы. Для таких наций очень важно сохранить равновесие между этими двумя родами войск; без такого равновесия мощь сухопутных сил затмит развитие морских или, наоборот, рост флота приведет к пренебрежению, а то и к полному невниманию к сухопутным войскам. Правительство, власть которого опирается на завоевание, всегда относится с излишним вниманием к пожеланиям беспокойного дворянства, обычно поднимающего вопрос о войне и предпочитающего вести ее именно на суше. Торговая нация, напротив, очень часто пренебрегает своими сухопутными военными силами, чтобы оказать исключительное предпочтение силам морским. Я повторяю, что правильная политика состоит в том, чтобы никогда не забывать о необходимости соблюдения равновесия между родами войск и не допускать развития одного из них за счет другого. Чем больше растут потребности государства, осуществляющего правильную политику, тем внимательнее оно должно следить за тем, чтобы один из родов войск не подавлял другого.

§ XII. О союзах

Природа и договорные отношения, в которые вступают люди, сделали силы наций очень неравными. Одно из государств может быть более могущественным, чем какое-либо другое; но ни одно государство не может быть могущественнее всех остальных, вместе взятых. Объединившись, несколько слабых наций становятся равными по своему могуществу самому сильному из государств. Отношения между государствами

устанавливаются в зависимости от их положения и потребностей, обстоятельств их жизни, господствующих в них убеждений, связей и интересов государей. Все это превращает одни народы во врагов, другие — в союзников. Между нациями, у которых одни и те же потребности, одни и те же желания, одни и те же страсти, устанавливаются соперничество и враждебность, как и среди индивидов, поставивших перед собой одну цель или одушевленных одной страстью. Две воинственные нации будут постоянно находиться в состоянии войны друг с другом; две торговые нации не смогут долго сохранять дружественные отношения; между нациями двух соседних государств часто станут возникать конфликты.

Взаимные интересы объединяют между собой общества, точно так же как и отдельных граждан; каждое из них любит себя больше всех других и предпочитает себя всем другим; каждое стремится к своему действительному или воображаемому счастью; одним словом, у каждого есть свои планы и замыслы; но поскольку все общества имеют равные права и ни за кем не признают права быть судьей в собственных делах, им приходится выносить свои претензии на суд разума. Разум решает эти вопросы в соответствии с законами природы, которые повелевают обществам так же, как и отдельными людьми; разум учит общества, что сохранение их собственной жизни, являясь первым и самым важным из их интересов, требует, чтобы они приносили в жертву всеобщему покою и благополучию часть своей независимости, своих желаний и даже своих потребностей. Когда голос разума не обладает достаточной силой, чтобы быть услышанным политическими обществами или теми, кто ими управляет, последним не остается ничего другого, как прибегать для разрешения своих споров к силе.

§ XIII. О переговорах

Вести переговоры по вопросам политики — значит искать возможности примирения интересов нескольких народов, заставлять их находить средства, которые

могут привести к взаимному сохранению и обоюдному счастью, отвлекать их внимание от призрачных целей или преходящих выгод и сосредоточивать его на более реальных задачах — одним словом, значит просвещать народы относительно их истинных интересов. Нации, как и отдельные индивиды, подвержены страстям, которые часто ослепляют и влекут их к гибели; путем переговоров политика воздействует на убеждения тех, кого она хочет заставить способствовать своим целям; именно в этом и проявляется ее эффективность. Чтобы раскрыть другим глаза на их собственные интересы, важно сначала уяснить их самому себе. Следовательно, необходимо, чтобы объектом изучения политиков были не только вопросы, заслуживающие внимания государств, которыми они управляют, но также и вопросы, которые должны интересовать другие государства. Вести борьбу против страстей можно лишь с помощью страстей; только более сильная заинтересованность может одержать победу над менее сильной заинтересованностью.

Переговоры ведутся либо с дружественными, либо с враждебными державами; первых стремятся прочнее привязать к себе, вторых — обезоружить. Различные уловки бесполезны или даже вредны, когда интересы очевидны; обыкновенно никому не бывает лучше известно, в чем состоят интересы какой-либо державы, чем самой этой державе. Просвещенные участники переговоров понимают друг друга с полуслова; те, кто основывается на справедливости, очень быстро находят общий язык; переговоры усложняются лишь вследствие неспособности или недобросовестности сторон.

Связи народов, как и связи отдельных лиц, основаны на общности интересов. Подобно тому как взаимная помощь и услуги способствуют поддержанию дружбы между людьми, они способствуют поддержанию дружественных отношений между нациями и помогают им прекратить возникающие между ними раздоры. Благоразумие, преданность, привычки скрепляют связи между политическими организациями; страсти, отсутствие благоразумия, вероломство разобщают государства и разрушают их союзы. Во всемирном обществе,

как и в отдельных обществах, слабые становятся обыкновенно жертвами своей слабости; богатые и могущественные также и здесь высокомерно оскорбляют нищего и слабого или заставляют его покупать у них покровительство, оплачивая его чаще всего ценою собственной свободы.

§ XIV. О добросовестности в политике

Многие люди, писавшие об управлении государством, утверждали, что политика не может быть искренней и правдивой и что великое искусство вести переговоры состоит в том, чтобы воспользоваться простодушием тех, с кем эти переговоры ведутся. Они полагали, что руководителям наций все дозволено, если только речь идет об интересах государства; что сила, хитрость и даже коварство являются в их руках средствами, оправданными целью. С другой стороны, более строгие моралисты запрещали государям эти окольные и извилистые тропинки, которые отвергает истина. Они хотели бы, чтобы монархи никогда не отклонялись от прямого и честного пути. Первые видели людей такими, какие они есть, вторые — такими, какими желательно, чтобы они были. Первые создали труды по истории политики, вторые превратили ее в роман. Снимем покрывало предрассудков, чтобы познакомиться, если возможно, поближе с этими двумя столь противоречащими друг другу способами восприятия одного и того же предмета; посмотрим, как решит этот важный вопрос разум.

Если любовь к самому себе является первым и основным из присущих нам от природы чувств, если мы вправе избирать любые пути для сохранения нашего существования, если разум дает нам право уничтожать все, что этому существованию угрожает, то нации, без сомнения, пользуются теми же правами. Следовательно, государи, являющиеся представителями наций, бесспорно, обязаны действовать таким образом, чтобы обеспечить безопасность этих наций и их благосостояние; таков основной закон для государей, такова их главная добродетель, которой должны быть подчинены

все остальные; отклоняться от нее им никогда не было дозволено. Общество никогда не может само отказаться от счастья; оно не может забыть о необходимости сохранения своего существования; оно не может отказаться от своих потребностей. Когда всему этому угрожает какая-либо очевидная опасность, политика всегда вправе употребить все доступные ей средства, чтобы отразить угрозу. Но что это за нация, чье благополучие находится под угрозой? Уж не та ли, которая следует законам несправедливого по отношению к собственным подданным государя, прикрывающего самыми легкомысленными предложениями свое честолюбие, когда он отправляется в поход, чтобы нести опустошение подданным других государств и ввергать их в кровавую бойню? Уж не та ли это нация, чей монарх, не желая довольствоваться границами своих владений, стремится расширить их за счет других стран, основываясь на каких-нибудь несправедливых претензиях или фантастических требованиях? Сможет ли он утверждать, что вынужден использовать уловки, свойственные вероломной политике, ради счастья своих народов, когда в действительности он стремится удовлетворить лишь собственное честолюбие, а также тщеславие и безрассудство своих министров? Может ли он оправдать свои злоупотребления, насилия, клятвопреступления и вероломство мнимой заботой об обеспечении благополучия управляемой им нации, если, совершенно не тревожась за ее судьбу, он с легким сердцем нарушает всеобщий покой и силой лишает другие нации преимуществ, которыми они пользовались? Если к этому насилью политика добавляет открытый обман, она соединяет преступление с преступлением, ложь — с несправедливостью, разбой — с бесчестьем и надругательством.

Иначе обстоит дело, когда справедливые правители слишком слабой страны вынуждены под давлением силы прибегать ко всем тем средствам, с помощью которых они могут защитить свое государство. Следует быть правдивым и проявлять добросовестность по отношению к людям, но разве мы обязаны руководствоваться этим правилом по отношению к жестоким разбойникам, стремящимся нас уничтожить? Разве сама ложь,

если она служит цели спасения народов, не становится добродетелью? Конечно, становится; столь возвышенная цель облагораживает даже ложь; поскольку последняя спасает государство, она не может быть постыдной. Разве я не могу обмануть того, кто покушается на мою жизнь и мое имущество, тем более что природа позволяет мне даже уничтожить его? Кто усомнится в том, что нация обладает такими же правами? Кто осудит политику, пользующуюся ради спасения общества средствами, которые при подобных обстоятельствах считаются законными для каждого отдельного члена общества? У кого хватит смелости отказать тем, кто правит народами, в тех же правах, какими пользуется последний из граждан, когда на него нападают?

Поэтому не лучше ли нам воздержаться от того, чтобы предписывать политике добродетели, которых могут требовать от нас лишь суеверие и романтика, а педантичное применение которых может иногда привести общество к гибели. Добродетели, наносящие ущерб человеческому роду, — это фальшивые добродетели. Чрезмерная совестливость и щепетильность, подвергающие общество опасности, являются слабостями; хитрость становится достойной уважения, если она используется в политической деятельности действительно для спасения государства. Когда я говорю *действительно*, я не ставлю сохранность государства в зависимость от судьбы какого-нибудь несправедливого и неудачного начинания, от опустошения какой-нибудь провинции во время одной из неблагоприятных и неудачных войн, от захвата какой-либо отрасли торговли или промышленности ловкими людьми, от какого-либо плохо обоснованного подозрения или пустого беспокойства. Почти всегда государи подвергают свои народы опасности и нарушают их истинное счастье, отдаваясь преходящему увлечению, в стремлении достигнуть целей, которые оказываются чаще вредными, чем полезными. Люди, обладающие здравым смыслом, часто вынуждены краснеть из-за нелепости тех предлогов, которые побуждают земных властелинов братья за оружие. Пустые и тщеславные звания, ребяческое стремление к первен-

ству, подозрения и недоверие, необоснованные и темные притязания являются обычными мотивами войн, сговоров, объединений и союзов; таковы те легковесные предлоги, которые государи постоянно стремятся выдать за самое необходимое и важное для сохранения своих народов.

§ XV. Забота об общественном благе является основным принципом политики

Для того чтобы избранные политикой пути представлялись разумным существам благоразумными и оправданными, необходимо, чтобы государь определял их, исходя из общественного блага и требований необходимости. То же самое падо сказать и о верности договорам и обязательствам, которую должны соблюдать государи и которую, как мы видим, они постоянно нарушают открыто, когда у них для того достаточно сил, или скрыто, когда их слабость не позволяет им открыто от нее отказаться. Разве условия, навязанные нам посредством насилия и несправедливости, могут в какой бы то ни было степени связывать нас? Разве народ, который предписывает другому народу жестокие и гибельные законы, не становится тем самым его врагом? Разве политический деятель не имеет права нарушить свои обязательства, если их точное выполнение неизбежно повлекло бы за собой гибель государства? Разве более благоприятные обстоятельства не дают нам права выступить против неизбежного уничтожения, на которое нас с мечом в руке принудили согласиться бесчеловечные, жестокие варвары? Остережемся верить, будто все это не дозволено нам; когда нас хотят уничтожить силой оружия или при помощи договора, между нами и теми, кто стремится добиться нашего уничтожения, невозможны иные отношения, кроме враждебных; и мы имеем тогда право на все, что может помочь нам освободиться от несправедливых законов. Для того чтобы иметь право требовать от других чистосердечного отношения к себе, необходимо и самому проявлять справедливость. Если какой-либо народ вынужден поко-

ряться воле бесчеловечного победителя, какое значение имеет для него, погибнет ли он от меча или от жестоких законов, которые навязывает ему победитель.

§ XVI. О верности договорам

Все моралисты согласны рассматривать договоры как нерушимые и священные обязательства. Они, несомненно, правы в тех случаях, когда договоры основаны на справедливости. Но монархи, которых оскорбляет зачастую оправданная неверность их союзников или примирившихся с ними врагов, без разбора вменяют им это в преступление и не прекращают поносить их и покрывать позором. Если мы рассмотрим поведение королей, освободившись от влияния личной заинтересованности и предрассудков, мы найдем, быть может, что нарушители договоров иногда более достойны прощения, чем те, кто навязал им эти договоры, ибо несправедливость и тирания, свойственные последним, часто оправдывают нарушения, на которые идут первые.

К тому же у людей не может быть вечных обязательств, поскольку потребности наций и обстоятельства их жизни подвержены постоянным изменениям. По какому же праву можно требовать, чтобы интересы наций всегда оставались неизменными? Договоры, союзы, пакты могут быть основаны лишь на взаимных интересах. Соглашения, выгодные нациям в определенный период истории, в других условиях могут стать пагубными для них.

Вправе ли мы сказать, что ущемленный в своих интересах народ никогда не может заявить протест против обязательств, ставших для него гибельными? Можно ли утверждать, что он пожелал безоговорочно принести себя в жертву другому народу, который один будет извлекать выгоды из этого соглашения? Договоры могут существовать только при определенных условиях; они могут сохранять свою силу лишь до тех пор, пока не влекут за собой гибели одной из договаривающихся сторон. К тому же имеют ли право государи, являющиеся защитниками народов и их доверен-

ными лицами, подписывать соглашение, ведущее эти народы к гибели? Было бы верхом безрассудства утверждать, что народ может быть принесен в жертву государю, неосторожность или прихоть которого заставили его взять от имени народа пагубные обязательства. Всякий договор предполагает взаимные выгоды; ради них можно, несомненно, отказаться от некоторых прав; но не существует столь больших выгод, чтобы ради них можно было отказаться от безопасности, от преимуществ, даваемых самой природой, от сохранения жизни, т. е. от всего того, на что всякое общество имеет неотъемлемое право. Когда карфагеняне, лишённые по договору с римлянами всех средств защиты, нарушили этот гибельный договор, которым несправедливые победители заставили их подписать свой смертный приговор, они сделали именно то, что должны были сделать⁵.

§ XVII. Можно ли нарушать верность договорам?

Безукоризненная честность государей часто превращалась бы в преступление, если бы она не определялась их обязанностями по отношению к государству или справедливостью. Принимая какие-либо обязательства, рядовой гражданин свободно располагает тем, что является его собственностью; тем не менее, когда оказывается, что заключением соглашения он причинил себе слишком большой ущерб, закон дает ему возможность исправить дело и позволяет отказаться от слишком поспешно принятых обязательств. У монархов дело обстоит совсем иначе: будучи носителями власти, которую им вверили народы, будучи уполномочены заботиться об обеспечении счастья и сохранении собственности народов, государи отнюдь не являются собственниками уполномочивших их наций. Поэтому, когда оказывается, что из-за неосторожно принятых государями обязательств общество понесло явный ущерб, его счастье уничтожено, а его безопасность разрушена, закон природы, который требует, чтобы все живое стремилось к самосохранению, разрешает нациям отказаться от этих обязательств.

Следовательно, монархи были бы полностью оправданы в глазах разума, если бы вместо того, чтобы прилагать тщетные усилия для подчинения договоров своим желаниям, вместо того, чтобы давать им произвольные толкования и наводнять мир никому не понятными манифестами, они ради действительного благополучия и сохранения своих государств порвали с обязательствами, которые в новую эпоху и при новых обстоятельствах стали невыносимыми для их подданных. Меры, осуществляемые людьми, пригодны лишь на короткое время, они неблагоприятны и недолговечны, как и сам человек; законы же человеческой природы всегда мудры, благоразумны и непреложны, поэтому именно разум должен исправлять ошибки, обусловленные теми или иными обстоятельствами.

Нам возразят, быть может, что эти принципы, которыми недобросовестные люди могут злоупотреблять под предлогом обеспечения блага государства, приведут к разрыву уз, связывающих народы, или по меньшей мере нарушат прочность их договоров. Я отвечу, что несправедливый человек не может обрести права связывать жесткими обязательствами справедливого и слабого человека. Каких бы умозрительных теорий ни придерживались государи и народы, необходимость заставляет их вести себя в практической жизни в соответствии с указанными выше принципами; конечно, они часто злоупотребляют правом расторгать соглашения, но ни у кого и никогда не хватит смелости искренне осудить государя, нарушившего договор, явно разорительный и губительный для его народа.

§ XVIII. Несправедливые договоры не могут связывать обиженную сторону

Государи, несправедливые по отношению к своим подданным, неизбежно становятся несправедливыми и по отношению к другим государствам. Если бы руководители народов искренне — как им и подобает — стремились к общественному благу, если бы они не приносили его беспрестанно в жертву своему честолюбию,

своим страстям и личным интересам, обычно совершенно отличным от интересов народов, мы не были бы свидетелями многих договоров, продиктованных неблагодарностью, безрассудством и бездарностью, находящихся подчас в прямом противоречии с благополучием народов, договоров, против которых нас заставляют восставать природа, разум и необходимость. Но в силу какой-то удивительной порочности в своих договорах, войнах и союзах государь обыкновенно имеет в виду только самого себя, учитывает лишь собственные кратковременные интересы, чаще всего ограниченную точку зрения своих министров, да еще прихоти тех, кто имеет возможность давать ему советы. Интересы наций не так изменчивы, как интересы людей, которые ими управляют; но благо государств служит лишь предлогом для несправедливых и изменчивых желаний их правителей; последние нарушают свои обязательства с той же легкостью, безрассудством и несправедливостью, с какой они их принимали. Когда свободный народ имеет право высказывать собственную точку зрения, определять круг собственных интересов и заниматься внешней политикой, он может следить за обеспечением своей безопасности и взвешивать последствия принятых им обязательств. При неограниченном властелине обязательства берет на себя всегда только сам деспот, его желания и причуды меняются каждую минуту, к желаниям же нации никто не прислушивается. Ни один народ на земле не заинтересован в том, чтобы другие народы жили в рабстве.

Рассматривая эти принципы, нетрудно убедиться, что они могут не нравиться только тем, кого ослепляют мимолетные интересы или предрассудки. Самый несправедливый завоеватель стремится закрепить в договорах результаты своих насильственных действий; он стремится связать торжественными обязательствами тех, кого уже подчинил посредством силы; он полагает, что приобретает на них права тем, что делает их в какой-то степени своими соучастниками и виновниками собственной гибели. Он расценивает как право те выгоды, которые доставила ему одна лишь сила; он называет обязательством навязанную слабому необходимость

согласиться с собственной гибелью. Если грабитель посредством неприкрытого насилия принуждает меня уступить ему то, что принадлежит мне, разве он тем самым приобретает какие-либо права? Если он с помощью насилия вырывает мое согласие, разве он становится от этого законным владельцем отнятых им у меня предметов? Не будет ли мне дозволено отказаться от обязательств, взятых на себя в ту минуту, когда к моему горлу был приставлен нож? Для того чтобы заслужить чистосердечное отношение к себе, необходимо самому проявить справедливость и чистосердечие; несправедливые действия одной стороны не могут быть узаконены только потому, что они основываются на слабости другой стороны; право сильного не является законным правом, способным когда бы то ни было связать разумные существа.

§ XIX. Эти принципы основаны на разуме

Но пусть не думают, что цель этих принципов — исключить ту взаимную искренность, на которой должны основываться все договоры; их цель состоит лишь в том, чтобы доказать, что для приобретения права требовать исполнения договора необходимо, чтобы последний был одобрен справедливостью. Правда, победитель, как бы несправедлив он ни был, всегда стремится придать своим насильственным и захватническим действиям, равно как и своей тирании, какой-то оттенок справедливости. Могут сказать, что если государи будут придерживаться этих принципов, то победители, убежденные в том, что им не удастся приобрести право связать побежденных каким-либо обязательством, не остановятся до тех пор, пока совсем их не уничтожат. Я отвечаю, что завоеватели, столько раз опустошавшие землю, останавливались обыкновенно лишь после полного разрушения или полного покорения завоеванной ими империи. В войнах, непосредственной целью которых не является собственно завоевание, но в которых какой-либо народ стремится лишь принизить и ослабить другой народ, одним словом, лишить его некоторых

преимуществ, первый всегда прилагает наибольшие усилия для того, чтобы причинить второму все то зло, на которое он только способен; он уничтожил бы полностью своего противника, если бы считал, что в состоянии это сделать. Но что обыкновенно происходит в жизни? Победитель, будучи зачастую сам совершенно истощен, старается с помощью договора восстановить свои потери; при этом он пользуется хитростью и ловкостью, чтобы навязать побежденному наиболее жесткие условия; обыкновенно он соглашается на мир лишь тогда, когда чувствует себя неспособным продолжать войну; если бы у него оставалось достаточно сил и он не боялся вызвать к себе недоверие со стороны других завистливых держав, он не остановился бы перед тем, чтобы принести побежденному врагу такие же несчастья, какие способен причинить самый жестокий завоеватель или отъявленный бандит. Но мир предоставляет преимущества как победителям, так и побежденным; и те и другие соглашаются сложить оружие потому, что это необходимо им обоим; один соглашается кое-что потерять ради своего спасения, другой удовлетворяется теми преимуществами, которые ему согласны уступить.

Народы и государи! Если вы хотите, чтобы ваши договоры к чему-либо обязывали, предпринимайте только справедливые войны. Если вы взываете к справедливости, проявляйте и сами искренность и добрую волю; если вы требуете верности, не навязывайте другим безрассудных законов или обязательств. О жадные, несправедливые и беспокойные государи, вам недоступны средства, способные объединить людей! Слепые деспоты, следующие лишь своим сумасбродным прихотям! Ваши обязательства не могут связывать народы, чьи интересы вы никогда не принимаете во внимание; договаривающиеся с вами державы имеют право остерегаться ваших стремлений, которые ничто не может сделать устойчивыми и которые направляет одна лишь фантазия. Узурпаторы и тираны всегда бывают низкими и вероломными людьми; разве они побоятся, нарушив права собственных подданных, нарушить права подданных других государей, если только это может безнаказанно сойти им с рук?

§ XX. Условия, которые делают договоры священными

Следовательно, только законные действия, заслуживающие одобрения справедливости и разума и не противоречащие человеческой природе, могут дать подлинные права. То, что вырвано силой, может быть вновь возвращено силой; то, чего достигают при помощи уловок, может быть устранено теми же приемами. То, что отнято при помощи хитрости, с помощью той же хитрости может быть отнято вновь. Для того чтобы одна сторона могла получить право на что-либо, необходимо согласие другой стороны. Но нам могут сказать, что государи никогда не дают согласия на ограничение их власти. Несправедливый захватчик, честолюбивый завоеватель, коварный государь с трудом отказываются от награбленной ими добычи.

Я отвечаю, что справедливость, прибегающая к помощи силы, обеспечивает законные права. Война, которая ставит себе цель восстановить справедливость, дает вполне реальные права. Побежденный в такой войне — это преступник, которого против его воли постигла естественная кара, справедливо заслуженная им за нарушение международного права. Каковы бы ни были его желания, он вынужден смириться с потерей тех преимуществ, которыми злоупотребил; его осуждают как справедливость, так и голос всемирного общества, члены которого, сами часто несправедливые, стремятся тем не менее к справедливости и одобряют, когда ради общего блага одного из них, приносящего вред другим, наказывают и лишают возможности им вредить. Общие интересы запрещают виновному отказываться от обязательств, которые предписывает ему справедливость и выполнение которых необходимо ради блага общества; силе, которая могла бы его уничтожить, позволено заставить его соблюдать условия, хотя и тягостные, но ставшие необходимыми для всеобщей безопасности. Итак, его как злоумышленника лишают возможности наносить зло, но сохраняют ему жизнь; в душе он, может быть, и не согласен с жертвами, которые вынужден приносить, но от этого они не становятся менее оправданными.

§ XXI. Не существует власти, которая была бы учреждена для обуздания государей

В великом всемирном обществе, членами которого являются государи и народы, существует единый для всех закон, выражающий волю всех народов, договорившихся между собой ограничивать, сдерживать и подавлять тех своих членов, которые представляют собой опасность для человечества и способны нарушить его покой. Воля всякого отдельного общества, или, точнее, закон, который выражает эту волю, обязывает всех граждан выполнять свои обязательства по отношению друг к другу и предоставляет каждому гражданину возможность пользоваться безопасностью и покоем. Общество наказывает тех, кто забывает об этом законе, оно подавляет и уничтожает тех, кто преступно его нарушает. Законы мирового общества в равной степени обязывают всех государей придерживаться справедливости и искренности, поддерживать мир и покой.

Однако не существует такой вполне реальной силы или власти, которая могла бы заставить монархов или народы выполнять повеления всемирного общества. Если бы все государи объединились и с общего согласия создали трибунал, на суд которого они могли бы выносить свои распри, если бы выполнение их общей воли было обеспечено так же, как это принято во всяком отдельном обществе, то не нашлось бы государя, который не был бы вынужден подчиниться их решению; объединенные силы всех государств сделали бы эти законы нерушимыми и священными. Но неравенство отдельных обществ и различие их интересов делали до сих пор несбыточными и фантастическими самые полезные планы, диктуемые разумом⁸. Государи и нации образуют всемирное общество, не имеющее общего руководителя, устойчивых принципов и законов. Что же удивительного, если им приходится испытывать на себе все ужасы анархии? Они признают законы, которые сами в практической жизни беспрестанно обходят или нарушают; каждый преследует свои личные интересы; к справедливости прислушиваются только в тех случаях, когда она подкреплена силой; для того чтобы заставить безрас-

судных людей быть справедливыми, требуется твердая власть; но где же тот, кто способен заставить подчиниться такой власти самих земных правителей?

§ XXII. О равновесии сил в Европе

Чтобы возместить отсутствие власти, которая должна была бы сдерживать государей, негласные соглашения и договоры создали в Европе устойчивость, способную поддерживать в равновесии силы держав. Надежно обеспечить эту устойчивость значило бы дать мир и покой этой цветущей части света. Все европейские народы, без сомнения, заинтересованы в поддержании этого равновесия, от которого зависит их безопасность. При такой системе Европа напоминает большую семью, все члены которой объединены какими-то общими интересами, ибо нет событий, которые бы не привлекали внимания государей всех стран, составляющих эту семью.

Но так как государей постоянно разобщают противоположные интересы, предрассудки и страсти, их союз против несправедливости не приносит никаких результатов; все вопросы предоставляют решать силе или хитрости; под предлогом борьбы за сохранение равновесия каждый стремится его нарушить, подчинив его своим интересам. Договоры истолковывают произвольно. В этих условиях политика выступает как загадочная наука, заключающая в себе целое море трудностей. Каждый пытается подчинить справедливость собственным целям; к справедливости взывают самые несправедливые монархи; все они утверждают, что их единственной задачей является сохранение вверенных их заботам наций; жадность, честолюбие, причуды прикрываются любовью к общественному благу. Обязательства, продиктованные личными интересами государя, выступающего от имени народа, изменчивы и кратковременны. Переговоры становятся лишь искусством, которым пользуется слабость, чтобы усыпить могущество. Наиболее несправедливые притязания облачаются в блестящие одежды, которые часто ослепляют даже самую опытную проницательность; мир обыкновенно

наступает лишь как следствие истощения сил обеих равно безрассудных сторон, которые больше уже не в состоянии наносить друг другу вред; те, кого война ослабила и разорила в большей мере, уступают на некоторое время более счастливым победителям и ждут лишь случая безнаказанно нарушить свои обязательства. Победенные обманывают преступных победителей и часто, не имея на то никаких оснований, с детским легкомыслием требуют от них мнимых преимуществ, которые считают для себя самыми существенными и рассматривают как свои непреложные права. Союзы оказываются недолговечными, когда их приходится заключать лишь из-за неспособности некоторых министров, а их опорой являются козни и стремление захватить друг друга врасплох. Даже гаранты, чья добросовестность и сила, казалось бы, должны были обеспечивать выполнение торжественных обязательств государей, сами меняют свои принципы, подрывают веру в свое постоянство и благоприятствуют нарушению договоров, выполнение которых им следовало обеспечить. Во взаимоотношениях народов, которые словно для того только и существуют, чтобы истреблять друг друга, устанавливаются варварские законы, не имеющие ничего общего с разумом и справедливостью. Плохо понятые польза государства и целесообразность превращаются в право; они разрешают сильному угнетать слабого, неожиданно нападать на него, отнимать у него самые законные преимущества, и все это лишь на основании одного подозрения и под самыми пустыми предложениями. Право владения, удачный захват, какие-нибудь пустые формальности, произвольные толкования — все это в равной мере становится основанием для споров, в которых каждый хочет взять верх над другими; все это рассматривается в качестве важных доводов при ведении переговоров.

Судьба народов зависит от двусмысленных слов, которые каждый толкует по-своему; отсюда эти пустые споры, за которыми обычно следуют жестокие войны. Нации своим покоем, богатствами и кровью оплачивают глупость, честолюбие и оплошности тех, кто ведет переговоры от их имени. Выбирая между одинаково несправедливыми и безрассудными народами и госуда-

рями, смущенный разум часто не знает, чью сторону ему принять; их распри решает одна только сила, а их договоры сотканы лишь из вероломства, лжи и подлогов.

Не удивительно, что в поведении большинства монархов мы обнаруживаем так много коварства и так мало прямоты; как при ведении войн, так и при заключении договоров государи, как мы видим, обыкновенно ни во что не ставят интересы своих народов; они царствуют лишь ради самих себя; в своих действиях они руководствуются только собственным честолюбием, тщеславием, стремлением возвеличить свой род, расширить влияние своей семьи, личными видами и планами своих министров. Народы служат лишь осуществлению совершенно чуждых им самим замыслов этих министров. Может показаться, будто природа создала все народы лишь для того, чтобы они были игрушками страстей небольшого числа монархов, которые, не интересуясь мнением подданных, по собственному усмотрению располагают их судьбой, имуществом и жизнью, постоянно принося их в жертву своим безумствам.

Таковы источники тех кровавых распри, тех запутанных и бесконечных споров, которые почти беспрестанно приносят страдания всем народам земли. Направляемая страстью, безумием и мимолетными интересами, извращенная, лживая и бессмысленная политика государей приводит к тому, что они гораздо больше заняты заботами о том, как нанести вред окружающим их обществам, чем заботой о благе тех граждан, управление которыми вверено им судьбой. Постоянно стремясь похитить у других наций все, чем они обладают, государи пренебрегают использованием преимуществ, которые находятся в их распоряжении; страстно увлеченные тем, чтобы уничтожить своих соседей, они забывают о необходимости сделать свои народы счастливыми. Поэтому народы находятся в беспрестанной борьбе друг с другом. Подобный образ действий обыкновенно ведет к их взаимному истреблению, непосредственной причиной чего являются действия людей, которые должны были бы заботиться о благосостоянии наций и которые стали истинными виновниками их гибели.

О РАСПАДЕ ГОСУДАРСТВ

§ I. Как государства приходят к распаду

В своем непрерывном развитии природа ведет все существующее к гибели; этому непреложному закону более или менее медленно следуют как физические, так и духовные явления. Человеческие общества, правительства, законы, учреждения, убеждения, даже жилища изменяются, приходят в ветхость, а иногда и совсем исчезают. Люди — эти столь подверженные изменениям существа — находятся в состоянии вечного и непрерывного взаимного действия и противодействия: гражданин выступает против гражданина, различные сословия одного и того же государства почти непрерывно ведут между собой борьбу. Государи и их подданные находятся в состоянии постоянной войны; нации не перестают напрягать свои силы в борьбе против других наций; страсти, столь же свойственные обществам, как и индивидам, являются движущими силами, порождающими различные течения в области духовной жизни; эти бесконечные коллизии приводят в конце концов к распаду политических организмов.

Государственные организмы подобно человеческим носят в себе зародыши своей гибели; как и люди, они пользуются более или менее долговременным здоровьем; как и люди, они подвержены острым заболеваниям и кризисам, которые уносят их жизнь очень

быстро, или хроническим болезням, которые подтачивают их постепенно, исподволь разрушая основы жизни. Подобно больным людям общества подвержены бредовому состоянию, безумию, революционным переворотам; обманчивая полнота часто скрывает их тайные недуги; смерть наступает неожиданно, следуя непосредственно за самым цветущим здоровьем. Всегда деятельная природа неожиданно создает иногда условия для появления людей, которые оздоравливают государство, избавляют его от недугов и страданий, можно сказать, возрождают его из пепла. Но чаще природа заставляет нации порождать существа, которые способны лишь разрушать, которые губят все вокруг себя и в мгновение ока низвергают общество в пропасть.

Государство распадается, как только пороки его правителей возрастают в такой степени, что лишают его безопасности, сил и нравственных устоев, необходимых для поддержания общественного целого. Установив это, мы можем утверждать, что политическому организму угрожает распад, когда правители пренебрегают заботой о поддержании в гражданах духовного подъема, необходимого для того, чтобы побудить общество к отвечающей его потребностям деятельности; когда, забывая сохранять равновесие сил в государстве, правители допускают, чтобы одна отрасль управления поглотила все остальные; когда из-за какого-либо внутреннего порока нация утрачивает могущество, положение среди других наций и уважение, которым она должна пользоваться в соответствии с дарованными ей природой преимуществами. Права нации определяются количеством населения, его трудолюбием и способностями, богатством граждан, их предприимчивостью, плодородием земель в стране, протяженностью ее территории и ее географическим положением.

Нация находится в состоянии распри, когда принципы, которыми руководствуется ее правительство, порочны, а законы плохи и бессильны; когда к власти относятся с презрением; когда анархия охватывает все сословия государства; когда граждане обособляют свои интересы от интересов родины и отмежевываются

от нее; когда гражданские войны вооружают граждан друг против друга; когда с помощью насилия изменяют форму правления в государстве; когда иноземные захватчики вторгаются в страну, чтобы расчленить ее и лишить ее независимости; наконец, когда пружины государственного механизма ослабевают и роскошь делает все умы равнодушными ко всему, что приносит пользу, внушая безразличие к общественному благу и презрение к добродетели. Тогда у государства нет больше граждан; оно заполнено порочными, оторванными от своей родины существами, которых воодушевляет лишь необузданная страсть к богатству, наслаждениям и легкомысленному образу жизни.

§ II. Падение древних империй

Что стало с прославленными народами древности, историю которых мы читаем с изумлением? Какая судьба постигла столь мудрые институты трудолюбивых египтян, столь прославленные богатства и мощь ассирийцев, персов и мидян, завоевания македонцев, развитую торговлю тирийцев и карфагенян? Наконец, что осталось от победителя всех остальных народов, от народа, который кончил тем, что поглотил все империи мира, от народа, граждане которого повелевали столькими королями?¹ Увы! Правительства всех этих наций были свергнуты, учреждения упразднены, жилища и остатки имущества поделены между варварами; от всего их величия сохранились лишь бесформенные памятники, величественные развалины которых все еще внушают нам к давно не существующему могуществу этих народов уважение, которое уже не может их порадовать.

Законы, установленные такими людьми, как Солон, Ликург, Нума, и даже сами имена этих людей не известны варварам, населяющим в наши дни древнее отечество славы и свободы. Самые мудрые институты не смогли защитить народы от их собственных безумных страстей, от яростной борьбы групп, войн, фанатизма завоеваний и яда роскоши, более разрушитель-

ного, чем все другие бедствия. Пусть прошлое служит нам верным зеркалом будущего; оно даст нам возможность познать, что самые могущественные и воинственные нации, самые мудрые правительства и институты, которые словно бросают вызов векам и непостоянству людей, оказались вынужденными рано или поздно подчиниться закону природы, согласно которому все должно приходить к своему концу.

§ III. Ответ на возможное возражение

Но нас могут спросить: к чему заниматься изучением бедствий, которые так или иначе неизбежны, если все народы вынуждены покоряться слепому року, если они являются жертвами законов судьбы и потрясений земного шара, которые фатально влекут их навстречу гибели? К чему спорить о предпочтении, которого заслуживает одна форма правления по сравнению с другой? Что могут дать в этих условиях столь мудрые законы, столь хваленые институты, столь осторожная политика и даже те добродетели, в которых видят опору империй? Не будем же с тоской задумываться о наших бедствиях, предоставим непреодолимой силе необходимости увлекать нас как можно более мягко, не будем скорбными размышлениями усиливать несчастья, для устранения которых мы не видим никаких средств; и довольствуясь тем, что можем наслаждаться таким настоящим, каково оно есть, не станем больше обращать своих взоров к будущему, которое может лишь напрасно волновать нас.

Так говорят развращенные и легкомысленные люди, в которых порок гасит любовь к родине и всякое нежное чувство к потомству. Так выражают свои мысли равнодушные рабы, в которых деспотизм заглушил все устремления, вплоть до желания изменить свой удел. Но разве недуги наций неизлечимы? Разве то обстоятельство, что человек должен когда-нибудь умереть, дает основание заключить, будто его следует оставить на произвол судьбы, когда он изнемогает от какой-либо болезни? Разве законность, свобода, гуманное правле-

ние становятся меньшими благами оттого, что они не могут существовать вечно? Разве можно пренебрегать таким благом, как здоровье, только потому, что рано или поздно на смену ему придут недуги и болезни? Разве следует презирать разум, благоразумие, добродетель, свободу из-за того, что преграды, противопоставляемые ими насилию, безумию, преступлению и тирании, часто оказываются недостаточными? Воздержимся от того, чтобы так думать. Хотя судьба и не предназначила народы к тому, чтобы наслаждаться неомрачимым благополучием, тем не менее счастье является постоянным предметом их устремлений; забота о благосостоянии народов, пусть даже временном, должна занимать законодателя, политика, мыслящего гражданина, порядочного человека, которого интересуют судьбы родины.

Установив это, рассмотрим, каковы могут быть действительные причины ниспровержения различных форм правления; проследим, если это возможно, причины распада государств; из того, что до сих пор неопытность людей почти всегда лишала их возможности противостоять с достаточной силой постигавшим их бедствиям, не будем заключать, будто человеческий ум, слишком долго удерживаемый в состоянии детской незрелости, никогда не сможет прозреть. Не будем терять веру в возможности разума; будем ждать от развития знаний благоприятных изменений судьбы; если же нам не дано изменить наш удел, будем сеять благие семена для потомков. Давайте покажем им подводные камни, на которые натыкались их предки; расскажем о последствиях, вызванных неблагоприятным правлением их отцов, о порочных законодательствах, опасных предрассудках, бессмысленных обычаях, разрушительных пороках; нарисуем им картину безумий, которые привели их отцов к гибели. Давайте накапливать опыт ради потомства, о котором каждый порядочный человек должен проявлять нежную заботу, и будем лстить себя утешительной надеждой, что наши потомки с помощью складывающихся в их пользу обстоятельств и наших размышлений станут когда-либо более мудрыми и счастливыми, чем мы сами.

§ IV. Причины распада неограниченных монархий

Многие люди считают монархию формой правления, имеющей существенные преимущества перед всеми остальными. Чем проще система управления, тем легче обеспечить ее деятельность. Действительно, при монархии все силы нации, доверенные самодержавно правящему главе государства, легко сосредоточить и направить на осуществление поставленных им целей. Но, с другой стороны, когда один человек располагает слишком большим могуществом, это позволяет ему подчинить себе все общество; общество же в состоянии противопоставить своему государю лишь разрозненные силы и несогласованные стремления. Поэтому монархия почти всегда перерождается в деспотизм и тиранию. История всех эпох дает нам возможность убедиться в том, какие ужасные последствия вызывают злоупотребления властью, когда все силы государства приносятся в жертву фантазиям деспота.

Даже когда монархия и не перерождается в такой постыдно злоупотребляющий властью деспотизм, неравенство природных данных и различия способностей, характеров и страстей у наследующих друг друга монархов неизбежно приводят к беспрестанным изменениям в системе управления. Когда же воля главы государства является единственным законом, которым руководствуется нация, это должно неизбежно вести к частым коренным изменениям в законодательстве страны, в ее институтах и системе управления, во взглядах и представлениях граждан. Нет ничего постоянного там, где все может быть в любой день изменено в угоду капризу; если даже один и тот же человек в различные периоды своей жизни не всегда согласен с самим собой, что станет с государством, которое постоянно переходит от старых монархов или министров к новым, не имеющим ничего общего со своими предшественниками?

Отсюда ясно, что абсолютное монархическое государство по самой своей природе крайне неустойчиво и что повелитель, который единолично властвует над

всеми гражданами страны, легко может каким-нибудь непродуманным поступком привести к гибели всю нацию. Бразды правления империй почти всегда находятся в руках людей, недостаточно способных к делу управления. Таким образом, при абсолютной монархии судьба всех граждан зависит почти исключительно от личных качеств и достоинств одного человека; если государь случайно и обладает необходимыми для управления страной талантами, способностями и добродетелями, то на смену ему чаще всего приходит наследник, лень, бездарность, безумие или злонамеренность которого в одно мгновение разрушают все, что было сделано для народа заботами его предшественников.

Если законы не ограничивают власть монарха, если нация не представлена каким-либо органом, который сдерживал бы верховную власть, то вся тяжесть управления страной падает, можно сказать, на одного человека, и, если этот человек случайно оказывается непригодным, над государством нависает опасность. Несправедливость, глупость, безрассудство чаще свойственны одному человеку, чем большой группе людей; нация сразу же испытывает на себе последствия неудачных распоряжений своего руководителя; когда он развращен, его пороки, заимствованные окружающими его вельможами, распространяются с особой быстротой среди нижестоящих сословий; разложившийся королевский двор разлагает вскоре и всю нацию; правительство, не обладающее твердыми устоями, не воспитывает порядочности и в своих подданных. Тщеславные и любящие пышность властители распространяют вкус к роскоши и легкомыслию во всем народе.

Когда государь равнодушен к делам государства, ведет рассеянный образ жизни и не способен сам управлять страной, верховная власть попадает в руки какого-нибудь из его фаворитов, приближенных к нему женщин, небольшого числа возвысившихся с помощью клеветы и интриг людей, которые, находясь постоянно в состоянии войны друг с другом, гораздо более озабочены тем, как удержать свое место, сохранить благосклонность государя и уничтожить своих соперников, нежели тем, как справиться с тяжким трудом упра-

вления государством. Может ли при государях подобного склада власть, ослабленная раздорами, столкновениями низких интересов, лишенная целеустремленности, занятая лишь злободневными вопросами, быть последовательной в своих мероприятиях? Может ли она быть направленной на благо общества? Если монарх охвачен беспокойной жадной перемен, взоры всех его подданных обращены к войне; кровь народов течет, чтобы рассеять его скуку; он превращает в жестокую игру несчастья, которые постигают его государство; ему доставляет удовольствие горе, которое он приносит своим слабым соседям. Таким образом, силы и богатства подданных оказываются безумно растраченными и нередко многочисленные победы их государя приносят им лишь тяжелое истощение, от которого они долго не могут оправиться. Несчастья народов, вызванные неистовством воинственных королей, записаны в летописи мира, и каждое мгновение история человеческой кровью вписывает в них все новые страницы, свидетельствующие об этих несчастьях. В большинстве случаев монархи считают себя могущественными лишь постольку, поскольку они способны приносить людям зло.

Не имея правильного понятия об истинной славе и истинном величии, короли считают, будто эти качества проявляются в помпезности и роскоши, с которыми в их представлениях нераздельно связана монархическая власть. Ничто не встречается так редко, как монарх — приверженец простоты и бережливости. При монархе, любящем пышность и роскошь, средства, предназначенные для поддержания жизни народа, беспрестанно поглощаются дорогостоящими празднествами, легкомысленными развлечениями, бесполезными затратами, строительством великолепных зданий, олицетворяющих в глазах нации надменность и гордость ее властелина. Народ же принужден обеспечить средства для всего этого. Нацию заставляет страдать вид памятников, воздвигнутых ценой еще большего обеднения и без того ввергнутого в нищету народа. Бессовестный же царский двор на глазах у всех утопает в богатствах, роскошествуя за счет нации. Богатств,

растрачиваемых на удовлетворение тщеславия некоторых монархов, часто могло бы хватить для того, чтобы сделать счастливым целый народ.

Занимая слишком высокое положение, монарх не может поближе приглядеться к жизни народа и составить себе ясное представление о его потребностях. Все приближенные государя ведут расточительный образ жизни и утопают в изобилии; те, к чьим советам он прислушивается, являются виновниками общественных бедствий и потому всегда заинтересованы скрыть эти бедствия от монарха и способствовать тому, чтобы они продолжались как можно дольше. Жалкие прислужники преувеличивают перед монархом благополучие, которое доставляют подданным введенные им законы. Разве придворные льстецы и министры согласятся омрачить его душу картиной нищеты народа? Конечно, нет. Личное пристрастие заставляет их скрывать от государя бедствия, порожденные бездарностью или коррупцией. Требовать от придворного правдивости значило бы требовать, чтобы он сам себя разоблачил. Монарх никогда не может узнать правду; он может только догадываться о ней; но даже и в этом случае догадка, заглушенная шумной суматохой его двора, скоро стирается из его памяти.

Управлять государством — занятие серьезное и трудное; короли же либо не имеют никакого представления о степени его важности, либо испытывают страх запутаться в сложных деталях управления. Оступившие от лени, приученные воспитанием к удовольствиям и забавам, убаюканные лелью монархии обыкновенно представляют собой физически крепких, но непоследовательных и неспособных со вниманием сосредоточиться на чем-либо недорослей, которым кажутся ненавистными труд и размышление. Для того чтобы руководить государством, нужны доблестные мужи, обладающие опытом, силой, гением; но, к сожалению, империями слишком часто управляют самые слабые из смертных. Так постепенно без ведома монарха бедствия нации пускают глубокие корни, и об их глубине монарх узнает только в связи со своим собственным падением.

То огромное, почти непреодолимое расстояние, которое отделяет трон государя от народа, всегда лишает монарха возможности обнаружить и использовать в интересах общества достоинства и добродетели обездоленных, скромных людей, которые обыкновенно держатся в тени. При монархе, который вынужден на все смотреть глазами других, подлинно талантливые люди отстраняются завистливыми придворными, в то время как всегда наглая бездарность захватывает милости и награды. Нацию охватывает отчаяние; никто не утруждает себя приобретением знаний, бесполезных в государстве, где должности являются наградой лишь за хитрость, низость и бессовестную дерзость. Несправедливое предпочтение, постоянно оказываемое людям, обладающим знатным происхождением или богатствами, фаворитам и интриганам, мешает талантам пробиться сквозь толпу придворных, всегда считающих, что милости монарха принадлежат только им одним.

Так как при монархии честолюбие свойственно стоящим у власти людям в значительно большей степени, чем при любой другой форме правления, так как отличительным признаком монархии является бессмысленный показной лоск, которому вначале подражают придворные, а затем и различные сословия нации, стремясь уподобиться государю или его приближенным, то все это порождает соперничество в пышности и расточительности; во всех сердцах разгорается неистовая страсть к богатству, известная под названием роскоши, которая, как мы вскоре увидим, подобно червю подтачивает и разрушает государство. Роскошь является злом, можно сказать неотделимо связанным с монархией, в которой благосклонность государя, знатное происхождение и богатство создают слишком большую диспропорцию в положении граждан. Каждый хочет придать себе хотя бы видимость величия, потому что величие сопутствует власти. Под властью королей тщеславие более заразительно, чем при республиканском правлении, при котором равенство, установленное свободой и законами, делает внешние атрибуты власти гораздо менее необходимыми.

§ V. Причины распада ограниченных монархий

Даже при ограниченной монархии государь всегда сохраняет за собой влияние, более значительное, чем влияние сословий, принимающих участие в управлении, поскольку он, будучи единственным вершителем исполнительной власти, особенно нуждающейся в единстве, держит в своих руках военные силы, свободно распоряжается распределением милостей и расходованием общественных средств. Эти силы, противопоставляемые твердой волей монарха противоречивым и несогласованным стремлениям представителей сословий, рано или поздно неизбежно должны их подчинить. Сила запугивает и вызывает робость, награды соблазняют, и в конце концов государю удается подчинить себе всех, чье одобрение он может купить. Монарх неизбежно берет верх над нацией, которая соглашается продать ему свою свободу; он всегда становится ее неограниченным властелином, если она развращена жаждой денег; любовь к богатству, ставшая господствующей страстью нации, всегда расчищает путь деспотизму.

При таком положении граждане, желающие, чтобы им поручили представлять нацию, рассматривают свои полномочия лишь как средство для приобретения богатств, званий и прибыльных должностей; эти люди покупают у народа, который сам развращен жаждой богатства, право его представительства и перепродают это право государю, имеющему возможность обогатить и наградить их орденами, предоставить им высокие должности. Свобода всегда ненадежна в странах, где монарх является исключительным обладателем всего, что может возбуждать тщеславие и алчность его подданных. Свобода может быть обеспечена в стране лишь в том случае, если государь лишен возможности подчинять и подкупать представителей нации и если каждый из этих представителей несет ответственность перед нацией за свое поведение. Нет ничего более иллюзорного, чем свобода, которую могут безнаказанно нарушить и уничтожить сами ее защитники. Нет ничего менее долговечного, чем свобода, защиту которой изб-

ратели без разбора доверяют гражданам, купившим за деньги голоса своих избирателей.

При конституционной монархии народ и его представители, обладая возможностью заставить власть имущих считаться со своими желаниями, часто диктуют свою волю государю и его министрам; но народ, подверженный фанатизму и игре страстей и обыкновенно лишенный предусмотрительности, часто толкает правительство на необдуманные и разорительные действия. Верховная власть не всегда может воздвигнуть достаточно мощную преграду безрассудству народа и его представителей; ее благоразумию приходится иногда идти на уступки под натиском неблагоразумных требований толпы. У торговой нации стремление к наживе обращает все внимание подданных на торговлю; такая нация будет пренебрегать и гнущаться развитием сельского хозяйства; она будет направлять все силы лишь на удовлетворение своей жадности и своей страсти к богатству, груз которого рано или поздно неизбежно доведет ее до изнеможения, особенно после того, как роскошь совсем заглушит в ней чувства патриотизма и добродетели, необходимые для поддержания государства.

Если конституционное, или смешанное, правительство не лишает народ возможности проявлять своеволие, оно очень часто испытывает на себе отрицательные стороны народного правления. При конституционной монархии, как и при демократии, фанатики, самозванцы и политические шарлатаны могут поднять тревогу среди простого народа, возбудить его ярость, внушить ему подозрения по отношению к самым справедливым, необходимым и мудрым действиям и начинаниям правительства. Одним словом, если личные желания и страсти подобных граждан не найдут удовлетворения, они будут настраивать народ против его собственных подлинных интересов. В результате нация испытывает множество страданий, будучи разрываема на части раздорами между различными группировками, фракционной борьбой и заговорами, последствия которых ничем не отличаются от тех, которые обыкновенно приводят к гибели народное правление. В сме-

панной монархии появляются такие ораторы, демагоги и коварные обманщики, которые возвышаются благодаря доверию народа до положения советников короля, от имени последнего подвергают нацию тирании и, будучи облечены властью монархом, распределяют милости последнего против его воли. Они используют свои права для того, чтобы ослабить нацию, добиться ее доверия, вызвать раздоры между гражданами и установить над ними свою власть. В этих условиях искушенный и опытный монарх, умело обходя законы, которые он не может нарушить открыто, или применяя свои слишком широкие права, использует общественные раздоры и сумеет, найдя сообщников для осуществления своих замыслов, снова надеть на нацию оковы.

Дух разногласий и фракционности, разделяя подданных в монархиях умеренного типа, тем самым часто предоставляет монарху удобный случай для того, чтобы уничтожить свободу. Действительной целью фракционной борьбы редко является благо государства; на самом деле речь обыкновенно идет лишь о честолюбии некоторых недостойных граждан, которые оспаривают друг у друга власть, стараются очернить друг друга и обречь на неудачу взаимные начинания. Нация распадается на группы приверженцев отдельных демагогов, фальшивое усердие которых преследует лишь цель взаимного уничтожения; умы этих людей заняты только борьбой друг против друга, бесполезной для общественного блага; никто из них совершенно не помышляет о родине, об искоренении злоупотреблений, о том, чтобы усовершенствовать законы. Вожди фракций привлекают к себе все взоры, все внимание нации; их поединки превращаются для граждан в зрелище, мешающее им думать о собственных интересах и о благе государства.

Не изучив истинных принципов управления, не умея подняться до понимания естественных прав общества, люди не знают иных прав, кроме тех, которыми пользовались их отцы, которые известны им на основе примера и которые предоставляются им властью; их беспрестанно вводят в заблуждение демагоги, оглу-

шающие их трескучими словами о законах, обычаях, родине, свободе, с которыми лишь у очень немногих граждан связаны глубокие убеждения.

Для того чтобы защищать свободу, необходимы люди просвещенные, искренние, добродетельные и, что особенно важно, наделенные благоприятными и бескорыстными душами. Бездарные, чванливые, упорно отстаивающие свои пустые и чаще всего несправедливые привилегии, зараженные жадностью люди постоянно разделены противоположными интересами и очень мало тревожатся об общественном благе. Почти все национальные ассамблеи проходят в пустых дебатах мелких людей, которые следят друг за другом, пытаются уничтожить или ниспровергнуть друг друга, не принося никакой пользы родной стране. Эти конфликты между неблагоразумными сторонниками отдельных группировок деспотизм использует для того, чтобы выступить в роли мнимого примирителя. Так разлагаются и сходят со сцены правительства, которые можно считать наиболее разумными по своей организации, но которые из-за отсутствия у людей добродетелей постоянно находятся в состоянии бурного возбуждения и потрясений. Монарх беспрестанно прилагает усилия, чтобы расширить свои права, ограниченность которых его стесняет; дворянство подчас бывает слишком гордым, чтобы признать общность своих интересов с интересами презираемого им простого народа; духовенству кажется, что его интересы состоят лишь в том, чтобы помогать государю в его планах уничтожения общественной свободы; министры стремятся упрочить собственную власть в ущерб королю и нации; люди, которые руководят народом или считаются его представителями, становятся приверженцами различных политических группировок и под предлогом служения своей стране служат лишь страсти честолюбцев, добывающихся богатства, званий и власти. Слова об общественном благе в устах крамольников только средство для получения поддержки народа, используемое для того, чтобы с его помощью вырвать у государя все, чего они только желают.

§ VI. Причины гибели демократии

Каждый легко поймет, какие трудности и неудобства связаны с народной формой правления, которая, по-видимому, должна из-за безрассудства народа рассматриваться как наихудшая из всех. Достаточно сделать хотя бы самое краткое обозрение истории как древних, так и современных демократий, чтобы убедиться в том, что главными советниками народа в его действиях обычно являются неистовство и необузданная горячность. Наименее благоразумная и просвещенная часть нации повелевает людьми, опыт и знания которых могли бы дать им право руководить остальными, между тем как эти последние чаще всего не внушают народу доверия из-за своей заносчивости и деспотизма. Неразумный человек всегда завистлив. Завистливая и подозрительная толпа считает себя обязанной мстить всем гражданам, чьи заслуги, способности или богатства вызывают ее ненависть; зависть, а не добродетель является движущей силой в республиках; люди, оказавшие самые значительные услуги стране, подвергаются наказанию, их благие дела не признаются толпой неблагодарных, многочисленность и безнаказанность которой мешают ей испытывать чувство стыда за свои преступления. Народ, как и отдельный человек, становится дерзким и злонамеренным, когда он, не обладая ни знаниями, ни добродетелями, пользуется властью. Он пьянеет от честолюбия при виде своей силы, которую никогда не умеет применять с благоразумием и справедливостью, и вследствие этого отвергает своих истинных друзей, отдавая себя во власть вероломных людей, потворствующих его страстям. История столь превозносимых афинянок раскрывает перед нами лишь сложное сплетение безумств, несправедливостей, неблагодарности и притеснений; знакомясь с историей Афин, мы узнаем, как самые благородные и великодушные защитники этой недостойной республики были выпущены оправдываться перед нею за свою верную службу или покидать родину и жить в изгнании, чтобы избежать ярости черни, своеволие, а не свободу которой они укрепляли фактически.

Так при демократии даже сама добродетель превращается в преступление. Ослепленный народ беспрестанно становится жертвой обмана льстецов, которые используют вспышки его ярости для осуществления своих замыслов; пылкое воображение народа отдает его в руки крамольников, которые возбуждают в нем возмущение против всего, что препятствует удовлетворению их собственных страстей; безумие народа приводит к тому, что он становится добычей честолюбцев, которые душат народ его же собственными руками и в конце концов заставляют его в надежде покончить со своими несчастьями искать защиты в объятиях тирании; эта последняя завершает разрушение того, что пощадили анархия и своеволие.

Одним словом, повсюду, где власть принадлежит народу, государство таит в самом себе источник своего разрушения. Свобода перерождается в своеволие и уступает место анархии. Яростной и неистовой в несчастье, дерзкой и заносчивой во времена своего успеха, гордой своей властью, окруженной льстецами народной толпе совершенно чужда умеренность; она всегда готова допустить, чтобы на нее оказывали влияние все те, кто возьмет на себя труд ее обманывать; не сдерживаемая узами благопристойности, она без размышлений и без угрызений совести предается самым постыдным преступлениям и самым вопиющим эксцессам. Если большое число граждан, преследующих противоположные интересы, оспаривают друг у друга право на власть в стране, народ в таком случае делится на враждебные группировки; разгорается гражданская война: одни следуют за Марием, другие — за Суллой²; легко распространяющийся фанатизм охватывает все сердца, и под предлогом заботы об общественном благе безумцы разрывают родину на части, утверждая, будто это необходимо ради ее спасения. Так возникают гражданские войны, самые ужасные из всех войн, опустошающих землю. Во время таких войн отец поднимает руку на сына, брат — на брата, гражданин становится врагом другого гражданина; ничто не останавливает их ярости, поскольку религиозное суеверие освящает политические распри еще и благословением

неба; и тогда народ без всяких угрызений совести предается самым ужасным эксцессам, считая, что будет тем более приятен своим богачам, чем больше проявит безрассудства и жестокости.

§ VII. Причины разложения государств с аристократической формой правления

При аристократической форме правления небольшое число могущественных граждан очень быстро дает народу почувствовать свою власть, презирая его и постепенно подчиняя тирании. В аристократическом государстве каждый член правительства мнит себя королем. Мы видим, что многие государства с аристократической формой правления проводят ту же политику, что и самые недоверчивые тираны: им присуща та же подозрительность и те же кровавые законы, в них так же мало свободы для граждан. Тирания аристократии не менее мучительна для нации, чем тирания монарха, к тому же она даже более устойчива. Сословие почти никогда не меняет своих принципов; принципы деспота-монарха могут быть изменены либо им самим, либо его более умеренным наследником. При господстве же неограниченной аристократии правители, никогда не отступая от своих планов, веками осуществляют над народом тиранию. Если несколько правителей, более ловких или предприимчивых, чем другие, оспаривают право на власть, народные массы делятся на враждующие группировки и оплачивают кровью властолюбивые домогательства своих угнетателей.

§ VIII. Другие причины гибели государств

Но причины гибели наций кроются не в одной только форме правления. Подобно тому как даже самая здоровая нища, принятая в излишестве, приносит вред, явления, которые вначале были для нации самыми благотворными и спасительными, в конце концов превращаются для нее в яд. Таким же образом и свобода — этот единственный залог общественного благополучия — перерождается в гибельное своеволие, если

ее не сдерживают законы, предупреждающие злоупотребления ею. С другой стороны, чрезмерное уважение к законам и установлениям отцов также может стать очень опасным, когда происшедшие в государстве изменения сделали эти законы бесполезными или даже противоречащими его нынешним интересам. При других обстоятельствах пренебрежение этими законами ведет к рабству или распущенности, к анархии или тирании. В республике изменение какого-нибудь закона часто порождает революцию; при деспотизме не существует иных законов, кроме тех, которые диктуются нынешними интересами монарха или людей, правящих страной за монарха. Продолжительное спокойствие усыпляет нацию в довольстве и изнеженности, лишает ее возможности противопоставить силу проискам врагов. Слишком воинственный народ истребляет все, что должно было бы служить для поддержания его собственного существования, и кончает тем, что сам погибает от ударов, которые наносит другим. Нищая нация сетует на свою судьбу и завидует богатству соседей; слишком разбогатевшая нация обыкновенно употребляет во зло свои богатства, развращается и гибнет среди изобилия из-за роскоши, в которую ее вскоре ввергает чрезмерное обогащение.

§ IX. О роскоши

Таким образом, мы совершенно естественно подошли к вопросу о роскоши, являющейся предметом восхищения большинства моралистов и политиков, а также похвал и восторга некоторых других людей. Обширная торговля, не сдерживаемая мудрой политикой в разумных границах, рано или поздно приводит к роскоши. Рассмотрим теперь результаты злоупотреблений богатством, неизбежно связанные с избытком ценностей как у отдельных людей, так и в государствах.

Роскошь—это положение, возникающее в обществе, для которого стремление к обогащению превратилось в основную страсть. Как только деньги становятся единственным предметом желаний большинства членов общества, для них уже не может существовать более

могущественной движущей силы, чем жажда стяжательства. В этих условиях ничто не вызывает в людях большего энтузиазма, чем богатство, ничто не побуждает их к соревнованию сильнее, чем стремление найти пути самого быстрого обогащения, самого быстрого обеспечения себя денежными знаками — символами богатства, которые, по всеобщему убеждению, олицетворяют собою власть, доступность любых удовольствий и благополучие.

Нация, одурманенная подобными предрассудками, не довольствуется тем, что с помощью широко развитой торговли удовлетворяет свои действительные нужды; она постоянно измышляет мнимые и противоестественные потребности; пресыщение усыпляет ее; она испытывает необходимость в постоянных переменах; томление и скука — неумолимые палачи богатых людей — сопутствуют удовлетворенности желаний. Чтобы вывести богатых людей из этого состояния летаргии, предприимчивость вынуждена изобретать все новые виды чувственных восприятий; возможности получать удовольствия умножаются, ибо только новизна, необычайность, причудливость способны пробудить интерес существ, потерявших вкус к простым радостям. Все вокруг превращается в вымысел, в фикцию, во что-то ненастоящее; роскошь подобно волшебству порождает лишь призраки; больному воображению можно принести облегчение только с помощью искусственных средств. Жадность, стремление к приобретению богатств ради того, чтобы выставлять их напоказ и расточать, является весьма заразительной страстью; никто не рад тому, что имеет; все завидуют тому, чем обладают другие; никто не может быть действительно счастливым, потому что каждый хочет казаться счастливым. Самые существенные блага приносятся в жертву показной видимости; забота о развлечениях становится самым важным из занятий.

Отсюда столько легкомысленных трат, дорогостоящих удовольствий, причудливых вкусов, скоропреходящих мод, которые, как мы видим, то появляются, то исчезают в странах, где водворилась роскошь. Все здесь принуждено беспрестанно менять свой вид,

терять свои естественные свойства, приобретать извращенную, неестественную форму, чтобы нравиться людям, похожим на избалованных детей, каждую минуту требующих новых забав и считающих себя несчастными, будучи лишены игрушек, находящихся в руках у других. Украшения, меблировка, диковинки, цена которых определяется лишь их редкостью и необычностью, изысканные кушанья, настолько изощренные, что в них мало общего с естественными продуктами природы, слишком медлительной и неповоротливой для того, чтобы удовлетворять прихотливым вкусам,— все это множеству изнеженных людей вполне серьезно представляется важнейшей целью их деятельности, поскольку скука заставляет их искать в предметах роскоши средства внутреннего удовлетворения, которого они не находят в самих себе. Повсюду воздвигают здания, огромные размеры которых служат лишь для того, чтобы дать почувствовать владельцу его собственное убожество, ничтожность его существования и вызвать у других жестокую зависть либо разорительное соперничество. Огромные парки, пышные сады окружают эти бесполезные, хотя и величественные, здания; занятая ими земля могла бы стать полем земледельца, но, будучи ограждена стенами, она потеряна для государства. Все естественное, которым пренебрегают, повсюду вынуждено уступить дорогу искусственному, довольному тем, что оно одержало победу над природой: горы превращают в равнины, равнины — в горы; воды, изгнанные со своих мест, заставляют подниматься в воздух, чтобы радовать взоры пресыщенных людей, ставших бесчувственными к красотам природы и находящихся приятным лишь то, что лишено естественных свойств.

Конечно, для того чтобы удовлетворять все новые фантазии людей, необходимы богатства. Но как бы ни были велики эти богатства, нация никогда не сможет удовлетворить всех людей, которые стремятся ими воспользоваться. Поэтому правительство становится жадным ради удовлетворения жадности своих подданных, страсти которых оно может возбудить, только внушив им надежду на получение прибыли; и никаких

сокровищ государства не может хватить для всех тех ненасытных людей, которых оно должно заставить действовать в общих интересах. Государь лишен возможности наградить своих подданных, потому что все они стали ненасытными; он вынужден покупать людей, так как у охваченной страстью к богатству нации все является продажным: долг, добродетель, мужество.

Но как могут легкомысленные люди выполнять свой долг, когда у них нет ни малейшего представления о нем, когда их мысли заняты лишь развлечениями и всевозможными пустяками. Ведь они оказались бы смешными, если бы приняли к сердцу серьезные обязанности. Какие общественные добродетели можно обнаружить у существ, которые совершенно не заинтересованы в том, чтобы служить родине, которые безразличны ко всему, кроме удовольствий, и которым все, что отвлекает их от этих удовольствий, представляется непереносимой пыткой? Как внушить благородство, величие души и отвагу изнеженным и расслабленным людям, которые никогда не сочтут, что их труды оплачены в достаточной мере?

В странах, где господствует роскошь, война становится предметом постыдного торга. Поскольку золото превратилось в единственное мерило уважения и счастья, честь становится лишь пустой иллюзией и исчезает. Роскошь гораздо быстрее, чем разум, освобождает человека от предрассудков. Для него нет более ничего прочного, кроме денег, ничего реального, кроме богатства, ничего желанного, кроме удовольствий. Слепленный жаждой денег, гражданин становится расчетливым, он взвешивает все; он исходит в своих расчетах из того, что быть богатым — единственное реальное благо, а уважение, доброе имя, слава и честность лишь пустые слова. К тому же наиболее богатые люди очень скоро начинают повелевать всеми другими и становятся самыми почитаемыми. Создается положение, при котором каждый говорит себе: «Какое мне дело до того, что станется с государством, лишь бы только я был богат! Какое значение имеет для меня мнение людей, лишь бы мои дни проходили в наслаждениях! Почему я должен заботиться о судьбе моих детей?

Разве человек создан для того, чтобы проникать своим взором в грядущее? Надо жить для себя; не будем же отравлять свою жизнь печальями, которые ожидают нас в будущем». Так роскошь, лишив людей всякого стыда, делает их бесчувственными, жестокими и рвет самые священные для них узы, от которых зависит благополучие их домашнего очага.

§ X. Роскошь приносит вред населению

Роскошь ведет к сокращению народонаселения; она похищает у деревень множество земледельцев, которые предпочитают тяжкому труду в поле изнеженную жизнь богатых городов. Города, где царит роскошь, поглощают самый цвет подданных; потребность в удовольствиях сгоняет туда отовсюду праздных и томимых скукой людей. Богатый собственник, пресыщенный однообразной сельской жизнью и наскучившим ему одиночеством, покидает наследственное поместье своих отцов и отправляется в более оживленные общества искать развлечений, необходимых для его очерствевшей души. Его богатства следуют за ним. Вместо того чтобы оказывать помощь тем, чей труд является их источником, вместо того чтобы свободно обращаться среди земледельцев, эти богатства попадают в руки тунеядцев, прислужников, фальшивых друзей и падших женщин, порождая множество пороков и беспорядок. Все вновь и вновь возникающие надуманные потребности нередко препятствуют увеличению потомства богатого человека. Он знает, что неблагоразумная женщина увеличит его расходы, что многочисленная семья будет лишь мешать осуществлению его прихотей и фантазий. Слово «отец» пугает его. Всемогущие деньги без каких-либо неприятных последствий доставляют ему наслаждения, которые природа связала с продолжением рода; он обрекает себя на безбрачие и не желает давать жизнь существам, которые впоследствии могли бы уменьшить обеспеченность его собственной жизни.

Мореплавание и торговля, постоянно занятые вдали от родины поисками редких товаров, ставших необхо-

димыми для удовлетворения мнимых потребностей богачей, приводят к потере большого числа граждан, оторванных от труда на родной земле ради того, чтобы погибнуть в условиях сурового климата далеких стран. Таким образом, бесчисленное множество людей оказывается принесенным в жертву недостойным прихотям богачей, имевших глупость пресытиться изделиями собственной страны.

Сельское хозяйство оставлено на произвол судьбы, им занимаются лишь нищие земледельцы, которых к тому же с каждым днем все сильнее давит налогами алчное правительство; вследствие этого земледелие не может достигнуть процветания. Налоги приводят земледельцев в отчаяние, между тем как люди, которые благодаря своим богатствам могли бы поощрить сельских жителей к ревностному труду, которые должны были бы своими кредитами побудить их к полезным мероприятиям, которые своими благодеяниями могли бы помочь им вновь обрести утерянное мужество и выдержать обременительные для них поборы, пренебрегают тихой радостью, испытываемой теми, кто помогает бедным труженикам. Этим бездушным людям, занятым в городах лишь легкомысленными развлечениями, неизвестна нищета деревни; они думают только о том, как растратить полученные ими по наследству состояния на роскошную и праздную жизнь; они оставляют своим детям лишь невозделанные и перезаложенные земли.

Даже торговля, злоупотребления и излишества которой как раз и порождают роскошь, испытывает на себе последствия капризов своего избалованного ребенка, жадность которого она сама поддерживает. Люди пренебрегают всем, что производится отечественной промышленностью или даже их собственными фабриками, они ценят вещи лишь постольку, поскольку последние представляют собой редкость, которую трудно достать. Даже деньги — этот идол наций, предающихся роскоши, приносятся в жертву капризу, непостоянству, причудам: для удовлетворения прихотей их заставляют безвозвратно уплывать к народам далеких стран. Еще больший урон наносится торговле,

когда ненасытное правительство превращает ее в источник удовлетворения своей непомерной жадности. Страсть правительства к увеличению своих богатств приводит к росту налогов на продукты, изделия фабрик и предметы торговли; последняя не пользуется больше столь необходимой для нее свободой; ей беспрестанно чинят препятствия; и коммерсанты нередко вынуждены покидать страну, видя, что их торговля все равно скоро будет задущена постоянно возрастающими государственными сборами, предназначенными для удовлетворения желаний расточительного правительства, потребности которого растут с каждым днем.

Фабрики, количество которых из-за жадности людей превышает всякие допустимые границы, наносят ущерб сельскому хозяйству. Искусственные фабричные и ремесленные изделия порождают пренебрежение ко всему, что создается природой. Стремление к менее тяжелому труду побуждает земледельца покидать свое поле. А когда естественное непостоянство народов, преданных роскоши, делает некоторые фабрики ненужными или когда суровость правительства создает затруднения для их деятельности, рабочий отдает свои трудовые руки и свои способности другим нациям. Он никогда не согласится вернуться к земле, коль скоро он ее покинул.

§ XI. Роскошь приносит вред воинскому духу нации

Можно ли требовать воинских доблестей от народа, который ослаблен привычкой к изобилию, естественные чувства которого притуплены роскошью и единственной страстью которого являются деньги? Правда, воспитанный трудовой жизнью солдат может сражаться мужественно; воину приходится вести скромное существование, и роскошь создана не для него; самое большее, что ему доступно, это с грустью взирать на роскошь, которой пользуются его командиры. Но что могут дать сила и мужество солдат без способностей тех, кто ими руководит? Храбрость приносит лишь вред, если ее не сдерживает благоразумие и не направ-

вляет опыт. Но разве изнеженные с детства военачальники, пристрастившиеся к пустым городским развлечениям и расслабленные распутством, которому они начали предаваться еще в ранние годы, могут принести с собой на поле битвы или в лагерную жизнь ту воодушевляющую энергию, которая так необходима в условиях войны? Разве в общении с женщинами они могут научиться трудному военному ремеслу, для овладения которым нужны длительные упражнения и опыт? Разве могут присущие им с детства изнеженность и слабость сопротивляться усталости и трудностям? Приобретена ли ими та сила духа, которая позволяет человеку спокойно смотреть в глаза опасности? Обладают ли они умением быстро оценить обстановку и найти выход из непредвиденного положения?

Только одно побуждение может руководить людьми, посвятившими себя войне, — любовь к родине, стремление заслужить всеобщее уважение, страх перед позором — одним словом, чувство чести. Но в стране, где царит роскошь, тщеславие берет верх над жаждой славы; честь состоит здесь в обладании богатством; такое обладание прикрывает позор и, не требуя затрат какого-либо труда, приносит всеобщий почет, уважение, удовольствия и все те преимущества, которые в правильно организованном обществе доставляют только заслуги, способности и полезные дела. Чувство чести побуждает людей жертвовать жизнью, в то время как богатство привязывает их к жизни и требует, чтобы они ею наслаждались. Роскошь связывает человека множеством уз, которые делают его малодушным. Государство обречено на гибель, если оно больше всего ценит богатство и если деньги являются для его подданных единственной движущей силой, способной заставить их выполнять свой долг.

§ XII. Роскошь расслабляет тела и души

Во всякой стране, куда проникла роскошь, люди нуждаются друг в друге только для развлечений; женщины начинают играть в обществе большую роль;

желая нравиться очаровательному полу, созданному для того, чтобы доставлять наслаждение и украшать жизнь мужчин, эти последние вынуждены отказываться от присущей им твердости, приравниваться к слабостям женщин, разделять с ними их прихоти, удовольствия и взгляды. Мало-помалу государственные деятели, ученые и даже военные теряют привычку энергично мыслить и действовать; мужчинам приходится сдерживать и смягчать свои сильные страсти, приспособляя их к характеру обольщающих их опасных сирен. Любовь лишается порывистой пылкости и превращается в галантное ухаживание, ревность слабеет; все становится благопристойным, приличным, почтительным; боязнь отпугнуть женщин, потревожить эти хрупкие существа придает всем, кто с ними соприкасается, оттенок чрезмерной податливости и снисходительности. По мере того как возрастает роскошь, женщины приобретают все большее влияние в обществе и в конце концов начинают определять его вкусы. Постоянно находясь среди мужчин, женщины заимствуют у них порочные нравы, а их собственная слабость отдает их во власть беспорядочной жизни. Так в стране постепенно появляется все больше и больше легкомысленных женщин, задающих тон, и столь же легкомысленных мужчин, которые стремятся лишь к тому, чтобы нравиться женщинам.

§ XIII. Может ли роскошь приносить пользу?

Вероятно, некоторые политики будут утверждать, что просвещенное правительство сумеет извлечь пользу даже из роскоши и обратить любовь к ней на благо нации. Но как можно обратить на пользу государства застарелую болезнь, которая со всех сторон подтачивает его организм? Какую пользу можно извлечь из летаргии, лишаящей граждан возможности проявлять какую бы то ни было деятельность, из апатии, отнимающей у них всякую энергию? Какая страсть могла бы явиться противоядием страсти к богатству, ставшему единственным мерилем чести, удовольствий, благопо-

лучия? Тщетны были бы попытки обуздать с помощью направленных против роскоши законов устремления людей, для которых великолепие, тщеславие, соперничество друг с другом, изысканные и дорогостоящие наслаждения, иностранные товары стали насущно необходимыми; эти законы, которые всегда можно обойти или нарушить с помощью богатства, высокого положения или знатности, никогда не были бы проведены в жизнь; они сделали бы бесполезными руки, которые роскошь не умеет использовать. К тому же при господстве роскоши правительство не может обладать силой; государи, министры и придворные, будучи сами расслаблены роскошью, стали бы первыми нарушителями установленных ими законов. Разве могут привыкшие к рассеянному и праздному образу жизни, неспособные заниматься чем-либо серьезным люди, для которых развлечения являются единственной целью, а величие и тщеславие — единственно возможным величием, найти правильные средства против болезни, которой они сами поражены больше всех других? Тщетно льстили бы мы себя такой надеждой. В стране, зараженной роскошью, все, от монарха до самого последнего из подданных, в большей или меньшей степени страдают этой болезнью; все граждане терзаются жадой богатства, а их правители, сонные от пресыщения, могут быть выведены из дремотного состояния только разнообразными развлечениями, все возрастающим расточительством и удовольствиями, единственной прелестью которых нередко является их высокая стоимость.

Таким образом, законы против роскоши были бы бесполезны; они ни в коей мере не могли бы излечить умы людей от охватившей их эпидемии безумия. К тому же эти законы могут быть либо всеобщими, либо относящимися к отдельным сословиям. Если они всеобщие и строго соблюдаются всеми гражданами, то мастера, чье искусство становится бесполезным для родной страны, покидают ее и ставят свое мастерство на службу другим народам; в результате государство теряет и людей, и богатства, привлекаемые в страну из чужих земель их мастерством. Если эти законы являются

частными или созданы лишь для ограничения роскоши некоторых сословий, они устанавливают между сословиями различия, воспринимаемые особенно болезненно из-за того, что тщеславие становится важнейшим побуждением в стране, где воцарилась роскошь. С другой стороны, правительство, само пораженное тем же недугом, не обладает необходимой энергией для того, чтобы проводить в жизнь свои устремления и заставлять граждан подчиняться себе; тем самым оно становится сообщником нарушителей закона. Подобные затруднения свойственны монархиям еще более, чем республикам; неравенство между гражданами по их общественному положению, происхождению и влиятельности, личная благосклонность монарха и в особенности чары женщин — все это обезоруживает правительство, делает бесполезным его усилия, лишает строгости его меры. При господстве роскоши ни один закон не может иметь серьезного значения.

Ну, а если правительство решит обложить предметы роскоши налогами? Эти налоги нанесут ущерб фабричному производству, лишив предпринимателей всякой энергии. К тому же никто не согласится с тем, что его расходы чрезмерны; каждый считает, что при его положении совершенно необходимы самые бесполезные предметы, самая изысканная роскошь. Вельможа полагает, что не может обойтись без тридцати лакеев и что благопристойность не позволяет ему сократить количество экипажей и лошадей, которыми он владеет. Человек из народа утверждает то же самое относительно своих нарядов и прихотей; он сетует на налоги, которыми облагают объекты его так называемых потребностей, привыкнув считать всякие мелочи необходимыми для своего счастья.

Таким образом, люди, управляющие государством, либо сами находятся в числе виновников бедствий, приносимых ему роскошью, либо не способны применить средства для борьбы с ней. Тем не менее для излечения от роскоши нациям рекомендуют обращаться именно к ним — горе-лекарям, виновным в возникновении и распространении этой болезни. Неужели можно требовать от легкомысленных государственных деятелей,

которым знакома лишь видимость величия, чтобы они задумывались о благосостоянии государства и обращались за советом к разуму? Неужели можно надеяться, что поверхностные и несерьезные люди, окруженные лишь легкомысленными женщинами, льстецами, тунеядцами и мошенниками, станут, не жалея труда, изыскивать средства для облегчения зла, которым они сами дорожат как благом.

§ XIV. Роскошь уничтожает нравственность

Тщетно было бы пытаться найти моральные устои или добродетели у нации, которая заражена страстью к роскоши; тщетно было бы ожидать справедливости, добрых дел и сострадания от толпы людей, жадных к богатству, которого им никогда не бывает достаточно; у каждого из них так много потребностей, что он не может оказать помощь попавшему в беду родственнику или другу, не принося тем самым болезненной жертвы. Так роскошь отдаляет человека от других людей, лишает его доброжелательности, которую он обязан проявлять к ним, мешает гражданам оказывать взаимные благодеяния и обоюдную помощь, столь необходимые в общественной жизни. Черствая душа богача не способна к сочувствию другим людям. Вопль несчастья не достигнет слуха того, кто находится среди изобилия и в сумятице наслаждений. Даже самому богатому человеку всегда не хватает средств, чтобы найти способы разогнать свою скуку. Все, что он отдает другим, кажется ему оторванным от собственных развлечений. Расточительный, ведущий легкомысленную жизнь отец пренебрегает воспитанием своих детей; если же он и заботится о них, то лишь для того, чтобы с молодых лет обучить сыновей искусству нравиться женщинам и по его примеру не упускать ни одного удовольствия. Дети обыкновенно бывают не способны отказаться от наклонностей, ставших для них привычными, между тем как смерть безрассудного отца чаще всего ввергает их в нищету, переносить которую они совершенно не подготовлены. Браки, единственным связующим звеном которых является расчет, соединяют

одинаково своенравных и безрассудных супругов; чтобы утешить себя в печалях, вызванных столь неудачным союзом Гименея³, оба бывают вынуждены увеличивать свои расходы и искать в другом месте наслаждений, которых не находят у себя дома. Это приводит к нарушению жизни общества; распущенность, проституция, адюльтер выступают с поднятой головой и совершенно не страшатся ни общественного осуждения, ни законов. Разве могут вельможи, развращенные более всех других граждан, остановить всеобщее разложение? Наоборот, они узаконивают эту распущенность собственным примером, они ее поощряют и награждают. Законы бессильны оказать помощь обществу, руководители которого, как правило, являются его подлинными растлителями; они способствуют уничтожению благопристойности, стыдливости, прямоты, справедливости; они награждают порок, который им нравится, и превращают добрые нравы в посмешище, в нечто достойное презрения.

Что станет с нравами граждан, если им будут подавать такой пример? Смогут ли порочные родители воспитать добродетельных детей? У людей, которых страсть к удовольствиям и погоня за наслаждениями изолировали от всех остальных, у людей, которым страх перед скукой и их искусственные потребности никогда не оставляют излишков, нет ни кровных уз, ни дружественных связей, ни человечности по отношению к окружающим. Нации, являющейся жертвой роскоши, все добродетели кажутся чуждыми и неуместными: честность представляется ей лишь надувательством, восторг перед славой — безумием, воздержанность — слабостью, любовь к свободе — пустой мечтой, чувство долга и верность обязательствам — признаками глупости. Роскошь оправдывает все, что служит богатству и легкомыслию; порок кажется ей приятным, если он забавен; она снисходительна даже к преступлению, лишь бы оно приносило удовольствие.

Роскошь, основанная на необузданной страсти к богатству, передается от человека к человеку и в конце концов совращает все сословия государства; она заглушает повсюду уважение к честности и добросовестности,

порождает обман и мошенничество, ставит деньги выше чести. Иметь долги становится признаком благородства; обмануть своих кредиторов, сплутовать с целью присвоить себе чужое добро, одолжить, не собираясь возратить долг, довести трудолюбивых граждан до нищеты, чтобы блистать за их счет, — таковы допускаемые обычаем подлости, не приносящие людям бесчестья в тех странах, из которых роскошь изгнала всякое чувство совести. И такому положению не приходится удивляться, ибо эти преступления облагорожены примером монархов, которые, не краснея, нарушают свои самые торжественные обязательства. Граждане некоторых государств иногда бывают разорены в наказание за доверие к священному слову своих государей, которых стремление к роскоши и преступное расточительство часто принуждают выступать в роли мошенников.

Все подвержено разложению при господстве несправедливых и жадных владык. При дворе, зараженном пороком, благосклонность людей, стоящих у власти, покупается за деньги; деньги решают вопрос о званиях в армии; деньги заменяют для церкви знания и нравственность. Добросовестность изгоняется из торговли, доброкачественность и прочность перестают быть свойствами производимых в стране товаров, истинные достоинства уступают место обманчивой видимости. Каждый стремится к быстрому и легкому обогащению; все желают обладать богатствами для удовлетворения потребностей, умножаемых честолюбием и преувеличиваемых воображением. Ремесленник и рабочий заставляют богачей дорого оплачивать осуществление их бесконечных фантазий; даже лакей думает лишь о том, как поймать врасплох или ограбить хозяина, которому он служит без всякого старания.

§ XV. Влияние роскоши на духовные способности людей и искусство

Наука, литература, искусство, как и все остальное, подвержены заразительному влиянию, которое оказывает роскошь на все, что с ней соприкасается. Ученый

или литератор утрачивает присущее таланту бескорыстное вдохновение; он привыкает рассчитывать, ищет легкого обогащения и пренебрегает исследованием трудных проблем; довольствуясь видимостью научных знаний, он покидает свой кабинет и проводит время в кругу легкомысленных людей, способных скорее погасить его гений, чем придать ему большую силу.

Поборников роскоши, по-видимому, больше всего умиляют те достижения, к которым она приводит в некоторых областях искусства. Действительно, нельзя отрицать, что роскошь вызывает сильнейшее соперничество между художниками разных направлений, которые в погоне за наживой стремятся превзойти друг друга. Но нация может обладать множеством художников, ваятелей, прославленных мастеров, не становясь от этого более счастливой. Честолюбие деспота может дать очень сильный толчок развитию искусства, не принеся этим никакой пользы народу; напротив, этот народ, часто и без того истощенный, вынужден разоряться все больше и больше, чтобы дать тирану возможность удовлетворять свои вкусы. При недостойном правительстве лучшие произведения искусства служат лишь для украшения саркофага нации.

С другой стороны, роскошь уничтожает умение видеть прекрасное в природе; чтобы угодить изысканному вкусу и потребности в роскоши, люди искусства отвергают простоту, истину и силу; они боятся испугать малодушных; они применяются к причудливым капризам богатых людей; их произведения приобретают характер изнеженности, утонченности, слабости, чтобы подделаться под общий тон. Стремление разбогатеть и добиться успеха приводит к тому, что одаренный человек оскопляет свои произведения, лишая их подлинной красоты; он стыдливо отступает перед господствующей безвкусицей и распространенным бессилием; полезные и важные для общества знания повсюду уступают дорогу угодливым талантам, которые нравятся публике; такого рода талантам всегда оказывается предпочтение в странах, где царит легкомыслие и где люди стремятся лишь к развлечениям.

XVI. Роскошь является злом, которое трудно искоренить

Отсюда видно, что роскошь, с какой бы точки зрения ее ни рассматривать, всегда оказывается роковой для народов. Она является провозвестницей гибели наций. Едва ли могут существовать средства для освобождения от зла, поддерживаемого теми людьми, которые должны его искоренять. А что произойдет, если к этим бедствиям присоединится еще безрассудная или тираническая система управления? В таком случае никакое человеческое могущество не сможет восстановить силы нации. Роскошь настолько распространенная, сложная и укоренившаяся хроническая болезнь, что ее лечение требует ухода и забот, на которые совершенно не способно небрежно относящееся к своим обязанностям и порочное правительство. Когда эта болезнь проникает в уже ослабленный неблагоприятным управлением политический организм, распространение ее идет очень быстро, несмотря ни на какие применяющиеся против нее средства. Роскошь усыпляет государей в гораздо большей степени, чем их подданных; государи во всем полагаются на богатство и льстят себя тщетной надеждой, что деньги восстановят порядок в их владениях. Деньги представляют собой лишь одно из орудий власти; обеспечивая правителей рабочими руками, армиями, кораблями, они не создают, однако, патриотического духа, гения, талантов, добродетелей, которые единственно способны поддержать или возвысить империю.

Тщетно было бы стремление облегчить бедствия, порожденные роскошью; тщетны были бы попытки политики пробудить страсти, противостоящие страсти к деньгам; нет такой страсти, которая могла бы ее уравновесить. Привычка к заполненной удовольствиями бездеятельной жизни навсегда удерживает в своей власти тех, кто однажды ей подчинился; уничтожить вкус к такой жизни крайне трудно; необходимо, чтобы целое поколение согласилось страдать, а затем было бы заменено новыми людьми, не зараженными болезнью своих отцов. Не следует обольщаться на этот счет; если рос-

кошь проникла в какое-либо государство, она делает безрассудными и несчастными всех его подданных, так как в своих необузданных желаниях они не знают границ. Ну, а если захотят изгнать роскошь? Отказ от удовольствий покажется людям невыносимым; тысячи голосов протеста поднимутся против реформы, которой страшатся. Никто не согласится отвергнуть пустые мечты, ставшие необходимыми под влиянием привычки, общественного мнения и примера. Печальные события могут сокрушить государство и привести его на край бездны. Временное угнетение может на некоторый срок лишит свободолюбивую нацию ее свободы; если она еще не потеряла мужество и не утратила добродетель, она может снова подняться; но, будучи пленена роскошью, она становится совершенно инертной, и ничто не может вновь пробудить ее к деятельной жизни.

Гораздо легче заново создать нацию, чем ее исправить. Законодатель, который устанавливает законы для дикого и неопытного народа, имеет много преимуществ перед тем, кто устанавливает их для народа развращенного. Первый имеет дело с чистым, не затуманенным предвзятыми идеями сознанием людей, подобных детям (т. е. с тем, что Локк назвал *tabula rasa*⁴), второй — с сознанием уже сложившимся. Первый силой или убеждением воздействует на непредубежденных людей, готовых принять те правила, которые он желает им предписать; второй вынужден вести борьбу против множества убеждений, законов, обычаев, предрассудков, привычек, капризов, с которыми люди издавна свыклись; какова бы ни была сила гения законодателя, ему трудно решиться выступать против всех заблуждений сразу; к тому же он сам рискует стать первой жертвой тех заблуждений, против которых должен вести борьбу.

Платон отказался устанавливать законы для жителей Кирены, поскольку считал, что они слишком привязаны к своим богатствам, и не допускал, чтобы такой богатый народ мог подчиниться законам. Никакая страсть не может вытеснить страсть к деньгам, которая одна в состоянии удовлетворить все другие страсти. Следовательно, защитники роскоши напрасно утвер-

ждают, будто благоразумие правительства могло бы обратить ее на благо государства. Они исходят, по-видимому, из примера некоторых свободных стран, более мудрое управление которыми препятствует тому, чтобы болезнь произвела в них столь же значительные и быстрые разрушения, как и в странах, где власть ничем не ограничена. Несомненно, заботливое и просвещенное правительство может в течение некоторого времени защищать нацию от губительного влияния роскоши; но как может оно излечить эту болезнь, предоставляя ей возможность распространяться, поддерживая ее и считая ее необходимой для достижения своих целей? В республике или свободной стране последствия роскоши сказываются меньше, потому что в условиях свободы собственность граждан распределяется более равномерно; здесь каждый проводит свою жизнь в труде и менее занят порождаемыми тщеславием мнимыми потребностями; при монархическом же правительстве эти потребности становятся из мнимых реальными, поскольку деспотизм, всегда исполненный тщеславия и окруженный великолепием, заражает своими пороками глухих или легкомысленных подданных.

§ XVII. Роскошь неотделима от деспотической монархии

Обратившись к истокам рассматриваемых нами явлений, мы убедимся в том, что деспотизм оказывается истинной причиной возникновения роскоши и что он вместе с ней повинен во всех бедствиях, приписываемых ею обществу. Деспот всегда тщеславен; он не знает иного величия, кроме пустой пышности, ослепительного блеска и мишуры, рассчитанной на внешний эффект; он отравляет свой двор теми же пороками, жертвой которых является сам. Стремление блистать и ослеплять своим великолепием всегда было и будет болезненной страстью тех, кто имеет право приближаться к земным божествам. Лишенные талантов и добродетелей, неспособные совершать добрые дела, государи и вельможи решали заменить реальное величие искусственным. Граждане же, насколько это было

возможным, старались уподобиться занимающим высокое положение людям, от которых зависела их судьба. Тщеславие — вот страсть королевских дворов и наций, подчиненных правлению одного человека. В республиках и свободных странах роскошь встречается реже, чем в странах, пребывающих в рабском подчинении; но, проникая в свободную страну, страсть к роскоши очень скоро поработает всю нацию, и на народ надевает ярмо любой авантюрист, способный удовлетворить множество порождаемых роскошью желаний.

§ XVIII. О средствах ограничения роскоши

Нет ничего более нелепого, чем средства против роскоши, применяемые правителями наций, предающихся этому пороку; нет ничего более противоречивого и смешного, чем их усилия выбраться из бедности, преследующей этих людей даже в условиях полного изобилия. Экономия всегда представляется им самым неподходящим средством для облегчения бедствий. Она несовместима с властью, не руководствующейся в своих действиях другими побудительными мотивами, кроме денег, и думающей лишь о том, как удовлетворить свою жадность. Расходы такой власти все время увеличиваются, так как в государстве слишком много людей, заинтересованных в сохранении их высокого уровня. Быть может, правительство подумает о том, чтобы возродить сельское хозяйство? Но жестокие налоги, гнет, пренебрежение нуждами земледельца уже опустошили деревню и лишили последнего мужества ее тружеников. Быть может, следует оживить в стране торговлю? Но торговля, опутанная цепями алчных откупщиков налогов, не в состоянии свободно развернуть свою деятельность.

Роскошь и деспотизм, одинаково жадные и безрассудные, действуют с равной жестокостью, потому что единственным мерилom их потребностей являются прихоти и фантазии власть имущих. Роскошь и деспотизм хотят достигнуть своих целей, не прилагая ни труда, ни усилий; они хотят собирать жатву, не посеяв; они стремятся извлечь богатства даже из бедности народа;

они требуют новых налогов от тех, кто и без того задавлен всевозможными поборами; они требуют мужества от народа, который сами же лишили сил; они хотят излечить болезни, не уничтожая порождающих их причин; они никогда не соглашаются ограничить свои прихоти и уменьшить свои расходы, так как их мнимые потребности растут с каждым днем, в конце концов переходя всякие границы. Из того факта, что до сих пор народ удовлетворял их прихоти, утопающие в роскоши деспоты заключают, что они смогут удовлетворять эти прихоти всегда.

§ XIX. Роскошь явилась причиной гибели всех государств древности

Исправление нравов какой-либо нации необходимо начать с изменения целей и убеждений тех, кто ею управляет. Чтобы изгнать роскошь из государства, необходимо сначала изгнать ее из королевского двора, который всегда задает тон всем остальным гражданам. Чтобы облегчить бедствия, вызываемые роскошью, необходимо ввести разумную экономию. Лишь очень редко встречающееся правильное сочетание всех этих мер может привести к возрождению политического организма, к его обновлению сверху донизу.

Ничто не встречается так редко, как справедливые и просвещенные государи, чуткие к общественным нуждам, благоприятствующие добрым нравам и простоте человеческих отношений. Легкомыслие и тщеславие королевских дворов всегда противостоят общественному благу; порочные граждане вовсе не склонны совершенствовать свои нравы; государи обыкновенно считают для себя бесчестьем, если им приходится хоть сколько-нибудь умерить пышность своего двора и ограничить свое расточительство. Только могучий голос необходимости способен вывести их из беспечной дремоты; но чаще всего окончательный распад государства заставляет королей и народы увидеть опасность лишь тогда, когда уже слишком поздно принимать меры, чтобы ее избежать.

Поэтому не приходится удивляться, что история дает нам примеры того, как самые цветущие нации одна за другой гибнут из-за роскоши. Никакими лекарствами нельзя вылечить больных, которые дорожат своими болезнями; только шарлатаны могут пытаться лечить посредством паллиативных мер застарелые язвы, которые можно вытравить лишь огнем и железом. Самая безболезненная операция вызывает тревогу у людей, чья слишком тонкая чувствительность восстает против малейшей боли. Итак, нации гибнут, но это совершенно не помогает другим нациям освободиться от своих заблуждений; восторженная привязанность к богатству охватывает их друг за другом; при этом порок, коррупция и легкомыслие обыкновенно подавляют в них даже ощущение их собственных бедствий. Гордая Спарта после продолжительного сопротивления войскам персов не устояла перед их золотом⁵. Агис погиб, когда попытался преобразовать ее⁶. Роскошь иссушила ростки добродетели, семена которых были заложены суровым Ликургом. Рим — владыка наций — одряхлел под тяжестью накопленных им богатств и расстался с роскошью лишь вместе со своей мировой империей.

Так из-за упорного невежества народов и тех, кто ими управляет, нации идут к гибели. Бедные нации трудятся ради своего обогащения; им удается достичь его посредством завоеваний или торговли, и некоторое время они занимают в великом мировом обществе положение, вызывающее зависть всех других наций; они распространяют вокруг себя временный блеск, который ослепляет всех на несколько мгновений; они пользуются властью, внушающей к себе уважение; но в конце концов их богатство и величие приводят их к унижению и бедствиям: избыток их оьяняет, порок развращает, а роскошь усыпляет; за сном же, навеваемым ею, следует глубокая летаргия, влекущая за собой смерть. Нацию следует считать мертвой, если она перестала проявлять свойственную ей активность, если вся ее деятельность затруднена из-за отсутствия свободы, если, поработанная деспотизмом, она чахнет от невозможности применить свою энергию, если порок

растлил ее изнутри и у нее нет больше добродетелей, необходимых для поддержания ее сил*.

В основе правильной политики должна лежать истинная мораль, ибо политика никогда не может отделить себя от морали. Только добродетельные и мудрые государи способны основать великие и процветающие нации, счастье которых будет долговечным. Монархи, лишённые добродетелей и знаний, могут царствовать только над грубыми и развращенными народами, низко стоящими в моральном отношении и не играющими никакой значительной роли. Непрочная власть таких монархов, их эфемерное величие не могут просуществовать долго. Одним словом, в силу неизменного закона природы на земле нет такого порока, который не заключал бы в себе своего собственного наказания.

§ XX. О преобразовании государств

Нет ничего более бесполезного и обескураживающего, чем выявление перед людьми печальной картины их бедствий без указания средств для того, чтобы избавиться от них. Но какие средства можно противопоставить бедствиям, источником которых является сам королевский трон? Как воспрепятствовать распространяющемуся подобно эпидемии влиянию зачумленных королевских дворов, дыхание которых отравляет нации? Какая сила может подчинить разуму эту неотразимую, поработщающую общество силу? Совершить это чудо способна только истина; она одна обладает могуществом, достаточным для сокрушения преград, воздвигаемых ложью, клеветой, тиранией и предубеждениями на пути к общественному благополучию. Правление многих государей нередко оказывается столь жестоким лишь потому, что этим государям неизвестна истина. Они ненавидят истину только потому, что не понимают ее неограниченных преимуществ. Они преследуют истину потому, что считают, будто она противоречит их интересам.

* *Ubi non est pudor nec cura juris, sanctitas, pietas, fides instabile regnum est. Senec. in Thyeste*⁷.

Но каковы подлинные интересы государства? Разве они не состоят в том, чтобы заслужить уважение, любовь и поддержку народов, сделав их искренне привязанными к своим повелителям и готовыми всем жертвовать для них? А что является лучшим, чем добродетель, средством возбудить эти чувства в сердцах граждан? Разве достойный король, защищенный любовью всего народа, не будет в большей безопасности среди своих подданных, чем недоверчивый и мучимый подозрениями тиран, окруженный вооруженными охранниками, которые должны ежеминутно напоминать ему об опасности? Существует ли подлинное благополучие для деспота, который сделал себя пленником банды наемников, предназначенных защищать его от недовольства народа, врагом которого он сам себя сделал?

Разве утомительное и пустое величие, отказаться от которого большинство государей считает для себя унижительным, не становится в конце концов причиной всех их бед? Долго ли сохраняет для них свое очарование надменный этикет, который, возвеличивая их до положения божества, навсегда лишает их любви граждан? Какое удовольствие доставляют в конечном итоге государям однообразные развлечения, бесполезные траты, великолепие и пышность, которые, не принося им радости, лишь ввергают народы в нищету?

§ XXI. Результаты воспитания государей

Пусть же правильное воспитание поможет разобраться тому, кого нация призвала занять трон, в чем состоит действительное величие, подлинная слава и безопасность короля; пусть в его сердце благодаря образованию тщеславная привязанность к бессмысленному великолепию уступит место прямоте, духу порядка, вкусу к простоте, знанию своих обязанностей, нерушимой привязанности к справедливости, глубокому уважению к законам, свободе и правам граждан, могучей любви к общественному благу, нежной заботе о благосостоянии и счастье народа, благородному стремлению заслужить одобрение нации, страху перед тем,

как бы не навлечь на себя ее ненависть, великой любви к миру, строгому выполнению взятых на себя обязательств. Воспитанный в духе таких принципов государь может надеяться, что ему удастся вскоре преобразовать государство. Достойный государь имеет неограниченную возможность влиять на умы своих подданных.

Люди всегда покорны воле тех, от кого зависит их благополучие; они становятся мятежными и порочными только из-за пренебрежения обязанностями, из-за несправедливости и злонамеренности своих правительств. Добродетельный государь, освободившись от заблуждений и осознав призрачность тщеславных мечтаний, вскоре окружает себя лишь такими государственными деятелями, которые будут готовы осуществлять его честные планы и намерения. Если бы добродетель вознаграждалась благосклонностью и почестями, она не была бы столь редкой среди придворных. Сердца подданных — в руках королей; короли могут сделать эти сердца порочными или разумными, влюбленными в показную пышность или исполненными простоты, жадными или щедрыми, дружественными или враждебными общественному благу, подлыми или подлинно благородными. Наказанья и награды, немилость или благосклонность, презрение или уважение государя могут быстро изменить лицо его двора; устранение же ложных убеждений великих мира сего не замедлит сказаться на гражданах, спешащих подражать как добродетелям, так и порокам тех, кого судьба поставила выше их.

§ XXII. Об образовании и воспитании граждан

Если правильное воспитание государя способно произвести столь благодатные изменения при его дворе, насколько благоприятно для общества было бы разумное направленное воспитание всех граждан! Люди обнаруживают так много злонамеренности и выступают в качестве столь плохих членов общества лишь потому, что правители пренебрегают их воспитанием, препятствуют их образованию, стремятся разобщить и развратить их. Воспитание гражданина повсюду доверено

лицам, интересы которых совершенно оторваны от интересов общества, людям без родины, деспотам, заботящимся лишь о том, как вернее задавить разум тяжестью своей власти, тиранам, воображающим себя представителями божества, к которому они внушают людям низкий и раболепный страх. Такие учителя воспитывают в народах лишь рабский дух, внушая им привычку без рассуждений подчиняться руководству и гибельное безразличие к тем предметам, которые больше всего должны были бы их интересовать. Уроки этих учителей не прививают людям понятий ни о свободе, ни о любви к общественному благу, ни о стремлении заслужить уважение сограждан, ни о деятельности, необходимой для общественной жизни. Они культивируют в людях приниженность и сознание собственной неполноценности, никогда не указывая ни истинных причин этих чувств, ни средств борьбы с ними. Они ввергают человека в отчаяние, делают его необщительным, лишают энергии. Если же они и развивают в человеке своего рода духовную активность, то лишь одурманивая его фанатическим усердием, очень опасным для общества и нередко гибельным для самих государей, которые считают себя заинтересованными в ослеплении народов.

Правильной политике совершенно чужды принципы и интересы тиранов; в деле управления она руководствуется разумом, законами и очевидными интересами общества. Такая политика не нуждается в обмане как средстве подчинять людей; она направлена на то, чтобы заставить людей понять свои действительные интересы, внушить им любовь к родине, которая не может существовать без свободы, показать им пользу объединения, сделать их смелыми, образованными, искусными, трудолюбивыми и общительными. Ее цель — преподавать людям истинные добродетели, без которых общественная жизнь была бы для них бесполезной и неприятной; ее цель — научить людей считать священными узы, которые связывают их между собой как подданных, супругов, отцов и детей, друзей и членов общества; ее цель — просветить людей, воспитать в них благородные чувства, привить им понятие о значении

общественного уважения и страстное желание заслужить его. Такой политике чуждо стремление повелевать униженными рабами, которых, как известно, никогда нельзя превратить в граждан. Один из писателей древности сказал, что раб не является гражданином и потому для него не существует родины.

Сблизить людей между собой, сделать их действительно общественными существами, внушить им добродетель и тем самым сделать их счастливыми — вот та нравственная задача, выполнение которой должно лечь в основу политики. Не зная этого столь ясного принципа, люди живут в обществе, как в тюрьме, делая друг другу жизнь невыносимой из-за своих плохих нравов. Подлинная нравственность находится в постоянном противоречии либо с их религиозными воззрениями, либо с неправильно понятыми принципами и интересами тех, кто ими управляет, либо с обычаями, предрассудками и ложными воззрениями, которые каждое поколение находит уже установившимися и опирающимися на поддержку властей.

Тщетно было бы убеждать людей быть справедливыми, умеренными, миролюбивыми и делать лишь добро, в то время как их правительства будут повседневно давать им примеры насилия, жестокости, захватов, подлогов и завоеваний. Тщетно было бы осуждать порок, роскошь и тщеславие, в то время как в глазах всего народа разврат, излишества, жадность и расточительство олицетворяются в его повелителях, в знати, которая их окружает, в богачах, которые задают тон всему обществу, и даже в священнослужителях, которые утверждают, будто им принадлежит право направлять общественные нравы. Тщетно было бы стремиться с помощью законов, нередко жестоких и варварских, искоренить преступления, которые порождаются преступными правительствами с такой быстротой и в таком изобилии, что последние не в состоянии успеть их покарать. Разве не забвение государями своих обязанностей и не их чрезмерная жестокость породили нищету, лень, испорченность стольких несчастных, для которых единственным источником существования стали грабеж и убийства? И наконец, как может религия

с ее угрозами наказания на небесах влиять на сердца тех, кого здесь, в этом мире, все побуждает творить зло?

§ XXIII. **Общественная власть должна содействовать моральному воспитанию граждан**

Воспитание и нравы могут быть хорошими только при хорошем правительстве; истинная мораль бесполезна для народа, подчиненного тирании; она может быть действительной лишь тогда, когда ей благоприятствуют власти, когда ее подкрепляет закон, когда в ее пользу свидетельствуют многочисленные примеры и, наконец, когда высоконравственные поступки получают поощрение в виде наград и уважения. Всякая подлинная мораль явилась бы оскорбительной сатирой по отношению к несправедливому и деспотическому правительству, неизбежным результатом действий которого бывает уничтожение всякой добродетели.

Для того чтобы сделать людей справедливыми, умеренными и общительными, необходима справедливая система правления. Но как установить такую систему? Для этого следует обуздать неблагоразумные страсти всех людей, ослепление которых может побудить их делать зло. Ведь всем людям свойственна слабость; и редко бывает так, чтобы тот, кто повелевает другими, обладал достаточной силой, чтобы повелевать самим собой; к тому же на смену справедливейшему государю нередко приходит самый несправедливый и бездарный тиран, который в одно мгновение может уничтожить и добрые нравы, и благополучие народа.

Поэтому счастье наций не должно опираться на одни лишь склонности и настроения столь изменчивого существа, как человек. Счастье народов следует основывать на всегда неизменной справедливости, на природе общества, на его правах, которые ничто не может ослабить, на его постоянно целеустремленной воле, на его силе, всегда грозной, если она едина. Пусть эта сила, заключенная в гражданах, движимых общим интересом, станет непреодолимой преградой для любого, кто осмелится посягнуть на общую волю. Пусть

все классы общества, вместо того чтобы противостоять друг другу в борьбе за иллюзорные и достойные презрения особые права, сообща выступают против несправедливой власти и принудят ее придерживаться естественных границ. Пусть каждый член общественного союза, в том числе и его глава, зависит от общества и не присваивает себе права подчинять его своим капризам; пусть во всех тех случаях, когда его требования справедливы, он находит послушных подданных во всех сословиях государства; пусть воля граждан служит ему непреодолимой преградой, когда он желает того, что противоречит справедливости. Тогда, для того чтобы сдержать любую власть, которая попытается нанести вред интересам общества, окажется совершенно достаточно направляемой разумом общей воли граждан и не будет необходимости в революции, борьбе страстей и волнениях.

Есть ли необходимость в чем-нибудь ином, чем разум, для того чтобы столь удачно объединить устремления всех граждан? Разве не разум заставляет всех граждан осознать общность их интересов и почувствовать необходимость быть свободными, находиться под защитой закона, жить в безопасности, никогда не зависеть от страстей и прихотей? Разве не лучше пользоваться личной свободой и правом собственности, надежно гарантированными всем обществом, чем ненадежными привилегиями, ничего не значащими званиями и орденами, разорительной роскошью и прочими приманками тщеславия, которые деспотизм всегда использует для того, чтобы соблазнять неблагоразумных граждан, разделять их и подчинять одних из них другим. Разве самое поверхностное размышление не должно было бы убедить знатных вельмож, столь ревниво охраняющих свои бессмысленные отличия и привилегии, что для рабов не существует ни величия, ни благородства; что только свобода облагораживает человека; что покровительство закона — это нечто более устойчивое, чем покровительство, которое может оказать непостоянный повелитель; что надежно обеспеченную безопасность не следует приносить в жертву забавам, пустым развлечениям и мнимым отличиям,

которыми пользуется тирания для того, чтобы разделить подданных.

Дворяне! Вам лишь тогда будет свойственно истинное величие, когда, став справедливыми и добродетельными, вы не будете знать иных повелителей, кроме законов справедливости. Вошны! Вам будет свойственна подлинная честь лишь тогда, когда своим мужеством в деле защиты общественного благополучия вы заслужите уважение сограждан. Богатые граждане! Безопасность наших владений будет обеспечена лишь тогда, когда ее гарантией станут законы, которые деспотизм не сможет нарушить. И наконец, монархи! Каждый из вас только тогда укрепит положение своего трона, когда его авторитет будет опираться на добродетель, справедливость, беспристрастные законы и любовь его подданных, объединившихся, чтобы подчиняться ему и его защищать. Природа и разум взывают к вам и твердят, что вы не должны отделять ваши интересы от интересов народа, если не хотите подвергать себя опасности. Все убеждает вас в том, что в ваших собственных интересах вам необходимо позаботиться о собственном образовании и о просвещении подданных, отказаться от роскоши и неизбежно сопутствующего ей беспорядка и царствовать над разумными гражданами, без которых никакое государство не может существовать продолжительное время.

К таким простым и наглядным истинам сводится вся политическая наука. Только из-за незнания этих истин государи и народы были почти повсюду развращены, вели себя беспокойно и чувствовали себя несчастными. Только проводя в жизнь эти очевидные истины, государства смогут создать для будущих поколений образец процветающего, избавленного от смут, междоусобиц, войн и кровопролитий общества, благополучие которого будет покоиться на прочной основе разума и справедливости.

Пусть же перестанут относить к пустым мечтам улучшение участи людей, пусть не считают неосуществимым прекращение злоупотреблений. Если до сих пор многие правительства не достигли вполне доступной им всем степени совершенства, это следует отнести за

счет невежества, неопытности, недостаточного духовного развития государей и народов. Разум — это лишь приобретенное опытом знание того, что приносит пользу людям и что вредит их счастью и их интересам. Если люди — разумные существа, они созданы для того, чтобы познать свои интересы; если человеческая природа постоянно заставляет их стремиться к счастью, они в конце концов обретут его; если это счастье не может быть вечным, то, когда оно будет прочно установлено, люди по крайней мере смогут наслаждаться им в течение продолжительного времени.

§ XXIV. Государь — подлинный преобразователь государства

Достойный гражданин должен стряхнуть с себя равнодушие, мешающее ему искать средства, необходимые для того, чтобы положить конец его страданиям. Пусть ему не кажется безнадежной возможность улучшить свой удел. Пусть он ищет истину и открывает ее другим; хотя результаты ее воздействия дают себя знать очень медленно, она рано или поздно пробудит государей и народы от парализовавшей их летаргии. Тогда государи будут краснеть за гибельную политику, которая обеспечивает им лишь беспокойную над рабами, всегда готовыми порвать свои цепи. Разве государь в одно и то же время не обеспечил бы себе самую громкую славу и не удовлетворил бы своих самых важных интересов, добровольно отказавшись от деспотического образа правления, лишаящего безопасности как повелителя, так и его рабов? Разве его отказ от абсолютной власти, т. е. от абсурдного права творить зло, не явился бы для него жертвой, принесенной во имя собственной безопасности? Разве отказ от гибельной роскоши, разорительной пышности и бесплодного тщеславия для облегчения положения всего народа не принес бы ему подлинную и прочную славу? Разве тщеславная похвальба собственным величием, пошлые и дорогостоящие развлечения двора, увеселения, которые представляют собой по существу лишь способ замаскировать скуку, способны доставить монарху столь

же чистое и длительное удовлетворение, какое дают ему признательность и постоянные благословения преданного и искреннего народа? И наконец, разве наемные легионы или стремящиеся к собственной выгоде вельможи будут лучше охранять государя, чем горячая любовь благодарного народа?

Пусть люди надеются, что в один прекрасный день развитие знаний откроет государям глаза и они научатся отличать подлинную власть, действительное величие и желаемый для них авторитет от того, что является лишь видимостью всего этого. Могущественная длань судьбы, направляющая королей и народы, заставит их в конце концов обратиться к справедливости и разуму, без которых в этом мире нет ничего прочного. Как быстро и как успешно монарх, познавший свои интересы, восстановил бы порядок в своем государстве и стал бы для своего народа подлинной отрадой, образцом государя, истинным героем, вызывающим восхищение потомков! Может ли какая-либо политика сравниться с политикой монарха, который, неустанно трудясь ради блага своих подданных, будет тем самым повседневно трудиться и ради собственного счастья.

Счастлирое сочетание интересов государей и подданных, несомненно, является основой здоровой политики; все сказанное в настоящем произведении должно было дать возможность осознать эту важную истину. Вернемся же к установленным нами выше принципам, сведем их воедино и рассмотрим с одной общей точки зрения.

§ XXV. Общие выводы

I. Человека, рожденного в обществе, впоследствии удерживают в последнем потребности и привычки, делающие для него это общество необходимым. Если общество полезно ему, он также должен стать полезным обществу, с тем чтобы последнее способствовало его благосостоянию; частные интересы отдельного индивида ради его же собственного блага должны быть согласованы с интересами общества. Для каждого человека выполнение обязательств, данных обществу,

является средством достижения счастья. Человек должен принять такие обязательства для того, чтобы стать счастливым, ибо его счастье возможно лишь в условиях общественной жизни. Хорошими являются только те законы, которые соответствуют природе общественного человека и обязывают его выполнять свой долг по отношению ко всем другим членам общества; нравственность — это осознание указанных обязанностей; добродетель состоит в том, чтобы приносить пользу обществу; общество должно обеспечить благосостояние тем, кто ему полезен; оказываемая им помощь и доставляемые им преимущества — основа его власти над гражданами; никакая власть не может быть справедливой, если целью ее не является благо людей.

II. Править людьми — значит осуществлять по отношению к ним власть, принадлежащую обществу, с тем чтобы заставить их жить согласно его целям. Правительство действует от имени общества, от которого оно получило власть, или силу принуждать всех членов общественного союза выполнять их общественные обязанности и подчиняться законам, которые представляют собой лишь выражение общей воли. Отсюда следует, что правительство является общественной силой, предназначенной подавлять страсти индивидов, если они противоречат благу общества, и заставлять людей выполнять взаимные обязательства, взятые ими на себя при заключении общественного договора. Одним словом, правительство существует для того, чтобы заставить людей, живущих в обществе, выполнять обязанности, предписываемые моралью.

Каждая из форм правления обладает как преимуществами, так и недостатками. Всякая форма правления является хорошей, если правительство точно и последовательно выполняет обязательства общества по отношению к его членам и обязывает последних соотноситься с целями общества.

III. Государи являются уполномоченными общества, избравшего и утвердившего их для того, чтобы с их помощью осуществлять власть над гражданами; подчиняться государю, который правит в соответствии

с убеждениями и целями объединения,— значит подчиниться обществу, от которого исходит суверенная власть. Таким образом, права государя — это права, которые пожелала ему доверить нация; его власть основана на власти нации; причиной оказываемого ему подданными послушания и мерой этого послушания является благо, которое его власть обеспечивает нации, никогда не дающей согласие на то, что нарушает ее благополучие. Справедливость — основная добродетель государя; он не может уклоняться от нее, не подвергаясь опасности.

IV. Государь подчинен законам, являющимся выражением воли всего общества; граждане же подчинены государю, поскольку его повеления соответствуют общему благу. Нет таких групп граждан, интересы которых можно обособить от интересов общества, обеспечивающего преимущества для всех и в силу этого имеющего право подчинять всех общественной власти. Каждый класс по-своему должен способствовать общему благу. Разногласия, разобщение интересов граждан — вот подлинный источник слабости наций и злоупотреблений, от которых они страдают.

V. Деспотизм состоит в противопоставлении общим интересам личных интересов тех, кто находится у власти. Это прихоть одного человека или одного сословия, навязанная в качестве закона всему обществу. Абсолютная власть очень скоро перерождается в тиранию, которая является состоянием войны между государем и всем управляемым народом, основанным на насилии и одинаково пагубным для обеих сторон, состоянием, которое ни один гражданин в своих личных интересах не должен ни поддерживать, ни допускать. Нет ничего более чуждого целям общества, чем деспотизм или своеволие государя; такое своеволие разрывает узы, связывающие граждан, изгоняет из их сердец любовь к родине, стремление к деятельности, трудолюбие и добродетель, приносит счастье всего общества в жертву капризам одного или нескольких людей. Неограниченная власть никогда не может обеспечить нациям возможность пользоваться действительным и долговечным благополучием.

VI. Свобода является неотъемлемым правом всякой нации и всякого общества, ввиду того что она существенно необходима для сохранения и процветания общественных союзов. Быть свободным — значит выполнять только законы, направленные на обеспечение блага общества и одобренные им. Своеволие так же чуждо общественному благу, как деспотизм или тирания. Свобода невозможна там, где нет добродетели; в свою очередь патриотизм, величие души, честь, любовь к общественному благу могут существовать лишь у наций, пользующихся подлинной свободой.

VII. Политика должна в равной степени следить за всем, что важно для благосостояния и сохранения общества. Законодательство должно способствовать удовлетворению потребностей государства; ему следует побуждать граждан к труду, насаждать в их душах добродетель и любовь к родине, поощрять рост народонаселения, развитие сельского хозяйства и развертывание действительно полезной торговли, подавлять порок, награждать достойную похвалы деятельность и необходимые для общества таланты.

VIII. Человеческий род следует рассматривать как огромное общество, в котором природа установила такие же законы, какие устанавливаются для всех граждан в хорошо организованном отдельном обществе. Народы — это более или менее благоразумные и могущественные индивиды всемирного общества; их связывают с другими народами те же обязанности, какие объединяют всех граждан одного государства. Основой прав человека должны быть нормы морали в применении к условиям жизни всех народов земли. Войны необходимо рассматривать с той же точки зрения, что и насилия и убийства; завоевание — это не что иное, как кража. Союзы и договоры между государствами требуют такой же добросовестности, как и контракты, договоры и союзы между частными лицами. Не понимая этих истин, не обладая силой, необходимой для того, чтобы заставить нации выполнять правила всемирной нравственности, или нравственности, общей для всех людей, народы редко знают взаимно связывающие их обязанности, а их руководители, ослепленные

своими безрассудными страстями, ведут себя, как воры и бандиты, попирающие все законы справедливости. Безумства этих людей, отвергающих закон, приводят нации к гибели.

IX. Несправедливая или пренебрегающая своими обязанностями политика повседневно наносит нациям жестокие раны. Безумства и насилия государей, как и их преступное равнодушие, ослабляют общества и приводят их к гибели. Роскошь всегда была и будет для государств причиной близкого краха; она расслабляет души людей и ослабляет все пружины управления; она изгоняет патриотизм, внушает презрение к чести, постепенно подрывает основы общества. Для того чтобы преобразовать нацию, зараженную роскошью, понадобились бы мудрость, доблесть, упорство и мужество, редко присущие государям, пребывающим обычно в полном неведении своих подлинных интересов. Излечение развращенного однажды государства является чудом, которого нельзя ожидать от борьбы страстей, безумств, внезапных революций и покушений на власть с помощью насильственных средств, только увеличивающих слабость общества, деятельность которого и без того нарушена. Такого преобразования скорее следует ожидать от распространения просвещения, которое укажет народам их права, а государям — их обязанности и очевидные интересы, которое даст им возможность понять, что никакой правитель не может быть счастливым, если общество несчастно, что для нации, лишенной моральных устоев, невозможно ни счастье, ни прочное положение, ни могущество, что без обеспечения справедливости и свободы не может существовать ни одно правительство.

Таковы истины, которые должны лежать в основе всякой политической системы. Эти истины были достаточно ясно показаны во всех частях настоящего труда, предпринятого единственно в интересах наибольшего блага людей, равно как и тех, кто предписывает им законы.

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

П Р И М Е Ч А Н И Я *

ОСНОВЫ ВСЕОБЩЕЙ МОРАЛИ, ИЛИ КАТЕХИЗИС ПРИРОДЫ

Небольшая работа «*Éléments de la morale universelle, ou catéchisme de la nature*» была написана Гольбахом в 1765 г. Сам Гольбах, по утверждению де Бюра (см. «Сообщение книгоиздателя» к комментируемому труду в настоящем томе), принял решение не издавать ее, однако вскоре после смерти философа рукопись была передана издателю семьей покойного и опубликована в 1790 г. Работа была переиздана в 1791 г., а в 1820 и 1838 гг. вышла в испанском переводе. Все содержание произведения, подчеркнутая простота изложения в нем основ философии и морали, а также отсутствие цитат из древних авторов и ссылок на труды философов и ученых всех времен, которыми изобилует, например, «Система природы», говорят о том, что автор хотел придать этой работе как можно больше популярности, предназначая ее для широкого круга читателей. Гольбах заявляет во введении к своему труду, что стремится излагать вопросы морали так, чтобы они были доступны «самым простым людям и даже детям». Популярный характер этой работы, однако, не снижает ее теоретической значимости. Она отражает важный этап в развитии философских взглядов Гольбаха. Именно в ней впервые четко сформулированы и систематизированы основные положения его этики, нашедшие впоследствии отражение в его трехтомном труде «*La morale universelle, ou les Devoirs de l'homme fondés sur sa nature*» («Универсальная мораль, или обязанности, возлагаемые на человека его природой»), вышедшем в 1776 г.

Данная работа публикуется в русском переводе впервые. Перевод выполнен Т. С. Батищевой.

¹ См. Ювенал, Сатиры, М.—Л., Academia, 1937, стр. 114.—5.

² В первом издании этой работы заголовок, данный непосредственно перед текстом, не совпадает с заголовком на титульном листе. Это расхождение сохранено и в настоящем издании.—9.

* Примечания составлены И. С. Вдовиной.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА, ИЛИ БЕСЕДЫ ОБ ИСТИННЫХ ПРИНЦИПАХ УПРАВЛЕНИЯ

Работа Гольбаха «*La Politique naturelle, ou Discours sur les vrais principes du gouvernement*» была издана в Амстердаме в 1773 г. В конспиративных целях в качестве места издания книги был указан Лондон, а в качестве ее автора — «бывший государственный служащий». Работа была переиздана в 1774 г., а в 1778 г. появился ее итальянский перевод (изданный в Мантуе).

В этой работе Гольбах впервые дал развернутое и систематизированное изложение своих общественно-политических взглядов. На русском языке данная работа публикуется впервые. Перевод выполнен Т. С. Батищевой и В. О. Половским.

¹ См. *Гораций*, Оды, М., 1935, стр. 96.—83.

Беседа первая

¹ Гольбах полемизирует здесь с рядом крупнейших представителей европейской философии XVII—XVIII вв. (Гоббс, Локк, Руссо), по мнению которых люди первоначально, в условиях «естественного состояния», не знали общества и государства, будучи разобщены друг от друга. Отстаивая тезис о том, что человек «всегда жил в обществе», Гольбах выступал против попыток определить некую полностью независимую от влияния общественной среды природу человека. В противоположность Гоббсу, склонявшемуся к мнению, что человек по природе зол, и Руссо, считавшему, что человек по природе добр, Гольбах справедливо утверждает, что «природа не создает людей ни добрыми, ни злыми» (см. § 5 настоящей беседы) и что таковыми их делает общество.—88.

² Гольбах разделяет получившую широкое распространение в XVII—XVIII вв. теорию «общественного договора», выдвигавшуюся прогрессивными идеологами европейской буржуазии (Гоббс, Локк, Спиноза и др.) в борьбе против феодализма и абсолютизма. Согласно этой теории, государство возникло в результате добровольного отказа людей от ничем не ограниченной свободы ради благ, обеспечиваемых организацией порядка в обществе (охрана личности, имущества и т. д.). Поскольку Гольбах отвергает учение о «естественном состоянии», он трактует «общественный договор» несколько иначе, чем большинство его предшественников. По его мнению, это не какой-то единовременный акт, относящийся лишь к отдаленному прошлому, а постоянно возобновляющееся соглашение.—96.

³ Здесь Гольбах полемизирует с Гельвецием и Руссо. Гельвеций считал, что все нормальные люди от рождения обладают одинаковыми способностями к умственному труду; Гольбах же полагал, что сама природа наделила людей различиями. По его мнению, люди от природы «значительно отличаются друг от друга по своим физическим и духовным силам» (см. начало настоящего параграфа).

При этом в противоположность Руссо, также признававшему различия людей по их природным задаткам, Гольбах считает,

что эти различия делают неизбежным и целесообразным социальное неравенство. Преувеличение Гольбахом роли биологической организации людей привело его к обоснованию справедливости так называемого использования людей друг другом, т. е. фактически эксплуатации человека человеком. «...Теория Гольбаха есть исторически правомерная философская иллюзия насчет поднимавшейся тогда во Франции буржуазии, чью жажду эксплуатации еще можно было изображать как жажду полного развития индивидов в условиях общения, освобожденного от старых феодальных пут» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. 3, стр. 410—411).—101.

⁴ Гольбах разделяет так называемую теорию естественного права, сторонниками которой в новое время были Гуго Гроций, Гоббс, Локк, Спиноза, Гельвеций и др. Одним из основных положений этой теории была идея «естественного закона», открываемого человеком с помощью разума. Идея «естественного закона» была идеологическим оружием буржуазии, направленным против феодализма и абсолютизма. Феодальный строй объявлялся несовместимым с требованиями природы и разума; буржуазные общественные отношения признавались разумными и «естественными», возникающими из свойств человеческой природы и соответствующими «неотъемлемым правам» человека на свободу, собственность, телесную неприкосновенность и т. д.

В соответствии с этой прогрессивной для XVII—XVIII вв., но антиисторичной по своей сути концепцией Гольбах подразделяет законы на «естественные», которые вечны и неизменны, и гражданские, являющиеся применением «естественных законов» к переходящим условиям времени.—108.

⁵ Гольбах, по-видимому, полемизирует здесь с предшественниками классического французского утопического социализма Мелье и Морелли, отстаивавшими утопическую для своего времени, но исторически прогрессивную идею необходимости упразднения частной собственности для устранения социальной несправедливости. В период написания «Естественной политики» Гольбах уже имел возможность познакомиться с их идеями. Основной труд Морелли «Кодекс природы» вышел в свет в 1755 г., а выдержки из знаменитого «Завещания» Мелье были изданы Вольтером в 1762 г. Впрочем возможно также, что Гольбах познакомился с «Завещанием» уже в рукописи.—120.

Беседа вторая

¹ *Озирис* (Осирис) — один из главных богов египетского пантеона, который, по преданию, научил египтян земледелию, врачебному и строительному искусству. *Гермес* — в древнегреческой мифологии бог пастбищ и стад, торговли и дорог, покровитель пастухов и путешественников. *Триптолем* — в древнегреческой мифологии изобретатель плуга, распространявший земледелие среди греков.—135.

² *Орфей* — мифический певец Древней Греции, легендарный основатель религиозно-мистических таинств. *Минос* — мифический царь Крита, которому предание приписывает создание

знаменитого свода законов, якобы составленного по указаниям верховного греческого бога Зевса. *Алк Марций* — легендарный римский царь, внук Нумы Помпилия; считался покровителем мирных занятий, земледелия, ремесел. *Нума Помпилий* — легендарный римский царь, по преданию, осуществивший ряд религиозных и правовых реформ.—136.

³ *Нимрод* — легендарный основатель Вавилонского государства и городов Эрреха, Аккада, Халне.—137.

⁴ *Севострис* — имя трех египетских фараонов так называемой XII династии, которым приписывается завоевание Ассирии, Мидии, Эфиопии и др.—137.

⁵ *Союз апейцев* — федерация греческих городов в Пелопоннесе, созданная в 280 г. до н. э.—137.

⁶ *Союз объединенных провинций* — Голландия.—137.

⁷ В отношении к народным массам, а в связи с этим и к демократии, быть может, ярче всего сказывается классовая ограниченность взглядов Гольбаха. Теоретически его тезис о «неудобствах демократии» связывается им с положением о «природном» неравенстве людей. Практически же это недоверие к народным массам, опасения по поводу их «необузданности», которые проявляются и в отношении Гольбаха к революции (см. примечание 12 к данной беседе). Позиция, занимаемая Гольбахом относительно демократии, значительно отлична от позиции Гельвеция и Дидро, признававших республику наилучшей формой правления, хотя и с известными оговорками о трудностях ее осуществления на практике.—142.

⁸ Гольбах имеет в виду Ш. Монтескье (см. *Ш. Монтескье*, Избранные произведения, М., 1955, стр. 162).—145.

⁹ *Остракизм* — особая форма голосования в народном собрании Древних Афин; применялась при решении вопроса об изгнании граждан, опасных для существовавшей в Афинах рабовладельческой демократии. Голосование производилось черепками, на которых писались имена изгоняемых. *Аристид* (540—467 гг. до н. э.) — афинский политический деятель и полководец возглавлявший демократическое направление в общественной жизни Афин. В 483 г. был изгнан из Афин, потерпев поражение в борьбе со своими политическими противниками. *Фокион* (402—318 гг. до н. э.) — афинский полководец и государственный деятель. Политика уступок, проводимая им по отношению к Македонии, дала последней возможность захватить Пирей. Это вызвало недовольство народного собрания Афин. В результате Фокион был осужден на смерть.—146.

¹⁰ Эта мысль Гольбаха перекликается с основными положениями «Духа законов» Монтескье.—151.

¹¹ *N. Machiavelli, Discorsi sopra la prima Deca di Tito Livio*, Firenze, 1883, p. 165. (*Н. Макиавелли*, Исследования о десяти первых книгах Тита Ливия, Флоренция, 1883, стр. 165).—154.

¹² Отношение Гольбаха к революции является противоречивым. С одной стороны, он (в отличие, например, от Монтескье) признает право наций на революционное ниспровержение всякого

деспотизма и всякой тирании. С другой — всячески рекомендует реформы в противовес «ужасам» революции. В этом сказывается буржуазная ограниченность воззрений Гольбаха, который опасается, как бы направленная против феодального деспотизма революция не нарушила основ «порядка» вообще, т. е. идеализированных буржуазных имущественных отношений.—156.

Беседа третья

¹ Имеется в виду Оливер Кромвель (1599—1658 гг.).—184.

² *Альфонс IX*, по прозвищу Благородный, или Добрый (1155—1214 гг.), король Кастилии; известен как талантливый полководец, умный политик, заботившийся о развитии просвещения и расцвете наук.—196.

³ В данном случае Гольбах разделяет предрассудок, характерный для буржуазной общественно-политической мысли того времени.—202.

Беседа четвертая

¹ *Проб Марк Аврелий* (232—282 гг.) — римский император, который предпринял попытку заставить легионеров заняться в промежутках между войнами мирным трудом, чтобы оздоровить армию и поднять сельское хозяйство. Недовольные солдаты взбунтовались и убили Проба.—231.

² Гольбах имеет в виду пожар, произошедший в Риме в 64 г. Ходили слухи, что виновником этого бедствия был Нерон, который приказал поджечь Рим, так как хотел перестроить город по-новому. Действительных подтверждений этой версии нет. Даже Тацит, отрицательно относившийся к Нерону, сомневался в достоверности этого обвинения (см. *Корнелий Тацит*, Сочинения, том II, С.-Петербург, 1887, стр. 486—488).—231.

Беседа пятая

¹ Гольбах имеет в виду афиян. *Мильтиад* (конец VI—начало V вв. до н. э.) — знаменитый афинский полководец; после одной из неудач в войне с персами он был обвинен в злоупотреблении доверием народа, заключен в темницу, а затем изгнан из Афин. *Кимон* (507—449 гг. до н. э.) — афинский полководец, сын Мильтиада, одержавший ряд крупных побед в борьбе объединенных сил греческих городов с Персией. Кимон выступал в качестве противника демократизации общественной жизни Афин. В 461 г. до н. э. в результате победы демократического течения в Афинах он был изгнан за пределы родины.—290.

² *Илоты* — земледельцы в Древней Спарте. Илоты считались собственностью государства и прикреплялись к участку земли. Спартанцы чрезвычайно жестоко обращались с илотами, устраивая против них карательные экспедиции — криптии.—290.

³ Гольбах полемизирует здесь с Монтескье, полагавшим, что строй общества определяется главным образом географической средой. Считая преувеличением эту мысль Монтескье, Гольбах, однако, и сам склонен к переоценке роли географической

среды (см., например, в наст. томе беседу II, § XXII; беседу VII, § II).—294.

⁴ См. *Монтескье*, Избранные произведения, М., 1955, стр. 393 (вторая часть приводимой Гольбахом цитаты, начиная со слова «люди», отсутствует у Монтескье).—305.

⁵ Гольбах намекает на распространенный в средневековые в мусульманских странах Ближнего Востока обычай, заключавшийся в том, что правители посылали попавшим в опалу вельможам шелковый шнур как символ приказа покончить жизнь самоубийством.—318.

⁶ *Гордон, Жак Лемор* (1553—1641 гг.)— французский иезуит, религиозный писатель. Его основными трудами являются: «*Biblia Sacra cum commentariis*», Paris, 1632 («Святая библия и комментарии к ней», Париж, 1632) и «*Theologia moralis universa*», Paris, 1634 («Всеобщая нравственная теология», Париж, 1634).—320.

⁷ Гольбах имеет в виду события, имевшие место во время Великой английской революции (1640—1660 гг.). Потерпев поражение в борьбе с парламентом, король Англии Карл I был казнен 30 января 1649 г., а его сын Карл II лишился трона (19 мая 1649 г. Англия была объявлена республикой).—326.

⁸ *Лабрюйер, Жак* (1645—1696 гг.) — французский писатель-сатирик, остро разоблачавший нравы дворянского общества и монархические порядки того времени. Основное произведение Лабрюйера — «*Caractères ou les mœurs de ce siècle*», Paris, 1688 («Характеры Теофраста, в переводе с греческого, с приложением обозрения характеров или нравов этого века»). В 1889 г. эта работа вышла в русском переводе (см. *Ж. Лабрюйер*, Характеры или нравы этого века, С.-Петербург, 1889).—335.

⁹ В начале VII в. н. э. объединившиеся под флагом ислама арабские племена вышли за пределы Аравийского полуострова и начали завоевание соседних земель. Одержав ряд побед в столкновениях с Византией и Ираном, они образовали так называемый Арабский халифат, достигший наивысшего могущества в VIII в. Простираясь в эпоху своего расцвета от берегов Атлантического океана на западе до границ Китая на востоке, Арабский халифат превосходил своими размерами империю Александра Македонского и Римскую империю времен Августа и Траяна.—336.

Беседа шестая

¹ Гольбах имеет в виду III. Монтескье (см. III. Монтескье, Избранные произведения, М., 1955, стр. 288—289).—340.

² Гольбах имеет в виду последователей Конфуция (551—479 гг. до н. э.).—355.

³ Гольбах имеет в виду III. Монтескье (см. III. Монтескье, Избранные произведения, М., 1955, стр. 352).—367.

⁴ См. III. Монтескье, Избранные произведения, М., 1955, стр. 426.—371.

⁵ Речь идет о походе Ксеркса в 480 г. до н. э. на Грецию. Несмотря на огромный перевес персов над греками как в количе-

стве сухопутных войск, так и в размере флота, персы потерпели полное поражение в сражении около о. Саламина.—373.

⁶ Гольбах, по-видимому, имеет в виду поражение Испании в Тридцатилетней войне (1618—1648) и последующих войнах с Францией и Англией, результатом которых явилось признание независимости Голландии (*Батавия* — старинное название Голландии).—373.

⁷ Гольбах имеет в виду эпизод из войны римлян с полтийским царем Митридатом VI. В 69 г. до н. э. войска римлян изгнали из Каппадокии — небольшого государства в восточной части Малой Азии — ставлеппика Митридата, так называсмого Лжеарирарата. После этого каппадокийцы, отказавшись от предложенной им римским сенатом республиканской формы правления, выбрали себе нового царя — Ариобарзана.—375.

Беседа седьмая

¹ В 1669 г. известный английский философ Д. Локк составил по заданию графа Шефтсбери проект административного устройства для английской колонии Новая Каролина в Северной Америке (расположенной на территории нынешних штатов Джорджия и Южная Каролина). Это устройство оказалось столь тягостным для переселенцев, что они добились его отмены через 20 лет.—386.

² *Солон* (638—559 гг. до н. э.) — выдающийся политический деятель Древних Афин. В 594 г. до н. э. им был осуществлен ряд реформ, открывших путь для развития рабовладельческой демократии. Важнейшей из этих реформ была ликвидация долгов, тяготевших над крестьянскими паделами. *Ликург* — легендарный законодатель Спарты. Согласно преданию, он создал спартанское государство и установил равенство всех членов гражданской общины спартанцев. Легенда о Ликурге возникла в IV—III вв. до н. э., когда от равенства граждан Спарты не осталось и следа из-за имущественного расслоения спартанской общины и выделения так называемых гипомейонов, т. е. малоимущих спартанцев, обладавших лишь урезанными гражданскими правами.—389.

³ Эту мысль Платон проводит в одной из своих важнейших работ — «Государство» (см. *Платон*, Сочинения, том III, С.-Петербург, 1863, стр. 284).—390.

⁴ См. Сочинения Корнелия Тацита, С.-Петербург, 1887, том II, стр. 370—413.—390.

⁵ По-видимому, Гольбах имеет в виду Платона.—393.

⁶ *terra incognita* (лат.) — невдомая земля.—399.

⁷ По-видимому, Гольбах имеет в виду высказывание Иордана — одного из вождей готов, приводимое также Монтескье в «Духе законов» (см. *Ш. Монтескье*, Избранные произведения, М., 1955, стр. 391).—402.

⁸ Имеются в виду Индия и Вест-Индия.—404.

⁹ Гольбах намекает на действия Англии по отношению к ее колониям в Северной Америке.—409.

¹⁰ В начале XIII в. Чингис-хан начал захват Китая; его внук хан Хубилай завершил полное завоевание Китая и провоз-

гласил себя китайским императором, основав династию Юань. В начале XI в. в Индию начали вторжение войска феодалов из стран Среднего Востока (Афганистана, Пенджаба, Персии и др.), и к началу XIII в. вся территория вдоль Инда и Ганга была захвачена.—415.

¹¹ См. Бэкон. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические, XXXIV. О богатстве, М., 1962, стр. 65.—420.

¹² Гольбах имеет в виду Англию.—423.

Беседа восьмая

¹ Гольбах полемизирует здесь с Макнавелли.—452.

² См. Т. Гоббс, Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского, М., 1936, стр. 115.—455.

³ Имеются в виду войны, которые в XVI—XVII вв. Испания вела с Англией из-за соперничества в областях колониальной экспансии, а также с Францией из-за соперничества в ряде областей Европы.—457.

⁴ Эпаминонд — прославленный полководец и видный политический деятель Древней Греции. Возглавив армию крупнейшего города Беотии Фив, Эпаминонд наголову разбил спартапцев в сражении у Левктр (371 г. до н. э.). Эта победа и три последующих похода Эпаминонда в Пелопоннес привели Спарту к утрате ее прежнего могущества; Фивы же добились военной и политической гегемонии в Греции.—464.

⁵ Речь идет об эпизоде из Пунических войн (264—146 гг. до н. э.) между Римом и Карфагеном за господство в Западном Средиземноморье.—473.

⁶ Возможно, Гольбах имеет здесь в виду «Проект сохранения вечного мира в Европе», опубликованный Сен-Пьером в 1713—1717 гг., а также трактаты его предшественников Сюлли и Крюссе (XVII в.). Идея Сен-Пьера были весьма популярны во Франции в период жизни Гольбаха. Популяризации их в значительной мере содействовал Руссо, опубликовавший в 1761 г. краткое изложение обширного трактата Сен-Пьера.—479.

Беседа девятая

¹ Гольбах имеет в виду судьбу Древнего Рима.—485.

² Речь идет о борьбе между Марием и Суллой за верховную власть в Римской республике (100—86 гг. до н. э.). Марий возглавлял сторонников рабовладельческой демократии — популяров, которые опирались на крестьянство и городской плебс; Сулла был во главе оптиматов — политической группировки, объединявшей рабовладельческую аристократию и выражавшей интересы крупных землевладельцев.—498.

³ Союз Гименея — брачный союз. Гимней — бог брака у древних римлян и греков.—512.

⁴ *tabula rasa* (лат.) — чистая доска. Этим термином Локк обозначал первоначальное состояние человеческого сознания, т. е. сознание, еще не подвергшееся влиянию опыта.—516.

⁵ Потерпев неудачу в попытке овладеть Грецией с помощью вооруженной силы во время греко-персидских войн (500—449 гг. до н. э.), Персия продолжала, однако, активно вмешиваться в греческую политику, используя при этом междоусобную борьбу греческих государств, в первую очередь Афин и Спарты. В этой борьбе Спарта была вынуждена неоднократно обращаться к Персии с просьбой оказать ей денежную помощь, дипломатическую поддержку и т. д., в свою очередь уступая притязаниям Персии на гегемонию над греческими и малоазиатскими городами.—520.

⁶ *Агис IV* — царь Спарты (245—241 гг. до н. э.), который стремился превратить свою страну в военно-бюрократическое государство с сильно централизованной властью. Для этого прежде всего было необходимо увеличить число боеспособных спартанцев. С этой целью царь начал проводить реформу по огосударствлению земель и раздаче их безземельным спартанцам. Противники реформы — олигархи воспользовались отъездом царя, отменили реформы Агиса, а его самого предали суду, обвинив в стремлении к тирании. В 241 г. до н. э. Агис был казнен.—520.

⁷ «Непрочны то царство, где отсутствуют стыд и забота о соблюдении законов, чистоты, благочестия и веры» (см. *Sénèque*, *Tragedies*, Paris, 1926, p. 97).—521.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аврелий, Марк Автонин (121—180 гг.) 201, 335, 359
 Агис IV (III в. до н. э.) 520
 Агриппина (16—59 гг.) 390
 Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.) 137
 Альфонс IX Кастильский (1155—1214 гг.) 196
 Анк Марций (согласно лег. 640—616 гг. до н. э.) 136
 Антоний, Марк (83—30 гг. до н. э.) 335
 Аристид (540—467 гг. до н. э.) 146, 290
 Бэкон, Френсис (1561—1626 гг.) 420
 Вольтер, Франсуа Мари (1694—1778 гг.) 262
 Гермес (миф.) 135
 Гименей (миф.) 512
 Гоббс, Томас (1588—1679 гг.) 455
 Гомер (лег.) 208
 Гораций, Флакв Квинт (65—8 гг. до н. э.) 83
 Гордон, Жак Лемор (1553—1641 гг.) 320
 Домициан (51—96 гг.) 201, 346
 Карл I (1600—1649 гг.) 184, 326
 Кимон (507—449 гг. до н. э.) 290
 Коммод (161—192 гг.) 201
 Конфуций (551—479 гг. до н. э.) 260
 Ксенофонт (ок. 430—355 гг. до н. э.) 391
 Ксеркс (486—465 гг. до н. э.) 373
 Лабрюйер, Жан (1645—1696 гг.) 335
 Ликург (лег.) 389, 485, 520
 Локк, Джон (1632—1704 гг.) 386, 516
 Макнавелли, Никколо ди Барнардо (1469—1527 гг.) 153
 Марий, Гай (156—86 гг. до н. э.) 498
 Мильтиад (конец VI — начало V в. до н. э.) 290
 Минос (миф.) 136
 Монтескье, Шарль Луи (1689—1755 гг.) 371
 Нерон, Клавдий Цезарь (37—68 гг.) 231, 335, 390
 Нимврод (лег.) 137
 Нума Помпилий (согласно лег. конец VIII — начало VII в. до н. э.) 136, 485
 Озирис (миф.) 135
 Орфей (миф.) 136
 Платон (427—347 гг. до н. э.) 390, 391, 516
 Проб, Марк Аврелий (232—282 гг.) 231
 Сезострис 137
 Сенека, Луций Анний (ок. 4 г. до н. э.—65 г. н. э.) 521
 Сократ (469—399 гг. до н. э.) 290

- Солон (638—559 гг. до н. э.)
389, 391, 485
- Сулла, Луций Корнелий (138—
78 гг. до н. э.) 498
- Сципион Младший (ок. 185—
129 гг. до н. э.) 317
- Тацит, Публий Корнелий (ок.
55 — ок. 120 г.) 390
- Тесей (миф.) 135
- Тиберий, Клавдий Нерон
(42 г. до н. э.— 37 г. н. э.)
436
- Тит, Флавий Веспасиан (39—
81 гг.) 201, 346, 359
- Траян, Марк Ульпий (53—
117 гг.) 335
- Триптолем (миф.) 135
- Фокион (402—318 гг. до н. э.)
146, 290
- Хлодвиг I (481—511 гг.) 137
- Эмилиий, Павел (г. р. неиз.—
160 г. до н. э.) 317
- Эпаминонд (ок. 420—362 гг.
до н. э.) 464
- Ювенал, Децим Юний (сере-
дина I — начало II в. н. э.)
5

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Анархия 140, 157, 180, 230, 343
 Аристократия 136, 140, 142, 161, 254, 290
 Армия 248, 249, 403, 458, 463, 464
 Благо 13, 15, 16, 76, 132
 — общее 120, 123, 332, 400
 Богатство 152, 153, 413—415, 417, 419—424, 430
 Божество 135, 178, 179, 188
 Брак 44—46, 403
 Власть 29, 30, 47, 73, 79, 150, 151, 153, 211, 314, 479, 480
 — происхождение 102, 128, 132
 — границы 132, 201
 — абсолютная (неограниченная) 148, 149, 169, 180, 190, 308, 313, 322, 377
 — верховная 33, 34, 164, 165, 167—169, 181, 185, 190, 355
 — военная 309
 — законодательная 127, 164
 — исполнительная 127, 165
 — наследственная 167
 Вознаграждение (награда) 40, 48, 53, 104, 123, 437
 Война 196, 371, 455, 456, 460—464, 478
 — гражданская 498
 — несправедливая (захватническая) 195, 452
 — справедливая (законная) 82, 458, 459, 477
 Воля 10, 12, 166
 — божественная 443
 — общества 163, 164, 170, 225, 360
 — правителей 163, 164
 Воспитание 21, 395—398, 400, 522, 523, 526
 Впечатление 9, 10
 Вред (вредное) 14, 15
 Выбор 12, 13, 17
 Город 26, 405
 Государственный деятель 274, 398, 399
 Государство 191, 308, 309, 392, 406, 418, 426, 521, 522
 — богатство 413, 414, 430
 — могущество 371—373, 400
 — распад 430, 431, 499, 500
 Гражданин (член общества) 30, 31, 34, 37, 38, 42, 86, 103, 163, 185, 230, 231, 281
 Дворянство 252—256, 258, 260, 272, 348
 Демократия 140, 141, 498
 — причины гибели 497
 Деньги 422—424, 429
 Деспот 206, 296, 298—300, 302—306, 310, 313—316, 323, 324, 326—328, 332—334, 336, 342, 371
 Деспотизм 180, 288—301, 303—305, 307—309, 312—316, 318, 319, 324—330, 332, 334, 335, 348, 532
 — происхождение 293, 294
 Дети 46—49
 Добро 50, 51, 55, 56, 58—61

- Добродетель 21, 42, 43, 56, 57, 67, 71, 72, 81, 100, 128, 212, 213, 216, 334, 374—376, 445, 452, 453, 470
 — определение 39, 93—95
 — главные 40, 64
 — общественные 93, 125—127
 — активность 126
 — благодарность 59—61
 — благоразумие 22, 25, 64, 68—70
 — великодушие 56, 58—60
 — воздержанность 25
 — гуманность (человечность) 55, 56, 63, 64, 68, 75, 76, 82, 125
 — доброжелательность 56, 58, 59, 98
 — мужество 81, 249, 250, 375
 — правдивость 67
 — рассудительность 21
 — сила 64, 72, 126, 135, 250
 — скромность 76
 — сострадание 56, 57
 — справедливость 30, 56, 63—68, 82, 86, 116, 119, 122, 123, 126, 127, 213, 215
 — терпение 56, 62, 159
 — терпимость 61, 62, 355, 445
 — умеренность 25, 64, 69, 71, 72
 Договор 472—478
 Долг 22, 23, 42, 59, 61, 65, 68, 69, 82, 93, 97, 358
 Дружба 50—52
 Духовенство (служители религии) 176, 177, 241, 280—287, 311, 446, 447
 Естественное состояние 88, 89, 109
 Заблуждение 19, 99, 100, 138, 395
 Заем 427, 428
 Законодательство 111, 121, 383—387, 393, 394, 397
 Законы 32, 108, 164—166, 222, 223, 340—341, 385—388, 392
 — гражданские (позитивные) 109, 111, 116—118, 339
 — естественные (природы) 86, 97—99, 108—111, 115, 116, 452, 473, 474
 — несправедливые 110, 111, 307
 — общественные 104, 107, 164, 338
 — основные 166
 — справедливые 32, 33, 107, 117, 124
 Заслуга 74, 75
 Зло 13, 15, 16, 42, 50, 63, 73, 74, 106, 157
 Инстинкт 20
 Интересы 41, 43, 63, 81, 82, 105, 343, 528
 — личные (собственные) 23, 51, 121, 158, 293, 528
 — общественные 158
 — тех, кто обладает властью 342
 Искусство 312
 Истина 19, 360—362, 521, 528
 Колонии 407—409
 Коррупция 240
 Любовь 10, 11, 13, 71, 72, 93, 236, 337, 339
 Мир 115, 461, 462, 477
 Монархия 138—140, 320, 489, 492—495
 — происхождение 138
 — абсолютная 186
 — ограниченная 146, 186
 Мораль 8, 80, 82, 211, 313, 314, 452, 453, 521
 — определение 22
 Наказание 39, 104, 123, 435—437
 Налоги 194, 350—352, 406, 410—414, 418, 427, 430
 Народ (нация) 33, 81, 82, 86, 111—115, 148, 153—157, 182, 207, 242—248, 351, 423, 449—452
 — восстания 228, 229
 — обязанности 81—82, 112, 123
 — права 114, 169, 170, 183, 225, 363
 — свобода 349
 — темперамент 384
 Народонаселение (население) 372, 401—404, 407, 421, 431

- Насилие 122, 128, 136, 138
 Наука 22, 216, 312
 Невежество 99, 165, 181, 198,
 293, 294, 453
 Ненависть 10, 11, 13
 Необходимость 151, 340
 Несчастье 14, 159, 160
 Неравенство 100—103, 120,
 124, 233, 257, 449
 — происхождение 100—102
 Образование (просвещение)
 198, 246—248, 292, 396, 398
 Общественное мнение 363, 376
 Общественный договор 31, 95,
 96
 Общество 26, 27, 32—34, 38,
 43, 61, 65, 66, 87, 93—97,
 109, 110, 117—119, 124,
 134, 138, 234, 383, 414
 — всемирное 26, 112, 449, 479
 — цель 27, 38
 — частное 43
 Обязанности 23, 24, 37, 38,
 49, 52—54, 97
 — народов 81, 82, 123
 — общества 81, 82
 — правителя и подданных
 35—37, 199—201, 222
 — родителей и детей 46—49
 — супругов (мужа и жены) 44
 — хозяина и подчиненных 53,
 54
 — членов общества 27, 81, 103,
 163, 164, 185, 230—232,
 281, 282
 — членов частных обществ 44
 Олигархия 218
 Отечество (родина) 81, 249—
 251, 263, 303, 352, 369—
 370
 Опыт 17, 97, 98, 104
 Патриотизм (любовь к родине)
 42, 303, 313—369
 Печать 357—363
 Побуждение (побудительная
 причина) 10, 50—53, 57—
 60, 93, 105
 Повиновение 132, 133, 223, 224,
 226
 Подданные 118, 132, 133, 223,
 286
 Политика 86, 113, 183, 263,
 344, 355, 381—384, 391,
 392, 394, 397, 398, 401, 404,
 405, 415, 419, 429, 431, 433,
 439, 448, 450—453, 466,
 467, 524, 525, 533, 534
 — как искусство 380
 — как наука 85
 — основной принцип 471
 — и религия 442—445, 447
 — и философия 389—391
 Политические партии (груп-
 пировки) 366, 367
 Полиция 433—435, 448
 Польза (полезное) 13, 14, 39,
 73, 74, 78
 Помощь 44, 104, 123, 467
 Порок 40, 64, 66, 67, 72,
 80, 81, 94, 107, 334, 520,
 521
 — жестокость 58, 64, 294
 — зависть 76, 77
 — злословие 67, 68, 77
 — клевета 67, 68, 77, 100
 — лень 81, 85, 121, 122
 — ложь 67, 68, 99, 469, 470
 — надменность 75
 — неблагодарность 60, 61
 — неблагоразумие 22, 69, 475
 — мстительность 63
 — несправедливость 29, 32, 33,
 77, 94, 245
 — праздность 81, 126
 — распущенность 178
 — скупость 64, 107
 — тщеславие 41, 76, 192
 — честолюбие 107
 — эгоизм 94
 Потребности 27, 82, 97, 376,
 383, 389, 419
 Права 29, 37, 47, 50, 55, 66,
 97, 116, 117, 173, 205,
 237, 345, 432
 — определение 116
 — народов (наций) 112, 114,
 169, 183, 225, 363, 484
 — общества (государства) 30—
 32, 34, 62, 63, 117, 128,
 169, 170, 189
 — правителя и подданных 34,
 36, 37

- родителей и детей 47, 48
- супругов 45
- хозяина и подчиненных 53
- членов общества 30, 31, 36, 37, 116, 181
- божественное 177, 179, 330
- международное 111, 460, 461
- Правитель (глава государства) 36, 37, 114, 122, 132, 133, 135, 157, 161, 164, 169, 188, 194, 196, 198, 203, 205, 206, 223, 286, 293, 295, 296, 299, 302, 314, 315, 319, 320, 327, 328, 347, 350, 454, 458, 522, 523, 529
- добродетели 453, 457, 468, 469
- обязанности 35
- права 34, 35
- Правительство 130, 138—140, 145, 146, 149—155, 157, 158, 160, 326, 338, 362, 363, 531
- определение 132
- задачи 121, 127, 128, 398
- несправедливое 248, 396
- происхождение 133, 136, 137
- справедливое 150, 246
- феодальное 144
- Представители народа (нации) 150, 182, 237—241, 244
- Презрение 41, 75, 76, 98, 104
- Преступление 40, 62, 79, 210, 230, 251, 436, 437, 458
- Привилегии 192, 285, 349
- Привычка 21, 187, 321
- Природа 94, 97, 100, 237, 330, 339, 349, 389, 483
- Рабство (рабы) 322—324, 330—332, 345, 348, 364—370, 374—376
- причины 294, 367
- Равенство 145, 253
- Разум 29, 30, 32—34, 39, 46, 47, 55, 75, 91, 97, 104, 105, 108, 381, 386, 527, 528
- и опыт 388, 389
- общественный 110
- просвещенный 159
- Рассудок 22, 87
- Ревность 76, 77
- Революция 155, 156, 158, 184, 365, 366
- Религия 286, 354, 355, 363 (см. политика)
- Республика 145, 146, 343, 345, 500
- аристократическая 136, 344
- федеративная 137
- Родители 46—48
- Роскошь 500—520
- Самоуважение 74, 99
- Свобода 38, 39, 42, 118, 119, 121, 337—353, 355—357, 359, 360, 362—379, 413, 414, 532, 533
- мысли 358
- печати 357—360
- религиозная 353—356
- злоупотребления 150, 341—345
- Сельское хозяйство 401, 406, 407, 415
- Семья 26, 90, 138, 139
- Сила 112, 162, 229, 231, 321 (см. добродетель)
- Собственность 118—121, 350, 420
- Совесть 78, 98
- Сословие 241, 242, 276, 287
- сословный дух 242, 284
- Союзы 465—467, 472
- Способности 102—105
- Страсть 11—13, 15, 70, 71, 74, 76, 100, 353, 364
- Страх 89, 90, 123, 135
- Стыд 77, 78, 80, 99
- Суд 251
- Судьи 276—280, 387
- Суеверие (предрассудок) 104, 175, 261, 386
- религиозное 293—296, 395, 403, 443, 445
- Суждение 18—20, 104
- Счастье 14, 16, 27, 29, 50, 51, 59, 82, 90—93, 99, 100, 102, 103, 106, 115, 179, 297
- каждого члена общества 42, 104

- общества (нации) 105, 124,
156, 368, 369, 426, 526
- Теократия 175, 176
- Тиран 35, 162, 180, 289, 290,
295, 298, 313, 325—327,
334, 335, 341
- Тирания (произвол) 73, 100,
118, 144, 150, 180, 211, 223,
230, 242, 243, 320, 323, 326,
331, 333, 361, 371
- признаки 291
- Торговля 305, 404, 413, 415—
426
- Труд 81, 121, 122, 246
- Уважение 41, 98, 236
- Удовольствие (наслаждение)
13—17, 24, 25, 30, 38, 39,
46, 51, 71
- Узурпатор 35, 137, 162, 180,
224, 228, 298, 477
- Ум 20, 22, 91
- Философия 389—391
- Чувства 9, 12, 16, 18, 19, 235
- естественные 87, 94
- общественности (любовь к
обществу) 87, 89, 91
- Этикет 207, 208

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ГОЛЬБАХА

- Lettre à une dame d'un certain âge sur l'état présent de l'Opéra, 1752.
- Arrêt rendu à l'Amphitéâtre de l'Opéra, sur la plainte du milieu du Parterre intervenant dans la querelle des deux Coins, 1752.
- Le Christianisme dévoilé, ou Examen des principes et des effets de la religion chrétienne, Londres, 1756.
- De la Cruauté religieuse, Londres, 1762 (?)*.
- L'Abbé et le Rabin, 1764 (?).
- La Contagion Sacrée, ou Histoire naturelle de la superstition, Londres, 1768.
- Lettres à Eugénie, ou Préservatif contre les préjugés, Londres, 1768.
- Théologie portative, ou Dictionnaire abrégé de la religion chrétienne, Londres, 1768.
- L'Esprit du Judaïsme, ou Examen raisonné de la loi de Moïse et de son influence sur la religion chrétienne, Londres, 1769.
- Examen critique de la vie et des écrits de Saint Paul, Londres, 1770.
- Histoire critique de Jésus-Christ, ou Analyse raisonnée des Évangiles (Ecce Homo), 1770.
- Réflexions sur les craintes de la mort. Problème important: la Religion est-elle nécessaire à la morale et utile à la politique (dans le «Recueil philosophique», ed. par Nageon, Londres, 1770).
- Système de la Nature, ou des Loix du monde physique et du monde moral, Londres, 1770.
- Tableau des Saints, ou Examen de l'esprit, de la conduite, des maximes, et du mérite des personnages que le christianisme révère et propose pour modèles, Londres, 1770.
- Le Bon Sens, ou Idées naturelles opposées aux idées surnaturelles, Londres, 1772.
- La Politique naturelle, ou Discours sur les vrais principes du gouvernement, Londres, 1773.

* Вопросительным знаком отмечены произведения, авторство которых сомнительно.

Сystème social, ou Principes naturels de la morale et de la politique, avec un examen de l'influence du gouvernement sur les moeurs, Londres, 1773.

Le vrai sens du système de la nature, Londres, 1774 (?).

Éthocratie, ou le gouvernement fondé sur la morale, Amsterdam, 1776.

La Morale universelle, ou les Devoirs de l'homme fondés sur sa nature, Amsterdam, 1776.

Catéchisme du citoyen, Paris, 1785 (?).

De l'État naturel des peuples, ou essai sur les points les plus importants de la société civile et de la société générale des Nations, Paris, 1786 (?).

Éléments de la morale universelle, ou catéchisme de la nature, Paris, 1790.

Essai sur l'art de ramper, à l'usage des courtisans, 1790.

Здравый смысл. Естественные идеи, противопоставленные идеям сверхъестественным. М., 1924 (Л., 1941).

Разоблаченное христианство, или Исследование начал и выводов христианской религии. М., 1924 (М., 1936).

Религия и здравый смысл. М., 1924.

Система природы, или О законах мира физического и мира морального. М., 1924 (М., 1940).

Карманный богословский словарь. М., 1925 (М., 1930).

Избранные антирелигиозные произведения, ч. I, М., 1934.

Священная зараза.— Разоблаченное христианство. М., 1936.

Галерея святых (или исследование образа мыслей, поведения, правил и заслуг тех лиц, которых христианство предлагает в качестве образцов) М., 1937 (Минск, 1939; М., 1962).

Карманное богословие. М., 1937 (М., 1940; М., 1959; М., 196).

Письма к Евгению.— Здравый смысл. М., 1956.

СОДЕРЖАНИЕ

ОСНОВЫ ВСЕОБЩЕЙ МОРАЛИ, ИЛИ КАТЕХИЗИС ПРИРОДЫ

Сообщение книгоиздателя	7
Вступление автора	8

ЕСТЕСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА, ИЛИ БЕСЕДЫ ОБ ИСТИННЫХ ПРИНЦИПАХ УПРАВЛЕНИЯ

Предисловие автора	85
------------------------------	----

ТОМ I

<i>Беседа первая.</i> ОБ ОБЩЕСТВЕ	87
I. О чувстве общности	—
II. Об «естественном состоянии»	88
III. Преимущества общественной жизни	90
IV. Чувство общности — следствие интереса или потребности	91
V. Долг общества — обеспечить своим членам счастливую жизнь	93
VI. Об общественном договоре	95
VII. Об обязанностях, о долге, о естественных законах	97
VIII. Естественные законы ясны и ощутимы	98
IX. Невежество — источник пороков и бедствий общества	99
X. Происхождение неравенства между людьми	100
XI. Средства против этого неравенства	102
XII. О взаимной помощи	104
XIII. Разделение интересов	105
XIV. Источник морального зла	106
XV. О законах	107
XVI. Законы гражданские, или позитивные	109

XVII.	Законы должны служить общей пользе . . .	110
XVIII.	О международном праве	111
XIX.	О взаимных обязанностях народов	112
XX.	Ошибки в политике	113
XXI.	Меры наказания, налагаемые всеобщими законами природы	115
XXII.	О праве	116
XXIII.	О том, что придает правам справедливость	—
XXIV.	О том, что разрешено и что запрещено законом	117
XXV.	О собственности	118
XXVI.	Собственность необходима	119
XXVII.	Об общности благ	120
XXVIII.	Опасности, которыми угрожает праздность	121
XXIX.	О справедливости	122
XXX.	Наказания и вознаграждения	123
XXXI.	Об истинном мериле наказаний и вознаграждений	—
XXXII.	Неравенство, установленное обществом	124
XXXIII.	Об общественных добродетелях	125
XXXIV.	Общественные добродетели необходимы	127
XXXV.	О задачах правительства	—
XXXVI.	Об истоках власти	128

Беседа вторая. О ПРАВИТЕЛЬСТВЕ 130

I.	Что значит управлять	—
II.	Полезность правительства	132
III.	Определение понятия «правительство»	—
IV.	Различия между правителями и подданными	—
V.	Происхождение правительства	133
VI.	Управление людьми существовало всегда	134
VII.	Польза общества — первоисточник верховной власти	135
VIII.	Происхождение аристократии	136
IX.	О завоевании	—
X.	Федеративные республики	137
XI.	Происхождение монархий	138
XII.	Неудобства монархии	139
XIII.	О демократии	140
XIV.	Неудобства демократии	—
XV.	Опасности аристократии	142
XVI.	О смешанных республиках	143
XVII.	О феодальном правительстве	144
XVIII.	О движущей силе республик	145
XIX.	Об ограниченной монархии	146
XX.	Об абсолютной власти	148
XXI.	Ни одна из форм правления не является совершенной	150
XXII.	Одна и та же форма правления непригодна для всех народов	151

XXIII.	Спокойствие в государстве не является признаком высоких достоинств его правительства	152
XXIV.	Могущество и богатство не являются доказательствами счастья	—
XXV.	О первоначальных основах власти	153
XXVI.	О реформах и революциях	155
XXVII.	В чем заключается доброта и гуманность правительства	157
XXVIII.	Общество должно проявлять терпение и снисходительность	159
<i>Беседа третья. О ПРАВИТЕЛЯХ</i>		
I.	Определение понятия «верховный правитель»	—
II.	Мотивы подчинения	163
III.	О законодательной власти	164
IV.	Об исполнительной власти	165
V.	Об основных законах	166
VI.	О наследственной верховной власти	167
VII.	О неограниченной верховной власти	168
VIII.	Естественные границы верховной власти	169
IX.	Доказательства существования этих границ	171
X.	Устраненные возражения	173
XI.	Согласие народа узаконивает власть	174
XII.	О теократии	175
XIII.	Злоупотребления теократического правительства	176
XIV.	Распущенность не может быть дозволена божеством	178
XV.	О божественном праве	179
XVI.	Факт обладания властью не может узаконить злоупотребления этой властью	180
XVII.	Народное представительство	182
XVIII.	Опасность волнений	183
XIX.	Общество всегда является хозяином верховной власти	185
XX.	Естественные вопросы	186
XXI.	Неограниченная, произвольная власть противостоит естественна	189
XXII.	О подлинной верховной власти	190
XXIII.	О привилегиях	192
XXIV.	О правах верховного правителя на собственность	194
XXV.	О праве вести войну	195
XXVI.	Верховный правитель несет ответственность за поведение своих министров	196
XXVII.	Законная верховная власть сохраняет свободу	197
XXVIII.	Верховный правитель должен быть близким народу человеком	198

XXIX.	Государь должен знать желания своего народа	199
XXX.	О представительных органах, связывающих государя и нацию	202
XXXI.	Верховный правитель не может не прислушиваться к голосу своего народа	203
XXXII.	Горделивые претензии некоторых государей	204
XXXIII.	О необходимости различать понятия «верховный правитель» и «верховная власть»	205
XXXIV.	Королевские прерогативы	206
XXXV.	Об этикете	207
XXXVI.	Подлинное величие государей	209
XXXVII.	Государи подчинены тем же нормам морали, что и остальные люди	211
XXXVIII.	О добродетелях государей	212
XXXIX.	О воспитании государей	216
XL.	Как отражается воспитание короля на счастье подданных	219
<i>Беседа четвертая.</i>	О ПОДДАННЫХ	222
I.	О гражданах, подданных и рабах	—
II.	О повиновении	223
III.	О границах повиновения	224
IV.	Аналогичные вопросы	225
V.	О воле нации	—
VI.	Об общественном недовольстве	226
VII.	О народных волнениях	228
VIII.	О причинах народных волнений	229
IX.	Гражданин должен быть терпелив	230
X.	Гражданин обязан оказывать послушание законам и сообразоваться с волей общества	231
XI.	О неравенстве между гражданами	233
XII.	Происхождение разных слоев общества	234
XIII.	Об общественных наградах	235
XIV.	О представителях нации	238
XV.	Какими должны быть представители нации	239
XVI.	Представители нации должны защищать интересы всех сословий	241
XVII.	О народе	242
XVIII.	Не следует угнетать народ	244
XIX.	Народом слишком часто пренебрегают	245
XX.	О просвещении народа	246
XXI.	Об армии	248
XXII.	Происхождение дворянства	252
XXIII.	Дворянская аристократия при феодальной форме правления	254
XXIV.	Падение дворянской власти	255
XXV.	Различия между дворянами и простолюдином	256
XXVI.	О действительных правах дворянства	260

XXVII. Следствия предрассудков, связанных с происхождением	261
XXVIII. О придворных	264
XXIX. О министрах	266
XXX. Обязанности и функции министров	271
XXXI. Испорченность королевских дворов	272
XXXII. О судейском сословии	276
XXXIII. О служителях религиозного культа	280

Т О М II

<i>Беседа пятая.</i> О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ, О НЕОГРАНИЧЕННОЙ МОНАРХИИ, О ДЕСПОТИЗМЕ И ТИРАНИИ	288
I. Определение деспотизма	—
II. О тирании	290
III. Признаки тирании	291
IV. О стремлении к господству	—
V. Происхождение деспотизма	293
VI. Причины рабства	294
VII. Следствия религиозных суеверий	295
VIII. Гордыня деспота	296
IX. Слабость деспота	299
X. Абсурдные принципы деспотизма	300
XI. Безумства деспотизма	301
XII. Могущество деспота непрочно	302
XIII. Патриотизм несовместим с деспотизмом	303
XIV. Влияние деспотизма на сельское хозяйство и торговлю	304
XV. Дворянство при деспотизме	305
XVI. Деспотизм уничтожает всякую справедливость	307
XVII. Большие государства особенно подвержены деспотизму	308
XVIII. Власть военного сословия ведет к деспотизму	309
XIX. Священнослужители — друзья деспотизма	311
XX. Влияние деспотизма на убеждения	312
XXI. Влияние деспотизма на науки	—
XXII. Влияние деспотизма на нравы	313
XXIII. Равнодушие деспотов	314
XXIV. Влияние деспотизма на характер народов	315
XXV. Действия деспотизма ведут к его собственной гибели	316
XXVI. О восточном деспотизме	318
XXVII. О смягченном деспотизме	319
XXVIII. Истинные признаки деспотизма	321
XXIX. Деспотизм нельзя назвать формой правления	324

XXX.	Деспотизм создает предпосылки собственной гибели	325
XXXI.	Противоречия деспотизма	327
XXXII.	Народы никогда не могут искренне примириться с деспотизмом	329
XXXIII.	Опасности, угрожающие тем, кто является носителем деспотизма	330
XXXIV.	Деспот страшится добродетели	332
XXXV.	Деспотизм не требует никаких способностей	335
<i>Беседа шестая. О СВОБОДЕ</i>		337
I.	О любви к свободе	—
II.	Что такое любовь к свободе?	339
III.	Свободу нельзя смешивать со своеволием или распушенностью	340
IV.	Причины потери свободы народами	341
V.	Опасности своеволия	342
VI.	Средства против своеволия	343
VII.	Свобода должна быть основана на разуме и добродетели	345
VIII.	Правильное понимание свободы	346
IX.	Преимущества, обеспечиваемые свободой государю	347
X.	Свобода выгодна всем гражданам	348
XI.	О безопасности	349
XII.	О добровольном налоге	350
XIII.	Свобода способствует развитию промышленности	351
XIV.	О религиозной свободе	353
XV.	Тирания нетерпимости	354
XVI.	О свободе печати	357
XVII.	О чрезмерной вольности в печатных произведениях	—
XVIII.	Проявление смелости в печатных произведениях	361
XIX.	Все народы имеют право на свободу	363
XX.	О борьбе политических группировок в свободных странах	366
XXI.	О всенародном счастье	368
XXII.	Где нет свободы, там нет и отечества	369
XXIII.	Никакое могущество не может быть устойчивым без свободы	371
XXIV.	Без свободы нет добродетели	374
XXV.	Об общественном мнении	376
<i>Заключение</i>		377
<i>Беседа седьмая. О ПОЛИТИКЕ ВООБЩЕ</i>		380
I.	Определение политики	—
II.	Одно и то же законодательство не может быть пригодным для всех народов	381

III. Одно и то же законодательство не может быть пригодным на вечные времена ни для одного народа	384
IV. Законы не могут быть вечными	385
V. О предрассудках, благоприятствующих институтам древности	—
VI. Пороки законодательств	387
VII. Законы должны изменяться в зависимости от потребностей государства	388
VIII. Философия приносит пользу политике	389
IX. В политике следует предвидеть будущее	391
X. Законы должны видоизменяться в зависимости от размеров территории стран	392
XI. Задачи законодательства	393
XII. Плохими и злыми людьми делают плохие законы	394
XIII. Средства, которые должна применять политика. О воспитании	395
XIV. Политика должна заботиться о нравах граждан	397
XV. Политика должна воспитывать государственных деятелей	398
XVI. Политическое равновесие	401
XVII. О народонаселении	—
XVIII. Причины обезлюдения	402
XIX. Заметки на ту же тему	404
XX. О сельском хозяйстве	406
XXI. О колониях	407
XXII. О налогах	410
XXIII. Об условиях налогового обложения	411
XXIV. О богатстве государства	413
XXV. О богатстве, приобретенном войной	414
XXVI. О торговле	415
XXVII. О могуществе, которое дает богатство	417
XXVIII. Торговля должна быть свободной	—
XXIX. О пределах торговли	419
XXX. О распределении богатства	—
XXXI. Исключительные привилегии	421
XXXII. Опасность лишенной ограничений торговли	—
XXXIII. О естественных пределах торговли	423
XXXIV. Непрочность процветания торговых наций	424
XXXV. О субсидиях	425
XXXVI. Об истинном счастье государства	426
XXXVII. О государственном займе	427
XXXVIII. Об основах займа	428
XXXIX. О финансах	429
XL. Политические руководители должны заботиться о всестороннем развитии общества	431
XLI. О полиции	433
XLII. О наказаниях	435
XLIII. О наградах	437

XLIV. Политические руководители должны проявлять заботу о нравах	439
XLV. О силе примера	440
XLVI. Влияние религии на политику	442
XLVII. Средства против религиозного фанатизма	444
XLVIII. О гражданской терпимости	445
XLIX. Резюме	447

Беседа восьмая. О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ, О ВОЙНЕ, МИРЕ, ДОГОВОРАХ и т. д. 449

I. Во взаимоотношениях народов должны иметь место те же нормы морали и долга, что и во взаимоотношениях отдельных индивидов	—
II. Источник политического разложения	451
III. Безукоризненная честность не может приносить вреда в политике	452
IV. О нравственности государей	453
V. О войне	455
VI. Безумие завоеваний	457
VII. О справедливой войне	458
VIII. Международное право ставит границы безумию войны.	460
IX. Причины частых войн	462
X. О воинском духе	463
XI. О военно-морских силах	465
XII. О союзах	—
XIII. О переговорах	466
XIV. О добросовестности в политике	468
XV. Забота об общественном благе является основным принципом политики.	471
XVI. О верности договорам	472
XVII. Можно ли нарушать верность договорам?	473
XVIII. Несправедливые договоры не могут связывать обиженную сторону	474
XIX. Эти принципы основаны на разуме	476
XX. Условия, которые делают договоры священными	478
XXI. Не существует власти, которая была бы учреждена для обуздания государей	479
XXII. О равновесии сил в Европе	480

Беседа девятая. О РАСПАДЕ ГОСУДАРСТВ 483

I. Как государства приходят к распаду	—
II. Падение древних империй	485
III. Ответ на возможное возражение	486
IV. Причины распада неограниченных монархий	488
V. Причины распада ограниченных монархий	493
VI. Причины гибели демократии	497
VII. Причины разложения государств с аристократической формой правления	499
VIII. Другие причины гибели государств	—

IX. О роскоши	500
X. Роскошь приносит вред населению	504
XI. Роскошь приносит вред воинскому духу	506
наций	507
XII. Роскошь расслабляет тела и души	508
XIII. Может ли роскошь приносить пользу?	511
XIV. Роскошь уничтожает нравственность	513
XV. Влияние роскоши на духовные способности	515
людей и искусство	515
XVI. Роскошь является злом, которое трудно искоренить	517
XVII. Роскошь неотделима от деспотической монархии	518
XVIII. О средствах ограничения роскоши	519
XIX. Роскошь явилась причиной гибели всех государств древности	521
XX. О преобразовании государств	522
XXI. Результаты воспитания государей	523
XXII. Об образовании и воспитании граждан	526
XXIII. Общественная власть должна содействовать моральному воспитанию граждан	529
XXIV. Государь—подлинный преобразователь государства	530
XXV. Общие выводы	537
Примечания	546
Указатель имен	548
Предметный указатель	553
Философские произведения Гольбаха	

Гольбах, Поль Анри

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ДВУХ
ТОМАХ. Под общ. ред. Х. Н. Момджяна. Пер.
с фр. М., Соцэкгиз. 1963. (Б-ка «Философское
наследие»)

Т. 2. 563 с.

1 Ф

Редактор *В. Костюченко*

Младший редактор *Ю. Митин*

Оформление художника *В. Максина*

Художественный редактор *В. Кузяков*

Технический редактор *Г. Смирнов*

Корректоры *Ю. Белякова, О. Выводина,*

С. Игнатова, Л. Севастьянова, О. Шарыгина

Сдано в набор 9 февраля 1963 г. Подписано
в печать 6 апреля 1963 г. Формат бумаги
84×108¹/₃₂. Бумажных листов 8,81. Печатных
листов 28,9. Учетно-издательских листов 27,45.
Тираж 10000 экз. Цена 1 р. 85 к. Заказ № 620.

Издательство социально-экономической
литературы.

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 5 Мосгорсовнархоза.

Москва, Трехпрудный пер., 9.

ИСПРАВЛЕНИЕ

**На стр. 529, семнадцатую строку снизу следует читать:
которая обеспечивает им лишь беспокойную власть**

Зак. 620

1953

CONTENTS - 1953